

Книга 1

ВОЯЖЁР

МАКС ГАТО

Кто же мог знать, что я — младший научный сотрудник огромной корпорации в Новой Москве будущего, без семьи и одной ногой на том свете — вдруг очнусь в теле молодого дворянина с сомнительной репутацией и скверным характером? Пусть пока ещё без магии, но тело полно сил, а жизнь открывает новые перспективы даже за тысячи километров от столицы Империи!

Вояжёр — устар. путешественник, от фр. *voyageur*.

Научная конференция в одном из залов корпорации «Астрал», расположенной в центре Новой Москвы, входила в завершающую фазу. Сегодня обсуждались проекты по межпространственному переселению разума и теории о мультивселенной в рамках текущих проектов научного отдела. Здесь присутствовали не только учёные, но и коммерческий директор с группой инженеров. Сейчас слово взял Павел Геннадиевич Астахов, пожилой мужчина со строгим взглядом и густой ухоженной бородой:

— Позвольте повторить, что если учесть самый простой уровень понимания метавселенной, то космос настолько велик, что логично предположение, что где-то еще есть другие планеты, точно такие же, как Земля. Фактически, в бесконечной Вселенной было бы бесконечно много планет, и на некоторых из них происходящие события были бы практически идентичны событиям на нашей Земле. Космическое видение ограничено скоростью света, а свет начал распространяться с момента большого взрыва, и мы не можем видеть дальше, чем на 14 миллиардов световых лет. Достигнуть других вселенных с помощью космического перелёта невозможно или практически невозможно. Мне представляется возможным лишь путь через удалённую загрузку сознания. Для более точной настройки в доступной нам системе коор...

Зачем человечество, ну или малая его часть, пытается найти другой мир? Любопытство, только и всего. Именно оно позволило найти ответ на многие вопросы прошлых лет — валорум.

Валорум — это прорыв в науке XX века. Элемент неизвестного характера, который существует в твёрдой и жидкой форме, был открыт при исследовании планет за границами Солнечной Системы. На наших же восьми планетах, как и на Менделеевском фронте, без перемен. Валорум позволил совершить скачок в отрасли космического кораблестроения, следовательно — освоении космоса, и, как ни странно, нейробиологии и физике.

— Не вижу повода для таких оптимистичных прогнозов, коллеги, — внёс свой вклад Олег Юрьевич Грачёв, коммерческий директор. — Если предположить, что мы сможем перенести сознание в, скажем, не известную нам Вселенную, то как быть с законами в этой самой Вселенной? Ведь она... хм... теоретически... может следовать принципиально разным математическим законам природы, чем, скажем, Наблюдаемая Вселенная. Тогда любая математически возможная вселенная, полагаю, имеет равную возможность фактического существования. И насколько будет коммерчески целесообразно продолжать этот... эксперимент по так называемой загрузке сознания? Ведь спрос на капсулы дополненной реальности растёт день ото дня. Предзаказы новой модели уже превысили все прогнозы наших экспертов. Можно же, скажем, перераспределить, да, перераспределить часть средств и ресурсов для...

Скучно. Последние разработки, доступные для общественности, кстати, представляют собой дополненную реальность в виде новых ММОРПГ полного погружения и прочих убийств времени и денег. Сома для хомо новус XXI века. Однако компания «Астрал» собрала ряд известных учёных-физиков и нейробиологов не для создания дивного нового мира, а как раз для осуществления проекта загрузки сознания и переселения в эти новые реальности. Не все в совете директоров с этим согласны, а уж рядовые сотрудники делят гранты при каждом удобном случае.

В зале, куда ни посмотри, сидит профессор или доктор наук с сотнями знаковых исследований и колоссальным стажем работы. Моя же не менее скромная персона является магистром технической аппаратуры и архива, профессором двух не прижившихся почек, доктором поиска подработки, лауреатом размышлений о стороннем и младшим научным сотрудником. Благо в круг моих обязанностей входит лишь контроль за записью конференции и, возможно, пара поручений после того, как старики потратят весь порох. А он уже на исходе. И заканчивал конференцию Игорь Александрович Сахаров:

— Ваши опасения, Олег Юрьевич, обоснованы, но отрицать научный интерес к области непознанного при вложениях нашей компании просто бессмысленно. Есть вероятность, что существуют Вселенные, которые находятся в том же пространстве и времени, что и наша собственная, но у нас просто нет возможности получить к ним доступ. Пока нет, но вы постоянно контактируете с такими Вселенными. Каждый момент вашей жизни, каждое решение, которое вы принимаете, вызывает разделение вашего настоящего «я» в бесконечное количество будущих «я», все из которых не знают друг друга. Или просто не могут контактировать друг с другом, но, если бы у человека потенциально имелась такая возможность... Но продолжить мы можем в следующий раз, — резко прервался Сахаров. — Друзья, сегодня был долгий день и мне кажется, что нам всем следует отдохнуть. Впереди ждут выходные, а к насущным вопросам мы можем вернуться в понедельник. Товарищей инженеров попрошу задержаться и провести замену валорума в энергосистеме капсул и еженедельную калибровку.

Профессор Сахаров — удивительный человек, с отличным чувством такта и времени. Он же и является моим нанимателем и патроном. По его рекомендательному письму мне пытались пересадить почку со скидкой. До этого уже была неудачная попытка. Заплатил всё, что было скоплено за последние несколько лет, но она не проросла. Славно, что моя бледность и худоба мало заботит знакомых и коллег, ведь все свои обязанности я выполняю исправно как швейцарские часы, а шрамы от игл, которыми меня регулярно обкалывают при очистке крови, скрывает обычная водолазка.

Пока я перепроверял запись конференции и обновлял информацию в архиве, мастодонты мысли начали медленно разбредаться по своим пещерам. Просторный зал с круглым столом по центру и панорамным окном с видом на железобетонные достижения гениев конструкторской мысли начинал потихоньку пустеть. Я закончил работу и стал собираться домой, когда меня окликнул Игорь Александрович:

— Михаил Андреевич, спасибо за работу. Не забудьте, пожалуйста, про отчёты, которые я отправил вам для ознакомления. Можете не спешить. Если закончите до среды, то буду очень благодарен. Хороших выходных и берегите себя.

Я изобразил улыбку на уставшем лице:

— Конечно, профессор. Всё сделаю. Всего доброго.

Вот и прошла ещё одна неделя в научно-исследовательском отделе корпорации «Астрал». Зал опустел, и я, взяв со стола пропуск, тоже отправился на выход. За дверью меня ждало стекло купола и круговой зал. Наверное, если не считать автостраду и верхний монорельс, то вид открывается сумасшедший. Новая Москва — это верхний ярус, построенный над Старым городом, где расположились здание городского правительства, элитные районы для жилья, престижные школы и офисы корпораций. После первого полёта в космос в 1961 году, дальнейшего обнаружения валорума и скачка технологий, началось строительство Верхнего города. Тогда здесь жила партийная элита, а сейчас, после двадцати

лет современной России, живет богема, политики, зажиточные горожане и их отпрыски. Снять жильё в Новой Москве нереально, а попасть сюда можно только по пропускам. Мой нужно один раз в месяц обновлять в офисе «Астрала».

В каком-то смысле мне повезло трудиться здесь, но работа, скорее, нашла меня сама, а оплата младшего научного сотрудника позволяет нормально жить лишь в нижней части столицы. Почка у меня, молодого и здорового — ладно, средних лет и не дряхлого — отказали внезапно и обе. Я не думал, что слабость, отсутствие аппетита и чувствительность к холоду — не от того, что я работаю шесть дней в неделю, а в седьмой проверяю тетради и сочинения, а от почечной недостаточности. В нижнем проходить гемодиализ муторно, дорого и больно, но иного выбора не было.

Год назад я смог попасть в клинику на верхнем уровне, а там была пересадка. Неудачная. Но в несчастье помог доктор, который рассказал о наборе сотрудников в «Астрал» и дал рекомендацию. Профессору Сахарову я на собеседовании рассказал всё как есть и добавил, что случай правит миром. Как объяснил Игорь Александрович, я фаталист, а не пессимист, и вообще, лишь половина моей судьбы зависит от фортуны, а остальная половина от меня. Думаю, Государь из меня бы всё равно не вышел. Вот и почка, полученная при поручительстве Сахарова, тоже решила мне не служить после пересадки. Бывает. Теперь коплю на биоинженерные образцы, которые стоят в два-три раза дороже, и пять дней в неделю занимаюсь мелкими поручениями, отчетами, работой в соавторстве и прочими делами в научном отделе. Нудно, однако платят больше, чем в Нижней Москве.

От грустных мыслей меня отвлекла панель вызова лифта. Жмем. Прозрачное стекло позволило пережить незабываемое ощущение свободного падения из шапки огромного гриба. Почему так? Здание корпорации — это гигантская полусфера, куда можно попасть только с помощью лифта. А опоры играют роль грибной ножки. По какой-то причине руководству приглянулось это строение в качестве конференц-центра, и тут проводятся почти все собрания. Хотя гонять людей из соседнего исследовательского центра по грибы для встреч мне кажется лишней тратой сил и времени. Могли бы связываться по-человечески, через личный терминал. Может быть, у начальства пунктик на споры лицом к лицу.

Вот и мой этаж. В лифте никого, а внизу всего пара человек. Нечего задерживаться в пятницу вечером на собраниях.

— До свидания, — попрощался я с охранником, пробиваясь на выход.

— Угу, — буркнул он что-то непонятное в ответ.

Странно, что институт охраны не изжил себя, даже когда компании повсеместно используют автоматизированную систему распознавания, сразу же реагирующую на несанкционированный доступ на территорию. Главное, чтобы система не замечталась. Например, об электроовцах. А с остальным справится.

Мне предстояла поездка по ночному Верхнему городу, благо оплату проезда берёт на себя компания. Большинство сотрудников предпочитает ездить на такси, но мне больше нравится монорельс. Их, кстати, в Москве два.

Строительство монорельса в Нижнем городе в нулевых сопровождалось крупными финансовыми и экологическими скандалами. Для возведения линии внизу снесли несколько парков, поставили пробные опоры и запустили поезд между двумя остановками. Потом количество станций было увеличено, и монорельс в Нижнем городе стал местной достопримечательностью. Деньги были потрачены немаленькие, зато появился способ

быстрого передвижения для простого люда. Но «быстро» не всегда приравнивается к «безопасно». Нижний монорельс за несколько лет превратился в пристанище людей без прописки, бродячих музыкантов, мелких воришек и мошенников. А сейчас и вовсе является лотереей, в которой вечером и ночью можно легко расстаться с кошельком или несколькими зубами.

Монорельс в Верхнем городе — совсем другое дело. Это высокотехнологичная круговая линия с поездами, курсирующими через равный промежуток времени и новыми чистыми вагонами. За билеты, что вдвое дороже, чем внизу, платить все равно не мне.

С такими мыслями я подошел к остановке, залез в удачно подъехавший поезд и устроился на крайнем сиденье. Еще один пассажир, спешащий по своим делам. Хорошо, что остановка находится от конференц-офиса в пяти минутах ходьбы. Вагон медленно тронулся, и в окне показался калейдоскоп ярких вывесок, скверов и причудливых высоток.

Через десять минут я снова стоял на улице, но уже напротив небольшого светлого ухоженного здания. Именно это не выделяющееся строение без вывески, больше похожее на жилой дом, и является моей клиникой последний год. Здесь, в небольшом кабинете, три раза в неделю я прохожу очистку крови. Иногда мне составляют компанию другие пациенты, но не думаю, что поздним вечером пятницы будет аншлаг. Все же большинство предпочитает приходить днём или утром, чтобы побыстрее отстреляться и освободить оставшийся день.

Передо мной бесшумно открылась дверь клиники, и я оказался внутри небольшой приемной. Встроенные лампы на потолке, слегка приглушенный свет, явно чтобы не раздражать ночных посетителей. Ну или работников. В глубине комнаты стойка администрации и два терминала. Слева и справа у стен расположены кресла для тех, кто ожидает свое время записи к специалисту или на процедуры.

У левой стены как раз расположилась семья из трех человек. Отец, мужчина средних лет в деловом костюме, с короткой стрижкой и эспаньолкой, о чем-то перешептывается с женой, которая выглядит бледновато. Дочь в это время читает электронную книгу. Надеюсь, что читает, а не смотрит какую-нибудь ерунду в местной Сети. Может, её мать — моя коллега по несчастью? Впрочем, это не так уж и важно. Мне назначено на восемь, так что ждать не придется.

За стойкой дежурит молодая девушка в белом халате. Не знаю почему даже администраторы их постоянно носят. Дежурная улыбка и такое же приветствие:

— Добрый вечер. Вы на сегодня записаны?

— Вечер, — спокойно здороваюсь я с девушкой, — на восемь.

— Тогда зарегистрируйтесь в терминале и проходите в указанный кабинет. Если возникнут трудности, то дайте мне знать, и мы их обязательно решим.

— Ага, — с безразличием в голосе ответил я и пошел забивать данные о посещении в терминал.

Интересная постановка рекомендации. Есть ли у меня трудности? Навалом. Почки лет шесть, примерно, не работают. Почти сразу после смерти родителей отказали. Сестра редко пишет, на работе завалы, в личной жизни беспросветный штиль. В общем, до Тортуги я не доплыву. А вот возникнут ли у меня проблемы в ближайшие четыре-пять часов? Вряд ли. Скорее всего, я просто просплю все время диализа и смело поеду домой, так что от помощи мне администратор отбрехала, ещё не начав помогать. Да и кто «мы?», пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич? М-да, что-то мысли совсем не в ту степь пошли.

Так, кабинет номер 1408 [1], как и всегда. Ну хорошо хоть, что не зал номер четыре [2]. А то у него плохая репутация.

Хотя пациенты без почек долго не живут. Вернее, живут относительно недолго. Средняя продолжительность существования составляет десять-пятнадцать лет, но это учитывая новую аппаратуру и в случаях, когда пациент действительно следит за здоровьем. Большая часть больных погибает из-за слабого иммунитета, и легкая простуда или насморк может запросто перерасти в воспаление лёгких, а пищевое отравление — в серьезные проблемы с желудком. Впрочем, надо отдать должное клиникам Верхнего города, здесь используют аппараты последних моделей, а иногда и экспериментальные образцы, так что, теоретически, продолжительность жизни при очистке крови не ограничена. Хочешь долго здравствовать? Ходи на диализ в клинику Верхнего, принимай дорогие лекарства, соблюдай диету, избегай недосыпа и стресса, и вуаля! Рецепт, мать его, бессмертия. Только билет зачастую стоит дороже, чем сама жизнь.

Я как раз подошел к двери кабинета и провел по сканеру рукой. Дверь открылась, внутри никого. Да, поздновато, ведь если прийти сейчас, то закончишь поздней ночью, а нужно еще добраться домой. Врачей внутри кабинета нет, процедура проходит автоматически, так что я сел в кресло у стены, откинул спинку, положил руку на подставку и нажал «СТАРТ» на панели быстрого доступа и прикрыл глаза. Нужно будет сходить в магазин в воскресенье, купить готовой еды, крупы и, может, немного фруктов. Долгий был день, мысли начали путаться, и я начал засыпать.

Мою полудрёму прервал звук распахнувшейся двери, и я открыл глаза. Где, говорите, тут кнопка вызова администратора? Кажется, появилась проблема, и мне теперь не поспать.

— Мишель, давно не виделись, чего это ты так поздно? — раздался мелодичный голос в палате. — Зато теперь можно будет поболтать, ты ведь не против? Конечно, не против, о чём это я? Пора, красавица, проснись...

— Пощади, — взмолился я. — Если уж ты начал учить стихи, то у меня, видимо, откажет почка.

Проблему зовут Граф. На вид ему около сорока, длинные русые волосы с сединой убраны в хвост, а носит он исключительно строгие брюки и рубашки. Впрочем, я никогда не видел его вне кабинета гемодиализа. Граф, в миру известный как Артём, талантливый художник и не менее талантливый болтун. Он из тех людей, что смотрят на небо и любят заглядывать за горизонт. Его завораживает будущее и космос. Он никогда там не был, но его видение поражает, хотя, казалось бы, что может быть красивого в мёртвом вакууме? Он будто проецирует свои мысли и чувства на бумагу, детализировано изображая планеты, корабли и Вселенные. Мечтатель, который смотрит на мир по-своему и дорожит собственной творческой философией.

Мы познакомились в этой клинике год назад в ровно таком же кабинете, а позже я узнал, что у него тоже не прижились почки. Три пересадки, но безуспешно. Деньгами судьбу не купишь. Впрочем, это несколько его не удручает, и Артём продолжает творить и терроризировать меня разговорами каждую встречу. Отделаться от него невозможно, разве что умереть, но это вряд ли остановит художника. Артём проспонсирует поиск Некрономикона, поднимет тебя из мёртвых, и вы всё равно поболтаете.

— А у тебя и так ни одной рабочей, — искренне улыбнулся Граф. — Опять предаешься бессмысленной рефлексии и копаешься в себе? Жизнь слишком коротка, нужно всё успеть.

— Кто понял жизнь, тот больше не спешит. Все вокруг лишь борьба и тлен. Дай

Морфею забрать меня в лучший мир.

— Когда настоящее оказывается слишком разочаровывающим, а люди вокруг слишком прагматичными, я вызываю в воображении свои видения будущего, и они заряжают меня энергией. Мои картины — это и есть моя Муза. На самом деле, очень часто люди обращаются ко мне, чтобы почерпнуть новые идеи. Им нужно полотно, которое отображает их взгляды и настроение. Я могу дать это им. Могу дать надежду, а зрителю остается лишь ухватиться за нее, как за соломинку.

— Да-да-да, нео-баталист, Верещагин [3] нашего времени. Как только продам почку, сразу же обращусь к тебе. И вообще, картина хороша тем, что её можно продать. Технически, твоя Муза уже тысячу раз мертва. Ты её породил, ты её и убиваешь, при этом раз за разом.

— Je suis celui qui suis [4], — многозначительно ответил художник и лёг на соседнее кресло. — И ничто человеческое мне не чуждо.

— Иногда я не уверен, что ты человек. — Я снова прикрыл глаза. — О чём говорить будем?

— Как ты относишься к Нижнему городу? — поинтересовался Граф.

Даже не знаю, что ему ответить. Я родился и прожил в нем всю свою жизнь. Меня никогда не пугает обложка, ведь не по ней нужно судить о книге. Работа учителем после университета только убедила меня в этой простой истине. Мы живём и умираем, а внизу или наверху — не так важно. Поэтому ответ очевиден:

— Напрямую.

— А как ты относишься к криминогенности района? — продолжил Артём, ерзя в кресле. — Бунтарский дух, *mon ami*, и отсутствие гармонии с собой и миром. Многие озлоблены и хотят в Верхнюю Москву, чтобы начать новую жизнь.

— Да, ты прав, — согласился я с товарищем по несчастью. — Все стремятся попасть наверх. Многие перестали считать Нижний своим домом и это... забавно

— Общество ставит тебе цели: хорошая работа, собственное жильё, машина и прочее, но не даёт возможностей достижения этих целей. В итоге мы получаем мотивированного и, как я сказал, озлобленного человека, ищущего удобный случай и подходящую жертву. Помогает лишь контроль за порядком, — по голосу Графа стало ясно, что он в своей стихии и рад поделиться мыслями. — Полагаю, преступность не перемещается с социальной или этнической группой, а концентрируется в одном и том же месте. Транзитная зона, пристанище, временность пребывания там обуславливает преступность. Я ведь уеду, моё-то место не здесь, только скоплю денег. Все же грабить или убивать в собственном доме ты не станешь? Не весь Нижний такой, я думаю, что есть и спокойные места, и неплохие люди.

— Ты не знаешь, но система наблюдения не работает там сколько себя помню, — поддержал я собеседника небольшой ремаркой, — Все камеры давно сняли и перепродали.

— Полагаю, что если преступники соберутся, например, грабить банкомат в пригороде, а над ним до этого повесят камеру, то камера проблему не решит. — задумчиво сказал Артём. — Мотивированные нарушители просто ограбят другой банкомат.

— Многие приезжают в Нижний, чтобы начать взлет, не осознавая, что лишь приближаются к свободному падению, — кивнул я, не открывая глаза. — Больше контроля, и будет всем мир и шоколадка?

— Если ты имеешь в виду социальный контроль в целом, то такая теория действительно существует, — согласился художник. — Люди со слабыми социальными связями скорее подвержены преступной активности. Эти связи, конечно же, можно укреплять. Полагаю,

поможет привязанность к родным, правильная оценка рисков, la foi, в бога или в себя, в конце концов.

— А «Святые» и «Сорвиголовы»? — возразил я.

— О, ты прав. А притворяешься бревном, — довольно проговорил Артём. — Думаю, что этот эксперимент подтвердит предвзятость в отношении детей разных социальных групп, в равной мере участвующих в криминальной активности, в любой школе верхнего города. Только одни будут «безобидно играть и веселиться», а другие «совершать ужасные преступления». «Святые» и «Сорвиголовы» подтверждают лейблинг во всей его красе.

От продолжения мысли Графа отвлек звуковой сигнал аппарата об окончании диализа. Моя рука освободилась от пут бездушной машины, неспособной написать симфонию, а мозг — от оков живого организма, способного создать бесценное произведение искусства или заговорить тебя до смерти. Хотя себе-то можно признаться, что Граф отличный собеседник и время с ним летит незаметно. Тем не менее, нужно прощаться.

— Ладно, я устал, окончен бой. — Я улыбнулся, вставая с кресла и неспешно разминая ноги.

— Ну вот, уже улыбаешься, а то тлен, смерть и прочая жуть. Жизнь переиграть не получится. Во всех смыслах, — похвалил меня художник.

— Я и не пытаюсь. — Картинно отмахнувшись от Артема, я направился к выходу. — Увидимся, Граф.

— Само собой, с меня портвейн, — ответил мне художник.

— Ага, — завершил ритуал прощания я.

Но ни мне, ни ему этот портвейн никогда не попробовать. Как, впрочем, и любой другой алкоголь. Организм и так не справляется, незачем ему в этом помогать. Остается только придерживаться одного и того же ритуала. При каждой встрече Граф обещает мне что-нибудь принести или рассказать, а я никогда не говорю «прощай». Желаем друг другу не сдохнуть, короче говоря. И ведь работает. Ну и кто там бубнит, что магии не существует? Правда, когда увиделись на прошлой неделе, он действительно принёс мне два пропуска А-класса в Малый Лунный Театр. Я, как человек простой, предпочитаю кино. Но по таким билетам пустят и в театр, и в Верхний квартал. Оба пропуска лежат дома в тумбочке и собирают пыль до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Можно ли назвать нас друзьями? Пожалуй, настолько, насколько могу дружить я и человек, переживший два десятка таких же собеседников, как я. На самом деле, Граф боится, но не может признаться себе в этом. Он пережил слишком много знакомых. Двадцать лет — колоссальный срок для человека без почек и без надежды на операцию. Он видел, как гасли те, кто сидел в соседнем кресле. Когда-то они учились и работали, радовались и злились, любили и ненавидели. Наверное, я ошибся, когда сказал, что он никогда не был в космосе, ведь Граф один из немногих, кто по-настоящему видел, как гасли звёзды. Именно поэтому его и тянет в безжизненный вакуум — туда, где не будет страха и боли.

С такими мыслями я спустился на первый этаж, прошел по коридору в приемную, а затем меня встретила ночная прохлада Верхнего города. Ну что? Пора домой.

[1] Художественный фильм ужасов 2007-го года.

[2] Рассказ американского писателя Стивена Кинга.

[3] Русский художник, живописец-баталист. Будучи дворянином, окончил морской кадетский корпус, но все же выбрал профессию художника. Путешествовал по Средней

Азии, Сибири и Китаю, создав ряд картин, посвященных теме войны, для чего нередко сам находился вблизи боевых действий.

[4] Я тот, кто я есть (фр.).

Ночь, улица, фонарь, аптека напротив моего дома. Аптека, правда, уже закрыта. Ну или скоро откроется. Это зависит от точки зрения. А вот ветхость моего жилища — вполне себе объективное явление. Дом был построен в 1960-е и с тех пор ремонтировали его лишь однажды, но ремонт, судя по всему, был косметическим. Трехэтажка раньше была общежитием для рабочих соседней фабрики, но предприятие закрыли задолго до моего переезда сюда.

Снимать комнату намного дешевле квартиры, да и преимуществом этого жилья был район, а не планировка. В любое время дня и ночи отсюда или сюда можно свободно и, главное, безопасно добраться. Это, а также небольшой парк и «зелень» района в целом, склонили меня к съёму однушки именно здесь. Ну и монорельс недалеко, так что опоздания на работу бояться не приходится, даже учитывая пересадку перед Верхним городом. Пропускную систему никто не отменял.

Открыв железную дверь ключом, тихо произнёс: — Тадайма. — Да, я считал своим домом всё старенькое здание от крыши до подвала, ведь на крыше стоит громоотвод, а в подвале душ.

Ответила мне, как ни странно, не тишина, которая должна бы стоять в доме ранним утром субботы, а диссонанс звуков. Где-то за дверью, ведущей на первый этаж, слышался крик двух, нет, кажется, трёх жильцов. Слова не разобрать, что к лучшему. Со второго же я отдаленно слышал электрогитару. Твою ж, мне же на второй. Хоть бы будущий Маврин [5] играл не с моей стороны коридора, иначе мне не уснуть.

Поднимаясь по лестнице, заметил, что звук становится громче, а надежда окрыляет. Открыл дверь, вышел в коридор, и да, я везунчик. Ну, насколько может везти человеку с отказавшими почками. Но эта битва за мной, я всё-таки живу в дальнем конце коридора, в крайней комнате, так что, аккуратно пробираясь мимо выставленного в проходехлама наподобие коробок, пакетов и тапочек, я чувствовал радость. Отосплюсь. Однако перед дверью свернул налево, прошёл мимо кухни к умывальнику. Помыл руки и привёл себя в порядок. Возвращаясь в коридор, неожиданно услышал женский голос:

— Доброе утро, Миша.

Ну не заметил я свою соседку, с кем не бывает.

Я повернулся на голос и увидел молодую девушку на стуле с сигаретой в руках. Вообще, по правилам, на кухне не курят, но курят здесь постоянно. Вот такой парадокс. Анна выглядит уставшей, что неудивительно. Она преподаёт иностранные языки в той же школе, где я раньше работал. Я помог ей с рекомендациями, когда освободилась должность. Стаж преподавания у неё был небольшой, но местных детей она натаскала так, что вместо «привет» я чаще слышу «bonjour», «hello» или «hola». Анна знает шесть или семь языков, хотя я могу ошибаться, никогда не считал. Так что в школе она прижилась без проблем, всё же закрыть одним учителем вакансии для нескольких специалистов может не каждая администрация.

Тёмно-русые волосы свободно спадают на плечи, на худой фигуре опрятно сидит пижама кигуруми, лицо бледное, как, впрочем, и у меня. Выглядит мило и по-домашнему, а в живых серо-голубых глазах, поймавших мой взгляд, теплится игривый лазурный огонек.

— Утро, Анна, — наконец, опомнился я.

Засмотрелся, с кем не бывает. К тому же, я и так всегда витаю в облаках. Это было особенно заметно в мою бытность учителем, когда синие шторы и скрывающиеся за ними смыслы магическим образом приводили к подробному рассказу об интересных фактах о том или ином произведении или нюансах биографии автора. За этим обычно следовал школьный звонок... ладно, что-то я опять углубился в собственные мысли.

— Тебе там вечером почта пришла, — улыбкой Аня растопила холод моих дум. — Я не достучалась и положила у порога.

— Спасибо, — кивнул я ей с благодарностью.

— Не за что, — девушка сцепила руки в замок на коленях. — Ты совсем в последнее время заработался. Я тебя, кажется, почти месяц не видела, а мы живём рядышком.

Ладно, чего я мнусь, мне же двадцать шесть, а не шестнадцать. Действительно засиделся в кабинете, а билеты в театр залежались в тумбочке. Как-то быстро я решился. Видимо, Граф с его «жизнь не переиграть» на меня так влияет.

— Ты любишь театр? Мне знакомый два билета подарил, хочу сходить с тобой.

Пауза, сердце, кажется, пропустило пару ударов. Фух, согласится. Аня на мгновение задумалась, но слегка покрасневшие щеки выдали мне ответ ещё до того, как она его озвучила:

— Театр? — моя собеседница отвела взгляд в сторону, — Давай... но мне нужно посмотреть расписание. И заранее проверить тетрадки. И, то есть, это в выходной? И...

— Отставить панику, рядовой! — прервал я поток мыслей девушки и слегка ухмыльнулся. — Да, в выходной. С тетрадками я помогу. А в остальном, даже если ты будешь в пижаме, то я просто подберу себе подходящие к ней мягкие тапочки. А сейчас — докурить сигарету и идти спать. Детали обсудим позже. Это приказ.

— Есть, то есть да, — согласилась Анна и широко мне улыбнулась, от чего на ее щеках проступили милые ямочки. — Спокойной ночи, Миш.

— Спокойной, — облегченно выдохнул я и проследовал к двери своей каморки.

Теперь осталось глянуть, что там пришло, и можно закончить этот день. Моё тощее тело и полная мыслей голова требуют сна, желательно до обеда. Так... оплата счетов, газета и письмо. От сестры. Ну наконец-то, вот теперь этот день стал лучшим за последние месяцы. И начинающий Хендрикс [6] со своей гитарой успокоился. Аллилуйя.

Моя комната совсем небольшая и является одновременно прихожей, спальней и гостиной. Напротив входа под окном стоит диван, справа у стены шкаф, а слева кухня с холодильником, парой стульев и столом, который одновременно обеденный и рабочий. На нём же и стоит чудо инженерной мысли прошлого века — микроволновка. Почему на столе? Он большой, ему видней. Монохромные обои тёмно-синего цвета слегка обшарпаны и в некоторых местах отклеиваются от стены. Перед окнами на серебристом карнизе висят старые потрепанные шторы. Покупать вместо них тюль или занавески я не стал, так как предпочитаю приватность.

Я снял лёгкую куртку, кроссовки, положил письма на стол и начал искать футболку в шкафу. Ага, вот эта вроде чистая. Корреспонденцию оставляю на завтра, то есть на сегодня. Хотя, я же ещё не спал, значит, не считается, и всё-таки на завтра. Если бы у сестры возникли проблемы, то она бы связалась со мной по Сети. Так быстрее и надёжнее.

Общение письмами — давняя и теплая традиция, которую не смогли прервать ни расстояние, ни смерть родителей, ни моя болезнь, ни куча других трудностей жизни. Мы пишем друг другу, рассказываем о последних новостях, делимся радостью и печалью, а

отправленные письма всегда будут напоминать друг о друге, даже когда одного из нас не станет. Не буду показывать пальцем — кого.

Подойдя к холодильнику, не глядя достал контейнер с едой и поставил его в микроволновку. Готовить я почти перестал год назад, как сменил работу. Времени мало даже на сон, да и доставка домашней еды на три дня вперед кажется мне отличной альтернативой времени на кухне. По крайней мере, могу удивляться тому, что мне приготовили в этот раз, или взять контейнер с обедом на работу. По-другому три раза в день я есть не успею и придется доедать «лишние» порции в выходные. Готовить я могу тоже только в субботу-воскресенье, а именно в это время на общей кухне не продохнуть. Ладно, пора приниматься за еду.

— Итадакима... — мой маленький ритуал прервал протяжный стон сверху. — ...су... какого?!

Сейчас пол пятого утра, а эти кролики решили устроить марафон? Но моё почти немое возмущение никак не повлияло на игривое настроение соседей сверху. Более того, создалось стойкое впечатление, что кого-то начали с остервенением вбивать в стену. Я постарался быстро доесть ранний завтрак — или поздний ночной перекус — и решил, что нужно действовать. Такое неуважение к своей избушке на курьих ножках я простить не смог, и с огнём в глазах, горя возмущением и праведным гневом... пошёл чистить зубы. Ну а что? Судя по звукам сверху, там сейчас пробьют дыру в другой мир. Хоть бы Инферно, тогда их кригане [7] сожрут, и дело сделано. А я спокойно посплю.

Но главный сюрприз ждал меня, когда я почистил зубы и вернулся в комнату. Нет, Ксенофлекс [8] не явился в наш мир, потому что шанс того, что после прихода демонов будет гробовая тишина, равен, дайте посчитать, примерно нулю. Но факт налицо: марафон оказался забегом на сто метров. Четыре с половиной минуты, а я засекал, и мир и покой вновь воцарились в моей обители. Всё, теперь точно спать. Будильник ставить не стану, посплю подольше.

Как только моя голова коснулась подушки на диване, я тут же отключился. Ничто не сможет испортить этот день.

Сначала был звук. Далекий звон, который никак не прерывался. С каждой секундой он становился громче и начинал бить мне в уши и резать мой мозг. Затем пришёл вкус. Неожиданно и неотвратно. Я смог уловить металлический привкус во рту. Третьим пришло осознание. Не чувствую правую руку. Не могу ей пошевелить. Не двигается. Четвертым всадником стала боль. Голова трещит и грозит расколоться на тысячи осколков. После проснулось обоняние. Странно. Пахнет едой. Картофель и рыба. Веки не слушаются. Никак не открыть. Трудно. Получилось. Потолок чем-то похож на мой. Последним было слово:

— Утро, — с трудом простонал я и попытался дотянуться до будильника.

Почему он никак не заткнется? Бесит. Стоп. Я же его не заводил. Это входящий, вдруг понял я и тут же ответил на звонок:

— Слушаю.

— Михаил Андреевич, доброе утро, простите, что разбудил. — Голос профессора Сахарова подействовал как ведро холодной воды. — Уделите мне минутку вашего времени?

— Слушаю, — повторил я.

— Я постараюсь быть краток, Михаил. У нас случилась крайне неприятная ситуация, и необходима ваша помощь. Я понимаю, что суббота ваш законный выходной, но весь дискомфорт компания и я лично обязуемся возместить материально. Ничего

сверхъестественного делать не придётся, но детали я смогу сказать только в лаборатории. Решение нужно принять сейчас и подъехать в самое скорое время.

— Собираюсь, профессор. Скоро буду, — я не стал медлить с ответом.

— Да-да, конечно. Спасибо, Михаил. Жду вас, — попрощался Сахаров.

Мой понедельник начинается в субботу, в семь утра. Но беспокоиться я начал вовсе не из-за внепланового рабочего дня, такое случалось и раньше, и не из-за звонка профессора, хотя это было очень необычно. Меня тревожили две вещи.

Во-первых, чрезвычайные происшествия случаются в научном отделе «Астрала» не так уж и часто, как может показаться на первый взгляд. Не вовремя сданный отчёт или проваленное испытание всё же таковыми не считаются, потому что неудача для учёных — тоже результат, который можно проанализировать, сделать выводы и, в конце концов, исправить. А за провал дедлайнов — просто наказать рублём или другим способом.

Однако чрезвычайные ситуации, с другой стороны, это уже исключительный случай. Сахаров всегда идеально подбирает слова и не бросает их на ветер. Если мне было сказано, что я могу помочь, значит, все варианты решения затруднительной задачи до меня были рассмотрены и отвергнуты. Или провалились. Я же являюсь следующим оптимальным решением либо его частью. Наверняка есть планы и не касающиеся моей скромной персоны, но надо — значит, надо.

Опаснее выглядит «во-вторых». Профессор опускает отчество крайне редко, а уж к своим сотрудникам всегда обращается как положено. Сахаров волнуется, а когда волнуется начальство, то задевает в основном подчинённых.

Ладно, будь что будет. Прибавка к зарплате никогда не повредит.

Пока мозг перебирал варианты и взывал к инстинкту самосохранения, тело на автопилоте приводило себя в порядок и собиралось. Так что через десять минут после звонка я был одет, обут и собран. Собран морально, а не физически, потому что два часа покоя являются нормой только для любителя особых извращений в форме полифазного сна, а я к последним не отношусь.

Я позвонил профессору за десять минут до прибытия, и Игорь Александрович ждал меня у входа в лабораторный комплекс, тот самый, что располагался в паре минут ходьбы от конференц-центра. И в отличие от переговорной, он был похож на мечту футуриста, а не грибника-садовода. Высотное здание из бетона и стекла, чем-то отдаленно напоминавшее по форме Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Быть может, архитекторы вдохновлялись именно им, но всё-таки добавили небольшое касание современности. Больше стёкол, света и меньше этажей. Перед зданием расположена небольшая площадь, где всегда ветрено из-за высоты, потока машин и движения монорельса. Роскошь в виде свободного пространства прямо перед зданием показывала статус ничуть не хуже, чем шестьдесят этажей исследовательского центра и белый гриб-переросток по соседству.

Пропускной пункт представлял собой раздвижные двери с системой видеонаблюдения и сканером, который было необходимо пройти на входе и выходе из здания. Сканеры, кстати, располагались между небольшими будками для охраны. Половина из них в выходные пустует. Я уже упоминал любовь «Астрала» к живым сотрудникам, и лаборатория не являлась исключением.

В просторном холле за входом меня и подждал Сахаров. Здесь было немногочисленно, в субботу у большинства учёных выходной. Нет, это не значит, что они не работают, просто делают это дома. Конечно, никакие разработки или ценные документы за пределы

территории корпорации выносить не следует, но мелкую отчётность и написание научных работ или книг никто не отменял. А исследователи, как известно, самые дотошные графоманы. Чего только стоит запрос «Валорум, наука» в Сети. Тут же найдётся десяток сайтов с сотнями исследований по перспективам, причинам, потенциалу и прочим темам, уже изученным вдоль и поперёк.

— Доброе утро ещё раз, Михаил, — поприветствовал меня кивком Игорь Александрович. — Спасибо, что приехали так скоро. Давайте не будем терять времени и проследуем на этаж с прототипами, а в курс дела я введу вас на ходу.

— Конечно, профессор, — ответил я и мы вместе проследовали к лифту. По пути мне тут же начали давать инструкции и проводить ликбез.

— Михаил Андреевич, вы хорошо знаете, что вчера после конференции планировалась стандартная и несомненно необходимая проверка капсул и замена жидкого валорума в их энергосистеме, — затараторил Сахаров, заходя в лифт. — Инженеры, наши коллеги, провели всё согласно предписаниям и инструкциям, больше деталей я вам пока сказать не могу. Старые модели прошли проверки успешно, функционируют согласно прогнозам аналитического отдела даже с учетом минимальных отклонений в мощности. Тем не менее, возникли некоторые трудности с последними прототипами. Вы ещё не были на этом этаже, так как специфика вашей работы никак не связана непосредственно с капсулами. Вы ведь в основном работаете с документами и архивом.

— Ага, — подтвердил я безразлично.

Мы вышли на сорок третьем этаже и уткнулись в широкую дверь с гермозатвором. Профессор открыл её своим пропуском, а затем по нам обоим пробежала сетка сканера.

— Не переживайте, я дал вам доступ утром, — уточнил Сахаров, когда мы вошли и повернули направо. — Михаил Андреевич, что вы знаете о принципе работы наших капсул?

— Игры? — предположил я, пожимая плечами. — Грубо говоря, наш смоделированный разум переносится в виртуальное тело, в котором можно чувствовать и жить как в реальности?

— Не совсем точно, но близко, — похвалил меня профессор. — Ещё до открытия валорума учёные отмечали, что физические законы допускают создание человечеством электронно-вычислительных машин гораздо большей мощности, чем компьютеры, которые существовали на тот момент. Нужно уточнить, что эти аппараты были бы размером с целую звездную систему, но смогли бы, подчеркиваю, симулировать разум и ощущать себя, как мы.

Мой мозг с самого утра еле поспевал за ходом мысли профессора, спотыкаясь при каждой попытке сосредоточиться. Так что я просто позволил Игорю Александровичу говорить, не сбивая его неуместными вопросами и надеясь, что вся эта информация мне когда-нибудь пригодится.

— Большая часть вычислений и мышления могла бы происходить внутри подобного компьютера, — продолжил с интересом объяснять ученый, — Валорум позволил сконструировать ЭВМ колоссальной вычислительной мощности, и, хотя рано говорить о создании целой Вселенной, нам удалось задать исходные данные для создания мира в симулированной реальности с помощью взаимодействия понятных нам элементов, таких как фотоны, кварки и глюоны. Конечно, сейчас самым известным примером называют наши игровые миры, которые росли отдельно и под постоянным чутким контролем. Но это всего-навсего игрушки для бизнесменов и инвесторов. Но не для ученых.

Под нескончаемый инструктаж профессора мы прошли по коридору с белыми слегка

светящимися стенами и оказались у ещё одной двери, но уже без гермозатвора. Дверь открылась перед Сахаровым сама, и он махнул рукой, показывая мне, чтобы я не задерживался и проходил. Странно, что других дверей, пока мы шли по коридору, мной замечено не было.

Моему взору открылось просторное серое невзрачное помещение. Вниз вела аккуратная лестница, а ещё одна находилась справа после спуска и поднималась к импровизированной комнате наблюдения, образуя второй ярус. В ней за стеклом можно было увидеть несколько сотрудников в форме корпорации. Нет, не в военной, а в специальной форме для различных полевых испытаний, с которой я был знаком только по снимкам в базе данных. Я вокруг себя поля не наблюдал, но зато видел непонятную аппаратуру у левой стены и капсулу по центру комнаты. Хотя она была больше похожа на челнок с картин Графа, а не на устройство для человека.

Во-первых, инженерное чудо было в три-четыре раза крупнее обычной капсулы. Во-вторых, из-за него выглядели скрученные в спираль прозрачные трубки, светящиеся валорумом, то есть бирюзовым цветом. В-третьих, я передумал, и эта конструкция похожа не на шаттл, а на футуристичную железную деву, только с удобным сиденьем и шлемом внутри. С другой стороны, перед средством пыток не будет стоять интеллигентный лаборант в очках, ожидающий меня и профессора. Ну, не будем томить.

— Кстати, если способы переноса сознания в виртуальный, простите, симулированный мир уже существуют, то для чего нужны экспериментальные модели, вроде этой? — спросил я, спускаясь по лестнице. — Да и ваши коллеги со скепсисом относились к возможности капсул пробить путь за пределы нашей реальности.

— Мои коллеги, Михаил, действительно считают, что шанс встретить другую жизнь или попасть в иную Вселенную заключается в освоении космоса. Их интересует добыча валорума и бесконечная штамповка новых обновлений для игр, — начал рассуждать Сахаров, следуя за мной к капсуле. — Многие называют их виртуальными, не улавливая разницы с симуляцией. Теоретики, а не практики. Ладно, вы и так подписывали контракт о неразглашении, так что как-нибудь дам вам почитать отчёты по теме. Там, конечно, многое замазано, но будет полезно. Валорум толкнул вперёд науку сразу в нескольких областях, а Симулакрон-2, прошлая тестовая группа инженеров и ученых корпорации «Астрал», смогла найти способ загрузки сознания в подобную симулированную вселенную с помощью капсул. Поэтому нельзя отрицать возможность загрузки сознания в реальность, параллельную нашей.

— А что вообще случилось с той группой?

— Первые эксперименты с переносом сознания были провальными. Они привели к тому, что у человека в капсуле происходила постепенная замена нейронов. Если посмотреть глубже, то происходила деструктивная загрузка, личность и память человека стирались вследствие повреждений мозга. И, несмотря на пункт о неразглашении, информация о неудачах и жертвах утекла в СМИ. Все последующие проекты засекретили.

Видимо, мое лицо впервые за всё утро выразило хоть какие-то эмоции кроме вселенского безразличия и безграничной усталости, раз профессор поспешил рассеять беспокойство:

— Не переживайте так, у нас с вами будет самая обычная калибровка. Сейчас же процесс абсолютно стабилен, физическая структура мозга пользователя сканируется при первоначальной настройке капсулы, а затем в симулированной реальности создается

имитация психического состояния пользователя, включая долговременную память и самосознание, в новой оболочке. Найти кого-то подходящего в рамках научного отдела «Астрала» довольно сложно, потому что экспериментальная капсула была настроена под определённые антропометрические данные и психологический портрет, а оба наших испытуемых были на неопределенный срок. Так что вы идеальный вариант. Вас подключат, а через час вернетесь в реальность. Воспринимайте себя как Чжуан Чжоу. Вы уснете, вам приснится порхающая бабочка, а потом снова проснетесь.

Успокоить меня у профессора не получилось. Это, справедливости ради, из-за того, что я и не волновался. Просто я знаю эту историю. Чжуан Чжоу увидел во сне, что он был бабочкой, беззаботно порхающей вокруг. Будучи бабочкой, он не осознавал, что он Чжуан Чжоу. Вдруг он проснулся и безошибочно ощутил себя в теле Чжуан Чжоу. Но он не знал, был ли он человеком, которому снилось, что он бабочка, или бабочкой, которой снится, что она человек. И я почему-то уверен, что профессор тоже знает эту историю. Нужно побыстрее закончить калибровку и поехать спать.

— Ладно, — я пожал плечами. — Запускайте ваш туннель под миром.

— Как скажете, Михаил, — Сахаров похлопал меня по плечу. — Тогда раздевайтесь, мы погрузим вас в капсулу и проведем несколько тестов. Вы в это время будете без сознания.

Я разделся догола и, бросив одежду на пол, подошёл к крышке капсулы. Мою одежду тут же подхватил лаборант в очках и отнес в соседнюю комнату, туда, где расположились наблюдатели. Профессор Сахаров тоже начал подниматься по ступеням. Лаборант вернулся вниз и помог мне забраться и лечь в капсулу, а затем негромко проинструктировал:

— Я сейчас закреплю вас. Вам нужно дышать ровно, не пытаться вставать и не дёргаться. Голову держите прямо, шлем автоматически опустится, и как только это случится, вы почувствуете несколько уколов в затылок и шею. Так происходит только при первичной настройке. Затем капсула начнёт заполняться раствором, а вы провалитесь в сон. Это кислородная маска. Теоретически, в растворе можно дышать, но профессор попросил именно маску. Что ещё? Вроде ничего не забыл. С Богом.

Он отошёл, а крышка капсулы медленно и неотвратимо начала закрываться. Я никогда не страдал клаустрофобией, так что пусть закрывается, мне-то что. Вот клоунов я боялся, правда, в детстве, и это как-то прошло само собой с годами. А если рассматривать другие страхи, то у меня есть панацея в виде русского фатализма и отсутствия двух почек. Первое помогает от танатофобии [9], а второе от апейрофобии [10]. Жить вечно я точно не буду. Мне кажется, или я пропустил уколы? Шлем вроде на мне, а иголки не чувствую. Ну и ладно, мне же лучше. Нужно ровно дышать, не дёргаться и... кажется, сознание действительно начало меня покидать...

[5] Сергей Маврин — талантливый российский гитарист из группы «Маврин».

[6] Тот, что Джими. Известный американский музыкант.

[7] Раса-антагонист во вселенной игры Мир меча и магии.

[8] Правитель криган из вселенной игры Мир меча и магии.

[9] Страх смерти.

[10] Боязнь вечной жизни.

Утро в Подмосковном поместье младшей ветви Львовых выдалось обыденно суматошным. Небольшое по меркам богатых дворян здание с добротными каменными стенами и двумя длинными флигелями редко являлось образцом спокойствия, особенно по сравнению со старым и тихим Львовским парком по соседству.

Этот парк долго оставался необустроенным, однако в какой-то момент его решил облагородить отец нынешнего главы рода Львовых, чтобы у его детей и детей слуг из подобравшейся близко к поместью деревни было место для игр и прогулок. Уже тогда он шутил, что с большим удовольствием облагородил бы своего бесшабашного сына, который то и дело влезал в неприятности.

С тех пор прошло больше тридцати лет, и теперь тот самый не молодой и уже не бесшабашный наследник, Андрей Ростиславович Львов, сам возглавлял младшую ветвь рода и нередко «сбегал» в уютный парк, когда его дети вели себя уж чересчур невыносимо. Да и своего покойного предка он теперь вспоминал с благодарностью и пониманием.

Дети — цветы жизни. Но георгины или тюльпаны выглядят красиво и не закатывают скандалов и истерик, в отличие от его младшего сына, Святослава. Вот и сегодня поместье в Солнечногорске не обошлось без криков из восточного флигеля, где находились комнаты Святослава и его брата Георгия.

В отличие от брата, Георгий был спокойнее и сдержаннее. Возможно, дело в том, что старший сын уже три года учился в Московском государственном университете магических искусств и у девятнадцатилетнего парня не было времени и сил на возмущение или выяснение отношений со слугами. В конце концов, студенты университета в Москве были нагружены учебным материалом так, что даже в редкие выходные многие из прилежных учеников и будущих великих магов Российской империи предпочитали отсыпаться. Возможно, дело было в возрасте, ведь Святослав младше брата на три года. А, может быть, понимание того, что в плане магического развития шестнадцатилетний юноша находится на одном уровне со старшим братом, вскружило Святославу голову.

Так или иначе, этим утром Андрей Ростиславович нашел в своем плотном графике полчаса на прогулку на свежем воздухе, сославшись на то, что он в последние недели уж слишком занят, и под понимающие взгляды слуг, бросаемые в сторону хозяина поместья по пути на улицу, выскользнул на природу. Желание подышать свежим воздухом у мужчины подозрительно совпало с громкими возгласами со стороны комнаты Святослава, поэтому он не стал свидетелем очередной истерики своего сына.

— Нет, вы только посмотрите на это! — негодовал стоящий перед зеркалом Святослав. — Это... это... это абсолютно, очевидно, беспрекословно возмутительно!

Молодой человек смотрел с недовольным лицом на свое отражение в широком резном зеркале. Темные волосы юноши были уложены назад и доставали до плеч, серые глаза прищурены, а тонкие губы сомкнуты в презрительной усмешке. Сам Святослав, одетый в серый парадный костюм, периодически поворачивался из стороны в сторону, то и дело бросая многозначительные взгляды на пожилого слугу, смиренно стоявшего в углу графских покоев.

— Вась! Ты только посмотри! Нет, ты посмотри на эту отвратительность! — попытался найти поддержку молодой человек, не унимая гневный тон. — Я сын графа Львова и

будущий архимаг, а мне присылают вот это?! Что ты молчишь, что это вообще такое, а?!

— Парадный костюм, ваше сиятельство, — с невозмутимой сдержанностью ответил слуга.

— Да я вижу, что это костюм! Но что это за костюм?! — никак не мог успокоиться юноша.

— Это костюм известного итальянского бренда из смеси шерсти, шелка и льна, ваше сиятельство, — все так же умиротворенно отрапортовал камердинер. — Вы заказали его в бутике в центре Москвы неделю назад, и он давече прибыл курьером.

— Да я вижу, что итальянский костюм, но я сейчас не об этом, — произнес Святослав, презрительно разглядывая беззащитный предмет гардероба в зеркале. — Какого он цвета? А?!

— Предположу, что цвет соответствует указанному на бирке, ваше сиятельство, — с серьезным видом продолжил Василий.

Старое морщинистое лицо верного слуги Львовых не выражало ничего кроме почтения, и он, как и пятьдесят лет назад, держал спину ровно, являя собой второй островок душевного равновесия в поместье Львовых. Наравне с парком, очистку и реставрацию которого он застал лично.

Святослава подобный ответ не устроил, и тот, сжав губы еще сильнее, сначала повернулся к слуге и покачал головой, а затем сделал несколько оборотов перед зеркалом, снова уставившись в собственное отражение:

— Вась, я не спрашиваю, какой цвет указали на бирке эти растяпы, — недовольно сморщил лицо Святослав, — Я спрашиваю, какой цвет видишь ты. Или ты уже не доверяешь глазам на старости лет?

— Никак нет, ваше сиятельство, — слегка поклонился Василий. — Хоть мое зрение и не такое острое, как раньше, но я смею надеяться, что все еще различаю цвета.

— Ну так не томи, чтоб тебе пусто было! — никак не успокаивался Святослав.

— Ежели мои глаза меня не подводят, — уверенно ответил слуга, — то они видят серый цвет, ваше сиятельство.

— Серый? Серый?! Да ты надо мной издеваешься, холуй! — воскликнул юноша и раздраженно уставился на отражение Василия в зеркале. — А если посмотреть твоими старческими глазами чуть-чуть повнимательнее?!

— Никак нет, ваше сиятельство, — лицо слуги все так же сохраняло маску невозмутимости, а в голосе не было и намека на иронию. — И в мыслях не было издеваться над вами. Однако, если присмотреться, то полагаю, что это, вполне вероятно, может быть и темно-серый.

— Кхш..., — из Святослава вырвался сиплый возглас возмущения, больше похожий на шипение. Он закатил глаза и, развернувшись к слуге лицом, негодуя проговорил:

— Темно-серый, значит. Ага. Темно. Серый. Но на бирку, на бирку-то глянь, старик. Ты же сам про нее говорить начал. Что там на бирке написано?

Василий сделал несколько шагов к прикроватному столику, на котором сейчас лежали небольшие ножницы и отрезанная от костюма бирка.

— Ты же говорил, что знаешь, какой на ней написан цвет? — не удержался от ехидного комментария молодой Львов.

— Так и есть, ваше сиятельство, — обратился к своему господину слуга, — я прекрасно помню, что написано на бирке. Но я хотел бы быть предельно внимательным.

Василий поднял со стола бирку и несколько раз повертел ее в руках. С каждой секундой Святослав менялся в лице, и к негодованию добавилось нетерпение. После того, как Василий перевернул бирку в четвертый раз, слуга наконец нарушил молчание:

— Так, так, так. В графе цвет здесь указан «маренго».

— Именно, Вася! — вскинул руки Святослав. — Маренго! Этот цвет я и заказывал. А какой цвет приехал?

— Вы уже задавали мне этот вопрос, ваше сиятельство, — почтено ответил Василий, положив бирку на тумбочку и возвращаясь на свое место в углу комнаты. — Мое предположение не изменилось. Вероятно, приехал темно-серый костюм, как на него ни взгляни.

Младший сын графа Львова закатил глаза и в очередной раз эмоционально всплеснул руками.

— Какой, старый дурак, темно-серый? Это же элементарно, Вася! Костюм ведь не маренго, а угольный! — Святослав начал ходить по комнате из стороны в сторону, слегка надув щеки от возмущения. — И ладно бы приехал серый. Серый это вполне ничего. Хотя нет, серый это не ничего, это просто отвратительно. Вот темно-серый — это ничего. Да, темно-серый вполне подойдет. Хотя как ты темно-серый тут увидел, я вообще без понятия. Но это не темно-серый, Вася, и не заказанный мной маренго. Это же костюм угольного цвета!

Пока Святослав расхаживал от кровати, расположенной у окна, к зеркалу на противоположной стене, в которое он нет-нет да бросал недовольный взор, Василий продолжал смиренно смотреть, как его господин меряет шагами комнату.

— Это ведь все итальянцы. Ведь есть же и у нас нормальные портные, верно? — с надеждой в голосе обратился юноша к слуге.

— Верно, ваше сиятельство, — терпеливо вымолвил слуга.

— И можно было заказать костюм у них, верно? — задал очередной вопрос Святослав.

— Верно, ваше сиятельство, — последовал очередной неумолимый ответ.

— И можно было получить идеальный костюм, чтобы не ударить в грязь лицом на балу у Татищевых, — не унимался молодой Львов, продолжая расхаживать из стороны в сторону.

— Верно, ваше сиятельство, — юноша на секунду остановился и с надеждой посмотрел на Василия, но тот непреклонно продолжил: — Только вынужден заметить, что в полученном вашим батюшкой приглашении ее высочество, княгиня Василиса Борисовна Татищева, указала, что это не бал, а прием [11].

На этой фразе Святослав скривился, продолжая Броуновское движение поперек комнаты.

— Бал, прием, вечеринка, — закатил глаза молодой человек. — Что то, что это. Какая вообще разница. Я к тому, что... о чем это я?

— О чем, ваше сиятельство? — с готовностью поинтересовался Василий, слегка склонив голову набок.

— Да не лезь ты под руку... — замялся юноша, пытаясь уловить ускользающую нить разговора, — ах, да. Ведь отправить свою принцессу на прием к Суворовым они не против. Выразить нашему императору свое «фи», что, мол, нашу единственную колонию в Африке мы получили в обход всех, это они не против. А как сшить нормальный костюм, так это они против!

— Не хотел бы прерывать вас, ваше сиятельство, — непреклонно ответил Василий, —

но его высочество, князь Александр Григорьевич Суворов, два месяца назад проводил в своем Петербургском особняке не прием, а бал. В честь помолвки одного из сыновей.

От такой новости Святослав перестал расхаживать по комнате и остановился спиной к слуге, как вкопанный.

— Вася. Я же сказал, что это не так важно. Эти балы и приемы абсолютно равнозначны, — Святослав развернулся к камердинеру и сделал несколько шагов в его сторону. — Но цвет костюма! Что теперь вообще делать? Не стану же я надевать старый костюм на такой прием. На нем будет куча важных людей. Надеюсь, что на нем будет и та милая дочка Суворова. Да и Михаила должны пригласить на этот бал, они же соседи с Татищевыми.

— Смею предположить, ваше сиятельство, — бесстрастно сказал пожилой слуга, — что вашего друга, Михаила Трубецкого, действительно пригласили на данный приём. Более того, он упоминал, что его семья получила приглашение, когда заезжал к нам на ужин пять дней назад. Но не думаю, что Михаила Сергеевича заботит, как выглядит ваш костюм или какого он цвета. Кроме того, насколько мне известно, Суворовы также получили приглашение на сегодняшний прием. Вероятно, Александра Александровна почтит его своим визитом.

Юноша подошел к кровати и сел на самый край, после чего потер щеки руками и собирался что-то сказать, однако Василий продолжил, не дав Святославу вымолвить ни слова:

— Учитывая временные рамки, а именно то, что прием состоится сегодня вечером, вынужден напомнить вам, ваше сиятельство, что вы не озаботились поиском пары в должный срок. Не думаю, что появление на официальном приеме в одиночку сильно ударит по роду Львовых, однако вам стоило пригласить кого-нибудь из наших родственников. Из нашего рода вполне могла бы подойти Екатерина, принадлежащая к старшей ветви Львовых. В настоящее время ей девятнадцать, она изящна и тактична, что могло бы помочь вам, как ее кавалеру, на приеме...

Пока Василий упоминал возможных дам, которые согласились бы составить компанию Святославу, молодой человек встал и вновь подошел к зеркалу, однако это не остановило слугу:

— Наконец, в крайнем случае, вы могли бы пригласить вашу младшую сестру, Марию. Она еще ребенок, ваша сестра могла бы разбавить своим присутствием официальный прием и внести долю умирительного хаоса, отвлекая ненужное внимание от возможных выходов кого-то из дворян, — Василий многозначительно посмотрел на стоящего у зеркала юношу, который был занят тем, что перебирал пуговицы на пиджаке. — К тому же, ей рано или поздно придется выйти в свет. Почему бы не сейчас, когда за ней смогут присмотреть наши друзья Татищевы или кто-нибудь из семьи Трубецких, если вы попросите Михаила посодействовать.

Кажется, Святослав, наконец, услышал, о чем говорил слуга. Он сжал кулаки и буквально подскочил к Василию, уставившись на того с негодованием.

— И какого черта ты вспомнил эту дрянь? — юноша сжал зубы и на его лице заходили желваки. — Ты ведь знаешь, что я ее терпеть не могу. Будь моя воля, посадил бы на цепь, чтобы ее вообще из поместья не выпускали, чтоб тебя!

На этот раз слуга не смог сохранить невозмутимость, отведя взгляд и поджав губы.

— Ваше сиятельство, полагаю, что уже говорил вам подобное, но не стоит винить ребенка в том, над чем у него нет контроля. Ваша....

— Довольно! — Святослав уже не смог сдержать бурлящий гнев и его голос сорвался на крик. — Заткнись, старик, если не знаешь, что несешь! Просто закрой рот и не лезь ко мне со своими дурными советами!

Молодой Львов закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и несколько раз разжал и снова сжал кулаки. Василий же все так же не смотрел на своего господина, устремив взгляд в окно, за которым были видны кроны растущих во дворе поместья лип.

В этот момент в дверь три раза негромко постучали. Святослав закатил глаза и, сохраняя недовольное выражение лица, вновь отошел к зеркалу, после чего сказал:

— Дверь открыта, входите.

В комнату юноши вошел Андрей Ростиславович. Он уже давно заключил с каждым из своих детей уговор: они получали личное пространство, в которое граф вторгался без предупреждения — стука — лишь в экстренных случаях, а они были максимально честны и открыты с ним. Точно сказать, насколько действенен такой метод воспитания, сложно, однако граф от своего обещания не отказывался, пусть даже его старшие дети уже выросли. Как минимум в плане возраста.

Графу хватило несколько секунд и короткого взгляда на Василия, чтобы понять настроение, висящее в комнате.

— Сын! Это новый костюм, который ты заказал на той неделе? Тебе очень к лицу, — убедительно проговорил глава семьи, уверенно улыбнувшись, — Подходит к глазам. Хоть оттенки и разные, но это даже к лучшему.

Святослав в который раз недоверчиво оглядел себя с ног до головы в зеркале.

— Хм..., — на секунду замялся он, — думаешь, мне и правда идет? Все же не совсем тот цвет, что я просил.

Андрей Ростиславович перевел взгляд на слугу и хитро тому подмигнул.

— Соглашусь, что цвет не совпадает с тем, что вы выбрали, ваше сиятельство, — флегматично сказал Василий, вернувший себе невозмутимый вид. — Но все же угольный вам действительно к лицу. Уверен, что если Александра Александровна решит посетить прием у Татищевых, то ваш внешний вид произведет на нее неизгладимое впечатление.

От мысли о том, что его сын может сказать или сделать самому влиятельному свободному роду Российской империи, у Андрея Ростиславовича сердце пропустило удар. С другой стороны, если юноша все-таки сможет произвести на девушку хорошее впечатление, то граф не отказался бы от подобного политического союза. Правда веры в счастливый исход у старшего Львова было немного.

В конце концов, они лишь младшая ветвь рода, как бы ни прислушивались к его словам на совете. Поэтому покорять кого-то его сыну нужно будет не обаянием, деньгами или влиянием, а магическим потенциалом, с которым у него проблем нет. Если повезет, молодой Львов сможет перегнать в мастерстве самого Андрея Ростиславовича годам к тридцати, а его брат, Георгий, пусть менее талантливый, но абсолютно точно более усердный и усидчивый, поможет младшей ветви получить рычаг давления на старшую ветвь рода.

Граф понял, что пауза слегка затянулась, и Святослав вновь с недоверием разглядывал свой внешний вид, поэтому поспешил обратиться к сыну:

— Собственно, Свят, почему я вообще зашел к тебе. Насколько мне известно, ты так и не нашел себе пару на сегодняшний прием у Татищевых, хотя Василий об этом говорил тебе, наверное, раз двадцать. Верно, Василий?

— Верно, ваше сиятельство, — ответил пожилой слуга.

— Ну, пап... — попытался возразить Святослав.

— Так, не «папкай» мне, Свят, — строго сказал граф, хмуря брови. — Ты обещал, что найдешь пару на этот прием? Обещал. Обещание сдержал? Не сдержал. Что теперь делать будем?

Святослав заметно поник и опустил голову, не решаясь посмотреть отцу в глаза.

Граф, в отличие от своего сына, прекрасно понимал: приходиться на прием кавалеру было принято с дамой. К тому же, это не просто вечеринка или посиделки друзей в узком кругу. Татищевы хоть и не такой сильный род как Голицыны, Суворовы, Трубецкие или Румянцевы, но именно они получили от отца нынешнего императора единственную за историю всей Российской империи колонию в Африке, и до сих пор продолжали контролировать территорию за тридевять земель, хоть и не без помощи императора и Иностранного корпуса, конечно. А уж о том, что, казалось бы, неудачная сделка с британцами обернется самым знаковым событием в истории дипломатии всего двадцатого века, принеся Российской империи не только проблемы за тридевять земель, но и сумасшедшие дивиденды, упоминать вообще не стоило.

Поэтому на подобном приеме стоило произвести хорошее впечатление, ведь все вышеперечисленные рода прищют своих детей и племянников, даже если они не ищут прямой выгоды от Татищевых. Кроме того, Андрей Ростиславович знал, что союз Львовых и Татищевых, подписанный старшей ветвью еще в конце прошлого века, помог их роду в целом и младшей ветви Львовых в частности обрести полезные контакты. Да и дружбе с Михаилом Трубецким из княжеского рода его сын был обязан Татищевым, на балу у которых два молодых человека познакомились и сошлись несколько лет назад.

«Ладно, хватит со Свята мучений», — подумал граф после многозначительной паузы, образовавшейся за время его размышлений.

— Свят, не вешать нос! — бодро произнес мужчина. — Нечего тут разводить упаднические настроения. Я ведь тебя прекрасно знаю и, хотя надеялся, что ты сможешь отыскать себе пару для сегодняшнего вечера, на крайний случай предварительно договорился с Екатериной.

После этой новости Святослав подобрался и поднял глаза. Граф решил не слишком-то обнадеживать сына:

— То, что незамужняя девушка из старшей ветви нашего рода будет сопровождать юношу из младшей ветви на официальных мероприятиях, — поучительно протянул граф, — это, конечно, вариант. Но я жду от тебя, Свят, когда ты перестанешь ходить на приемы с нашими родственниками, а пригласишь даму из хорошего рода.

На этих словах граф хитро улыбнулся, увидев обеспокоенность в глазах Святослава, который прекрасно понимал, к чему клонит его отец.

— И я уже не говорю о том, — продолжил он, не отводя взор от сына, — что нам не помешала бы невеста из хорошего рода. Не обязательно, чтобы это были, скажем, Суворовы. Но через пару лет ты сможешь жениться, а хороший маг нам в семье не навредит, знаешь ли. Я ведь не молодею!

После такой речи графа приютившийся в углу Василий не смог сдержаться и откровенно улыбнулся. Андрей Ростиславович заводил с сыном подобные разговоры весь последний год. С одной стороны, организовывать помолвку в шестнадцать лет для Святослава, пожалуй, преждевременно.

Но мужчина неспроста продолжал донимать сына с подобными вопросами. Из-за

натянутых отношений со старшей ветвью Львовых и желания лавировать между политикой крупных родов, на которых равняются все больше и больше семей поскромнее, сам Андрей Ростиславович женился на дочери графа Блиновского, семья которого почти не имела влияния в Москве или Петербурге, и в основном вела дела в Польше и Украине. Но в то же время она обладала ценным магическим даром — целительством, пусть по-настоящему сильных магов у них в роду никогда не было.

— Ну знаешь ли... — Святослав не сразу нашелся, что ответить, заискивающе разглядывая серьезное лицо отца и не замечая улыбки на лице слуги, — Вообще-то тебе всего сорок три, так что до старости тебе еще как до кенийской границы. Да и сам-то ты женился по воле дедушки. А до этого, может, тоже с кем-то другим на приемы ходил. Так что не так уж и важны эти балы.

— Эх, друг, — снисходительно ответил граф, погружаясь в теплые воспоминания, — ничего ты не понимаешь в российской политике и в делах амурных. Блиновские ведь корнями восходят к Речи Посполитой и Гетманщине, да и герб у них древний, как для Польши и Российской Империи уж точно. А в Москву и Петербург они лишний раз не лезли, нам это только на руку. Да и Наталья была очаровательной девушкой, хоть любви у нас сразу не возникло. Зато притерлись быстро, так что я о выборе деда и пожалеть не смел. Такие дела...

После упоминания матери Святослав вновь потупил взгляд и сник, а Андрей Ростиславович ненадолго ушел в себя.

— Кхм, кхм, — Василий напомнил о текущих делах тихим покашливанием.

— Так, Свят, я же сказал, не вешать нос! — весело воскликнул граф. — Найдем тебе хорошую жену, не переживай. Вон, Василий твоему деду в выборе жены для меня помогал, и мне теперь поможет. Верно, Василий?

— Верно, ваше сиятельство, — серьезным тоном ответил пожилой слуга.

— Я и не переживаю, — буркнул Святослав, после чего с недоверием оглядел Василия, который все так же смиренно стоял в углу с непроницаемым выражением лица. Весь вид юноши выражал скепсис в способностях камердинера подобрать кому-то подходящую пассию.

— В общем, Свят, Екатерина будет сопровождать тебя на приеме, раз уж я с ней договорился, — вернул разговор в деловое русло граф. — Она сейчас как раз в Москве, так что далеко ехать за ней не придется. Водитель задание получил, машина будет ждать тебя ровно в шестнадцать ноль-ноль. С учетом московских пробок, до начала приема должны успеть. Надеюсь, ты помнишь, что лучше приехать немного заранее. Твой друг, Михаил, скорее всего уже будет там, они с Татищевыми живут рядом, так что ты точно не заскучаешь. И не забудь поблагодарить Екатерину, что спасает тебя, дурака. Ну и до кучи можешь и отца поблагодарить, что у тебя есть дама на сегодняшний вечер.

Святослав слегка нахмурил брови и поинтересовался:

— А причем здесь ее папа, понять не могу?

Андрей Ростиславович на несколько секунд опешил, а затем громко рассмеялся. Взять себя в руки он смог секунд через тридцать. Святослав все это время с интересом поглядывал на отца, так и не поняв, почему его вопрос вызвал у него такую бурную реакцию.

— Ох, — выдохнул граф, отсмеявшись, — не за что тебе ее отца благодарить, разве что за хорошее воспитание. Хотя, тут и поспорить можно, как там в старшей ветви детей воспитывают, ну да ладно. Я вообще-то очень тонко на благодарность для себя намекал, но,

видимо, не срослось. Екатерине, главное, спасибо скажи и не забывай, что вы с твоим братом, самым грозным студентом МГУМИ, будете представлять младших Львовых. С Гошей я уже поговорил, он понимает, что за старшего и в крайнем случае должен приглядеть за тобой. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

— Ты знаешь, с кем он пойдет на прием? — безразлично уточнил Святослав, вновь отворачиваясь к зеркалу.

— Этого не знаю, — ответил мужчина, но, чувствуя приближающееся возмущение сына, он поспешил добавить: — Но зато я знаю, что спутницу Георгий нашел две недели назад. Кажется, какая-то аристократка из университета. Надеюсь, что не преподаватель. С этого заядлого студента станется.

— То есть ему ты пару заранее не ищешь и даже не знаешь, с кем он пойдет к Татищевым? — все-таки спросил недовольным голосом Святослав.

— Свят, — сказал граф, миротворчески поднимая руки. — Я ему доверяю, потому что он ответственный, и в этом плане меня не подводил. Если сам станешь искать, с кем пойти на следующий прием, да еще и заранее, то я буду доверять и тебе.

В ответ молодой дворянин лишь фыркнул и слегка покачал головой.

— Ладно. Я и так слегка у тебя задержался, Свят, хотя зашел напомнить о приеме и сказать о Екатерине, — подытожил свое присутствие в комнате сына Андрей Ростиславович. — Следи за временем, опаздывать не стоит. И если будешь подбирать остальной гардероб под этот костюм, прими совет от своего старика: рубашку белую или голубую, туфли лучше черные, а галстук, в принципе, на твое усмотрение.

Закончив с указаниями, граф развернулся и двинулся к двери. Перед тем как выйти из комнаты, он на секунду задержался и окликнул сына:

— Ах да, Свят.

— Ммм? — промычал Святослав, который уже осматривал шкаф на предмет белой рубашки, подходящей к выходу в свет вечером.

— Не забывай, что я тебя, Гошу и Машу очень люблю. Удачи сегодня у Татищевых! — сказал граф, после чего удалился, оставив ответ Святослава без внимания.

— Знаю я, блин... — пробурчал юноша, с головой погружаясь в изучение своего гардероба. — Вась, можешь идти. Может, папе нужна какая помощь с делами.

— Как скажете, ваше сиятельство, — в очередной раз за утро ответил слуга.

После чего Василий поклонился и вышел из комнаты вслед за Андреем Ростиславовичем, оставив Святослава разбираться с вечными философскими вопросами одного. Однотонная белая рубашка, в клетку или в полоску?

[11] Бал считался более формальным мероприятием со всеми вытекающими из этого тонкостями поведения и этикета.

Обычно Андрей Ростиславович настаивал, чтобы все его дети вместе присутствовали на обеде, если они, конечно, находились в поместье. Георгий редко был дома, предпочитая оставаться в университете в Москве, где он и жил в течение учебной недели, возвращаясь в Подмоскowie лишь на выходные.

Святослав то и дело гостил в городе у приятелей и знакомых, в основном проводя время с Михаилом Трубецким, или ходил в театры или оперу, где можно было встретить московских дворян разного пошиба или приезжих аристократов, желающих влиться в светское общество.

Единственной, кто много времени проводил в поместье и нечасто его покидал, была Мария, за которой постоянно присматривала гувернантка. Но девочка была категорически недовольна таким постоянством и частенько сбегала от гувернантки, прячась где-то в доме или в парке неподалеку, поэтому даже она частенько пропускала общие обеды, которые Андрей Ростиславович задумывал как добрую семейную традицию.

Так и сегодня несмотря на то, что все три отпрыска младшей ветви Львовых были дома, как и хозяин поместья, общего обеда не состоялось. Андрей Ростиславович был занят делами в преддверие собрания совета рода, которое должно было состояться в воскресенье, на день позже приема у Татищевых. Так что глава младших Львовых окопался в своем рабочем кабинете на втором этаже, предварительно проинструктировав Василия каждые два часа приносить себе свежий кофе.

После того как Георгий в пятницу приехал домой и поужинал в компании сестры и отца, он завалился спать и не покидал свою комнату, расположенную по соседству с комнатой Святослава, даже когда последний был занят обсуждением вопросов стиля молодых дворян на повышенных тонах с уже лет как сорок немолодым и вообще не дворянином Василием, что не мешало камердинеру отдавать дань уважения классике: черному костюму с белой рубашкой, которые удивительно шли невысокому, нескладному и сухому старику с гордой прямой осанкой.

Мария вновь испарилась где-то в поместье, оставив свои поиски гувернантке, поскольку сейчас никому из семьи не было дела до поиска девочки, взрослые были заняты вопросами рода. Ведь отдых наследника, выбор наряда на важный прием и правка отчетов за последние месяцы — равносильные вопросы жизнедеятельности и благосостояния рода.

Однако из всей семьи Львовых традиции отца все же решил последовать Святослав. После того, как он выбрал рубашку и туфли и еще полчаса любовался получившимся образом, он снял все элементы костюма и повесил их на вешалку в шкаф — одежда к вечеру была готова. За неимением под рукой дел или Василия, с которым можно было поиграть в шахматы или под присмотром которого можно было бы поехать верхом. Свят так и не смог ни разу переиграть слугу в шахматы, сколько себя помнил, хотя у своего отца он все-таки смог выиграть несколько раз за последние полгода.

Благо кроме игры в шахматы Андрей Ростиславович славился своей любовью к лошадям, в чем, вероятно, был похож на каждого первого предка младшей ветви Львовых, включая своего отца, которые считались превосходными наездниками и покровительствовали соревнованиям по конному троеборью в Москве. Кроме конюшен на территории поместья, где лошади содержались скорее с декоративной, чем

соревновательной целью, Андрей Ростиславович содержал несколько лошадей, а заодно и их наездников, что участвовали в различных соревнованиях, включая Имперский чемпионат по конному спорту. Один из наездников под покровительством графа даже представлял Российскую Империю на Олимпийских играх в 2012 году.

Сам Святослав был равнодушен к конному спорту, но даже несмотря на подобное отношение, верховая езда давалась ему довольно легко, что доставляло неподдельное удовольствие младшему сыну графа Львова и вызывало долю зависти у Михаила Трубецкого, который не показывал себя хорошим наездником ни во время тренировок дома, ни в гостях у Львовых.

Не найдя занятие по душе и переодевшись в повседневное облачение, Святослав приказал слугам подать обед, а сам решил пройтись по парку, чтобы восстановить силы и нагулять аппетит.

— Надеюсь, хотя бы в парке мне дадут немного покоя, — спокойно заметил Святослав и выглянул из окна, чтобы понять, нет ли в парке отца или слуг. Хотя нет, отец вроде должен быть занят делами перед собранием совета рода завтра. Значит, там можно немного отдохнуть. — Решено. Я иду в парк!

Младший сын графа Львова подошел к двери и перед выходом бросил взгляд на комнату, чтобы удостовериться, что все выглядит надлежащим образом. С одной стороны, отец давал ему много свободы, и юноша это чувствовал. С другой стороны, было несколько нерушимых правил, которые отец вбил в него с раннего детства.

Одно из них: своя комната должна выглядеть аккуратно и опрятно. И если за уборку и наведение порядка отвечали слуги, то между уборками комната должна была оставаться такой же чистой и опрятной, как и после работы слуг. Святослав всегда считал подобное правило странным. В конце концов, слуги содержатся на деньги графа и уборка входит в их обязанности. А если он слишком устал, чтобы разбирать свои вещи днем, пока слуги еще не навели порядок в комнате, почему он не может бросить сумку на пол где-нибудь в углу, а пиджак на подоконник? Но авторитет отца и пара серьезных бесед заставили Святослава смириться с подобным правилом.

Поэтому сейчас он пробежался взглядом по полу и мебели в своей комнате. Дверь шкафа-купе, стоящего у стены слева от двери, закрыта, так что даже если отец зайдет посмотреть на порядок, что вряд ли, то не заметит бардака в шкафу, который вечером приберут слуги. Зеркало часто мыли, так что с ним ничего страшного не будет, да и ковер на полу только недавно чистили. На рабочем столе порядок — разве что ноутбук можно было бы убрать, чтобы не мозолил глаза, ну да ладно. Кровать аккуратно зап... так, вот кровать нужно немного поправить.

Святослав пересек комнату и подошел к кровати, расположившейся у окна, после чего поправил шелковую простынь, которой слуги накрыли его кровать с утра и на которой он успел посидеть в начале дня.

— А это что? — обратился к самому себе молодой дворянин, увидев клочок бумаги на прикроватной тумбочке. — А, бирка, точно. И ножницы. Ну да бог с ними, и так все нервы с этим костюмом вытрепал.

После этого сын графа решительно направился к двери.

— Кажется, отец говорил что-то про самостоятельность и чувство ответственности, — пробурчал Святослав, после чего покинул комнату и закрыл за собой дверь.

Покинув комнату, юноша потянулся и посмотрел на дверь напротив.

— Эх, Гоша, наверное, еще спит. Чем он там вообще в своем университете занимается? Меня же тоже отправят туда осенью, осталось не так уж много времени. Буду пропадать в Москве всю неделю, а если и получится вернуться домой в выходные, то буду только есть и спать. Нет, что-то звучит не очень, — продолжил тихо беседовать сам с собой Святослав, после чего перестал пялиться на дверь, отбросил ноющее желание разбудить брата и все-таки прокатиться на лошади до или после обеда.

«Родственники из старшей ветви недавно подарили нам молодого жеребца. Как там его называют, Боливия? Нет... А, точно, Боливар! Очень крепкий конь», — продолжил размышлять уже про себя Свят, спускаясь по ступеням поместья на первый этаж.

Сам «боярский дом», как иногда называли слуги главное поместье, был небольшим, особенно по сравнению с богатыми российскими родами или с той же старшей ветвью Львовых, которые владеют не только имением в Тульской области, но и дворцом в Петербурге. Тем не менее, было видно, что предки Львовых вложили в свое поместье душу, постаравшись сохранить историчность, привнести определенные новые технологии и не потерять в эстетической красоте и домашнем уюте поместья.

Так, первоначальное здание, построенное еще в семнадцатом веке, сохранили без изменений, но регулярно реставрировали и обновляли, в том числе внося новые уровни магической защиты. Длинный прямой коридор на каждом этаже имел сквозные проходы без дверей, в которые выходили все остальные комнаты на этаже, однако заселенные и используемые комнаты, такие как покои хозяев, кабинет главы ветви или библиотека, естественно, двери имели.

Коридоры были украшены картинами, в основном не слишком известных при жизни художников. Тем не менее, реалии российской империи восемнадцатого-девятнадцатого века, пейзажи и батальные сцены производили впечатление своей реалистичностью и качеством, даже если фамилии художников не прогремели на весь свет. Кроме того, в некоторых коридорах сохранились пустующие сейчас подставки под ружья и большие резные деревянные сундуки, которые было решено сохранить как дань традициям и напоминание о былом.

Убранство же комнат хозяев было менее аутентичным, дополняясь тем самым «новым», что каждый Львов пытался привнести в поместье для собственного комфорта. Так, в комнате Святослава неэстетичный древний громоздкий шкаф был заменен на современный шкаф-купе, пол устилал новый ковер, а несколько исторических картин в стиле реализма переместили в библиотеку, их место заняли полотна импрессионистов. Этот стиль живописи очень любила жена графа Наталья, поэтому вот уже двенадцать лет как в комнате Свята эти работы не менялись.

На первом этаже, куда сейчас спускался молодой дворянин, центральное место занимал парадный зал. Однако, не успел Святослав спуститься с лестницы, как сначала услышал взволнованные причитания, а затем и увидел дородную тетку в длинном темно-синем платье, нервно расхаживающую из стороны в сторону в коридоре на первом этаже. Она тяжело вздыхала и буквально каждую секунду протирала лоб платком.

Юноша сделал несколько шагов в сторону женщины и спросил:

— Чем это вы заняты, позвольте узнать?

Женщина, не заметившая Свята, резко обернулась и посмотрела на сына графа Львова встревоженным взглядом. Ее лицо выражало смесь нежности и беспокойства, от которого у Святослава ощутимо закололо в боку, и он не сдержался и в который раз за сегодня

поморщился.

— Святослав Андреич, голубчик, так я же не просто так тут. Ведь сестра ваша, родненький, опять убегла, прохвостка. Что ж мне делать-то с ней, как поступить. Тут вот обед уж скоро, батюшка ваш осведомился, все ли у Маши в порядке, а я и знать не знаю, куда она запропастилась. Как же так, голубчик... — запричитала женщина.

При упоминании своей сестры юноша поджал губы, после чего сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. В это время гувернантка Марии, полная женщина лет сорока на вид с волосами, убранными в пучок и заколотыми двумя спицами, продолжала сокрушаться по поводу пропавшей Машеньки, хотя Свят ее уже минуту как не слушал.

— ... и ведомо же, что опять куда-то убежит, Святослав Андреич, но как же ж я за ней поспею? Я еще тут, а она уже здесь, голубчик. Может, Святослав Андреич, коли у вас до ужина еще время есть, посмотрите беглянку, може она в парадном зале спряталась, родненький? Вы уж посмотрите, поищите ее, голубчик, слуги ведь никак найти ее не могут?

Неожиданно для себя, Святослав оказался втянут в поиски сестры, которая каждый день куда-то сбегала. По крайней мере, пока Святослав жил в поместье, он не мог припомнить, чтобы она один день куда-нибудь не запропастилась. Разве что пока он был в театре на прошлой неделе? Так или иначе, искать ее в планы юноши не входило.

— Послушайте, Дарья Аркадьевна, я вам не... — начал Святослав, но тут же осекся, увидев полные надежды глаза гувернантки. — Пф, ладно, ладно. Только нечего на меня так смотреть. Я ее найду. Но как найду, всыплю по самые уши, ясно? Если вас это, конечно, устроит.

— Спасибо, голубчик, спаситель вы мой. Как же я ее одна найду, она ведь прыткая, как маленький олененок. Спасибо, родненький, спа...

— Довольно! — Святослав прервал поток слов гувернантки. — Сказал найду, значит, найду. Сказал, всыплю так, чтобы больше не убежала, значит, мало ей не покажется. Даю слово!

После этого дворянин развернулся спиной к Дарье Аркадьевне, пошел в сторону парадного зала и тихо сказал себе под нос:

— Если она не там, просто пойду в парк. Дескать, там ее ищу.

Андрей Ростиславович крайне редко устраивал приемы, ограничиваясь приглашением кого-то из дворян на ужин или и того меньшим — переговорами в кабинете. Однако убранство парадного зала, если не считать реставрации и реконструкции, не менялось с течением времени: стены и потолок выполнены из светлого мрамора с позолотой, несколько картин украшают стены от пола и почти до потолка и открывают зрителю городские пейзажи Москвы позапрошлого века, кроме того, зал венчает хрустальная люстра, а большие окна делают помещение хорошо освещенным.

Все это великолепие хорошо звучит на бумаге, но на деле парадный зал хоть и выглядит богато и эстетично, но имеет не слишком высокий потолок и скромные размеры ввиду малых габаритов всего поместья. Поэтому приемы здесь вряд ли смогли бы удовлетворить искушенных дворян, регулярно посещающих балы у Румянцевых, Голицыных или Трубецких.

Решение Святослава поискать сестру в парадном зале обуславливалось тем, что там просто негде прятаться. Пожалуй, только шторы могут стать укрытием для двенадцатилетнего ребенка. Войдя в парадный зал, именно их он и проверил.

— Никого тут нет. Значит, в парк.

После чего Святослав вышел из парадного зала и двинулся на выход из поместья.

Проходя мимо гувернантки, которая все еще стояла в коридоре и смотрела в окно на растущие во дворе поместья липы, Святослав бросил:

— Нет ее в поместье. В парке небось прячется. Там ее и поищу.

Гувернантка все так же запричитала, продолжая смотреть в окно:

— Конечно, конечно, родненький. В парке она, да, где же ей еще быть. Вы там и поищите, коли я не могу, Святослав Андрейч. Она ве.... — дальше молодой дворянин уже не слушал и вышел из поместья.

Выйдя на воздух, юноша вдохнул полной грудью, после чего резко выдохнул.

— Балаган. Дурдом. Цирк. Почему вам всем спокойно не живется, а?

Младший сын графа немного постоял перед каменными ступеньками, ведущими вниз от ворот «боярского дома», собираясь с мыслями. Перед поместьем располагалась лужайка с травой, чуть правее были липы, посаженные Андреем Ростиславовичем еще с дедом Святослава, когда тот был жив. Сейчас деревья бросали тень на поместье. Кроме того, в стороне от поместья располагался гараж, вмещающий до четырех автомобилей. Граф не был большим любителем машин, хотя статусность транспорта для графского рода понимал прекрасно. Но и перекраивать территорию поместья, превращая его в странную смесь из исторических пристроек, конюшни и современных «бетонных коробок» не хотел. Поэтому в самом поместье был небольшой двухэтажный гараж, а ангар для служебных целей, в том числе автотранспорта, находился в стороне от здания и не бросался в глаза, как говорил граф, «своей убогостью».

Вновь тяжело вздохнув, Святослав пошел в сторону парка. В принципе, до него идти минут пять-семь спокойным шагом. Справа будет небольшая белокаменная церковь с крышей из голубой черепицы, скромным куполом и крестом, гордо возвышающимся над куполом и над округой на невысокой башенке. А слева будет парк.

Спасибо деду за то, что он привел его в порядок, и теперь там было не стыдно гулять даже графу. Вот только после этого спрятаться в некогда почти одичавшем парке было сложно. К тому же, еще сложнее там было спрятаться ребенку почти без магических сил от человека, сносно владеющего магией воздуха.

Юноша кивнул нескольким молодым слугам, попавшимся ему на пути. Солнце ярко светило с безоблачного неба, но пока еще не пришла по-настоящему летняя жара, так что погода радовала. Не радовала Святослава только младшая сестра. Далеко не радовала.

— Так-так, а вот и па-а-а-рк, — с ленцой протянул Святослав, пройдя мимо церкви и повернув к деревьям.

Аккуратные ухоженные дорожки с оградой и деревянными скамейками радовали глаз. Над сохранностью парка трудилась группа садовников, нанятая Андреем Ростиславовичем. Поэтому молодой дворянин мог легко ориентироваться на этом пяточке, который ни в какое даже далекое сравнение не шел со, скажем, Измайловским парком, по размерам напоминая скорее сквер. Младший сын графа Львова продолжил бродить по парку в течение десяти минут, нарезая круги, пока не услышал шорох в кустах по левую руку.

— Да ну нет, не может быть такого, — хмыкнул Свят, сам не веря в свою неудачливость, после чего начал кричать, повернувшись к источнику звука. — Вылезай из кустов! Живо!

Шорох прекратился и наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом деревьев и редкой трелью птиц. Когда пауза затянулась, Святослав поднял руки в сторону кустов и крикнул еще раз:

— А ну-ка, вылезай из кустов, кому говорю! Либо ты сейчас выползешь из чертовой ямы, в которую забила, либо я эти кусты воздушным клинком с землей сравню!

Вначале было слово. Точнее, вначале из кустов показалась маленькая голова с растрепанными длинными темными волосами, уложенными в два хвостика. Дальше лесной олененок вылез из кустов полностью и, с низко опущенной головой и застывшей гримасой ужаса на лице, медленно двинулся в сторону старшего брата, придерживая подол платья, чтобы не запачкаться. Справедливости ради, смысла в этом было немного. Голубое платье на Марии уже было испачкано грязью в нескольких местах, ее руки, нервно сжимавшие подол платья, тоже были вымазаны в грязи, а ноги под открытыми босоножками испещрены неглубокими царапинами. Видимо, девочка уже долго бегала по парку, успев вымазаться в земле и зацепить каждый куст.

— Какого черта ты опять прячешься непонятно где?! — рявкнул аристократ, заставив сестру вздрогнуть всем телом. — Сколько раз тебе было сказано, не сбегать из поместья?! Сколько раз тебе было сказано, не убегать от гувернантки?! Я вообще не понимаю, почему папа не отдал тебя кому-нибудь из старшей ветви, после того как мамы не стало!

Пока Святослав не прекращал возмущаться, девочка все так же стояла, опустив голову и не смея поднять глаза на своего брата.

— Ах, да, раз уж я заговорил об этом, мелочь... — уже шипел Свят гневно, — Может в этот раз ты мне сможешь внятно ответить, из-за кого ее не стало? Или будешь и дальше молчать?

Святослав замолчал, но Мария не поднимала взор от выложенной мелким камнем дорожки парка, на которую выбралась из кустов, и так и не сказала ни слова.

— Ага. Так, значит. Будешь молчать, — после короткой паузы шипение сменилось на напряженный, но подозрительно спокойный голос юноши. — Ну, молчать ведь несложно. Сколько раз я тебя не спрашиваю, ответа не услышал ни разу. Почему умерла наша мама, Маша? А?

Свят сделал несколько шагов и встал прямо перед сестрой, которая теперь ощутимо затряслась, словно на улице была не теплая мягкая весенняя погода, а промозглая осень.

— Что же, ты не знаешь? Действительно не знаешь? Или ты этого не понимаешь? В твоей маленькой тупой голове нет ничего, что подсказало бы тебе ответ? — продолжая задавать вопрос за вопросом, Святослав схватил сестру за подбородок и поднял ее лицо так, чтобы его видеть.

Девочка боялась. Ее губы дрожали, а серые глаза были наполнены страхом и слезами, но она продолжала их сдерживать, лишь иногда всхлипывая.

— Ну, ну, неужели ты сейчас расплачешься? — с издевкой поинтересовался Святослав. — дочь графа будет плакать, но не скажет, что случилось с нашей мамой? Кто виноват в том, что она умерла? Кто убил мою мать, говори же, тварь?!

— Й... я... — дрожащим хриплым голосом, словно и не принадлежащим двенадцатилетнему ребенку, ответила Мария.

Услышав ответ своей сестры, Святослав захохотал и влепил ей пощечину, от которой та свалилась на землю.

— Ха ха ха ха, ну наконец-то, — продолжал истерично хохотать дворянин. — Спящая красавица, наконец, поняла, кто виноват. Хотя какая из тебя вообще красавица? Ведь ты не красавица, нет. Ну так что, мелочь, повтори-ка, кто виноват, а то я тебя плохо слышал?

— Я. Я виновата, — ответила, не поднимаясь с земли, Мария.

— Ага, верно. А в чем ты виновата, не напомнишь? — продолжал давить на сестру юноша, начав расхаживать из стороны в сторону, не обращая внимания на всхлипы сестры. — И встань с земли, чтоб тебя. Ты дочь графа, а дочери графа не валяются в грязи!

Девочка медленно поднялась на колени, испачкав и без того грязное голубое платье еще сильнее, после чего с трудом встала на ноги, несколько раз всхлипнув.

— Я... виновата в том, что убила нашу мать, — едва слышно произнесла Мария.

В этот момент глаза Свята округлились, он с шумом вздохнул и, преодолев разделяющие его и сестру метры за долю секунды, буквально растворившись в воздухе, материализовался перед ней и влепил ее еще одну пощечину. От этого девочка отлетела на несколько метров и свалилась в кусты, в которых совсем недавно пряталась.

— Тц, — цыкнул Святослав. — Лучше бы ты продолжала молчать, маленькая бесполезная дрянь. Она перестала быть твоей матерью, после того как ты ее убила. Не смей порочить ее память. Не смей называть ее так! И не смей говорить со мной, ее сыном! Только зря потратил на тебя ускорение, мелкая тварь. Ты не стоишь и крупницы магии воздуха.

В этот момент за спиной Святослава раздались шаги и послышался энергичный возглас:

— Святослав Андреевич, там обед накрыли! Будьте так лю... — Однако говоривший прервался на полуслове, а шаги в мгновение стихли, стоило показавшемуся из-за поворота человеку увидеть открывшуюся глазам сцену.

Святослав обернулся и посмотрел, кто прибежал на устроенный им шум.

— А, Илья, — воодушевленно заметил молодой дворянин, увидевший перед собой молодого слугу в белой рубашке и темных штанах, обеспокоенно оглядывающего сына графа и кусты недалеко от парковой дорожки, из которых теперь доносился тихий плач. — Ты вовремя. Очень вовремя. Моя милая маленькая сестра опять убежала от гувернантки. Я искал ее в парке, а она, услышав меня, упала с дерева. Я уж хотел бежать за слугами, а тут ты как раз подоспел. Полечи ее немного, Илья.

Увидев, как молодой слуга с удивлением взглянул на него, Святослав поморщился и продолжил:

— Да знаю я, что ты целитель. Пусть и никчемный. Так что не строй из себя дурака и полечи ее. Иди, займись делом! А обедать мне что-то вовсе расхотелось.

Молодой слуга сорвался с места и побежал в сторону, откуда доносился плач. Святослав же развернулся и пошел к выходу из парка,

— Весь аппетит мне испортила, мелкая дрянь, — проворчал юноша, выходя из парка и направляясь мимо церкви к поместью. — Надо будет в бильярд поиграть, что ли. Надеюсь, хоть вечер у Татищевых будет интересным.

В шестнадцать ноль-ноль Святослав, естественно, поместье не покинул. Он выходил из ворот на полчаса позже, проспав дольше положенного и потратив лишнее время на сборы. Одет он был в костюм цвета маренго, но свято веруя, что это все-таки угольный цвет. Кроме того, юноша прислушался к совету отца, и образ молодого дворянина дополняли черные туфли, темно-серый галстук с едва-заметным узором и аксессуары из белого золота.

Перед воротами поместья уже стоял «Мерседес-Бенц» С-Класса, один из автомобилей из личного гаража Андрея Ростиславовича, который обычно использовал сам граф для выезда в свет. Он мог приобрести машину дороже, но вполне доверял немецкой сборке авто представительского класса, да и в салоне было достаточно места, чтобы чувствовать себя комфортно. Поэтому, как только немцы объявили о выходе девятого обновления всемирно известной модели, граф внес дополнительные семьдесят пять тысяч имперских рублей в счет личных расходов.

Убеждения Андрея Ростиславовича касательно новинок мирового автопрома разделяли и его водители. По крайней мере, никто из них не решался оспаривать мнение графа вслух. Поэтому и один из водителей маялся рядом с немецкой машиной, докуривая очередную сигарету в ожидании младшего сына графа.

Водитель был одет в черный деловой костюм с белой рубашкой, но учитывая его недюжинный рост и ширину плеч, казалось, будто любое неаккуратное движение избавит водителя как минимум от пиджака, разорвав его в плечах. Медвежьи рост и комплекция сочетались с густой растительностью на округлом лице с большим носом и полными губами, и короткий ежик русых волос, создавая вид этакого древнерусского былинного богатыря. Только в европейском костюме и рядом с немецким авто.

— Добрый вечер, вашблагородие, — пробасил богатырь, затушив сигарету.

— Добрый, Демид. Я же, кажется, просил тебя не курить, если будешь возить меня по делам? — спросил Святослав, который подошел к водителю и сморщил нос, почуяв сигаретный дым.

— Каюсь, вашблагородие. Виноват, — ответил Демид, пожимая плечами и виновато склоняя богатырскую голову.

— Ладно, ладно. Поехали уже, или будем перед машиной стоять? Опоздаем ведь из-за тебя, — шумно вздохнул Святослав.

Водитель быстро сориентировался и с удивительной для человека его комплекции ловкостью открыл заднюю дверь машины, впуская сына графа в салон. После этого он занял водительское место и начал резво выкручивать руль на дорогу в сторону шоссе М-11.

— Только, это, вашблагородие — просительно протянул Демид, — вы уж ремень-то пристегните, будьте любезны. Ваш батюшка мне голову открутит, коли чего случится, а время сейчас беспокойное, сами знаете.

— Время всегда беспокойное, — недовольно пробурчал Святослав, но все же пристегнул ремень безопасности. — Долго нам ехать хоть? Папа сказал, ты в курсе, откуда забирать Катю будем.

— Кхм... Ну так, машинка добрая, резвая, — ответил водитель, с нежностью поглаживая руль. — Компьютер показывает, что пробок почти нет, кое-где только желтый уров...

— Короче, Демид! — резко прервал своего водителя Святослав.

— Эм... Если короче, то час. Может, полтора, но это вряд ли, вашблагородие, — отозвался ничуть не смутившийся богатырь.

— Ну так и разбуди меня, когда будем в Москве, — устало пробормотал юный аристократ, — И музыку включи какую-нибудь спокойную, не тебя же мне слушать.

— Как скажете, Святослав Андреевич, — сказал Демид, тыкнув пальцем в экран на панели и запуская классическую музыку, которую иногда в дороге слушал граф Львов.

— Не, Демид, классики мне не надо, — поморщился Свят. — От этих скрипок у меня сердце ноет.

— Это виолончель, вашблагородие, — на автомате поправил его водитель.

— Хоть контрабас, Демид, мне по боку. Другое включи! — начал потихоньку закипать юноша.

— Хозяин — барин, — спокойно ответил Демид, нажимая пару клавиш на экране, чтобы сменить музыку.

— Ну, вот, это получше, — облегченно вздохнул сын графа. — Толкнешь меня через часик, короче. Только напомни, Георгий уже уехал?

— Да, вашблагородие. Его повез Толик. То есть Анатолий. Они уехали вот уже как... — водитель бросил взгляд на часы на левой руке. — Сорок минут.

— Ну и ладно, — пробурчал молодой дворянин, поудобнее устраиваясь в кресле.

Демид выехал на трассу и хорошо разогнал машину, но в салоне скорость почти не ощущалась благодаря качеству немецких автомобилей и российских дорог. Под звук легкой попсовой песенки Святослав погрузился в дрему, а потом и вовсе уснул.

— Вашблагородие, почти приехали, — разбудил спящего Святослава водитель.

— Ммм... — открыл глаза и потянулся на заднем сидении Свят. — Уже?

— Подъезжаем, Святослав Андреевич, — спокойно уточнил Демид, — Минуток через пять будем на месте. Я взял на себя ответственность предупредить Екатерину Евгеньевну о том, что вы скоро будете.

— Ага, конечно, — легкомысленно ответил не до конца проснувшийся сын графа Львова.

Через пять минут машина перестала вилять по московским улицам и повернула к небольшому особняку Зотовых, приютившемуся недалеко от центра города. Зотовы — небольшой клан, состоящий в родстве с родом Голицыных, у которых сейчас гостила Екатерина Львова. В отличие от многих окружающих домов, особняк не выглядел современным, а скорее напоминал поместья, которые дворяне строили за городом. Вот только стоял он в современном квартале, хоть и был окружен стеной и аккуратными деревьями, препятствующими обзору возможных прохожих.

Демид остановился у ворот и негромко посигналил, после чего вышел из машины и подошел к будке охраны, стоящей с правой стороны от въезда. После недолгих переговоров, водитель вернулся в машину, а особняк открыл перед ними ворота. Демид въехал в ухоженный дворик, в котором кроме нескольких парковочных мест уместились еще и аккуратно постриженный газон, клумбы с яркими цветами, а также античная статуя.

Около статуи стояла невысокая молодая девушка в изящном темно-синем платье с разрезом от середины бедра, в руках она держала небольшую кожаную сумочку. Девушка умело использовала косметику, придав тонким чертам лица еще больше аристократичности,

длинные русые волосы с золотистым оттенком спускались ниже плеч каскадами. Рядом с девушкой стояли двое молодых людей, судя по их внешнему виду — слуг.

Водитель аккуратно развернул машину, остановившись в нескольких метрах от девушки, и выключил музыку, пару раз нажав на электронную панель в автомобиле. После этого Демид бросил выразительный взгляд в зеркало заднего вида, однако сонный Святослав не обратил на это никакого внимания. Подождав еще несколько секунд для верности, богатырь тяжело вздохнул и вышел из машины, направившись к стоящей в нескольких метрах девушке.

— Екатерина Евгеньевна, — неуклюже поклонился водитель. — Позвольте выразить восхищение вашим внешним видом. Святослав Андреевич весь день был занят делами рода, поэтому изволит отдохнуть в машине перед приемом у княгини Василисы Борисовны. Позвольте препроводить... эм... сопроводить вас до автомобиля?

— Я уверена, что день Святослава Андреевича был наполнен неотложными делами, с которыми может справиться лишь он один, — с улыбкой ответила Екатерина, едва заметно кивнув водителю. — Благодарю вас за комплимент и за учтивость, Демид Юрьевич. Полагаю, нам уже пора, если мы не хотим огорчить княгиню Татищеву своим опозданием.

— Конечно, Екатерина Евгеньевна, — ответил водитель и подошел к машине, чтобы придержать для девушки заднюю дверь открытой. — Выдвигаемся сию минуту.

Пока Екатерина садилась в автомобиль, Свят, уже пришедший в себя, бросил на нее заинтересованный взгляд. Однако, как только дверь машины закрылась, на него устремился холодный взор изумрудно-зеленых глаз.

— Добрый вечер, Святослав. Рада видеть тебя в добром здравии, — холодно бросила девушка.

— Привет, Катерина, — ответил юноша, переводя взгляд на окно. — Тоже рад тебя видеть. Спасибо, что согласилась сопроводить меня сегодня. Слышал, что у Татищевых должны быть Трубецкие и Суворовы.

— Я не могла отказать Андрею Ростиславовичу в такой... незначительной просьбе, — продолжила Катерина, не отводя взгляд. — Кроме того, он предупредил меня о приеме неделю назад и любезно сообщил цвет твоего костюма, чтобы у меня было время подумать о внешнем виде заранее. Такая дальновидность у мужчин мне импонирует.

— Угу, — только и нашелся, что ответить Святослав, сконцентрировавший свое внимание на пейзаже за стеклом.

В это время в салон ввалился Демид, слегка побряхтел, устраиваясь на водительском сиденье поудобнее, после чего включил классическую музыку на невысокую громкость и двинул автомобиль на выезд из ворот особняка.

Молодой дворянин не стал просить водителя сменить музыку. Екатерина за все полтора часа в дороге до поместья Татищевых не сказала Святославу ни слова.

Демид гнал автомобиль быстро, но в салоне машины представительского класса скорость почти не ощущалась, хотя несколько раз водитель превысил положенный лимит. Въехав на землю поместья Татищевых, можно было заметить разницу с землями Львовых как минимум в размерах вотчины вышеупомянутых родов. Кроме того, туда-сюда то и дело сновали черные тонированные джипы. Вероятно, перед приемом служба безопасности Татищевых решила усилить охрану, дабы не навлечь гнев влиятельных семей, чьи родственники решат посетить прием.

Мерседес останавливали два раза на контрольно-пропускных пунктах, однако увидев, что в салоне сидели именно Львовы, охрана поместья учтиво извинялась и спешно

ретировалась. Когда все контрольные точки были пройдены, открылся захватывающий дух вид на поместье старого по меркам Империи дворянского рода, которое пряталось в гуще подмосковного леса.

Поместье Татищевых напоминало дворцы, которые многие аристократы возводили в Петербурге два-три столетия назад. Поместье пестрило башенками, колоннами и высокими арочными окнами с лицевой стороны здания. Окна ярко горели приятным желтым светом, контрастируя с сумерками, постепенно сгущающимися над местом собрания российских дворян.

Также со двора были видны застекленная оранжерея и сады, расположенные по соседству с поместьем, и отдельно стоящий гараж, вероятно включающий в себя подземный паркинг. Внутренний двор соответствовал текущим тенденциям в аристократической среде: ровный зеленый газон, однако вместо привычных для средней полосы Российской империи видов деревьев, огромный по размерам внутренний двор украшали красные клены. Эти деревья предпочитают защищенную от мороза и сильного ветра территорию, однако ради красивой пурпурной окраски листвы Татищевы вполне могли прилично потратиться на помощь магов земли и воды.

Демид остановил автомобиль, немного не доехав до каменной дорожки, ведущей от асфальтированной площадки, где сейчас стояли два Кадиллака и один БМВ, к входу в поместье. Кроме дорогих автомобилей, гостей до входа в само здание поместья встречали несколько слуг.

— Святослав Андреевич, Екатерина Евгеньевна, — весело проговорил водитель, поворачиваясь лицом к пассажирам, — мы успешно достигли места назначения. Позвольте... это... помочь вам.

С этими словами Демид выбрался из машины и подошел к правой стороне автомобиля, открывая дверь Екатерине и подавая той руку, пока Святослав бодро выбирался из Мерседеса сам. После этого богатырь поклонился молодым людям и негромко произнес:

— Хорошего вечера, вашблагородия. Я тут отгону машину недалеко. Прямым рядом. Пусть Святослав Андреевич даст мне знать, как вы захотите ехать домой.

— Благодарю, Демид Юрьевич, — спокойным голосом ответила Екатерина, взяв под руку подошедшего к ней Святослава. — Уверена, вечер выдастся просто замечательным. Особенно в компании такого славного кавалера.

— Свободен, Демид. — Святослав отпустил своего водителя взмахом руки.

Пока Демид отъезжал от молодых людей, к ним подошел слуга во фраке и с небольшим планшетом в руках.

— Святослав Андреевич, Екатерина Евгеньевна, — обратился было с поклоном слуга, — разрешите поприветствовать вас на....

— Если позволите, я бы обошелся без вашего сопровождения, — бесцеремонно прервал слугу молодой дворянин. — Я частый гость у Татищевых, так что обойдусь без проводника, знаешь ли.

— Как пожелаете, Святослав Андреевич, — ответил слуга, услышав пожелания сына графа Львова, после поклонился и несколько раз нажал на экран планшета. — Вас встретят у парадного входа. Желаем вам приятного вечера.

Екатерина недовольно покосилась на Святослава, однако тот спокойно повел девушку в сторону входа в поместье Татищевых. Им открыл двери камердинер в том же черном фраке, после чего Святослав, не обращая внимания на попытавшегося что-то сказать после

очередного поклона молодого слугу, двинулся в правую сторону поместья. Все внутренние помещения дворца были выстроены как парадная анфилада, характерная для барокко: все залы выстраивались в единую линию, не перемежаясь коридорами.

Пройдя через высокие двери, украшенные позолоченной резьбой по дереву, Святослав и Екатерина оказались в святой святых любого уважающего себя дворянского рода — парадном зале.

Парадный зал мог сбить с толку своей грандиозностью и роскошью неискушенного зрителя. В дневное время суток огромные арочные окна с обеих сторон широкого зала давали прекрасное натуральное освещение, однако сейчас, вечером, в зале горели сотни огоньков люстр и декоративных светильников, а из окна открывался вид на заходящее солнце и переливающуюся в его лучах крону красных кленов.

Сам зал украшала позолоченная резьба и орнаменты, а также плоские пилястры — имитации колонн. Высокий потолок разделен на восьмиугольные панели, декорированные янтарем. У стен парадного зала по случаю приема стояли небольшие столики с закусками, а слуги разносили шампанское.

Оркестр, почти незаметно приютившийся в углу на фоне роскоши парадного зала поместья Татищевых, играл незамысловатую классическую мелодию.

Услышав, как камердинер произнес имена и титулы вошедших гостей, к паре устремилась молодая девушка в синем платье и с уложенными объемными прядями светло-каштановыми волосами, едва касающимися шеи. Под руку ее вел высокий темнокожий мужчина, на вид лет тридцати пяти, с коротким афро, черными глазами и в темно-бордовом костюме.

— Святослав, Кэтрин, рада видеть вас, — бодро произнесла девушка, подойдя ближе. — Матушка объявит прием открытым через пару минут. Пока можете взять бокал шампанского и насладиться закусками.

— Спасибо, Татьяна, — ответил молодой дворянин. — Эм... не представишь своего спутника?

Татьяна Татищева на несколько секунд отвела взгляд и поправила прядь светлых волос, после чего ответила:

— Конечно. Это Эдсон Антао, кенийский предприниматель с британскими корнями, меценат, большой любитель русской литературы, совладелец и генеральный директор Кенийских Железных Дорог, — девушка повела рукой в сторону Святослава и Екатерины, обращаясь уже к кенийскому бизнесмену, — Святослав Андреевич Львов, сын графа Львова из младшей ветви, рядом с ним Екатерина Евгеньевна Львова, племянница Павла Викторовича Львова, графа из старшей ветви рода.

— Приятно познакомиться, мистер Львов, — сказал Эдсон на чистом русском языке без акцента и, освободив правый локоть от державшей его руки Татьяны, протянул свою правую руку для рукопожатия Святославу.

Свят слегка замялся с приветствием, но через пару секунд пожал руку Эдсона. После этого предприниматель ловко перехватил кисть Екатерины и, слегка поклонившись, приложил губы к ее пальцам.

— Приятно познакомиться, мисс Львова. Ваша красота превосходит даже багровые отблески листьев красного клена в лучах заходящего солнца.

Екатерина смутилась, но ответила с иронией в голосе:

— Осторожнее, мистер Антао. Вы слишком выделяете оттенки красного в своих словах

и образе, не всем дамам понравится такая яркость.

— О, но я ведь и без того выделяюсь, — ухмыльнулся Антао, после чего вновь взял под руку Татьяну, — к тому же, красный, бордовый и алый — цвета не только жестокости, но еще амбиций и страсти. Мне это по душе.

— Петухи, знаете ли, тоже красные, — ляпнул Святослав, после чего обратился к своей спутнице, — Катерина, я голоден, стоит воспользоваться советом Татьяны, пока не начались танцы.

Эдсон улыбнулся еще шире и изобразил неторопливый поклон. Татьяна же затараторила:

— Да. Да, конечно. Располагайтесь. Чувствуйте себя как дома.

— Но не забывайте, что вы в гостях, — подметил Эдсон, бросив взгляд на Свята перед тем, как тот потащил едва сопротивляющуюся такому напору Екатерину ближе к левой стене зала и столам с закусками.

Остальные гости — их было довольно много — собирались в небольшие группы и вели беседы. Некоторые налегали на закуски, некоторые — на шампанское. Хотя до начала приема еще осталось немного времени, большинство дворян все же приехали заранее и сейчас расслабленно перемещались по залу, иногда приветствуя кого-то или переговариваясь друг с другом.

— Святослав, — с напором прошептала Катерина, — Думаю, стоит выразить почтение хозяевам и некоторым из гостей. Если ты не против, конечно.

— Я не против, конечно, — флегматично пожал плечами Свят. — Но я слегка голоден. А мы уже поговорили с хозяевами приема, так что теперь ты можешь и не держаться кавалера, выразив почтение всем желающим в этом зале. Хоть одновременно.

Екатерина одернула руку, неестественно скривившись и на мгновение испортив свое изящное аристократическое личико, после чего покачала головой и покинула Святослава. Голова же Свята была забита мыслями о том, какой из закусок угоститься первой, раз уж сегодня ему постоянно портили аппетит.

Но планам Святослава свершиться было не суждено. Он успел съесть одно канапе с форелью, авокадо, огурцом и оливкой и потянулся за вторым, когда за его спиной раздался громкий веселый голос:

— Святослав свят Андреевич! — после чего Святослава по правому плечу ощутил хлопнула чья-то ладонь.

От такого толчка с деревянной шпажки Свята один за другим посыпались элементы канапе: кусочки семги и авокадо упали на стол, а огурец и оливка свалились под стол, причем последняя еще и куда-то укатилась. Святослав обернулся через правое плечо, держа оставшуюся в руках шпажку перед собой:

— Трубецк... — гневно начал говорить и сразу же запнулся Свят, поскольку за его правым плечом никого не оказалось.

— Ну прям картина Репина, Святушка. — раздался откровенно ироничный голос откуда-то слева.

Святослав резко развернулся через левое плечо и столкнулся нос к носу с обидчиком. А это был...

— Трубецкой, чтоб тебя! — выпалил Святослав. — Никогда не можешь нормально появиться. По-человечески. Все хи-хи, да ха-ха. И причем тут «Не ждали»?

— Нет, — уже откровенно рассмеялся Михаил. — тут скорее «Яблоки и листья». Нс

ведь ловко я тебя, а? Ведь я слева изначально и стоял. И плечо твое не трогал. А ты все вертелся и искал меня. Раз пять вокруг своей оси повернулся. Прямо как юла. Я ведь так вечный двигатель смогу создать, пока ты крутишься и даешь электричество. Будет ветхий вечный двигатель на святой тяге.

— Все тебе шутки шутить, Миш... — проворчал Святослав, протягивая другу руку. Краем глаза он заметил, как один из слуг уже убирал остатки еды со стола. — ... не успокоишься никак.

Судя по лицам присутствующих рядом дворян, на бурное приветствие молодежи они не обратили внимание. Или сделали вид, что не обратили внимания на очередные фокусы Михаила.

— Что могучим магам воздуха — шутка, иллюзионистам — практика, — с самым серьезным выражением лица поднял вверх палец левой руки Трубецкой, пожимая правой руку товарища. — Но вот шпажку ты мог из руки и выпустить, изверг. Она ж мне ладонь проткну... хотя, может и нынче за лишнюю мертвую душу какую-нибудь ссуду дадут...

Святослав резко одернул руку и уставился на свою ладонь, после чего быстро перевел взгляд на ладонь друга. Сам же Михаил сжал ладонь в кулак и с хитрецей поглядывал на Свята.

— Так ведь нет там ее больше, говорю же, — сказал Михаил, раскрывая ладонь и доставая левой рукой шпажку из внутреннего кармана своего пиджака. — А король-то голый! В смысле, души ж мертвые, нет их уже.

Святослав закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, лишь после этого вновь открыл глаза и ответил другу:

— Это, конечно, смешно, Трубецкой. Действительно смешно. Но мы не у тебя в гостях, чтобы ты свои трюки...

— Иллюзии! — поправил товарища Михаил.

— ... хорошо, иллюзии, показывал. Мы на приеме, если ты забыл. Веди себя соответственно, черт побери!

На секунду в споре молодых людей наступило затишье. Михаил задумчиво крутил в руках деревянную шпажку для канапе, которую так и не выпустил после своего магического фокуса. А Святослав смотрел на лицо друга, выражавшее величайшую степень задумчивости, и сам наполнялся отрешенным настроением.

Из состояния стазиса друзей вывел камердинер, который объявил фамилию следующих гостей, приехавших точь-в-точь к времени начала приема: Суворовы.

В зале раздалось несколько негромких мерных постукиваний металла по стеклу. Как только гости приема услышали звук, доносившийся из центра парадного зала, они прекратили праздные беседы между собой и молча направили взор на женщину с изящной чайной ложечкой в одной руке и бокалом шампанского в другой. Дама носила белое ампирное платье в пол, а ее голову с уложенными назад темно-каштановыми и спадающими ниже плеч волосами украшала диадема. На ней вместо зубцов короны располагались с десяток пар диагональных цветочных листов из золота, между каждой из которых «прорастали» три тонких переплетенных стебля с навершием из небольшой бусины изумруда.

— А Катерине бы подошла такая тиара. К ее цвету глаз... — прошептал другу Михаил, после чего замолчал, одновременно с последними затухающими разговорами дворян.

Святослав оставил реплику товарища без ответа.

— Уважаемые гости! Благодарю за то, что нашли время посетить нас сегодня. Понимаю, что с каждым сезоном Империю настигают все новые и новые испытания. Однако, я благодарю тех, кто принял приглашение и почтил нас своим визитом. В том числе нашего дорогого гостя из Кенийской Свободной Республики, Эдсона Антао. Как далеко ни находились бы Кения и Российская Империя, мы рады верой и правдой служить его императорскому высочеству Алексею Константиновичу, а также защищать как границы местных народов, так и интересы Империи в Африке, — Графиня Татищева, а это была именно она, сделала многозначительную паузу. — Полагаю, что даже в такое тяжелое время добрым соседям найдется что обсудить и с кем поднять бокал шампанского или вина. А пока, прошу вас, наслаждайтесь вечером. Танцы объявят через тридцать минут.

После этого Василиса Борисовна Татищева кивнула кому-то из дворян в правой стороне зала и направилась к своей семье, где также находились ее дочь, Татьяна, и ее спутник — Эдсон Антао. В зале же вновь начали беззаботно щебетать дамы и вести серьезные беседы их кавалеры, а оркестр продолжил играть спокойную классическую музыку, настраивая гостей на правильный лад.

— Святушка, а, Святушка, — с интересом проследил взгляд Свята Михаил. — А на когс это мы пялимся? Да нагло, да бесстыже, да во все глазоньки?

— Ни на кого, Миш, — ответил Святослав слегка сорвавшимся голосом, быстро переводя взгляд на товарища.

— А-а-а-а... ну так бы сразу и сказал. А то мне вдруг показалось... — продолжил Трубецкой, нагло ухмыльнувшись и хитро сощутив глаза, — ...но, видимо, совершенно ошибочно, что ты, друг, по большому недоразумению, уставил свои очи цвета мокрого асфальта на Александру Суворову. Да так на нее загляделся, что кузена ее заметить не изволил, кой буравил тебя своими синими глазоньками, пока я тебя, дурака, не одернул.

Свят не нашелся что ответить на насмешливую тираду друга. Однако сделал пару шагов в сторону и встал ближе к столу с закусками, лишь изредка невзначай поглядывая на Суворовых, расположившихся небольшой делегацией ближе к центру зала.

— Дружище, ты ведь понимаешь, что так не пойдет? — не унимался Трубецкой. — Она сдала экзамен на подмастерье год назад, а сейчас род бережет ее от лишнего внимания, к которому приведет ранг адепта в семнадцать-восемнадцать лет. То есть она уже на

четвертом из восьми рангов, ну или почти на четвертом, в свои семнадцать лет, а в восемнадцать даст жару многим неплохим магам. В прямом смысле, Святушка, она же как и все Суворовы — маг огня.

Но молодой Львов почти не слушал друга и витал в облаках, размышляя о роде Суворовых. Александра — младшая и, как говорят многие дворяне, любимая дочь Александра Даниловича Суворова, главы рода. Сейчас она действительно стояла рядом с родственниками и, справедливости ради, голодные взгляды, бросаемые Святославом, можно понять.

Александра — статная девушка с изящной фигурой, которой недавно исполнилось семнадцать. Природа не обделила ее красотой — высокий лоб, черные ресницы и брови, живые карие глаза, узкий подбородок. Но настоящую дворянку в ней выдавали не внешность, а манеры. Когда Свят впервые увидел ее на одном из приемов и был поражен тем, как величественно и достойно держалась девушка. Вероятно, как ни любил ее отец, воспитание дал ей строгое.

Вопрос все же состоял в том, как именно поймёт взгляды Святослава окружающая девушку семья — Алексей Ефимович Суворов, молодой парень на несколько лет старше Свята, являющийся кавалером Александры на приеме а также его брат-близнец Филипп, сопровождающий свою тетю, ранее упомянутую Трубецким, Настасью Олеговну, мать Александры. Алексей немного старше Филиппа и именно он, как старший представитель рода мужского пола, отвечал за честь и достоинство на приеме у Татищевых. И нагло рассматривающий его сестру Львов вполне мог перейти в категорию оскорблений чести и достоинства, что могло привести к непоправимым последствиям.

— Нет, ты не подумай, я не осуждаю. Она и прическу сменила, и цвет волос. Ей безумно идет каре и темно-пепельные волосы. Как отец ее не выпорол за такое, ума не приложу, с внешним видом у Суворовых все жестко, — прервал размышления друга Михаил.

— Может, и выпорол, кто ж знает... — задумчиво пробормотал Святослав, взгляд которого бродил далеко от пепельных волос юной Суворовой.

Михаил наклонился ближе к Святу и негромко сказал:

— Поднимите-ка глаза чуть выше, Святослав свят Андреевич. Мне, как вашему другу, искренне боязно за вашу судьбу, — после чего Трубецкой прошептал еще тише, — и вообще, в искусстве войны есть тактика: одолжи меч и убей им. Поэтому я одолжу вам свой меч чуть позже, Святослав свят Андреевич, так что сможете-таки пригласить свою, точнее еще не свою, Суворову на один танец.

Увидев повернувшееся к нему вытянутое от удивления лицо друга, Трубецкой быстро исправился:

— Не в буквальном смысле, Святушка. В фигуральном. Первый танец не обещаю, поэтому пойдем пока к моим, — продолжил увещевать друга Михаил, энергично жестикулируя. — Я и так семью надолго оставил, да и с невестой моего брата тебя познакомлю. Хорошая девушка, из рода Голицыных, но ветви Остерман. Так что Антону повезло. Ты их как раз поздравить с помолвкой, а я заодно тебя невесте представлю. Пойдем, пойдем, через полчаса насмотришься на свою Суворову вблизи.

Михаил пересек парадный зал, лавируя между расположившимися то там, то здесь дворянами. Молодой Львов шел за ним, но в одном из углов парадного зала заметил странное скопление людей, потому не удержался от вопроса:

— Трубецкой, — слегка коснулся плеча товарища Свят, — А в той стороне кто изволит

расположиться?

— Святушка, вот можешь же, когда захочешь, — ответил Михаил, взяв по пути бокал с вином с подноса у одного из слуг и коротко кивнув ему в знак благодарности. — Правильно ты с уважением говоришь. Там изволил расположиться княжич Тимофей Голицын и его свита. Молод, красив, богат, распутен. Насчет второго — не знаток, а четвертое лично не проверял. Но доступную информацию по нему аккуратно посмотрел, все-таки между нами будет родство. И сразу все забыл, сию же минуту.

— Почему? — с интересом в голосе спросил молодой дворянин.

— А не помню, — легкомысленно бросил Трубецкой.

Михаил подошел к молодому мужчине среднего роста, крепкого телосложения и внешне просто старшей версии его самого. Рядом с мужчиной, скромно опустив глаза, стояла девушка-блондинка, заплетенными в косу до поясицы, и голубыми глазами. Михаил щелкнул пальцами и выставил руку вперед раскрытой ладонью вверх. Несколько секунд ничего не происходило, после чего над его рукой материализовалась небольшая иллюзия — пальмовое дерево и плоский двуглавый черный орел.

— Фух, — тяжело выдохнул Михаил. — Святослав, с моим братом Антоном вы уже знакомы. Его невеста — София Остерман из рода Голицыных. Прошу любить и жаловать!

— Выпендриваешься, брат? — добродушно улыбнулся Антон. — А наш герб на днях создавать мне отказался. Сказал, слишком много элементов.

София удивленно глянула на Антона — согласно этикету, знакомство было еще не окончено и ей нужно было представиться.

— Да ладно, Соф, — беззаботно махнул рукой Антон. — Свят свой парень, а старших рядом я не наблюдаю. Ну, не дуйся, хочешь, так представляйся как положено.

— София Остерман из рода Голицыных. Приятно познакомиться, Святослав... — девушка замялась, ведь отчества Свята никто так и не упомянул.

Юноша собирался представиться, но его опередил Михаил:

— Святослав Андреевич, но можно просто Святослав или Свят. Для близких друзей — Святушка.

София в очередной раз надула щеки и, переведя взгляд на Трубецкого-младшего, добавила:

— Между прочим, Михаил, вы не до конца воссоздали наш герб. Не достает короны над головой орла, у самой птицы крылья расправлены и не хватает основы герба, — София сделала многозначительную паузу, в то время как Антон все шире улыбался. — Щит вы создать тоже забыли.

— Ну и как тебе такая критика, братец? — уточнил Антон, едва сдерживая смех от умилительного зрелища.

— Конструктивная, — картинно тихо произнес Михаил, опустив плечи и вперив взгляд в пол. — Как же мне теперь стать новым Гудини?

— Вам стоит знать, что Гудини погиб от перитонита, Михаил, — серьезно добавила София и нахмурила брови.

— Такова судьба настоящего мага, — бодро ответил Михаил, тут же воспрянув духом после мимолетного огорчения. — Слава, конечно, а не смерть от воспаления брюшной полости.

Разговор ненадолго утих, но вскоре слово взял Святослав:

— Пока Гудини вновь меня не отвлек... выражаю вам поздравления с помолвкой от

младшей ветви рода Львовых.

— Спасибо, Свят, — Антон прищурил взгляд, легонько сжав локоть Софии — Очень приятно.

Но девушка этого, кажется, не заметила:

— Ваш старший брат, Георгий, и Екатерина уже поздравили нас от имени вашего рода.

Святослав стусевался, и беседа вновь утихла. Пока молодые люди молчали, к разговору присоединилось новое действующее лицо.

— Господа и дамы, приветствую вас, — раздался за спиной Святослава спокойный благожелательный голос.

— На ловца и зверь бежит, — радостно отметил Михаил. — Георгий, я совсем потерял тебя из виду после приезда. Уж думал, ты решил оставить своего брата за главного на этом приеме.

Георгий Львов, подошедший к компании молодых людей, едва слышно хмыкнул и приветственно пожал руки Антона, Михаила и Свята, кивнув Софии.

— Согласен, Георгий, ты совсем от старых друзей затерялся, хотя... — начал говорить Антон, но увидев, как Георгий скривил губы, тут же сменил тему, — ...ну да ладно, это дело десятое. Как вам речь Василисы Борисовны?

— Про тяжелые времена? — беззлобно ухмыльнулся Михаил, и последовал риторический вопрос — А когда они были не тяжелые?

— Думаю, что сейчас во внутренней политике Империи нет явных конфликтов или противоречий. У нескольких сильных родов — паритет в плане сил и ресурсов, — София так увлеклась рассуждениями, что не заметила, как все в группе молодых людей замолчали. — Получить новые территории здесь или колонии в Африке и Азии практически невозможно, мир уже давно поделен на части. Да и конструкторов Древних больше шестидесяти лет не находили.

Однако, Святослав все-таки не смог удержаться от шпильки:

— Сильные рода — это, наверное, ваш род? Голицыны?

— Почему сразу наш? — смутилась София, отводя взгляд. — Те же Румянцевы, Суворовы или Трубецкие, к примеру, очень влиятельны...

Антон заметно напрягся, услышав комментарий молодого Львова, и приобнял свою невесту за талию. Но все напряжение снял его младший брат. Михаил достал деревянную шпажку из внутреннего кармана пиджака, после чего вытянул перед собой и щелкнул пальцами. Шпажка словно испарилась из руки Михаила и тот весело объявил:

— Десять баллов команде Софии Остерман и Михаила Трубецкого.

— А... за что? — растерянно протянула София, непонимающе смотря на иллюзиониста.

— Мне — за фокус, — с легким поклоном и озорной ухмылкой на лице ответил младший Трубецкой. — Вам — за поверхностный, но правильный ход мысли. Несите книжку.

— Какую книжку? — все еще не могла понять София, что имеет в виду Михаил.

— Зачетную, конечно, — задорно ответил тот, разведя руки в стороны, — у вас автомат.

— Смотрю, какие-то вещи от бала к приему не меняются, — безразлично отметил Георгий, кинув быстрый взгляд на говорившего ранее Трубецкого-младшего, — Но если серьезно, то София права. Империю пока не трясет, да и крупных конфликтов между родами в последние пару лет не было. Но лучше не будем о наших великих родах в их присутствии.

— Не поминай имя Божие всуе... — протянул Святослав и взял бокал шампанского у

слуги, проходящего мимо с подносом.

— Всё, — поправила его София.

— Ну да, я так и сказал, — убежденноотреагировал Свят, делая глоток шампанского.

Михаил подмигнул Антону, после чего задержал ближайшего слугу, чтобы тот забрал у него пустой бокал. Георгий же только вздохнул чуть громче обычного.

— Эм, в общем... — София вернула разговор в прежнее русло, — и про соседство в Африке все верно. В Кении коренным народам под британцами хорошо не жилось. Татищевы даже одного из местных предпринимателей пригласили. Мы с ним, кстати, уже были представлены.

— Да, видел я этого кенчика, — мрачно бросил Святослав. — Если в этой дыре все такие, как он, то я сочувствую Иностранному корпусу.

— Святушка, нечего нашим бравым солдатам завидовать, — заверил Михаил и похлопал приятеля по плечу, отчего Свят немного вздрогнул, — Вон, Антон отслужил в Корпусе пять лет. Пусть он и скажет, завидовать им или сочувствовать.

— Ни то, ни другое, Миш, — воодушевился Антон, убрав руку с талии невесты и вновь взяв ее под локоть — Меня перевели из Иностранного корпуса два года назад, генерал Разумовский редко в прошениях отказывает. Так что не знаю, как там сейчас, но, думаю, в Найроби ничего не меняется. Сомалийские пираты нападают на гражданские суда, наемники разного пошиба делают набеги на деревни у нас и у соседей-британцев в Уганде, Танганьике и Южной Африке. Италия при этом вроде как ни при чем, хотя Сомали они держат крепко. А искатели, чтоб им пусто было, все лезут в пещеры у базы нашего геологического общества под Найроби.

— Ага-ага, бедное маленькое геологическое общество, — перебил брата Михаил с иронией в голосе, — Живут с леопардами и львами под боком. И с одним из трех конструкторов Древних.

— Официально ни американцы, ни японцы о своих объектах на Аляске и Тайване не сообщали, — сердито проворчал Антон, — значит, и у нас геологи просто ищут что-то в местном потухшем вулкане...

— ...А имперский Иностраный корпус просто помогает Татищевым контролировать удаленную от наших границ колонию, — ехидно закончил за брата Михаил.

— Не сильно-то он и имперский, — решил поправить старшего Трубецкого Георгий. — Ваш генерал Разумовский в один день сделает из солдат наемников, под стать сомалийским пиратам.

— Это ты сгущаешь краски, Георгий, — ответил Антон. — Иностраный корпус в Найроби расквартировали в шестьдесят пятом, еще при жизни императора Константина Николаевича. Он же, между прочим, и видел корпус как военную структуру, не связанную по рукам и ногам контролем начальников регулярной армии. Ну и Разумовский такого же мнения, как и покойный император: Корпус — это третья сдерживающая сила в помощь императору и личным армиям дворян. Не он первый командующий корпуса, не он последний.

— Это верно, — продолжил свою мысль Георгий. — Только в помощь ли, или в противовес? Ведь в корпусе те же солдаты с магией и без, только лучше и тщательней подготовленные. И те же дворяне, которым не сидится в империи, только инкогнито. Вот и вся третья колонна власти.

— Толковая армия, сражающаяся за свой дом и свои идеалы, всяко лучше, чем тот, кто

просто подчиняется командам, потому что ему так сказали и дали денег, — уверенно парировал Антон.

— Или даже денег не дали, — ехидно подметил Михаил, поддерживая брата.

— Как скажешь, Антон, — развел руками Георгий, поняв, что с двумя Трубецкими ему не справиться. — Не хочу с тобой спорить. Просто того же Наполеона такие взгляды до добра не довели.

— Это ты к чему? — уточнил Свят, поворачиваясь к брату.

— Это я к тому, — со вздохом ответил Георгий. — что мсье Бонапарт создал империю, за которую его солдаты шли умирать. По большой любви, а не по принуждению. Французы сами создали свою избранность в огне революции, а Париж по итогу сделали настоящим культурным центром с салонами, общественно доступными парками и прочими благами цивилизованной империи. Вот только куда привели Бонапарта его идеи и массово набранные пять сотен тысяч солдат?

— В Москву, — в тон ответил ему Антон. — Только мы — и есть Москва. Да и Людовик Восемнадцатый свой трон вернул, а Бонапарт сгнил на острове где-то в Атлантическом океане.

Беседу юных дворян прервал усиленный магией голос слуги, который сообщил о том, что в скором времени объявят первый танец вечера.

Аристократы, пришедшие на прием, неторопливо разошлись по огромному парадному залу дворца Татищевых, освобождая его центр для танцующих пар. Казалось, что парадный зал способен принять еще в несколько раз больше гостей, и ни у кого все-равно не возникнет стеснения.

— Прошу меня простить, я и так оставил свою спутницу на слишком долгий срок. Если не приглашу ее на первый танец, она мне этого не простит. — Георгий, кивнул товарищам и удалился.

— Тебе тоже стоит найти себе пару на танец, — обратился Антон к Святославу, — дворянину никогда не помешает танцевальная практика, так скажем, в боевых условиях.

— А мне ты советы не даешь, — обиженно протянул Михаил, картинно поджав губы.

— Граф Львов, к сожалению, не нашел времени на посещение этого приема. Уверен, что он действительно занят, — настойчиво проговорил Антон. — А вот князь Трубецкой, твой отец, сейчас беседует с младшим сыном князя Румянцева. Судя по всему, их разговор подходит к концу. Могу попросить его дать тебе пару советов лично.

Михаил не стал спорить с братом и, схватив Святослава за плечо, потянул того в сторону от своего старшего родственника.

— Только танцы и никаких советов! — бросил он на ходу ухмыляющемуся Антону.

Когда юноши отошли в сторону, встав ближе к стене, Михаил остановился и обратился к другу:

— От советов отца я откажусь, а вот для друга мне совет не жалко. Поэтому слушай, — теперь Михаил заговорил еще тише, — с первым танцем я тебе помочь не могу, сам понимаешь, но вот потом постараюсь сделать так, чтобы тебе не пришлось просить разрешения на танец с Александрой у ее двоюродных братьев. Хорошо хоть, что ее батюшка занят переговорами в Италии, у тебя будет время добежать до кенийской границы, подальше от его гнева, в случае чего.

— Хорошая шутка, — радостно ответил Святослав. — А за помощь спасибо.

— Не за что. — Михаил хлопнул его по плечу. — А теперь извиняй, но дворянину

нужна танцевальная практика в боевых условиях.

После этих слов Михаил покинул друга, и Святу ничего не оставалось, кроме как начать выискивать глазами Екатерину, с которой он приехал на этот вечер и которую собирался пригласить на танец.

На балах во многих дворянских поместьях, включая не только московские, но и столичные петербургские фамилии, вечер начинался с полонеза, появившегося в Польше в пятнадцатом веке, но занявшего место популярного открывающего танца для многих имперских аристократов к восемнадцатому-девятнадцатому веку.

Этот танец считался традиционным, поскольку его популяризовал Петр Романов, он же Петр Великий. Учитывая его достижения, в следующие два-три столетия танец и занял свое почетное место в жизни дворян. Однако иногда бал открывали и вальсом, который являлся не менее популярным, но зачастую вторым по исполнению танцем. В таком случае полонез танцевали уже в конце бала.

Тем не менее, приемы в подмосковном поместье Татищевых прославились не только тем, что их посещали крупнейшие имперские семьи и их наследники, а своей прогрессивностью. Конечно, сложно так охарактеризовать малое отступление от устоявшейся традиции, однако множество молодых детей графов и князей, для которых приемы у уважаемого рода пользовались особой популярностью, не упускали шанс подчеркнуть, насколько они выделяются, и в какой-то степени противопоставить себя отцам, тем самым хранителям традиций, от которых приемы Татищевых нередко отклонялись.

Именно поэтому сегодняшней прием был объявлен вечером вальса. Вместо полонеза вечер открывал венский вальс, который также заменял и такие энергичные танцы, свойственные многим балам, как полька и мазурка, а вторую половину вечера закрывал классический вальс, сам по себе более сложный, чем вальс венский.

Оркестр закончил приготовления и начал играть музыку, давая возможность кавалерам пригласить дам, конечно же, с согласия их родителей или опекающих родственников.

В этот момент Свят продолжал оглядывать зал в поисках Екатерины и, наконец, нашел ее рядом с невысоким коренастым мужчиной лет пятидесяти на вид. Седина уже тронула виски его русых волос, аккуратно зачесанных назад, также слегка окрасив густые закрученные усы.

Мужчина о чем-то переговаривался со своей женой, но изредка сурово поглядывал на Екатерину своими темно-зелеными глазами, будто ожидая, кто из кавалеров осмелится подойти к ней. Кажется, она не замечала Свята и всматривалась в центр зала, куда постепенно двигались многие молодые дворяне, желающие показать свои танцевальные навыки.

Святослав тяжело вздохнул и неспешно подошел к девушке, которая заметила его лишь в последний момент, когда он уже поклонился и протянул руку своей даме:

— Екатерина, позвольте пригласить вас на танец, — после чего Святослав перевел взгляд на нахмурившего кустистые брови седого мужчину. — Конечно, с позволения вашего батюшки, Евгения Викторовича.

Брат главы старшей ветви Львовых перевел взгляд на дочь, которая едва заметно вздохнула и слегка кивнула своему отцу, после чего тот, в свою очередь, кивнул Святославу и скрестил руки на груди, провожая взглядом удаляющуюся пару.

Екатерина, приняв руку юноши, перестала смотреть по сторонам, выпрямила спину и приняла крайне серьезный вид. Свят же, наоборот, продолжал крутить головой, казалось бы,

в поисках кого-то среди пестрых костюмов и платьев.

— Если ты продолжишь вертеть головой и не сосредоточишься на танце, — шепнула ему Катерина, склонившись к самому уху юноши, — то тебя будет ждать суровое наказание. Впрочем, ты, кажется, именно что-то суровое среди дворян и ищешь...

— Ммм? — отстраненно откликнулся молодой человек.

— Ничего, все в порядке, — снова обратилась к нему Катерина, слегка поджав губы. — Соберись немного, а то в такт не попадешь.

Святослав улыбнулся, но продолжил смотреть по сторонам, даже когда танец начался. Он уверенно вел партнершу, положив ей правую руку на талию, а девушка положила свою ладонь ему на плечо. Венский вальс открывал вечер не просто так, ведь для многих молодых дворян прием у Татищевых мог стать первым выходом в свет не только благодаря престижности и организованности, но и из-за менее формальной обстановки, в которой первый публичный танец не станет давить так сильно, как на том же ежегодном балу у императора.

Но ни для Святослава, ни для Екатерины, любой вид вальса не являлся проблемой. Святослав двигался уверенно, хоть иногда и забывал держать спину прямо. Екатерина же могла поразить любого юношу своей грацией.

Но не Святослава. Он продолжал, как ему казалось, незаметно поглядывать на другие танцующие пары. В какой-то момент даже на маске серьезности Катерины появилась брешь, и она без намеков едва слышно уточнила:

— Я правильно понимаю, что ты высматриваешь, с кем танцует Александра?

Святослав перестал смотреть по сторонам и, наконец, сосредоточил взгляд на изумрудных глазах своей дамы:

— Эм... нет, нет, с чего бы, — неуверенно возразил Свят.

— Значит, мы говорим именно об этой конкретной Александре, — так же тихо продолжила Катерина, не принимая слабые попытки возражать. — Я не хочу, чтобы после этого приема о моем роде пошли какие-то слухи. Поэтому перестань смотреть по сторонам, выпрями спину и веди себя как взрослый мужчина. Время детских шалостей для тебя закончилось еще два года назад.

В ее голосе не было просительных интонаций, а холодные глаза продолжали буравить Святослава, пока пара непрерывно двигалась в такт музыке. Молодой дворянин опешил от такой прямоты со стороны своей родственницы, однако движения, вбитые в память учителями по танцам, позволили не сбиться с ритма.

— Ну... как скажешь, — неуверенно пожал плечами Святослав, переведя взгляд на прекрасное лицо девушки, которая уже отвела в сторону холодные зеленые глаза.

— Как скажу, — еще тише и холоднее произнесла Катерина.

До самого конца танца Святослав отводил взгляд от Екатерины лишь на несколько кратких мгновений.

— Те же люди в том же месте, — ухмыльнулся подходящий к Святославу Михаил Трубецкой.

Действительно, он нашел Свята у одного из столиков с закусками, которые периодически меняли снующие по залу слуги. После того как Святослав проводил Катерину к ее еще более хмурому отцу, он направился напрямик к еде, раз уж до этого его намерение подкрепиться было прервано Трубецким. Однако тот как будто специально направился

прямым к другу и продолжал улыбаться, глядя на раздраженного Святослава.

— Трубецкой, скажи мне честно, ты ведь это специально делаешь? — спросил друга младший Львов.

— Что делаю? — наигранно удивился Михаил и продолжил говорить, не дав Святославу времени толком возмутиться. — Напоминаю о тебе важным дворянам, тем самым налаживая связи с будущим светом Российской Империи? Если ты против, то ты только скажи, я сразу перестану.

— Это ты-то будущий свет, я так понимаю? — пренебрежительно хмыкнул Святослав, успевший за это время проглотить пару элегантных закусок.

— Ну а что, — искренне улыбнулся Трубецкой, — я — это будущий свет, а ты — нынешний Свят. Все по делу выходит, не находишь?

Святослав лишь отмахнулся махнул рукой от очередной шутки друга и поинтересовался, снизив голос:

— Так что там насчет Саши?

— Саши? — от такой фамильярности добрая улыбка сползла с лица Михаила и тот занес руку, чтобы ударить себя ладонью по лицу, однако сдержался и лишь поправил волосы. — Ты, наверное, бессмертный, Святушка. Ну, с таким-то именем тебя, видимо, хранят сами боги. Но я тебя прошу, отнесись к тому, что мы сделаем, серьезно. Я не собираюсь использовать свою карту иллюзиониста ради того, чтобы Александра тебе просто-напросто отказала. И ни в коем случае... Ни в коем случае не фамильярничай с Суворовыми, даже когда мы одни у этого стола с закусками.

Святослав был удивлен тем, как распался его приятель, поэтому просто стоял и внимал словам Михаила. Однако, когда тот закончил, с вызовом спросил:

— И ты говоришь мне про серьезность? После всех этих фокусов и выкрутасов?

— Не фокусов, а иллюзий, — уже спокойно ответил ему Трубецкой. — И да, это говорю тебе я. А теперь, если ты меня услышал, мы пойдем и поболтаем с кем-нибудь из важных дворян.

Святослав с грустью посмотрел на столик с изысканными деликатесами. Его желудок продолжал напоминать о пропущенном обеде, однако Михаил, вернувший себе веселое выражение лица, не оставлял Святу выбора. Последнему пришлось довольствоваться лишь взглядами на еду и направиться следом за другом.

Пару минут Михаил и Святослав медленно лавировали по парадному залу, при этом Трубецкой говорил о каких-то мелочах, не сильно ожидая ответа от младшего Львова, который все еще был недоволен, сдерживаясь от ворчания лишь из-за болтовни друга. Но очень скоро скитания закончились, и Михаил направился в сторону двух молодых дворян.

Святослав узнал одного из них и, повернувшись к Михаилу и удивленно приподняв брови, уточнил:

— Это и есть твое налаживание связей, Трубецкой? Тебе было мало меня или Кати, и ты решил побеседовать еще с одним Львовым? И в чем вообще смысл?

Михаил ухмыльнулся уголками губ и поправил друга:

— Во-первых, прекрасного общества Екатерины много не бывает. Во-вторых, меня не слишком сильно интересует наследник вашей старшей ветви. А вот дворянин с ним по соседству — дело другое.

Святослав перевел взгляд на указанного Михаилом молодого человека, который держал в одной руке полный бокал шампанского, а другой периодически неторопливо и уверенно

жестикоулировал, ведя беседу с Кириллом Львовым, который не интересовал Трубецкого. Кирилл и его собеседник выглядели прямыми противоположностями.

Первый был темноволосым, как и большинство других членов семьи Львовых, но с мягкими чертами лица: большими глазами, вздернутыми бровями и округлым подбородком. Юноша рядом с ним имел короткие светлые волосы, словно они выгорели на солнце, прямой лоб и широкие скулы. Его немного утомленные глаза тем не менее лихорадочно блестели — видимо, он был по-настоящему увлечен разговором, в котором участвовал.

— Теперь понял? — ехидно поинтересовался Михаил, увидевший легкое замешательство Свята. — Так, ладно, соберись. Это Олег Румянцев, и я вас представляю, такое знакомство лишним не будет.

Ровно в этот момент юноши подошли к Львову и Румянцеву, услышав часть их беседы:

— ... и после первой осады взять город пытались уже генерал Демидов и адмирал Мишуков, — закончил свою фразу Румянцев, после чего повернулся к подошедшим к нему аристократам.

— Не хотел отрывать вас от обсуждения, — улыбнулся Трубецкой, кивнув Кириллу и не обращая внимания на его выражение лица, хотя тот, завидев Святослава, слегка закатил глаза и поморщился, — но никак не мог пропустить возможность поговорить о каком-нибудь старинном сражении в компании знающих людей. Олег, позволь представить тебе Святослава Львова, младшего сына Андрея Ростиславовича Львова из младшей ветви рода, с родственником которого из старшей линии ты сейчас ведешь беседу. Свят талантливый волшебник и в скором времени поступит в Московский государственный университет магических искусств.

После этого Трубецкой повернулся к Святославу, сохраняя дружелюбный тон:

— Святослав, это Олег Румянцев, младший сын князя Румянцева, окончивший Императорскую военную академию. Знаток истории и талантливый стратег.

Румянцев протянул Святославу ладонь для рукопожатия, после чего отметил:

— Рад знакомству, Святослав. Мы с Кириллом как раз обсуждали осаду Кольберга во время Семилетней войны, в которой участвовал мой предок. Мнение талантливого мага на этот счет только приветствуется.

Рукопожатие Олега было довольно крепким, потому Свят едва заметно скривился, однако ответил не только на рукопожатие, но и на слова, обращенные к нему:

— Конечно, можем поговорить и про Кёнигсберг, если вам интересно мое мнение.

— Эм..., — слегка замялся уже Трубецкой; он попытался прийти на выручку другу, выделив часть своего ответа интонацией: — насколько я понял, вы обсуждали вторую осаду Кольберга, уже после того как Пальмбах провалил попытки взять город, верно?

— Так и есть, — вступил в разговор Кирилл, — но раз уж к нам присоединились новые собеседники, почему бы и не начать с первой осады. Может, талантливый маг подскажет нам, почему, как ему кажется, провалилось нападение Пальмбаха?

Святослав ступешался и бросил взгляд сначала на Трубецкого, а потом и на Румянцева. Первый тактично улыбался, хотя его глаза и выражали скорбь вселенского масштаба и полное отсутствие веры в человеческую мудрость. Второй же кивнул на вопрос Кирилла и перевел взгляд на младшего Львова, ожидая ответа.

— Ну..., — неуверенно протянул Свят, переминаясь с ноги на ногу, — наверное, у них просто было мало магов.

— Придерживаюсь такого же мнения, друг мой, — быстро перехватил нить беседы

Михаил, — хоть Пальмбах и руководил десятитысячным корпусом, но все же пруссаки не просто умело использовали укрепления крепости, но и при скромном по размеру гарнизоне имели несколько первоклассных магов. Говорят, майор Гейден был мастером-волшебником, а среди ополченцев магическим образом затесались несколько волшебников, контролирующих стихию воды.

Выдав свою тираду, Трубецкой едва заметно выдохнул и после этой короткой паузы спросил у Олега:

— Какое мнение у тебя?

— В целом согласен. В частностях не согласен, — прямолинейно рубанул Румянцев, — крепость действительно защищали ров и болота, а сам городок стоял на возвышенности, позволяя малому гарнизону обороняться с помощью как обычного оружия, так и магии. Только штурмовать крепость надо было еще и с воды. В конце концов, захват Кольберга давал бы нашей армии возможность доставлять провизию не землей через Польшу, а водой — через Померанию.

— Ну, а что тогда насчет второй осады? — иронично поинтересовался Кирилл, возвращая Святослава, который последнюю минуту бестолково глазел куда-то в сторону, в пучину стратегического анализа.

— Ну..., — снова протянул Святослав, судорожно пытаясь нащупать крохи знаний, что сохранились с уроков истории, — подкрепления?

— Именно! — вмешался Трубецкой, с энтузиазмом взмахивая руками. — Мишуков начал атаку на город, не дожидаясь помощи Демидова. Вроде бы решили прошлую проблему, можно атаковать с двух фронтов, но ведь не вновь по отдельности, без сухопутных подкреплений, верно?

— Действительно, как-то странно получилось, — вновь вступил в беседу Олег, — до всех дошли новости о сильных магах внутри крепости. Кроме того, Пруссия вполне могла послать еще войска на помощь защитникам, что они в итоге и сделали, а Мишуков решил действовать настолько нерационально. Он ведь и сам был неплохим магом воды, но, видимо, не ровня Гейдену. В итоге солдаты сбежали, как крысы, на корабли, оставив орудия, провиант и товарищей.

— После этого началась третья осада, уже корпусом генерала Румянцева, — продолжил разговор Кирилл, — Святослав, что думаешь по поводу последней осады?

— Эм... — в очередной раз задумался молодой дворянин, потирая подбородок, — провиант?

— Бьешь не в бровь, а в глаз, Святушка! — радостно воскликнул Михаил. — Румянцев не просто дождался подкреплений с моря, но и отправил солдат с задачей нарушить связь и поставки продовольствия врага. Мало того, что выполнили свою задачу, так еще и захватили соседний Штеттин.

— Угу, — уверенно добавил Олег, — взять крепость штурмом не получилось, но получилось взять ее измором. Я хоть и горд, что моему предку удалось взять Кольберг после нескольких безуспешных осад, да только война не место для гордости. Мало того, что за все эти осады мы потеряли много толковых солдат и магов, так еще и крепость в итоге вернули Пруссии чуть ли не в следующем году. Что сказать, победила дипломатия.

— Надо заметить, — вмешался Кирилл, холодно посмотрев на своего младшего родственника, — что по поводу Семилетней войны ходят разные слухи. В том числе говорят, что те самые совершенно случайные, но определенно сильные маги в гарнизоне Кольберга

были вовсе не магами воды, а магами крови. Тогда и неудачи предыдущих генералов воспринимать нужно немного в другом свете. Как и победу генерала Румянцева. А что касается дипломатии, так среди Румянцевых были министры иностранных дел, что принесли нам немало других побед.

— Может, не будем о магии крови, — взял слово неожиданно посерьезневший Михаил, — о подобном лучше не говорить на приемах, даже если это доброжелательный и... современный вечер у Татищевых.

— Согласен, — кивнул Олег, после чего повернулся к Святославу, — я чрезмерно рад нашему знакомству. Ты, оказывается, не просто талантливый маг, но еще неплохо знаешь историю и военное дело. Если позволишь дать тебе совет, то тебе точно стоит подумать насчет военной академии. Конечно, университет магических искусств — это престижное учебное заведение, но знания и практику в области магии тебе могут дать наставники. А вот сделать из тебя солдата и полководца они не могут. Так что подумай об этом в свободное время, хорошо?

Румянец искренне улыбнулся, в первый раз за все время беседы молодых людей, так что Святославу не оставалось ничего кроме как пообещать подумать над поступлением в военную академию:

— Ну, я конечно поразмыслю на этот счет. Хотя моим родителям хотелось бы отправить меня в МГУМИ.

— Конечно, это в первую очередь дело рода, я понимаю, — сказал Олег и с чувством похлопал Свята по плечу, отчего тот на несколько секунд скривил лицо, но быстро взял себя в руки. — А пока, раз уж мы на Семилетней войне, почему бы нам не обсудить еще и предшествующее осаде Кольберга Цорндорфское сражение, господа?

Кирилл недобро ухмыльнулся, а Михаил, словно почуяв неладное, бросил быстрый взгляд на группы молодых дворян, общающихся в разных частях парадного зала поместья в ожидании следующего танца, после чего широко улыбнулся и ответил:

— Хоть твое предложение и звучит очень заманчиво, но мы вынуждены отказаться. Моя двоюродная сестра, Надежда, просила поговорить с ней до начала следующего танца. И Святослава я на время забираю с собой. Но такому многообещающему стратегу, без сомнения, будет приятно как-нибудь вновь вернуться к обсуждению Семилетней войны, ведь так?

— Д-да, конечно, — быстро отреагировал на слова друга Свят — Рад был познакомиться, Олег!

— Взаимно, — сказал Румянец, протягивая младшему Львову руку, которую тот пожал с небольшой заминкой.

После этого Михаил кивнул Кириллу, оставшемуся обсуждать войны минувших лет с потомком известных полководцев, и недалеко отошел от места случившегося разговора, слегка придерживая Святослава за плечо.

— Фух..., — шумно выдохнул Михаил, — вроде бы все неплохо прошло, Святушка, но из реакций у меня одни эпитеты.

— Почему? — осведомился Свят, уже выискивая взглядом те самые столы с закусками, до которых ему не давали добраться весь вечер.

— Да в общем-то уже не важно, — откликнулся Михаил, немного переведя дух, — но я тебе после знакомства с Румянцевым насчет военной академии подумать советую. В конце концов, рекомендации такого сильного и известного рода на земле не растут.

— Он же просто советовал, но помощи не предлагал, — неуверенно протянул юноша. — Тем более рекомендацию.

— Святушка, — тяжело вздохнул Трубецкой, потирая лицо, — с чего бы пусть молодой, но серьезный дворянин, прошедший военную академию, да еще из рода, известного боевыми заслугами за последние несколько веков, как и связями далеко за границами Российской империи, стал бросать слова на ветер? Ты удивительным образом сумел ему понравиться, по крайней мере, на первый взгляд. Хотя я очень надеюсь, что до второго дело не дойдет...

— Так, ладно, Трубецкой, — нетерпеливо ответил Свят, вновь поглядывая в сторону еды, — если ты меня просто так отвлек, то я, пожалуй, пойду к...

— Нет, дорогой мой, к еде ты не пойдешь, — словно прочитал мысли Святослава Михаил, после чего хитро ухмыльнулся и продолжил: — я пойду поищу свою сестру Надежду, а вот тебя ждет более занятное приключение. Трубецкие, знаешь ли, тоже обещания на ветер не бросают.

— И что за приключение? Или какое конкретно из двух? Ты ведь обещал помочь мне с Александрой, а от Румянцева отмазался разговором с сестрой.

— Святушка, — в очередной раз тяжело вздохнув, сказал Михаил, — я действительно, как ты метко выразился, отмазывался от Олега. Но не себя ради. Я в общем-то отмазывал тебя, причем не жалея живота своего, прошу заметить.

— Не совсем понимаю, зачем, но пусть будет так, Трубецкой, — в тон другу недовольно пробурчал Святослав. — Но вот с Александрой твоя помощь мне пригодилась бы. Я не увидел, с кем она танцевала вальс, но кто-то из дворян ее точно пригласил. Так что...

— Только не говори мне, что ты вертел головой по сторонам, пока танцевал с Екатериной? — уточнил у своего друга Трубецкой, в очередной раз за вечер заметно изменившись в лице.

Святослав замолчал и какое-то время просто смотрел в глаза Михаила, который выжидающе сверлил взглядом друга.

— И чего ты молчишь, Святушка? — не выдержал наконец Трубецкой.

— Ты же просил не говорить, — раздраженно возмутился Свят, разводя руками.

Михаил во второй раз за вечер был близок к тому, чтобы ударить себя ладонью по лицу. Он в двадцать седьмой раз тяжело вздохнул, медленно выдохнул и продолжил:

— Так, ладно, с Екатериной потом разбираться будешь сам. Хотя я бы на твоём месте после такого фортеля к ней пару месяцев не приближался. А может, и пару годиков. Что касается нашей общей проблемы в лице прекрасной дочери самого сильного рода в империи, я тебе действительно помогу. Только превентивно попрошу тебя не пялиться на красивых аристократок с пепельными волосами, хорошо?

— Без проблем, — беззаботно хмыкнул Святослав. — Лучше скажи, как конкретно ты мне поможешь?

— Элементарно, Львов, — сказал Михаил серьезно, заметно подбравшись. — Моя сестра, Надежда, приятельствует с Александрой. Учитывая тот факт, что она знает тебя и хорошо к тебе относится, я просто попросил ее поговорить с Александрой, когда та останется одна, или слегка затянуть беседу, чтобы двоюродные братья Александры нашли себе развлечение получше надзора за сестрой. Таким образом, смелый и героический Михаил Трубецкой убивает два обещания одним зайцем. В общем, ты понял, к чему я?

— Приблизительно, — неуверенно пробормотал младший Львов.

— Святушка, я же иллюзионист. Отвлеку близнецов своим великим талантом, а Надежда просто закончит разговор, и Александра останется одна. Так что ты можешь преспокойно спросить ее собственное желание потанцевать с тобой, а не желание ее дяди или братьев.

— Хорошая идея, Трубецкой! — воодушевленно отреагировал заметно повеселевший Святослав.

— Спокойней, старшина, я знаю, что это хорошая идея. — Михаил картинно поднял подбородок. — Но ты же понимаешь, что это не значит, что она согласится? Шанс есть, это ведь не императорский бал, а прием у Татищевых, здесь записывать список кавалеров в дневник не нужно. Но традиции те же, понимаешь?

— Прекрасно понимаю, — похлопал друга по плечу Святослав, — расслабься. Думаю,

она согласится. Так когда твой план начинает действовать?

— Если помотришь на пятнадцать часов, увидишь свою ненаглядную Александру, мило беседующую с Надей. А чуть дальше двух из ларца, рядом с Тимофеем Голицыным и его компанией. Стоп, это мне еще перед Голицыным иллюзии показывать... здорово, ничего не скажешь...

Все это время Святослав настороженно озирался по сторонам, но найти направление, указанное Михаилом, не мог.

— Погоди, Трубецкой, про какие часы вообще речь, — недоуменно протянул младший Львов. — я сегодня часы не надел.

— ...давно, — прервался на полуслове Михаил, — просто посмотри чуть правее, Свят.

И действительно, в том направлении стояли две девушки и степенно беседовали, иногда улыбаясь и кивая. Одна из них, с темно-пепельным каре, это, очевидно, Александра Суворова. А вот другая, милая невысокая шатенка с длинными волосами, подвижным лицом и насмешливыми голубыми глазами, — это Надежда Трубецкая, двоюродная сестра Михаила. Именно она улыбалась гораздо чаще Александры, изредка поправляя платье.

— Теперь я тебя понял. — Святослав задержал взгляд сначала на Надежде, а потом на Александре. — Только все-таки скажи мне, когда твой гениальный план приходит в движение?

Именно в этот момент Надежда аккуратно перевесила тонкий золотой браслет с правой руки на левую. И пусть Святослав на нее уже не смотрел, зато Михаил среагировал мгновенно:

— А вот прямо сейчас. План прямой и надежный, как имперская дорога, так что мы оба двигаемся только вперед. Постарайся произвести хорошее впечатление, Святослав. Не только ради себя, но и ради своего рода.

На неожиданно серьезной ноте Михаил кивнул Святославу, который от новости о такой скорой помощи со стороны друга слегка опешил и замер, после чего неторопливо направился в сторону братьев Суворовых.

Свят же еще добрый десяток секунд не двигался с места, пока, наконец, не пришел в себя и не проследовал к паре молодых девушек на другой стороне парадного зала. Он увидел, как в один момент Надежда звонко засмеялась и кивнула улыбающейся Александре, после чего бегло прошла глазами по находящимся в зале дворянам, как будто не заметив Святослава, и, увидев знакомое лицо, исчезла в толпе.

Кажется, Александра тоже собиралась вернуться к братьям и уже сделала несколько шагов в их направлении, поэтому Святослав запаниковал: ему не хотелось подводить Трубецкого, который потом над ним посмеется за нерасторопность. Однако в тот же момент из группы рядом с Суворовыми и Тимофеем Голицыным послышался знакомый веселый голос, который не заглушили даже разговоры дворян по соседству.

— Нет, нет, нет, господа! Мне обязательно нужен стол! Внести стол в этот зал, будьте любезны!

Кажется, Михаил слегка перестарался и его услышали не только окружавшие его молодые дворяне, но и несколько других групп аристократов, которые переглядывались с недоумением и улыбками, постепенно перемещаясь ближе к месту будущего представления молодого иллюзиониста. Никто не сомневался, что Михаил вновь выкинет что-нибудь интересное, а так как дар создавать иллюзии чрезвычайно редок, то посмотреть на него в действии желали не только Суворовы и Голицын.

Видимо, именно из-за шума неподалеку от себя и громкого голоса Трубецкого, Александра на несколько секунд замерла и нахмурилась. Этой задержки Святославу хватило, чтобы подойти к девушке и заговорить с ней:

— Александра! Какой приятный сюрприз. Рад видеть вас на этом приеме.

Девушка развернулась к Святославу, перестав смотреть на то, как Трубецкой с сосредоточенным выражением лица проводил какие-то манипуляции со столом, который ему внесли: он то слегка двигал его от братьев Суворовых, которые недоуменно переглядывались, ближе к улыбающемуся Тимофею Голицыну, то проводил руками по поверхности и что-то шептал.

— Эм... — замялась Александра, — мы с вами знакомы?

— Д-да, знакомы — запнулся Свят, но быстро взял себя в руки, — Святослав Львов, меня представил вам Михаил Трубецкой на таком же приеме у графа Татищева прошлой осенью.

Александра на секунду отвела взгляд в сторону и приложила палец к губам, словно попытавшись вспомнить тот самый прием, о котором говорил Святослав. Затем ее лицо посветлело, а губы тронула улыбка.

— Ах, конечно, тот самый Святослав Львов. Прошу меня простить, батюшка очень редко допускает меня до балов и приемов, и потому я незнакома со многими дворянами, — сказала Александра, бросив еще один беспокойный взгляд в сторону братьев. Однако сейчас вокруг стола, затребованного Михаилом Трубецким, собралось уже с десятков молодых аристократов, которые улыбались и тихо переговаривались между собой.

— Ага, — радостно продолжил Святослав, которого происходящее вокруг Трубецкого представление ничуть не смущало. — Не знал, что у Суворовых все настолько строго. Мой отец, наоборот, частенько настаивает, чтобы я посетил этот или тот бал.

В это время со стороны окружавшей Михаила толпы донеслись восторженные возгласы, после которых некоторые дворяне даже зааплодировали, а кто-то еще и довольно звонко рассмеялся.

— Так как вам этот прием? — спросил Свят. — Находите возможность для веселья?

— Смотря что вы понимаете под весельем, Святослав, — сдержанно ответила Александра, — но я рада быть гостем графа Татищева и его замечательной жены, организовавших этот прием. Они вкладывают много усилий в свои проекты, как здесь, так и за рубежом, что идет на пользу российской короне.

Святослав замялся, не решаясь подступить к Александре. Некоторое время он просто молчал, собираясь с мыслями, после чего захотел продолжить беседу, однако Александра его прервала:

— Мне было приятно поговорить с вами, Святослав, но, боюсь, мне нужно понять, во что ваш друг Михаил втянул нескольких дворян, включая моих братьев. Поэтому, если позволите...

Александра кивнула Святославу и собиралась направиться в сторону.

— Если позволите... — спохватился Свят, резко схватив уходящую Александру за локоть, — может быть, вы окажете мне честь потанцевать со мной следующий вальс?

От неожиданности Александра вздрогнула, но, когда она через секунду повернулась к Святославу, в ее карих глазах не было ни удивления, ни сдержанности: в них плясали огоньки возмущения. Под ее пылающим взглядом Святослав спохватился и отпустил девушку, после чего сделал полшага назад и слегка поклонился. Кажется, его реакция слегка

успокоила дочь Суворова и пламя в ее глазах постепенно утихло.

— Боюсь, вам нужно спрашивать не меня, а моего двоюродного брата Алексея, или моего дядю, Ефима Григорьевича.

Святослав же быстро выпрямился и уверенно возразил:

— Полно, Александра. Прием у Татищевых не такой официальный, да и спрашиваю сейчас я вас. Я отлично танцую, уверен, практика, так сказать, в боевых условиях, пойдет вам на пользу.

— Я... подумаю, Святослав, — ответила ему девушка, вновь бросив взгляд в сторону родственников, которые уже ловко выбрались из представления Михаила и шли обратно к Александре, с угрозой поглядывая на Свята. — Но вам действительно лучше повторить свое приглашение при моем дядюшке или брате. А теперь, если позволите...

Александра улыбнулась лишь уголками губ, после чего направилась к своим братьям. Святослав же отвесил умеренно галантный поклон, и стал искать глазами Трубецкого, которого вскоре обнаружил совсем недалеко от себя — у столиков с закусками, жующего канапе и рассматривающего Свята наглым прищуренным взором.

— Трубецкой! — возмущенно воскликнул Святослав, подойдя к своему другу. — Ты совсем совесть потерял. Сам весь вечер меня от еды отваживал, а теперь с удовольствием закуски уплетаешь. Нет у тебя совести!

— Послушай, Святушка, — ответил Михаил, аккуратно положив шпажку от канапе на край стола, — я потратил очень много сил, развлекая дорогих и не очень гостей. Между прочим, не ради себя. И не ради собственной репутации уж точно. Поэтому прямо сейчас я буду уплетать канапе не просто с удовольствием, но еще и с аппетитом.

Действительно, несмотря на игривые интонации и хитрый прищур, Трубецкой выглядел довольно бледно. Рядом со шпажкой на столе стоял бокал с остатками красного вина, однако Михаил потянулся к еще одному бокалу, когда проходивший слуга прибирал стол, после чего торопливыми глотками осушил его до дна.

— Ладно, обо мне чуть позже, — обратился к Святу Михаил, — как там сработал наш план? В смысле, он вообще сработал или ты после моего сигнала разволновался и все испортил, а я зря напрягался?

— Вовсе я не разволновался, — смутился Святослав. — Да и Александра, вроде, согласилась.

— Ммм, согласилась... — недоверчиво протянул Михаил. — Ну если согласилась, то хорошо. Вот только почему «вроде»?

— Да ладно тебе, — беззаботно махнул рукой Свят, после чего широко улыбнулся и потянулся к закускам. — у нее после моего приглашения в глазах прям радость читалась. Она мне даже улыбнулась на прощание. Так что, я думаю, все схвачено.

— Угу, схвачено, значит, — проворчал Трубецкой, после чего кивком показал куда-то за спину Свята. — Видимо, братья Суворовы прямо сейчас оценивают перспективы этой самой схваченности. Или последствия. Вот только у них в глазах горит не радость, Святушка.

Правда Святослав на жесты друга не обратил никакого внимания и стал выискивать глазами не Суворовых, а слугу с подносом шампанского или вина.

— Как скажешь, Миш. Но я думаю, что им просто не понравились твои фокусы. Чем ты их вообще развлекал?

— Как скажешь, Святушка, — передразнил друга Михаил. — На братьев Суворовых мои иллюзии действительно не произвели должного впечатления. Я показал несколько приемов

с картами и перемещением предметов. Поначалу Алексей и Филипп были увлечены моей работой, а вот после определенного момента они не переставали отвлекаться. Подозреваю, что на одного наглого аристократа, посмеявшегося говорить с их сестрой в их отсутствии.

— В этом же нет ничего непристойного, да? — на крайний случай уточнил Святослав.

— Ага, твой покорный слуга представил вас друг другу в прошлом году, так что ничего неподобающего не произошло, не переживай, — ответил Трубецкой, после чего ехидно ухмыльнулся. — Не считая моих иллюзий, которые нарушили покой нескольких уважаемых дворян. Но это не бал, а прием у Татищевых. А я не обычный маг, а иллюзионист, так что ничего непоправимого и в этом плане.

Михаил взял небольшую паузу, чтобы восстановить дыхание. Бледность уже почти прошла, и его лицо постепенно возвращало оттенок, близкий к природному.

— Что касается остальных, тому же Голицыну очень понравилось. Он довольно громко смеялся, а остальные после этого даже начали хлопать в ладоши. Что удивительнее, Тимофей просил называть его по имени и на «ты», еще и пригласил как-нибудь заехать к нему в гости на партию покера.

— Интересно получилось, — отреагировал Святослав без явного интереса в голосе. — И ты поедешь к нему в гости?

— Естественно. Я и так был приглашен к Голицыным из-за будущей свадьбы Антона и Софии, но то Остерманны, а то Тимофей Голицын. Говорят, играет он так себе. Глядишь, и мне улыбнется удача, и я выиграю у него в покер часы или пару машин.

Разговор друзей прервала знакомая музыка — вальс.

Михаил оторвался от закусок и поставил пустой бокал на стол, после чего перевел взгляд на друга и решил его поддержать:

— Ни пуха, ни пера!

— К черту! — ответил Святослав и развернулся в сторону Суворовых с решительным намерением станцевать вальс с Александрой. Тем не менее, этим намерениям сбыться было не суждено.

Пока друзья переговаривались, один из братьев Александры, Алексей, который официально сопровождал ее на приеме у Татищевых, взял девушку под руку и повел в центр парадного зала, где уже начинали кружиться в танце остальные пары. Святослав, увидев подобное, замер в изумлении.

— Так, Святюшка, только без резких движений, ладно? — быстро среагировал Трубецкой, — Алексей ее кавалер, так что ничего страшного. Не стоит отчаиваться, это же было «вроде», а не «да», верно?

Однако Святослав уже успел выйти из состояния изумления и перешел в состояние злости. Он шумно дышал, его лицо слегка побагровело, а кулаки периодически сжимались и разжимались.

— Спокойнее, Свят. Давай я тебе лучше водички принесу? — продолжал успокаивать друга Михаил.

Святослав же увидел, что в их сторону смотрит младший брат Алексея, Филипп Суворов, который, со слов Трубецкого, ранее обсуждал его приглашение со своим братом и Александрой. В какой-то момент их взгляды встретились, и они недолго смотрели друг другу в глаза. Но в какой-то момент Святослав не выдержал, несмотря на попытки друга остановить его, и двинулся в сторону Суворова.

— Нехорошо. Очень плохо... — пробормотал Михаил, который последовал за

Святославом.

— Добрый вечер, Святослав Андреевич! — первым поприветствовал Свята Филипп. — Чем обязан?

— Святослав просто ошибся, — попытался вмешаться Михаил. — Просто произошло небольшое недопонимание, ничего более...

— Совсем небольшое недопонимание, Суворов, — гневно перебил друга Святослав, — твоя сестра обещала мне танец, но что-то я все еще стою здесь!

— Обещала, значит? — флегматично ответил Филипп, — я так не думаю. Кроме того, что вы позволили себе не советоваться со старшими мужчинами рода, то есть Ефимом Григорьевичем, Алексеем или мной, в чем нет вашей прямой вины...

В этот момент Филипп перевел взгляд на Михаила, который быстро вмешался, пока Святослав медленно, но ощутимо закипал:

— Вы были заняты моими иллюзиями с Тимофеем Голицыным!

— ... именно. Однако моя сестра указала вам на достойное поведение дворянина в подобной ситуации, согласно вековым традициям, и попросила все же обратиться к старшим рода Суворовых. Но вы решили...

— Достойное поведение дворянина, говоришь?! — не выдержал и сорвался Святослав. — А я, значит, вел себя в этой ситуации недостойно? Ты еще и обвинять меня вздумал, словно я не дворянин, а слуга, или того хуже, какой-то жалкий простолюдин!

— Спокойнее, Святослав. Это просто недопонимание, которое не стоит того, чтобы так горячиться, — в который раз попытался образумить своего друга Михаил.

— Стоит, Трубецкой, ситуация стоит! А вот все разговоры о силе рода и чести Суворовых ничего не стоят, раз они могут спокойно нарушить свое слово, данное другому дворянскому роду!

Произнесенная Святославом фраза, казалось, позволила тому, наконец, хоть немного взять себя в руки, вот только Михаил лишь закрыл лицо ладонью, пробормотав что-то невнятное, а Филипп нахмурился и ответил Святу все так же размеренно:

— Что касается вашего достойного поведения, вам лучше обратиться к своему другу, который сопровождал вас весь вечер. И я отметил, что не виню вас ни в чем. Однако сейчас вы перешли границу, Святослав. Наш род всегда держит данное слово, и я не позволю пятнать нашу честь. Я требую ваших извинений передо мной и перед Александрой, после которых попрошу вас держаться от Суворовых подальше.

Михаил склонился к уху Свята и тихо прошептал:

— Ради бога, в которого я не сильно верю, просто извинись. Не нужно доводить до...

Но Святослав не стал дослушивать Трубецкого и снова вспыхнул:

— Извиняться? За что? Это вы должны мне извинения! Вы сами не следуете дворянским традициям, а попрекаете меня. Я не потерплю таких оскорблений! Я вызываю тебя на дуэль!

От такой новости у Михаила перехватило дыхание, и он с разочарованием посмотрел на Святослава. Филипп лишь улыбнулся и вновь обратился к Святу:

— Полно, Святослав. Я не стану отвечать на ваш вызов, — после чего добавил уже без улыбки, — по крайней мере, сейчас. Вы в праве вызвать нарушившего порядок танца дворянина на дуэль. Однако это не я, а мой брат Алексей. После поединка с ним вызвать на дуэль меня вы будете не в состоянии, уверяю.

— Тогда я вызываю на дуэль его! — отреагировал Святослав, сжав кулаки и гневно

уоставившись на Алексея, который кружился в танце с Александрой и пока не знал о происходящем конфликте.

— Да будет так! — сказал Филипп, хлопнув в ладоши. — Но, с вашего позволения, не будем беспокоить других гостей и дадим им закончить вальс. После этого Алексей будет уведомлен о вашем вызове, и мы немедленно проведем дуэль на месте, предоставленном графом Татищевым. Михаил, вы согласитесь быть свидетелем моих слов?

— Да, Филипп, — хрипло ответил Трубецкой.

— Замечательно. Тогда я позабочусь о секунданте для своего брата и уведомя Ефима Григорьевича, а вас, Михаил, пока попрошу уведомить графа Татищева и старшего из мужчин рода Львовых, присутствующих на сегодняшнем приеме. Это Андрей Ростиславович, я полагаю?

Хотя Филипп и не обращался к Святославу, тот ответил на вопрос вместо Михаила:

— Отец занят делами рода. Старший — мой брат, Георгий.

— Что ж, тогда ожидаю в скором времени увидеться с ним, — сказал Филипп, после чего кивнул Трубецкому и отправился искать секунданта и своего дядю.

— И зачем ты все это натворил? — только и смог вымолвить Михаил, когда они остались наедине.

Указ № 103.0

В соответствии с решением Министерства магических наук от 24 февраля 1953 года, приказываю утвердить систему международной классификации рангов силы магов «Septem», с учетом исторических особенностей развития магии в Российской империи:

- 1. Послушник*
- 2. Ученик*
- 3. Подмастерье*
- 4. Адепт*
- 5. Волшебник*
- 6. Мастер-волшебник*
- 7. Архимаг*

Ректор Московского государственного университета магических искусств, мастер-волшебник, Андрей Степанович Поляков.

Дата: 25.02.1953

Подпись:

После того как вальс закончился, некоторое время ушло на обсуждение условий дуэли. Ефим Суворов, отец Алексея и Филиппа и дядя Александры, уточнил, не вела ли последняя дневник с записями порядка кавалеров, пригласивших ее на танец. Поскольку порядок в этом вопросе является острой темой для дворян, некоторые дамы действительно ведут записи, чтобы во время бала не произошло ссоры между кем-то из вспыльчивых аристократов.

Александра подобных записей не вела и была сбита с толку тем, как обычный прием привел к дуэли, последствием которой легко может оказаться смерть. Какое-то время она говорила с Алексеем наедине, иногда бросая испуганные взгляды на Святослава, однако пути назад ни для кого из участников не было.

Георгий, старший брат Святослава, так и не появился. Михаил просто не смог его найти в парадном зале, поэтому старшим представителем Львовых оставался сам Свят. Секундантом Святослава естественно стал Михаил Трубецкой. Секундантом Филиппа, к удивлению Свята, стал Олег Румянцев, с которым они обсуждали осаду Кольберга после того, как Святослав вальсировал с Екатериной. Олег еще раз уточнил, возможно ли уладить конфликт мирным путем, однако в этот раз возможность извинений даже не была поднята и обе стороны однозначно ответили «нет».

Станислав Витальевич Татищев, являющийся главой рода Татищевых и формальным хозяином сегодняшнего приема, организованного его женой, предложил провести дуэль на подходящем участке в глубине земель, где несколько магов воздуха поставят защитный купол, в котором и будут сражаться дуэлянты. Оружием по согласию участников была выбрана магия.

С каждой стороны допускалось по секунданту в качестве свидетелей, кроме того по одному члену рода для наблюдения за ходом дуэли совместно с самим графом Татищевым, дабы условия были равными, а права каждого дуэлянта не были нарушены. Кроме того, Станислав Витальевич предложил допустить к наблюдению за дуэлью мага-целителя и всех участников конфликта, включая, кроме Святослава и Алексея, Филиппа и Александру Суворовых и Михаила Трубецкого.

Таким образом, хозяин поместья попытался избежать ненужных помех со стороны всех дворян, присутствующих на приеме, чье внимание уже привлекла будущая дуэль.

Дуэли между дворянами не были редкостью, однако нечасто кто-либо бросал вызов членам рода Суворовых, а еще реже это делал молодой аристократ, даже не прошедший обучения в магическом университете. Так или иначе, но обе стороны согласились на условия графа Татищева, а поскольку к тому времени найти Георгия так и не получилось, третьим наблюдателем был призван отец Михаила, Сергей Павлович Трубецкой.

Так, все вовлеченные в будущий поединок лица переместились из парадного зала дворца сначала на задний двор, а затем, преодолев несколько длинных аллей, окруженных декоративными живыми изгородями и редкими античными статуями, вышли на небольшую лужайку у старого, но все еще могучего дуба. Именно здесь должна была состояться дуэль между Святославом и Алексеем.

Оба противника сейчас стояли напротив друг друга вместе со своими секундантами, ожидая завершения защитного купола, после чего секунданты покинут дуэлянтов и

присоединятся к остальным наблюдателям.

— Ладно, Свят, — сказал заметно взволнованный Михаил, когда купол над их головами был почти готов и до начала поединка оставались считанные минуты, — постарайся сейчас максимально собраться и мы в заключительный раз пробежимся по вводным.

Трубецкой держал в руках пиджак друга цвета маренго и галстук, который он безбожно мял от волнения. Оба предмета одежды Свят отдал Михаилу, чтобы не ограничивать свободу движений. Для мага воздуха движение — жизнь. Он также заранее передал другу браслет и запонки из белого золота, которые надел на прием по настоянию отца. От греха подальше.

— Я максимально собран, Миш, — взволнованным голосом ответил Святослав, которого все-таки заметно потряхивало от перспективы сойтись в бою с пусть молодым, но сильным магом огня.

— Знаю, о чем ты думаешь, — продолжал наставлять друга Трубецкой, положив тому руку на плечо и крепко сжав ладонь. — Ты думаешь, что он чертовски сильный маг. Что между вами разница не просто в целый ранг — третий против четвертого — но и в несколько лет магического обучения, как университетского, так и родового. Что Суворовы научили его какому-нибудь редкому заклинанию или он, как и Александра, скрывает свою силу и не проходит экзамен.

— Если ты хотел меня успокоить, — меланхолично отреагировал Святослав, — То у тебя получается плохо.

— Нет, Львов, — усмехнулся Трубецкой и убрал руку с плеча Святослава, — я не пытаюсь тебя успокоить. Я говорю правду. Да, он знает больше тебя. Да, он учился дольше тебя. Да, магия огня сильнее воздуха.

— Ты ведь лучше меня понимаешь, что это неправда, — сказал Свят, недоверчиво посмотрев на ухмыляющегося Михаила, — и любая стихия может победить абсолютно любую другую стихию, будь то огонь, воздух, вода или земля. Такую банальную прописную истину знает любой простолюдин.

— Именно, Святушка, — еще шире улыбнулся Трубецкой, похлопав Свята по плечу, — это магия разрушения, где каждая стихия равна другой по силе. Честно говоря, ты — самый печальный создатель по жизни. Я иногда думаю, что тебя в детстве головой о пол частенько роняли.

— Мы все еще говорим о магии? — позволил себе неуверенно улыбнуться Святослав, тело которого перестало дрожать.

— Возможно, но ты дослушай меня конца, — уверенно продолжил Трубецкой. — Насколько ты несостоятельный создатель, настолько же талантливый разрушитель. Магия или нет, но я не знаю ни одного человека, которого тянет к разрушению так, как тебя. Забудь о рангах. Забудь о том, что происходило сегодня в парадном зале. Помни о том, что огонь может победить воздух. Но не забывай, что и воздух может победить огонь.

После пламенной речи Михаила между друзьями повисло молчание. Святослав не знал, что сказать, поэтому несколько раз глубоко вздохнул и огляделся по сторонам. Олег Румянцев, секундант Алексея, уже покинул того и направился в сторону наблюдателей, расположившихся близко к кромке купола.

Граф Татищев выглядел обеспокоенно, что неудивительно: дуэли нередкое явление среди дворян, однако, как повелось издревле, поединки между дворянами гораздо чаще случались во время военной службы, когда аристократы решали сложившиеся разногласия как касательно личных обид, ведь ранг и родовитость не всегда означали уважение, так и

касательно отношений между родами.

В мирное время, а тем более во время бала или приема, дуэли случались, но были нечасто. Гораздо больше Станислав Витальевич был обеспокоен не самим поединком, ведь несколько десятилетий назад они случались регулярно, (и он сам успел не раз сразиться со своими обидчиками или обидчиками своего рода) а здоровьем обоих участников. Именно об этом он негромко переговаривался с Ефимом Суворовым, отцом Алексея и Филиппа. Несколько страшных шрамов, скрытых богатым нарядом, напоминали графу о том, к чему может привести горячность и молодость.

Отец Михаила, Сергей Павлович Трубецкой, наблюдал за разговором сына со Святославом, прищурив глаза. Он держал спину прямо и источал уверенность как в силах Святослава, так и в умениях своего сына в качестве секунданта. Хотя, конечно, второе его заботило гораздо больше, чем первое. Тем не менее, Трубецкие и Львовы ближе сошлись за последние несколько лет именно благодаря дружбе между детьми, что указала их родителям на возможность сотрудничества на пользу как тех, так и других.

Святослав перевел взгляд на Александру и увидел, что та смотрит на него с едва скрываемым ужасом. Ее выразительные карие глаза были широко раскрыты и, кажется, она едва сдерживала слезы. Стоявший рядом с ней Филипп крепко держал ее за локоть, склонившись над ней, и о чем-то эмоционально шептал. Святослав хотел верить, что он понимал этот взгляд: она переживала за судьбу своего двоюродного брата, с которым Свят должен был столкнуться с минуты на минуту. Он бы поверил в это несколько мгновений назад: до того, как Трубецкой вернул его в реальность своими наставлениями. Сейчас он понял, что насколько девушка волновалась о нем, Святославе, настолько же она была уверена в победе Алексея.

— Ну что, насмотрелся на свою ненаглядную? — толкнул Свята в бок Михаил, вырывая того из собственных мыслей.

— В этот раз я сильно так напортачил, — повернулся к другу Святослав. — А? Миш?

Михаил ничего не ответил и бросил взгляд в сторону наблюдателей, после чего посмотрел Святу в глаза и протянул тому руку.

— Принятие — первый шаг на пути к исправлению, — сказал Трубецкой Святу, который крепко пожал его руку. — Но пока выбрось всю эту чушь из головы. И пообещай мне не умереть.

— Обещаю, — коротко ответил Свят. — Только пиджак не помни, он мне еще пригодится.

После этого Михаил, как и секундант Алексея, Румянцев, покинул заверченный защитный купол и расположился за его пределами рядом со своим отцом.

— Господа дуэлянты! — обратился к дуэлянтам граф Татищев. — Я спрошу у обеих сторон в последний раз, нет ли возможности уладить конфликт миром и обойтись без кровопролития.

— Нет, — тихо ответил Святослав.

— Нет! — громогласно провозгласил Алексей, после чего потер ладони и ухмыльнулся, словно в предвкушении скорого сражения.

— Да будет так! — сказал Станислав Витальевич. — Поскольку обе стороны, оскорбитель и оскорбленный, заявили о невозможности принесения или принятия извинений, дабы урегулировать конфликт, у нас не остается выхода, кроме дуэли.

Святослав вполуха слушал графа Татищева, обратив все свое внимание на противника.

Тот не переставал ухмыляться и с вызовом смотрел на Свята, словно ожидая легкую победу над менее мастеровитым оппонентом. В какой-то момент Алексей даже поднял руки над головой и издевательски потянулся. Свят же не просто успокоил себя после разговора с Михаилом, но уже продумал свои первые действия после начала поединка.

Слова Трубецкого вкупе с насмешливым поведением Суворова не вывели Свята из себя, а, наоборот, заставили вспомнить долгие часы тренировок с отцом и наставниками. И пусть тогда он не всегда выкладывался на полную, в отличие от того же Георгия, вот только брата сейчас здесь не было, а на ровном зеленом газоне стоял он, Святослав. И это он должен был не просто сдержать обещание, но и хорошенько проучить Алексея. Если получится.

— Напоминаю, что оскорбленный дерется, чтобы получить удовлетворение; оскорбитель — чтобы дать удовлетворение, — продолжил Станислав Витальевич, поочередно посмотрев сначала на Святослава, затем на Алексея Суворова. — Удовлетворение не равняется смерти одного из дуэлянтов. В случае невозможности одной из сторон продолжать поединок по причине ранения или магического истощения, конфликт будет считаться разрешенным в пользу дуэлянта, способного продолжать поединок. Теперь попрошу каждого из вас подготовиться и дожидаться моей команды к началу дуэли.

Несколько секунд прошли в абсолютной тишине: оба соперника смотрели друг другу в глаза, однако, в отличие от Святослава, Алексей не спешил принимать боевую стойку и просто засунул руки в карманы штанов, картинно зевнув. Святослав же поднял руки на уровень груди, на несколько секунд закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Незнакомые с магией люди полагали, что раз осады и сражения с участием магов длятся дни, недели и месяцы, то и поединок между двумя магами будет долгим. Но это не так. Каждого владеющего магией дворянина готовили в том числе и к поединкам один на один — как на поле боя, так и на дуэли. Андрей Ростиславович не раз говорил, что дуэль закончится на первой ошибке, и Свят не видел причин не верить отцу.

Защитных заклинаний не так много, а в ограниченном пространстве купола, чья площадь едва ли превышает площадь парадного зала в поместье Львовых, использовать расстояние между собой и противником будет нелегко. Но драться кулаками Свят не умел, а Алексей вполне мог использовать как возгорание, так и более продвинутые заклинания для того, чтобы просто сжечь Святослава на близкой дистанции. На расстоянии от мага огня можно было ожидать не меньше опасности, но скорость и манипуляции с воздухом, в теории, должны дать магу воздуха шанс.

— Дуэль началась, господа! — голос графа Татищева вырвал Святослава из размышления, — с Богом.

Святослав сосредоточился и использовал часть внутренней силы, чтобы наложить на себя заклинание ускорения. Он уже использовал его сегодня в поместье, во время инцидента с сестрой, однако уже успел пожалеть об этом, ведь тогда он использовал слишком много сил и переборщил со скоростью, так что сейчас он действовал аккуратнее.

Почувствовав, как воздух вокруг кожи знакомо похолодел, Святослав сделал рывок в правую сторону от себя, после чего поменял направление и оказался в центре купола, ровно между Алексеем и своей начальной позицией. Затем быстрым движением ладони указал на землю рядом с собой и оставил на зеленом газоне печать ветра — ловушку, которая взрывалась и отталкивала от себя вступившего в нее человека. Все это время Святослав по возможности сосредоточенно наблюдал за Суворовым боковым зрением,

сконцентрировавшись на чувстве магии, доступном каждому человеку, одаренному возможностью колдовать. Однако он так и не ощутил, чтобы Алексей собирался бросать в него огонь. Затем Свят сделал еще один рывок, возвращаясь на исходную позицию, и наконец поднял глаза на Алексея.

Суворов улыбался и, судя по виду, не только не двинулся с места, но и руки из карманов так и не вынимал. Выглядел он не по-доброму, а словно прошедший не одну дуэль ветеран — как бы насмешливо интересовался, что же ему подготовит противник.

— И это все, господин Львов? — иронично поинтересовался Алексей у Святослава когда последний вновь застыл напротив него, как и перед началом дуэли. — Вы же не думаете, что одна ловушка, которую вы поставили у меня перед носом, сможет меня остановить?

Суворов остался стоять в прежней позе, а Святослав вновь сосредоточился и решил проверить защиту противника не слишком сильным заклинанием. Он резко выпрямил руки перед собой, с них сорвался небольшой шар воздуха, едва различимый на фоне защитного купола, и полетел в казавшегося расслабленным Суворова. Однако тот среагировал быстро. Просто сделал перекат в сторону, все так же не вынимая руки из карманов, после чего поднялся на ноги с надменным выражением лица.

— Теперь все, господин Львов? — вновь начал разговор Алексей. — Может, вам ст...

Святослав не дал Суворову договорить и, сделав рубящее движение ладонью, словно разрезая воздух перед собой, отправил в соперника несколько воздушных клинков. На самом деле, многие проявления магии и заклинания называли знакомыми широкой публике словами, и, если понятие «огненный шар» довольно точно определяло, что летело в заклинателя по ту сторону баррикад, иногда бывали и исключения из правил. Клинки воздуха представляли собой не мечи, сотканые из магической энергии чародея, а скорее несколько острых сгустков магии из стихии, подвластной чародею, режущих все, что попадалось на их пути. Размер «клинков» и их пробивная сила напрямую зависели от мощи заклинателя и от количества вложенной магом силы.

Святослав отправил в полет три клинка, после чего сделал рывок в левую сторону от себя, ближе к краю купола, пропуская в нескольких сантиметрах заклинание Суворова: огненное копьё. За эту секунду у Свята перед глазами буквально пронеслась жизнь, ведь обжигающий поток магии едва разминулся с его головой. И Суворов бил на упреждение. Остановившись, Святослав только и успел зачаровать себя еще одним ускорением, чтобы действие предыдущего не закончилось в самый неподходящий момент. Однако в него уже летело несколько огненных шаров. Уйти от всех он не успевал.

Юноша сделал рывок в сторону и за мгновение до столкновения с одним из подарков Алексея использовал вихрь. Это заклинание представляло собой волну воздуха, отбрасывающую от заклинателя людей и предметы. Чаще всего его использовали для того, чтобы держать противников на расстоянии, но, вложив достаточно силы, заклинание могло противостоять огню. В определенной степени. Вихрь не смог рассеять шар из бурлящего огня, однако ослабил его настолько, что Свят получил несколько ожогов с правой стороны шеи и плеча, а не сварился заживо за доли секунды.

Получив удар, Святослав увидел приближающегося к нему Суворова. Тот двигался быстро. И горел. Он был охвачен пламенем с головы до ног и заносил руку для следующего заклинания. Возгорание — одно из самых простых в освоении заклинаний для мага огня. Насколько оно просто, настолько же и опасно в ближнем бою. Аналогичными по

сложности, но разными по применению для других стихийных магов были дождь, укрепление и, чрезвычайно полезное для Святослава, ускорение.

Святослав сделал рывок назад, чувствуя, как буквально трещат его кости от напряжения. А мимо его шеи пронеслась тонкая полоса огня. Очевидно, Алексей выигрывал время огненными шарами, успев зажечь себя и соткать плеть, чтобы поймать его противника и буквально сжечь его собственными руками.

Ускорение позволяет быть быстрым, но требует много взамен. Силы таяли каждую секунду, а промедление могло значить не просто ранение, но и смерть. Свят оставил рядом с собой еще одну печать ветра, в пару к той, что ставил в начале дуэли. Он перестал чувствовать родной ему холод вокруг кожи. Шея и правое плечо адски горели, но не было ни времени проверить, насколько все плохо, ни желания сдаться. Толком не разобравшись, закончилось ли действие заклинания или это его одежда обуглилась, Свят вновь зачаровал себя ускорением. Судя по ощущениям — в заключительный раз.

Следующий рывок заставил молодого мага воздуха вскрикнуть от боли. Кажется, кости правой ноги не выдержали нагрузки. Свят упал на колени, но успел бросить цепную молнию в первую из поставленных ловушек. Сил повернуть голову не было, но маг смог уловить знакомый по долгим часам тренировок треск. Ему даже показалось, что он услышал его целых три раза, и Свят на секунду прикрыл глаза. Всего на мгновение. Ему нужен был миг, чтобы перевести дух.

Святославу подумалось, что было бы забавно, если бы ускорения работали накопительно. После этого он ощутил нестерпимый жар и жесткий удар в бок, от которого его буквально впечатало в стену защитного купола, словно куклу. Он не почувствовал, как свалился на некогда зеленый газон. И не услышал команды графа Татищева закончить дуэль незамедлительно.

— Не двигается, — расстроено пробормотал я, стоя у кровати и указывая правой рукой в направлении небольшой тумбочки с газетами.

В спальней, слева от меня, находился большой шкаф-купе, в котором одна половина была чёрного, а вторая белого цвета. Передо мной выход на небольшой уютный балкон, откуда открывался неплохой вид. Справа — двуспальная кровать, а из-под оливкового постельного белья видны стройные смуглые женские ножки. Сама же девушка, в миру именуемая Фэйт, ещё спит. Нам в последнее время редко удавалось проводить время вместе, так что пользовались каждой свободной минутой.

— Не стану будить, — тихо озвучил мысли я и вышел на балкон. — Но мне нужно подышать.

Мне открылся вид на вечнозеленый и медленно просыпающийся город, а в лицо ударил лёгкий бриз. Каждое утро одно и то же. Я пытаюсь достучаться до сгоревших каналов и сдвинуть хоть что-нибудь вокруг себя, создать хотя бы легкое дуновение ветра, но безрезультатно. Ветер должен быть воспоминанием о силе, как родовой, так и личной, однако это не так. Как можно прикоснуться к тому, что настоящий ты не помнишь и видишь лишь во снах? Иногда, когда пытаюсь сдвинуть хотя бы клочок бумаги на столе, кажется, что я чувствую то, о чём постоянно говорит отец, но через мгновение приходит понимание.

Это лишь фантомные ощущения, иллюзия. Во-первых, восстановить сгоревшие каналы для мага практически невозможно. Нужен либо лекарь высокого ранга, либо подходящий артефакт из другого плана. Во-вторых, мой отец умер в аварии вместе с матерью ещё в прошлой жизни, хотя память о тех событиях постепенно увядала, теряла цвет и размывалась.

Чувствую себя как бабочка, которой обрезают крылья.

Мир магии для меня закрыт, как после дуэли четыре года назад, когда я очутился в этом теле, так и сейчас. С другой стороны, именно из-за исчезнувшей в одночасье магии шестнадцатилетнего юношу из рода Львовых отправили в Императорскую военную академию в Петербурге, а не в МГУМИ, где я точно не смог бы привыкнуть к изменившейся реальности.

Старшая ветвь рода помогла отцу утрясти нюансы для поступления, скорее всего, чтобы убрать калеку с глаз долой. В Академии, кроме постоянных физических нагрузок, проходили занятия по математике, физике, тактике, военной и общей истории, этикету и иностранным языкам. Проблем у меня не было только с последним, а вот для усвоения остальных предметов пришлось рвать жилы.

Но к строгому режиму быстро привыкаешь, а постоянные трудности помогли мне не скатиться в депрессию. Военная дисциплина — хотя в дворянской академии всё же были свои нюансы — не дала впасть в апатию. К тому же, после окончания академии на «успешно» меня определили для службы в Иностраный Корпус, базирующийся в Кении.

— Ладно, — прошептал я, вышел с балкона, накинул домашнюю одежду и двинулся в ванную.

Из зеркала на меня смотрел молодой человек с тонкими губами, ёжиком тёмных волос и холодными серыми глазами. Смотрел с осуждением и лёгким презрением, будто спрашивая: «Кто ты такой?». Говорят, когда смотришь на себя в зеркало и не узнаёшь, то это может быть признаком психического расстройства, но что если ты просто живёшь в мире

без зеркал? Тогда, наверное, никогда не получится увидеть свою душу.

Наконец, я смог оторвать взгляд от зеркала, включить холодную воду и, не раздумывая, сунуть в неё голову. Стало чуть легче. Нужно привести себя в порядок и сходить за кофе для себя и Фэйт. С ней мы познакомились шесть месяцев назад, когда я в первые выходные на новом месте службы решил купить дисков с фильмами, чтобы было чем заняться.

Побродив по городу около часа, я наткнулся на бродячий рынок Масаи [12]. Его место стихийно перемещалось вокруг центра города, а рынок открыт только в субботу и воскресенье. Различные украшения, тканые и деревянные изделия, сумки, одежда, книги и тапочки — это лишь малая часть того, что можно купить в Масаи. Но для этого нужно беспощадно торговаться, до боли в висках и потери голоса. За пять дисков с меня хотели содрать тысячу рублей.

Пришлось спорить с наглым метисом, что стало развлечением для местных. Не каждый день можно увидеть офицера Иностранного Корпуса в гражданской форме, который не кричит и размахивает руками, а меланхолично спрашивает цену на всё подряд и замечает, что фильмы на дисках ему, в общем-то, и не очень нужны, но вот если торгош скинет цену хоть на что-нибудь, например, на кроссовки, на очки без стёкол ну или на диски, то он это купит. Я смог сбить цену до двух сотен.

Девушка, стоявшая справа от палатки торговца, не спускала с нас взгляда. Заметив мою улыбку, лишь по-доброму посмеялась и сказала, что я всё равно переплатил. Вскоре такие посещения стали для меня приятным хобби, способом узнать последние новости и встретиться с Фэйт. Она, как оказалось, приходилась метису сводной сестрой и работала барменом — стоп — барвумен недалеко от моего дома, в Вестланде.

Ох, не думал, что когда-нибудь назову «Западные земли» [13]. Раньше здесь в основном жили иностранные мелкие служащие и рабочие, но в конце прошлого века, из-за стремительного развития города как коммерческого и магического узла, места в центре стало не хватать, цены за аренду начали расти, и многие предприниматели решили перебраться сюда. Район находится в непосредственной близости от городского парка и магического университета. Сейчас кроме некоторых офицеров проживают экспаты и, так называемый, средний класс из местных. Они же называют этот район «Вест», а русское население именует его просто и со вкусом, то есть «Запад». Англицизмы как-то не прижились.

Я вытер лицо полотенцем, надел тапочки и, не хлопая дверью, спустился по лестнице в зал. Прямо здесь было открыто небольшое кафе, в котором сейчас завтракало несколько жильцов. Довольно удобно, что жильцам не приходится покидать территорию этого маленького комплекса и можно позавтракать или пообедать без лишней суеты большого города.

Расположившись за небольшим столиком у окна, я окинул взглядом небольшой дворик с ровно высаженными деревьями и кустарниками.

— Доброе утро, — поздоровалась официантка, как только заметила меня в зале. — Будете завтракать?

— Утро, — ответил я на удивление бодро. — Два двойных латте, пожалуйста.

— С вас двадцать рублей, — с готовностью отчеканила девушка, разглядывая меня лиловыми глазами.

— Вот. — Я передал ей деньги.

Хотя десять минут назад был близок к срыву, сейчас моя осанка и вид отображали лишь

уверенность и лёгкую отстранённость. Пожалуй, за это стоит поблагодарить мышечную память и годы под палкой в Императорской академии.

— Спасибо, подождите минутку, — кивнула мне официантка и ушла на кухню варить кофе.

Я осмотрел зал внимательнее, подмечая небольшие детали вокруг. Мужчина за соседним столиком, например, рассматривал разворот газеты, на которой красовался портрет неизвестного мне российского дворянина. Как я это понял? Каюсь, цвет кожи. А ещё крупные буквы «Республика», красовавшиеся на самом верху страницы, которые были названием российской газеты, довольно популярной в Кении.

Молодая пара кенийцев напротив меня тихонько щебетала о чём-то на русском, обмениваясь смешками и полуулыбками, а из обрывков фраз было сложно составить цельное впечатление о предмете беседы. Впрочем, чужие секреты стоит уважать.

Вообще, русский язык в Кении, а точнее, в Кенийской Свободной Республике, является вторым из трёх официальных, сразу после суахили. А третий — это английский. Хотя очерёдность языков — это дело субъективное, и для гордых британцев английский всегда останется первым.

Российская культура и обычаи стали быстро распространяться на территории Кении-матушки в далёком 1963 году, когда колония перешла нашей стране, образуя надстройку на уже существующем имперском фундаменте. До этого КСР управлялась Британской Империей, как и соседние Танганьика на юге и Уганда на западе. Уганда до сих пор территориально делит с Кенией озеро Ухуру [14], что с суахили означает «свобода», популярное место отдыха для туристов и местных жителей.

Раньше озеро называлось Виктория, как впрочем и в моём прошлом. Однако ещё в середине прошлого века оно было переименовано, как уступка коренному населению народов меру и кикуйю. Думаю, что смена королевы на свободу, даже в названии озера, далась английской короне и дворянству нелегко. Возникает резонный вопрос, а почему же вообще, после подобных уступок, одна из колоний была передана во владение другой стране? Как говорил преподаватель по общей и военной истории, тут есть один нюанс.

Изначально, Кения была германским протекторатом, но с прибытием в регион Имперской британской восточноафриканской компании, получившей право на управление всеми британскими колониями в Восточной Африке, геополитическая ситуация в регионе начала накаляться. Для того, чтобы предотвратить возможное вооруженное противостояние, Германия заключила с Британией договор о разделе сфер влияния в Африке, и Кения перешла новому владельцу.

По землям местного населения проложили Угандийскую железную дорогу, которая связала Момбасу, бывшую столицу и крупный портовый город, и Кампала, торговый и коммерческий центр на берегу озера Ухуру на территории Уганды. Железная дорога проходит и через Найроби. Строительству железной дороги сопротивлялись многие этнические группы, но их переселяли в резервации в национальных парках, чтобы не мешать строительству.

В начале двадцатого века, центральные горные районы и плодородные земли стали заселять переселенцы из Европы. В этих районах проживал народ кикуйю, который не имел прав на землю. Кикуйю были странствующими фермерами и жили в хижинах, выращивая чай и кофе. Однако, европейские переселенцы при поддержке местных властей ввели налог на хижины, запретили кикуйю выращивать кофе и не стали давать им землю в обмен на их

труд, таким образом, фактически, выселяя конкурентов.

Более того, в середине двадцатого века города стремительно развивались и расширялись, занимая всё больше земель коренных этносов. Начались массовые протесты, переросшие в восстания, стихийно вспыхивающие на территории Кении. Для того, чтобы избежать крупного кровопролития, Британии нужно было найти выход из сложившейся ситуации.

С кризисом в Кении совпало сближение Российской и Британской Империи на рубеже веков, логическим окончанием которого стало предложение от императора Николая Александровича, деда нынешнего правителя Российской Империи, о заключении династического брака между императорскими родами. Результатом переговоров стала свадьба между британской принцессой Маргарет, третьей в очереди престолонаследия, и отца нынешнего императора — Константина Николаевича. Деталей о договоренностях между коронами никто, естественно, не знает, но Кения была включена в список приданного и передана России.

Таким образом, стало ясно, что связи между империями действительно возникли на самом серьёзном уровне, ведь перекладывать с больной головы на здоровую является древним и исконно русским способом решения проблем. Кения стала Кенийской Свободной Республикой на бумаге и колонией Российской Империи на деле.

Константин Николаевич же, получив первую заморскую колонию, применил другой действенный метод, известный в отечественной истории как «кнут и пряник». В роли пряника служило право на владение землёй и ведение любого сельского хозяйства для кенийских коренных народов, а также налоговые послабления и льготы на двадцатилетний срок. Через некоторое время созданные при британцах резервации были расселены по территории страны в соответствии с предыдущим местом обитания. Казалось, что все стороны получили желаемое. Тогда при чём же здесь кнут? Как это часто бывает, вмешался случай.

В семидесятые годы двадцатого века неугомонное российское имперское геологическое общество решило подробнее исследовать новые земельные приобретения, отправив в Кенийскую Свободную Республику несколько экспедиций. Одним из мест назначения стала гора Сусва [15], щитовидный вулкан, расположенный в четырёх часах езды на северо-запад от Найроби. Основной точкой доступа для посещения горы является одноимённый город Сусва. Именно там были перевалочный пункт и временная база приехавших в Кению геологов. Вулкан с двойным кратером обитаем и в окрестностях водится множество диких животных: жирафы, зебры, леопарды.

У подножия горы находятся усадьбы масаи [16], местного этноса, и рекомендуется представиться главе семьи, если ваш маршрут их пересекает. На восточной стороне горы располагается сеть лавовых пещер, в которых при раскопках российские учёные обнаружили конструктор Древних, артефакт, который представляет собой гигантский многогранный кристалл бирюзового цвета.

В мире их насчитывается всего три, один здесь, второй на Аляске в Американских Соединенных Штатах, а третий на Тайване в Японии. Хотя, есть небольшая вероятность того, что остались не обнаруженные образцы. Эти кристаллы являются конструкторами, уходящими далеко в землю, выполненными из материала, который по описанию очень похож на валорум из моего прошлого.

Такие образования обладают несколькими свойствами. Во-первых, их невозможно

сдвинуть ни наукой ни волшебством, так как они глубинно связаны со своим местом расположения на энерго-магическом уровне, и именно поэтому потоки маны вокруг них особенно насыщены. Я, честно говоря, слабо себе представляю ману как феномен, так как увидеть её невозможно, нужно почувствовать. Но мои энергоканалы сгорели в дуэли четыре года назад, так что я был как один из слепых, пытающийся описать слона.

Во-вторых, вокруг трёх артефактов периодически открываются разрывы, через которые согласно теории магии и эмпирическим данным ведут в другие планы. Не могу отрицать того, что сильный маг действительно способен открыть портал в месте разрыва и создать «маяк» на той стороне, чтобы этот портал удерживать.

Его длительность зависит от силы волшебников и прочности маяка, так как «та реальность» всегда встречает безжизненными умирающими мирами, которые зачастую нестабильны. А вот на вопрос куда же на самом деле проникают маги точный ответ найти сложно. В другие миры, которые называют планами, на поверхность планеты в далёкой-далёкой галактике или всё же в симулированную реальность? Решения этой задачи пока не существует, но за конструкты борются не из праздного интереса.

На той стороне разрывов обычно лежат миры с повышенным магическим фоном, в которых можно найти артефакты или отработать техники на уровень выше и сложнее. Конечно, далеко забраться в подобные миры никогда не получалось, но если бы маг низшего ранга, послушник, провёл в подобном мире месяц, то он бы имел все шансы перескочить ранг ученика и стать подмастерьем.

Естественно, что это не означает такого же скачка по рангу для более сильных волшебников: адепт не станет магом, маг — волшебником, волшебник — мастером, а тот архимагом. Всё же для развития нужна не только практика при повышенном магическом фоне, но и техники с наставником. Да и большинство магов остаются адептами всю свою жизнь, не преодолевая этот рубеж либо из-за отсутствия таланта, которым не наградила щедрая родословная, либо из-за мирного образа жизни. В поместье можно отработать техники, но преодолеть границы собственных способностей можно лишь находясь в стрессовых условиях. И да осилит дорогу идущий.

Таким образом аграрная страна, находившаяся на грани восстания, стала важнейшей частью геополитического и магического пазла в конце двадцатого и начале двадцать первого века. Британцы пытались использовать дипломатические и обретенные родственные связи для получения частичного доступа к конструкту, но их усилия не принесли результата.

Казалось бы, пряник действительно оказался медовым и вкусным, так где же тогда кнут? Им является Иностраннный корпус, созданный в 1965 году Константином Николаевичем. Официальной причиной стало поддержание общественного порядка в обретенной колонии в связи с возможными гражданскими волнениями коренных народов. На самом же деле, военное образование выполняет функции по охране вулкана Сусва и является гарантом безопасности от посягательств со стороны соседних колоний Италии и Франции.

Ещё в обязанности корпуса входит помощь местной полиции или пограничной службе при необходимости, хотя во всей красе он проявил себя как группа быстрого реагирования на открытие разрывов. Именно поэтому император наделил формирование вольностями немислимыми для регулярной армии, что привлекло беглых или опальных магов и дворян со всей Российской Империи в ряды Иностранного корпуса, усилив боевой потенциал способными солдатами и офицерами.

Сегодня же попасть сюда можно только при окончании престижного военного училища или по рекомендации. Если быть точнее, то ни то ни другое не гарантирует зачисление в корпус, но повышает шансы.

С одной стороны, это связано с тем, что Иностранный корпус за пятьдесят лет существования смог сохранить свои вольности и привилегии. С другой стороны, генерал Разумовский, командир корпуса, ведёт рациональную внутреннюю политику. Например, офицерский и рядовой состав, не находящийся на дежурстве, при постоянной боевой готовности и отсутствии чрезвычайных происшествий может брать отгулы и выходные. Даты и время строго расписаны и за их нарушение или опоздание солдат будет нести ответственность вплоть до понижения в звании или увольнения из корпуса.

Ещё дворяне имеют право вернуться на родину в случае необходимости решения чрезвычайных дел рода и генерал очень редко отклоняет прошения. Девиз корпуса: «Sanguis meus patrio meo» или «Моя кровь — мой договор», а значит дворяне не только готовы пролить свою кровь на службе, но и должны чтить свою кровь, то есть свой род. Солдаты и офицеры расквартированы в центре Найроби, западнее делового района города. Десятки домов и часть парка были снесены и перестроены, а на их месте возникла военная база, сейчас больше похожая на миниатюру военного городка. Некоторым унтер-офицерам и офицерам позволено снимать квартиру в городе, но попасть туда получится только в выходные.

Нахлынувшие мысли отступили, вытолкнув меня обратно в реальность, и я осознал, что смотрю на уже опустевший столик, а молодая пара исчезла без следа. Мда. Да сколько можно варить одну чашку кофе?

Едва подумав, что обещанная минута затянулась на все десять, я заметил официантку, с двумя бумажными кофейными стаканчиками, которые через мгновение оказались на моём столике:

— Ваш кофе готов!

Вообще бумажные они только по названию, а так в них внутри тонкая плёнка, чтобы бумага не размокла. Из пластика, конечно-же, что не очень экологично, ведь такие стаканчики не сдать на переработку, а пластик, хоть и в небольшом количестве, не разлагается. Но я уверен, что справлюсь за нас двоих.

— Спасибо, — поблагодарил я, аккуратно взяв горячие стаканы в руки и направившись вверх по лестнице. Главное — не споткнуться, иначе придётся ждать ещё минуту, ну или все десять, а организм требует кофеин здесь и сейчас.

Я поднялся на шестой этаж и тихо открыл дверь, однако необходимости в осторожности не было. Фэйт уже проснулась и сейчас просто сидела на небольшом диванчике в гостиной, которая, справедливости ради, также являлась и прихожей. Её хрупкая фигура в утренних лучах солнца, проникавших сквозь открытые жалюзи, казалась беззащитной и приковывала взгляд. Непослушные кудряшки спадали ей на лицо, а изысканно-тонкие черты не выражали только спокойствие. Однако живые ореховые глаза смотрели на меня с интересом.

— Рад вас видеть. — Я попытался изобразить шутливый полупоклон, несмотря на стаканы с кофе в руках.

— Так ты, кролик, который никого не боится, не сбежал? — игриво спросила девушка, сдвинув брови в притворном удивлении. Уголки её губ предательски поползли наверх.

— А ты не пыталась спрятаться так, что только лапки торчат наружу? — ответил я, поставив кофе на полку для ключей и прочей мелочи слева от входа.

— Если б спряталась, то меня мог бы найти кто-нибудь другой, — наигранно проворчала Фэйт, сооротив обиженное личико.

— Ну, я тогда возьму барабан и начну бить в него, а когда меня спросят в чем дело, крикну: «война идёт!»

— Ха-ха-ха! — озорно рассмеялась девушка, продолжив меня подначивать. — Не знала, что ты не только смотришь кино и читаешь газеты, но ещё и увлекаешься детскими сказками.

— Сказка — ложь, да в ней намёк. Добрым молодцам урок, — легко парировал я.

— Ладно, ладно, — Фэйт, улыбаясь, развела руки в стороны, — сдаюсь. Приготовить тебе завтрак? Как раз успею до работы.

— Во-первых, солнце моё, — начал перечислять я, — ты сегодня в дневную смену, значит, в девять нужно быть в баре, а сейчас без двадцати. Во-вторых, мы вчера разогрели и съели последнюю порцию лазаньи, а оставлять что-то, кроме полуфабрикатов, в моём холодильнике чревато для этого самого чего-то. В-третьих, ко...

— Всё, всё, всё, — протараторила моя гостья и, грациозно поднявшись с дивана, порхнула ко мне в объятия, — Не бурчите, ваше императорское величество, я сейчас возьму кофе и побегу.

Через несколько мгновений она отстранилась, нежно поцеловала меня в губы, и, взяв стакан с кофе, вышла из моей квартиры. Несмотря на нежное послевкусие, легкая грусть затуманила мне разум. Мы знакомы меньше полугода и никогда не делились подробностями своего прошлого. Знаю, что Фэйт родилась в Могадишо, столице Сомали, закончила там национальный университет и перебралась к брату в Найроби пару лет назад. Она любит кофе, зарубежную литературу, карибский зук и, кажется, меня. Жаль, что я танцую только вальс.

— В-третьих, кофе-то остывает, — с лёгкой грустью в голосе произнёс я в опустевшую квартиру.

[12] Рынок Масаи (или на английском Maasai market) — реально существующий рынок под открытым небом в Найроби. Довольно популярное место у туристов.

[13] Westland — West + Land, где дословно первое — это запад, а второе — земля/участок (с англ.).

[14] Озеро Виктория. Находится на территории Кении, Танзании и Уганды. Ухуру — одно из предложенных в 1960-х названий, на суахили означает свобода, независимость.

[15] Одна из достопримечательностей Кении. Попастъ туда можно из одноименного города. На территории горы есть двойной кратер, где живет большое количество диких животных.

[16] Коренной кенийский этнос (также живет на территории Танзании), который сохранил племенные традиции и устои жизни.

Я застыл на том же месте спиной к выходу из прихожей не в силах пошевелиться. Одиночество невозможно победить или спугнуть самому, оно сковывает тело и туманит разум, заставляя человека испытывать неестественный животный страх.

Сердце начало учащенно биться, с силой ударяясь в рёбра, а во рту пересохло.

У кого-то это боязнь смерти в пустой комнате, без близких и любимых, без последних секунд внутреннего спокойствия, что всё было не зря, что ты жил, а не существовал. Другие не могут находиться вне центра внимания окружающих, когда мир перестает вертеться вокруг них, их жизнь вдруг теряет смысл и они гаснут.

Кожу буквально облепил холодный пот, дыхание стало резким и прерывистым, мышцы рук начали дрожать.

Я всегда думал, что боятся только слабые люди, не способные преодолеть свой маленький, дивно выстроенный в собственном сознании мир иллюзий и надежд. Который, сталкиваясь с реальностью, рассыпался в прах. Всегда и беспрекословно.

Пульс в висках участился до барабанной дробы, кулаки начали судорожно сжиматься и разжиматься, а колени подогнулись, не выдерживая резко потяжелевшего тела.

В новой жизни я мог бы считаться спасённым божественным провидением, ведь очутился в здоровом теле. Почки оказались на месте, руки не украшали шрамы от постоянных уколов игл, безразличное ожидание сменилось неизвестностью. Однако, очнувшись в кровати, в окружении совершенно незнакомых мне людей, я не забыл, что было до того, как потерял сознание в капсуле.

Я помнил, но меня, моё эго, моё я, никто не знал. Не наступившее будущее стало прошлым, и я испугался. В первый раз с детства по-настоящему ощутил страх. Боялся до дрожи, до пустоты в груди, до немого крика, навсегда оставшегося в груди. Я был не вовсе мертвый, не совсем живой. Время сжалось до субъективного, а дни, проведённые в постели, показались мгновением.

Тогда, я смог очнуться лишь через три дня, а первым, что услышал, был тихий испуганный девичий голосок: «С...свят?». Моим мостиком к реальности стала невысокая хрупкая девочка с двумя косичками тёмных волос и глазами загнанного оленёнка, которая, заметив, что я в сознании, мелко задрожала, развернулась и выскочила из комнаты.

Я усилием воли вернул сознание из воспоминаний о прошлом в настоящее и рванул к двери в спальную, но после двух шагов потерял равновесие и упал на колени. На четвереньках смог добраться до двери и толчком правой руки открыл её. Воздух, мне нужно на балкон.

— Ха-ха. аха-ха. ха! — разразился я хриплым рваным смехом, не узнавая свой собственный голос. Он будто раздавался со стороны и принадлежал не мне.

Еще одно усилие, и я оказался у балкона. Повезло, дверь была открыта. Дрожа от нехватки воздуха и напряжения, я обессиленно перевалился через порог, а спина больно встретила с теплым полом балкона. Рот открывался и закрывался сам собой, позволяя свежему утреннему воздуху проникать в легкие.

Через десяток выдохов я смог ухватиться за отголосок мысли и с трудом произнес:

— Кажется, полегчало.

Я едва смог подняться и на негнущихся ногах, всё ещё мелко дрожа всем телом,

медленно поковылял к шкафу-купе. Открыл левую створку, взял чистую футболку, переоделся и без сил рухнул на кровать. Если бы я верил в Бога, то, пожалуй, помолился бы ему, ну или ей. Вот бы сейчас не валяться на кровати, как тюфяк, а почитать что-нибудь. Ну хоть бы о богах, но вот незадача, единственный интересный роман про богов писателя-фантаста начала двадцать первого века не увидел жизнь в этом мире. Жаль.

Последний раз паническая атака случилась у меня два года назад в поместье Львовых, когда я обедал с новыми родственниками. В Имперской академии, конечно, кормили как на убой, так как молодым курсантам после тяжелых тренировок и занятий по обязательным предметам требовалась прорва энергии. Тем не менее, сестра обеда прогуливала, предпочитая библиотеку или сад, а Антон, мой «старший брат», всегда отказывался по причине усталости или занятости «делами рода». Поэтому ел я в компании лишь главы нашей ветви.

В Имперской военной академии отпускали домой на месяц летом и на неделю зимой. Зимние каникулы я предпочитал проводить за физической подготовкой и дополнительными занятиями в библиотеке академии, навещая дом лишь на Новый Год и первое число. Летом же, как и положено, на всё время приезжал в поместье в Солнечногорске, которое так и не стало для меня домом.

Сначала, совершенно неожиданно, это почётное место заняла военная академия. В основном благодаря характеру и закалке Игната Васильевича Образцова, который, несмотря на рыжую шевелюру, носит странное прозвище «Синий». Он всегда вёл уроки, не повышая голоса и не угрожая наказаниями курсантам, но на истории, как военной, так и общей, всегда царил идеальная дисциплина. Почему? Игнат Васильевич, несмотря на свой возраст в сорок с хвостиком, обладал богатырским телосложением. Рост под два метра и приблизительно такая же ширина плеч и размер кулака. Он их при мне, кстати, никогда не применял.

Впрочем, не вижу причин для мастера-волшебника пользоваться кулаками. Игнат Васильевич помог мне восполнить знания, в которых проще было посчитать то, что мне известно, своим любимым методом: я дам тебе дополнительную литературу, но есть один нюанс. Оценивались мои усилия лишь по двухбалльной шкале «сдал-не сдал», где первое означало «успешно». С другой стороны, с моими знаниями на тот момент на «хорошо» или «отлично» можно было даже не рассчитывать.

Именно за очередным обедом с Андреем Ростиславовичем, во время моего месячного летнего каникулярного отпуска, я перестал понимать почему так мало времени провожу дома в поместье, не интересуюсь помолвкой, которую в очередной раз предлагал отец, ведь девушка-то действительно из неплохого рода. Можно и забыть уже о Москве и Мише. Стоп, причем здесь Трубецкой и почему нужно забыть о моём друге и столице? Вот тогда меня и переклинило.

— Летая к звёздам, перестаёшь пугаться высоты, но, витая в облаках, начинаешь бояться падения, — произнёс одну из фраз Графа вслух.

Надеюсь, он не скис после того, как я исчез. Или, возможно, тело Михаила Маркова всё ещё лежит в капсуле в лаборатории «Астрала». Не знаю, но надеюсь, что художник смог найти силы жить дальше за четыре с половиной года. Я бы не хотел, чтобы мое путешествие по Галактике, оказавшееся билетом в один конец, стало таковым и для него.

Нужно отвлечься, иначе опять раскисну или потеряю голову.

Я повернул голову направо и начал медленно осматривать комнату. Бежевые стены,

шторы, балкон, шкаф, ничего интересного. А потом взгляд сам собой упал на прикроватную тумбочку с газетами. Вчерашние, но тоже подойдёт.

Верхним оказалось местное издание «Найроби Мир» на русском языке, в котором кроме новостей о столице можно было узнать последние изменения во всей Кенийской Свободной Республике и Африке.

На первой же странице красовался крупный заголовок: «Сомалийские пираты — континентальная угроза». Статья, как можно догадаться, посвящена агрессии со стороны Сомали, читай Италии, которая направлена против рода Татищевых, то есть Российской Империи. В теории, причин для вмешательства у нашего императора нет, война мелких сомалийских дворян с одним родом — не его калибр. На деле, Иностраннный Корпус отбивается от мелких групп итальянских наёмников. Зачем? Конструкт. Автор же пишет об их возможности блокировать порты и прерывать водное сообщение с Европой. Интересный взгляд.

Следующая статья занимала три разворота и была скорее похожа на небольшое исследование. Любопытство — не порок, заглянем внутрь. Интересно же.

«Пороховая бочка колониальных империй» — это очень точное название для Африки, нужно запомнить. Автор описывает предпосылки создания системы сдерживания и противовесов, которая сейчас является необходимостью для всех участников в судьбе континента, а также рассматривает перспективы сближения империй и возможности формирования новых альянсов.

В Африке сейчас находятся колонии многих крупных игроков, и если раньше это были просто ресурсные и сельскохозяйственные «придатки», то с обнаружением конструкта, способного обеспечить качественный рост магов страны-владельца как пассивно, просто потому что огромный кристалл есть, так и с помощью артефактов, ситуация изменилась.

В Западную и Экваториальную Африку и Алжир, подконтрольные Франции, последние десятилетия начали стекаться боевитые роды, официально для противостояния захватнической политике Британской Империи и поддержания порядка в качестве миротворческих сил. С последним я соглашусь: французские свободные роды творить умеют, но только не мир, а разрушение и хаос. Автор разделяет мой скепсис и приводит в пример анти-колониальную войну в Эфиопии в 1913 году.

После смерти предыдущего императора, Тэкле Третьего, итальянцы, которые весь конец девятнадцатого — начало двадцатого века провоцировали приграничные стычки с эфиопскими родами, чтобы получить казус белли, право на объявление войны, решили, что настал подходящий момент для стремительного расширения колониальных владений.

Предполагалось, что захват Эфиопии будет осуществлен в кратчайшие сроки, пока новый император, Теодрос Четвёртый, происходящий из рода потомков династии царя Соломона, не взошел на престол. Война началась и несколько недель эфиопские войска под предводительством Теодроса оказывали ожесточенное сопротивление, но итальянские силы продвигались вглубь страны и в конечном счёте смогли взять императора в плен. Казалось бы, причём тут французы?

Дело в том, что в Аддис-Абебе, столице Эфиопии, гостил Франсис «Бастард» де Бальц внебрачный сын одного из представителей старшей ветви Де Бальц, одного из древнейших родов Франции, происходящего из Прованса. И пусть род почти прервался и их остались единицы, когда-то представители де Бальц могли бросить вызов королевской династии Испании, который, справедливости ради, закончился тяжелым поражением и практически

полным истреблением сразу нескольких дворянских ветвей французских магов. Но это к делу не относится.

К тому же, прозвище «Бастард» Франсис получил не столько как внебрачный сын, а скорее из-за своего стиля ведения боя и безжалостности. Враги чаще называли его ублюдок, но только за спиной. Магов своего рода. На другом материке. И шёпотом. А исконными врагами рода де Бальц, барабанная дробь, кроме испанцев являются итальянцы, так как французы на протяжении сотен лет вели родовые войны в Южной Италии и Сицилии.

Франсис, к несчастью, редко путешествовал один, а свита у него была подходящая. Как говорится, покажи мне своего друга, и я скажу кто ты. Бастард со свитой настолько втянулись в ночную жизнь в столице Эфиопии, что обнаружили итальянских магов только когда начались бои в пригороде Аддис-Абебы, которые Франсис со свитой восприняли как продолжение банкета. Не стоит отмечать, что дальше пригородов итальянцы не продвинулись, а от контрнаступления спасли лишь своевременный мирный договор, огромная контрибуция и пакт о ненападении на двадцать пять лет между Эфиопией и Италией.

Есть мнение, что уж слишком Франсис был силён для бастарда от простолюдинки, как было озвучено после его рождения. Его настоящая мать скорее всего была из одной из могучих семей с длинной родословной, которым не к лицу было признавать сторонние связи, а уж тем более внебрачных детей. А когда выяснилась его истинная сила, переговоров ни с кем француз не вёл. Ублюдок, что ещё сказать. Но не стоит дёргаться, он уже лет семьдесят мёртв.

Интересная история, впрочем, история редко бывает скучной. А как зовут автора? Зейтуни, никогда не слышал. Может быть, пишет под несколькими псевдонимами или редко публикуется в газетах Найроби.

Далее, на севере и северо-востоке Африки находятся упомянутые выше итальянцы, то есть их колонии — Сомали, Эритрея и Ливия, а последняя и вовсе соседствует с Алжиром. Здесь автор также упоминает Кенийскую Свободную Республику в контексте противостояния империй на границе колониальных владений и нападений итальянских родов на корабли, следующие через порт Момбасы.

Эфиопию, Египет, а также бельгийские Конго и Либерию как страны, придерживающиеся нейтралитета, автор располагает в категорию ключевых для изменения текущего стратегического баланса. Конго, кстати, находится в центре континента в окружении потенциальных конкурентов, так что политика невмешательства скорее вынужденная. Своеобразная Швейцария. Британские провинции и кенийская Свободная республика на востоке, Французская Африка на северо-западе, португальские Ангола и Мозамбик на юге и юго-востоке.

И в заключение, Зейтуни высказывается в поддержку теории о потенциальном сближении монархий в связи с необходимостью противостоять магическому росту противников. Трава в гостях всегда зеленее, но мне слабо верится, что империо-колониалисты пойдут на большие уступки чем сейчас для потенциальных совместных операций против Российской Империи, как считает автор. План действия через коренное население, повышение социального напряжения, акции устрашения, а в качестве подтверждения только прецедент с Россией и Британией. Хотя идея интересная, надо будет про местное население у Бенни поинтересоваться, он точно должен быть в курсе.

Точно! Я же сегодня до сеанса связи с родиной хотел сходить на рынок Масаи. Сегодня

суббота, а в следующий раз распорядок моих выходных и график работы рынка совпадут не скоро. Откуда я знаю, куда и когда переедут бродячие торговцы? Связи с Тайной Канцелярией и военным руководством Иностранного корпуса позволили создать аналитический отдел, отслеживающий динамику цен, тенденции развития внутреннего рынка Найроби и определять наиболее выгодные для потенциального привлечения инвестиционного... ладно, ладно.

Фэйт на электронную почту скинула расписание на месяц вперёд. Этот рынок такой же бродячий, как и белобрысый пёс, который прибил к Масаи ещё до моего переезда в Кению. Нет, я не про Бенни, он всё же мулат, а не альбинос. Рынку Масаи нужно поддерживать репутацию для привлечения туристов, так что последние получают загадку и развлечение, а торговцы — клиентов и деньги. Все в выигрыше.

Проигрываю только я, так как зачитался и теперь придётся переждать дневной солнцепёк. Ну хотя бы пару часов до того, как солнце покинет зенит и безвозвратно бросится в распростертые объятия запада.

Я отложил «Найроби Мир» и глянул на стопку газет на тумбочке. Теоретически я мог бы взять в руки телефон, выйти в Сеть и найти там все последние издания. Интернет в Найроби стоит недорого, а во многих кафе, ресторанах и общественных местах работает беспроводная сеть.

Тем не менее, есть в чтении бумажной литературы какой-то шарм и сакральное значение, будто писатель оставил частичку души на бумаге, а затем поделился с тобой. Более того, доставляет тактильное и эстетическое удовольствие полистать бумажные журналы или просто посмотреть заголовки, чем, в принципе, и можно заняться.

Перебрав несколько газет, я увидел крупное название «Голос Республики» на главной странице. Вот и юмористический раздел вырисовывается. Эта газета выпускается в издательстве «Смоленск», и находится оно прямо напротив восточной части квартала, который занимает Иностраный корпус. Буквально через дорогу. Через шоссе А104. Внимание вопрос, каким образом связаны Кения, Смоленск и Иностраный Корпус? Ну конечно же напрямую, ведь россияне и кенийцы — братья навек. По крайней мере, это официальная позиция «Голоса Республики».

А если добавить в шуточную палитру серьёзных красок, то род, который восходит к Смоленским князьям и которому достались имения и земли на территории Кенийской Свободной Республики, является владельцем этой газеты. Татищевы. Думаю, что кому-то из совета рода захотелось вернуться к корням, вот и решили назвать издательство именно так. Вряд ли на улицах Найроби можно часто услышать «я работаю в Смоленске, а живу тут, за углом».

Пролистав газеты, при этом обращая внимание лишь на заголовки, я смог составить личный топ новостей.

Бронза уходит небольшой статейке о недавней стычке в Тайване, неведомо как пробившейся сквозь развороты таких грандов как «Найроби Мир», «Вестник» и прочих. Да, в Найроби можно купить газеты и книги из Российской Империи, хотя издания отличаются направленностью и охватом. Всё же больший фокус на Африке и толика новостей о России и императорской семье. Чего не встретишь, так это жёлтых статей о дуэлях аристократов и подковерных играх дворян, всё же здесь это мало кого интересует.

Теперь о Тайване. Похоже, что отношения между Японией, владеющей островом, и Китаем, который в своё время этот остров упустил, идут на новый виток обострения. А

самые сильные, вселенские и непреодолимые противоречия возникают где? Правильно, у конструкторов Древних, или на территориях смежных с ними. Вообще, история Тайваня в этом мире слегка отличается, и уж точно является чуть более сложной, чем история Кенийской Свободной Республики. Китай ещё в начале и середине первого тысячелетия отправлял экспедиции на этот остров и установил контакты с местным населением в привычной для того времени форме.

Домой привезли аборигенов и обучили их китайскому. Позже, в 7–8 веках китайские переселенцы основали несколько поселений на острове и, казалось бы, почему этот остров тогда не является китайским? А местные не были рады новому соседству и устраивали ритуалы «охоты за головами» для юношей, которые хотели доказать силу.

В XII веке остров стал базой для китайских и японских пиратов, которые друг с другом, естественно, не дружили. Стычки продолжались на земле и море, но носили весьма спонтанный характер. В XVII веке голландцы сделали Тайвань колонией, а в самом Китае начались войны династий Мин и Цин (основатели этой династии происходили из Маньчжурии), а одним из участников был пиратский король Чжэн Чэнгун, который воевал как против маньчжурских завоевателей на юго-востоке Китая, так и против голландских колонизаторов.

Он был сыном китайского адмирала, но его мать была японкой. Точная сила пиратского короля неизвестна, но Коксинга (Господин с императорской фамилией), как называли его сторонники, смог стать первым правителем Тайваня. De jure, он признавал власть китайской династии, но de facto стал первым независимым правителем Тайваня, который зародил новую династию, которая чудом уцелела после его смерти, когда его сын Чжэн Цзин смог пережить дворцовые интриги и убить собственного дядю на дуэли насмерть. Так династией, правящей островом стал род Чжэн, который имел двойные корни.

Во время японо-китайской войны в 1894 Китай проиграл, на голову уступив талантливому поколению магов страны восходящего солнца, которые в 1905, набравшись опыта и заматерев в боях, разбили и российских соперников. Ещё бы, ведь конструктор там как раз и обнаружили в конце девятнадцатого века, но сейчас не об этом.

Тайвань стал частью Японии. Язык и культура изменились, однако были проведены колоссальные изменения внутри страны со скрупулезностью и трудолюбием, присущим жителям страны восходящего солнца, и Тайвань стал центром экономики и торговли с развитой инфраструктурой, уступающей в регионе лишь самой Японии.

Технологический прорыв совпал с угнетением коренного населения и строгим контролем за регионом, но династии Чжэн удалось выпутаться и сохранить управление благодаря японским корням и смене имени рода на Сэйко. Китай передачу острова на неограниченный срок не принял и заключенное после войны мирное соглашение считает подписанным неправомерно и под давлением.

А теперь в этот котёл можно добавить Португалию, которая мимо проплывала и добралась до Макао, что западнее Тайваня, Францию в Индокитае, Британию с всемирными амбициями, Филиппины, принадлежащие Североамериканским Соединенным Штатам и Россию под боком, то получается еще один узел, который невозможно распутать. Ну или пороховая бочка, готовая вот-вот взорваться.

Кстати о горячем, ну, или горелом. Новость как раз о том, что на территории Тайваня произошел взрыв магического характера. Всё мировое сообщество, подозрительно совпадающее с заинтересованными в конструкторе сторонами, требует пустить независимых и

неподкупных наблюдателей или вообще создать мониторинговую миссию на острове для гуманитарной помощи местным и выяснения причин взрыва.

Род Сэйко настаивает, что на самом деле в одном из поместий взорвался газ и никто не пострадал, следовательно, инцидент исчерпан и никаких помощников извне привлекать не нужно. Японский император пока комментариев не даёт, и Россия в статье указывается как «спящий гигант», оставшийся не у дел.

Почётное второе место достаётся новости о фестивале культуры и искусства в Момбаса, который будет проходить через месяц. Всё-же Момбаса хоть и не является столицей, но тем не менее сохраняет статус самого старого города Кении и крупного портового узла. Город расположен на одноименном острове и условно разделён на несколько частей, соединённых с материком дамбами. В этом городе проще проводить выставки и мероприятия, так как он находится на побережье Индийского океана и имеет долгие культурные традиции и важное историческое значение.

Например, насколько мне известно, в центре города установлены две пары белых клыков, обрамляющих дорогу с двух сторон и пересекающихся над всеми проезжающими. Довольно оригинальное архитектурное решение было принято установить в честь первого визита принцессы Маргарет и Константина Николаевича, отца нынешнего императора, после их свадьбы. И именно в таком порядке.

Третья Британская принцесса кроме прочего является меценатом, филантропом и одной представительницей немногочисленной группы дворян, поддерживающих сохранение окружающей среды в Кении, несмотря на постоянные попытки частных компаний и родов перекроить территорию естественной среды обитания животных на территории Кении.

Примером долгой и плодотворной работы этой группы являются заповедник Масаи мара, что находится на юго-западе страны. Однако, всегда есть свои трудности. В данном случае животные, перемещающиеся по заповеднику, не останавливаются на выделенных людьми территориях по мановению руки или волшебной палочки, а двигаются в соседние общинные земли, окружающие парк.

А они принадлежат... барабанная дробь... масаи, коренному народу, который огораживает свою территорию. Люди и звери по сути конкурируют за плодородные земли из-за засух и прочих природных катаклизмов. И, как мы знаем, люди проигрывать не умеют.

Кенийцы же не из масаи естественно благодарны принцессе за сохранение редких и исчезающих видов животных и новые инициативы в стране. Я, кажется, недавно читал о новых проектах по аренде земли у масаи и кикуйю, поиску новых подходящих мест обитания для чёрных носорогов при помощи кенийского правительства, конечно, сводя к минимуму ущерб дикой природе и природным ресурсам, которые необходимы для экономического и технологического развития страны и средств к существованию ее граждан.

Вообще, фермеры всегда были недовольны империалистическим правительством, будь то русские или британцы. В моем прошлом титаны, раскинувшие свои могучие руки во все стороны, оказались на глиняных ногах. И империи пали. Может быть, и здесь им уготован такой же конец, пусть и с запозданием в несколько веков.

По крайней мере, демонстрации рабочих, железнодорожников в Кении, или портовых работников в Сомали не удивляют меня как нечто невиданное. Новости о них не часто доходят до газет, но секретной эту информацию не назвать. Сарафанное радио все-еще актуально.

Возвращаясь к Момбаса, там еще находится ряд музеев, в том числе национальный и

археологический, который расположен в форте Бурхани, заложенном в 16 веке прибывшими сюда португальцами. Этот форт находится на юго-востоке центральной части Момбаса, в старом городе. Раньше он служил для защиты порта от вражеских кораблей. Для его захвата нужно было, ничуть не преувеличивая, залить стены кровью, а затем поджечь, и не факт, что это бы облегчило труд нападавших.

Форт сконструирован в форме человеческого тела, если взглянуть на него с высоты птичьего полета. Впрочем, сейчас крепость слегка обветшала и служит скорее для хранения исторических объектов, реликвий и нескольких артефактов, найденных геологами в XX веке и не приглянувшихся российской короне.

В восточной части города есть несколько кинотеатров, которые я бы с удовольствием посетил в один из отгулов. В общем, богатый историей, но бедный финансово город. Может, съездить с Фэйт на фестиваль, если конечно отпустят из корпуса? Хотя, я как-то не очень люблю подобные мероприятия. Нужно будет придумать что-нибудь поинтереснее, если служба позволит.

— А, собственно, который час? — произнёс я, резко поднимаясь с кровати и разминая шею.

Головная боль и слабость ушли, не оставляя никакого следа от моего утреннего помешательства. Осталось понять, можно ли выдвигаться в город, не рискуя спалить свою драгоценную шкуру. Часы показывали семнадцать пятнадцать, следовательно, можно было выйти на прогулку и найти Бенни на рынке масаи. До рынка от моего дома в Вестланде было максимум полчаса пешком.

СУДАН

ЭФИОПИЯ

УГАНДА

Лодвар

Мояле

СЕВЕРО-ЗАПАД

ВОСТОЧНЫЙ РАЙОН

СЕВЕРО-ВОСТОК

СОМАЛИ

Кванза

Китале

ЗАПАД

Меру

Кисуму

Накуру

Ньери

Гарисса

ОЗЕРО УХУРУ

ЮГО-ЗАПАД

ЦЕНТР

Тика

Найроби

Ламу

ПОБЕРЕЖЬЕ

Малинди

ТАНГАНЬИКА

Момбаса

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

Глава 12

Улица встретила меня прохладным дуновением летнего ветра, несущего временное спасение от всё ещё жаркого солнца. Оно хоть и не обжигало кожу полуденным зноем, но грозило оставить багровые следы на открытых участках кожи, как будто требуя вернуться в надежное укрытие в тени и спокойствии жилого здания.

Я прищурился, давая глазам привыкнуть к дневному свету, и вздохнул, набирая в лёгкие приятный чистый воздух.

Из дома напротив доносились приглушенные возгласы соседей, образуя едва различимую какофонию звуков, которую дополняли звуки двигателей редких проезжающих машин и режущие слух прерывистые скрипы и свисты скворцов, будто пародирующие голоса более певчих птиц и моё равномерное дыхание. Природа и человек существуют в вечнозеленом городе в хаотичном подобии баланса, который трудно сохранить.

Я неспешно двинулся к воротам слева и вышел на улицы Найроби, где было на удивление немногочленно. Впрочем, чтобы попасть в более оживлённые места в Вестланде, стоит двинуться на северо-запад района, где располагаются кафе, несколько ресторанов и баров, в одном из которых работает Фэйт.

Напротив находится небольшой велосипедный магазин, где можно купить подержанные модели по вполне приемлемой цене и ларек с фруктами, перед которым на стуле сидел владелец. Я редко у него что-нибудь покупаю, но мы пару раз общались. Сейчас он с видом вечного мученика пытался игнорировать небольшую стайку детей, выпрашивающих у него арбуз. Я махнул ему рукой и, получив кивок в ответ, двинулся направо по улице, вдоль ограды моего жилого комплекса.

Подняв глаза чуть выше ограды, я заметил девушку, которая курила на балконе третьего этажа. Тёмные кудрявые волосы в стиле афро, худая фигура, традиционная юбка, будто волнами спадающая до колен, в теплом красном цвете с вкраплениями орнамента горчичного оттенка, и деревянные бусы на шее. И всё, верхней одежды на ней не было. Мой взгляд не вызвал у неё никакого дискомфорта, и она продолжила курить, рассматривая меня в ответ.

Я перевёл взгляд от девушки на горизонт, где красовалась Британская башня. Что я, за тридцать лет женскую грудь не видел? Нет, в военной академии было конечно тяжело, но и там были славные, хоть и редкие, вылазки в город, за которые мы потом расплачивались нарядами и дополнительной физподготовкой. А вот главная архитектурная достопримечательность города, которую видно из большинства районов, не перестает удивлять.

Башня в форме треугольной призмы из стекла воздвигнута «поверх» прямоугольного здания, больше похожего на павильон из футуристического будущего, чем на реальную постройку в самом сердце столицы Кении. Башня же будто пытается дотянуться до тяжёлых и колючих облаков, завивающихся в причудливую спираль, затягивающую чудо инженерной мысли и достояние британской короны.

Британской, потому что именно это здание по какой-то причине является не просто элегантным офисным зданием, а посольством Британской Империи. Ответ на вопрос для чего им нужна целая башня и чем они там могут заниматься лежит вне моих полномочий. Можно лишь переделать поговорку на новый лад: «Не сжигай башню, чтобы избавиться от

британцев», ну или «Можно избавиться от британцев, но от судьбы не уйдешь».

Под размышления о достопримечательностях Найроби, я покинул пределы Вестланда и начал медленно двигаться в сторону центра города. Где спрятать самую важную вещь? Правильно, на самом видном месте. Именно поэтому рынок Масаи находится в десяти минутах ходьбы от британского посольства. В центре, впрочем, еще находится квартал Иностранного Корпуса, магический университет Найроби и множество других государственных зданий, банков, церквей и прочих построек. И издание «Смоленск», куда же без него.

Жилые кварталы ближе к центру по сути остаются прежними: серые каменные ограды, железные ворота, и повсюду видны строящиеся здания с массивными кирпичными стенами, пустыми оконными и дверными проемами, будто мёртвые бездонные бойницы средневековых замков, они так и манят заглянуть внутрь. Строительные материалы и тележки лежат то тут, то там совсем без присмотра, а бригады прячутся от уже не палящего, но всё ещё по-летнему жаркого солнца где-то в глубине зданий.

Прохожие как в муравейнике снуют туда-сюда между домами, неказистыми палатками с фруктами, продуктовыми магазинчиками и магазинами с электронной техникой. Чем ближе к центру, тем чаще встречаются не развлекательные заведения вроде баров и ресторанов, а именно такие небольшие торговые точки. С другой стороны, в Найроби сложно планировать прогулки без бутылки воды или временного укрытия в тени, жара может повлиять даже на вроде бы привыкших к ней местных.

Мне же больше нравится другая сторона города. Я не сторонник жары или холода и выбирать крайности уж точно не стал бы, мне по вкусу умеренный климат. Однако именно изобилие солнца привело к тому, что куда ни глянь, всюду в Найроби видна природа, её следы, которые скорее вопреки, чем благодаря человеку, сохранились в быстро развивающемся и урбанизирующемся городе из стекла и бетона. И иногда из дерева.

Все-же не перестаёт будоражить воображение разнообразие растительности вдоль оград: кустов причудливой геометрической формы, цветов и клумб между двухполосной дорогой, а также зелёной травы, что будто полотном художника-монохромиста метр за метром выгрызает жизненное пространство у монотонного бездыханного бетона, напоминая, что город останется вечнозеленым, даже если все жители растворятся в бездушных серых домах.

Через несколько минут поток прохожих стал больше. Они то ли спешат в известные бары Вестланда, чтобы провести там приятный вечер выходного дня, то ли наоборот, стараются поскорее укрыться от солнца и звуков города. Поток машин увеличился и на поворотах направо и налево возникали небольшие заторы. В потоке выделялись желтые пассажирские автобусы, чем-то отдаленно напоминающие школьные, хотя я не до конца уверен, почему. Также стали заметны белые полицейские машины с черными полосами сбоку, гербом Кении на дверях и красно-синими шашечками сверху.

Название «полиция» для местных сил правопорядка сохранилось со времени Кении в качестве британской колонии. В те времена офицеров полиции называли инспекторами на английский манер или «askari polisi», что на суахили означает полицейский.

До середины шестидесятых годов прошлого века полиция в Кении занималась железнодорожными преступлениями, охраной важных государственных объектов, расследованием преступлений внутри страны и прочими обязанностями. Основой британской полиции служили не местные жители, а европейцы и британцы, поэтому и

кредит доверия к службе правопорядка был минимальный. Зачастую, полицию использовали в качестве средства по подавлению стачек и проявлений свободы коренного населения.

После 1963 года, когда Кения вошла в состав Российской империи, было принято решение не упразднить местную полицию, с последующим весьма затратным процессом создания нового образования, а скорее интегрировать её в российскую систему и распределить обязанности между полицией и Иностранным корпусом.

В России полиция разделена на городскую полицию, которой руководит градоначальник, и областную полицию. Честно говоря, обязанности кенийской полиции сильно не поменялись, они всё также занимаются преступлениями и сохранением порядка внутри страны, а иностранный корпус больше нацелен на противостояние внешним угрозам и работе с российским имперским геологическим обществом. Мне кажется, что попытка скорректировать местную полицию привела к тому, что была нарушена работающая экосистема, а вместо неё появилась бюрократическая машина с задержками в корреспонденции и коммуникации между городом и областью.

Вообще, такое деление для Кении кажется сомнительным, так как город и область зачастую отличаются не просто уровнем жизни, родом деятельности, но и этносами, которые там проживают. К тому же, большую часть области занимают национальные парки и заповедники.

Слева по улице показался магический университет Найроби. На флагштоке развивается имперский флаг, а чуть ниже висит триколор с двумя скрещенными копьями и щитом посередине. Этот флаг в стране используют антиимпериалисты, что ратуют за свободную Кению. Думаю, у кого-то из персонала сегодня будут большие проблемы. По приезде в столицу Кении, я несколько раз навещал профессора по общей магии в стенах этого заведения, так как пытался найти кого-то кто помог бы с восстановлением сторевших каналов.

Вообще, у меня не было времени порассуждать о роли магии в моей жизни, или точнее отсутствия магии. В военной академии нас учили как справляться и без нее с помощью навыков ближнего боя и владения оружием, достаточных для службы в Иностранном корпусе. Всё-же не все солдаты и офицеры корпуса дворяне или имеют магические способности, однако в отрядах быстрого реагирования в обязательном порядке должен быть один волшебник, так как мы работаем в четверках, или, как мы говорим, в кваде. Это означает, что места для ошибки на заданиях нет.

В четвёрки отбирают не только по физическим данным и навыкам, но и вследствие психологического анализа кандидатов. Ошибки случаются, но насколько я знаю, квады распадаются или меняются только по одной причине.

Да, действительно, у ворот университета уже дежурит две полицейских машины, а на автобусной остановке напротив, на моей стороне улицы, стоят два офицера с табельным оружием. Видимо, на крайний случай.

Поворот направо, ступеньки, и я оказался в небольшом сквере. В центре находится фонтан, а вокруг и вдоль деревьев, образующих миниатюрные аллеи, разбросано множество скамеек, где любят отдыхать студенты. В будни, конечно. Сегодня немногочисленно, почти все скамейки свободны. Я едва успел шагнуть на узкую каменную дорожку, ведущую к центральному фонтану, как вдруг услышал звуки борьбы. Ну не-е-ет, только не заезженная история спасения принцессы из лап похитителей. Ладно, может хотя бы злодею какому навалюю.

Я резко свернул с дорожки и ускорился, приближаясь к источнику звуков в глубине аллеи. Через несколько мгновений, я, раздвигая кусты руками, стал свидетелем картины маслом. Приплыли. На месте принцессы молодой парень, студент, скорее всего, или турист. Белый, как полотно. От природы и от страха.

Его взяли в клешни два местных юноши. Одеты неплохо, на лицах нет масок, вроде без оружия. Отнимать рюкзак среди бела дня не лучшая идея. Лицо жертвы в крови, знатно они его повозили. Отдал бы рюкзак, никакие деньги и ценности не вернут собственную жизнь. Странно, что он даже не кричит, прося о помощи. Я уверен, что полицейские на остановке услышали бы. Меня заметили, и двое парней, повалив студента на землю, быстро переглянулись и прокричали мне:

— Пошёл прочь, мзунгу [17]! Или тоже хочешь вывернуть карманы?!

— Да ну, и что же ты надеешься найти в моих карманах? — спросил я ехидным тоном. Надо бы отвлечь нападающих от парня на земле. Они ж ему и голову пробить могут. — Неужто хочешь попытаться отнять что-нибудь у аскари [18], а не юнца?

Результат использования суахили оправдал себя. Двое грабителей явно остались недовольны тем, что чужак говорит на их языке. Ещё бы, ведь я назвал себя воином, а не мзунгу, что означает странник. Такое обращение, по-моему, не должно считаться обидным, но в последние десятилетия его всё чаще используют с ненавистью.

— Закрой пасть, жалкий... — начал один из нападавших.

Но напарник прервал его смешком:

— Хах, язык губит человека, брат. Сейчас мы научим этого... аскари... манерам.

Преступники отпустили парня и не спеша, словно показывая своё превосходство, достали из карманов оружие. Холодное. Складные ножи. Геройствуют глупцы, а я себя таковым не считаю.

Да, будь их руки пусты, я бы справился. Всё-таки с навыками рукопашного боя у меня отлично. Мы бы закончили быстро, ну не похожи эти парни на бойцов. Однако даже военному не стоит пытаться победить двух противников с ножом голыми руками. Я не супергерой из фильма и не нагибатор-убийца-попаданец из книжонки, чтобы размотать всех врагов, даже не вспотев. И будь в моём теле двадцатилетний пацан с синдромом спасителя, он бы бросился в бой. Ладно, будь он в своем теле, может он бы раскидал их магией. О, есть же магия!

Нас разделяет не очень большое расстояние. Ко мне приближаются вразвалочку, будто растягивая удовольствие. Я плавно выставил руки вперёд, открытыми ладонями указывая на противников.

— Хотите увидеть настоящую магию? — предложил я с улыбкой на устах.

Грабители остановились на месте, словно пришибленные. В их головах сейчас отчаянно вертятся шестеренки. Блеф или не блеф? Столкнуться даже с магом первого ранга ребятам явно не хочется, ножи в таком случае придется вынимать из собственных тел. При этом из не самых приятных мест.

Я не дал им много времени на размышления. Набрал в лёгкие побольше воздуха и со всей сил прокричал:

— ПОЛИЦИЯ, ПОМОГИТЕ, УБИВАЮТ!

Парни явно опешили от моего заклинания, но, видимо, оно их не сильно впечатлило. С мерзкими ухмылками на губах они снова двинулись ко мне. Ага, удачи.

Через несколько ударов сердца, когда до меня им оставалось всего пару метров, сзади

послышался шорох кустов, сбивчивое дыхание, а затем и выкрик:

— Полиция! Никому не двигаться!

Вот и кавалерия. И действительно, двое полицейских, которых я заметил на остановке, выскочили из кустов, словно Дорожно-космическая Патрульная Служба из голограммы, чтобы прищучить нарушителей. Наверное, так же чувствовали себя защитники хельмовой Пади, когда прибыли рохиррим, на пятый удар сердца, с востока. Бежать неудачливым вымогателям не удалось, все же полицейские уже были на полном ходу и с табельным оружием в руках на случай непредвиденной угрозы.

Всё закончилось, даже не начавшись. Два тела, живых, но не очень здоровых отдыхают в наручниках мордой в газон. Один из офицеров о чем-то беседует с жертвой, а второй обращается ко мне, стоя над «охотниками», что стали жертвами правосудия. После краткого опроса на предмет «что? где? когда?», где меня вежливо попросили отвечать на вопросы и пока не задавать своих, я упомянул, что я офицер Иностранного корпуса и показал идентификационную карточку, а полицейский беззлобно ухмыльнулся в ответ:

— О, всегда знал, что в корпусе служат находчивые люди. Вы правильно сделали, что решили не применять силу и позвали нас. Как говорят у вас: «не играй с огнем».

— Э-э, а вы неплохо разбираетесь в пословицах, коллега, — с легким одобрением в голосе ответил я. — Огонь сжигает вещи, но не сжигает железа.

— Давно прошли закалку? — с интересом уточнил полицейский. Его темные глаза заблестели, будто он надеялся услышать хорошую историю. — А ну не дергайтесь! — он отвесил пинка лежащему у его ног грабителю.

— Я здесь недавно, приняли сразу после военки. Пока все было спокойно, так что закалка боем мне еще предстоит.

Я решил быть откровенным. Все-таки действительно не принимал участия в настоящих сражениях. Только патрули и постоянная муштра. Но тяжело в ученье — легко в бою.

— Военка? — не понял кениец.

— Да, военная академия, — уточнил я.

— А, тяжело в ученье — легко в бою, — неожиданно вторил моим мыслям полицейский.

— Мы ждём машину и заберем этих двух. Затем отправим бумаги в корпус. Нужно будет заполнить. Рад был поговорить с вами, хоть и в таких обстоятельствах. Постарайтесь... эээ... — замаялся на мгновение офицер, — смотреть по сторонам. На улицах бывает небезопасно. Раньше так было только в Кибере, но оттуда всегда лезут особые неприятности. Кажется, соседние кварталы тоже заражаются этой лихорадкой. Еще и пикеты у посольства.

— У нашего? — удивленно поинтересовался я.

— Нет, — ответил полицейский, — у британцев.

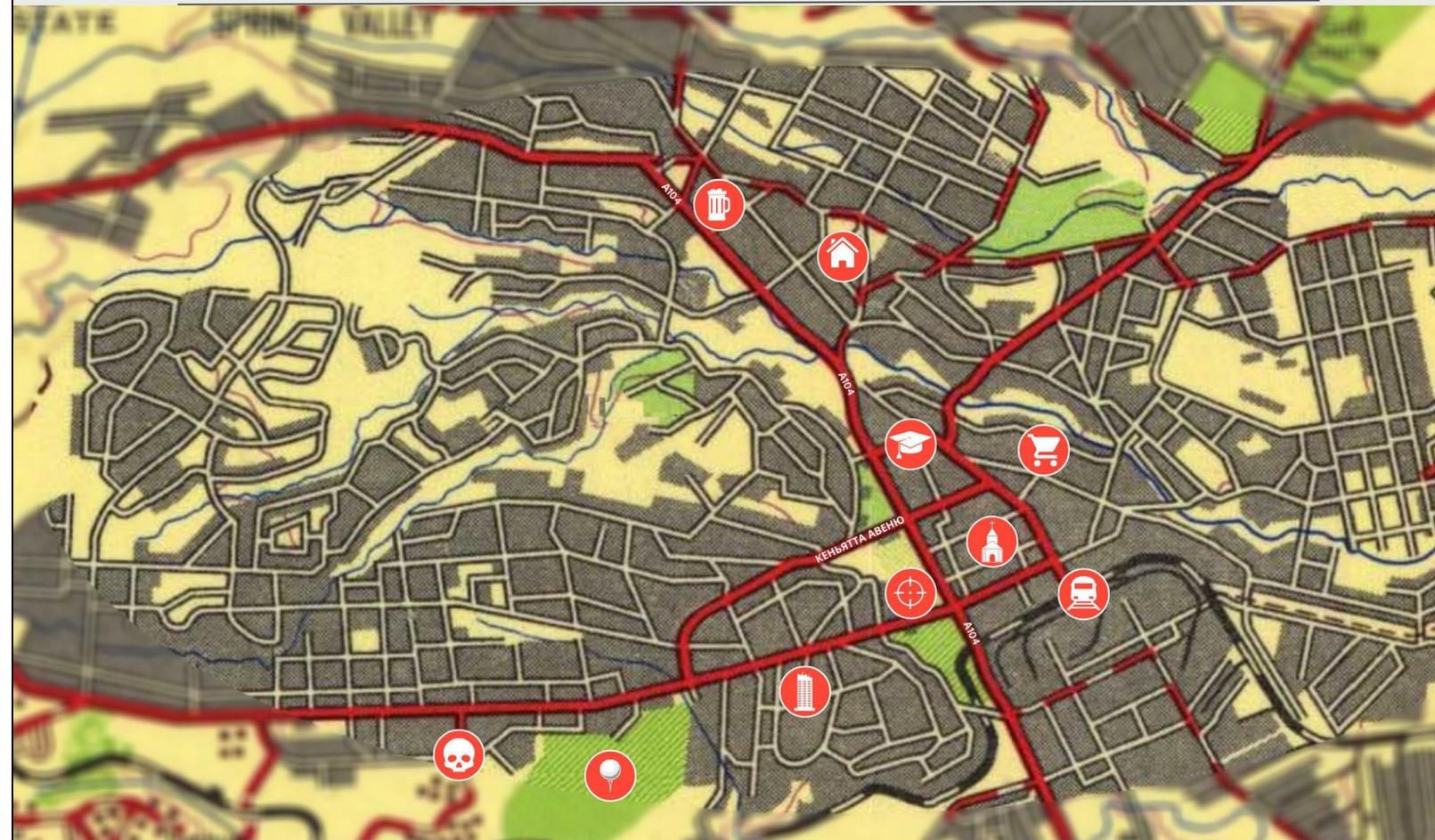
— Саванна превратилась в каменные джунгли. — Мои слова прозвучали с легким сожалением.

— Берегите себя, — попрощался офицер.

Я бы тоже с радостью рассказал больше о себе или попрактиковался в русско-африканских пословицах, но тогда я приду к закрытию рынка Масаи. Все же я и так задержался. Осталось лишь выйти с другой стороны сквера, и я буду почти на месте. Главное — добраться без приключений. Хватит с меня на законный выходной.

[18] Солдат (суахили).

КАРТА НАЙРОБИ

**Дом в
Вестланде**

**Предместья
Киберы**

**Бар "Пьяный
волшебник"**

Университет

**Британская
башня**

Рынок масаи

База ИК

Собор

**Поле для
гольфа**

Ж/д станция

Багровый закат

В вечерней прохладе

Полыхает терпенье самурая.

Нет, я не стал поэтом. Их судьбы как-то не складываются. Но если бы мне захотелось описать приключения терпеливого японского воина на рынке Масаи, то они бы сложились именно в подобное хокку.

Все самые странные, необычные, полезные и просто забавные вещи, что существуют в Кении, можно найти на этом рынке. Начиная от картин, рисунков, книг, украшений, ткани и заканчивая обувью, одеждой, холодным и огнестрельным оружием (неофициально, конечно) и прочими товарами. Цены в этом месте самые дешевые, если уметь торговаться, конечно. В чем подвох? За обслуживание этому месту в рейтинге моего мира выдали бы даже не ноль, а отрицательное число.

Что делает человек, готовясь к походу на рынок? Надевает головной убор? Берет сумку? А вот и нет. Телефон, кошелек и деньги убрать в карман с застежкой. Рюкзак носить перед собой. Нет, местные дети не голодают, они работают в организованных группах попрошаек, строя щенячьи глаза. Не стоит верить слезливым историям, в них мало правды. Цены изначально завышены. Нужна формула, чтобы лучше торговаться? Конечно! Цена = $m \cdot n$, где m — случайное число в голове продавца от одного до пятисот, а n — степень твоей инородности этому месту по шкале от одного до ста. Шучу, они просто берут цену из воздуха. Нужно знать с чем столкнешься, чтобы местная ярмарка не разозлила и не испугала.

Эмоции — это от лукавого. Ладно, ладно, просто стоит всегда помнить, что это игра, в которую могут играть несколько человек. Не нужны цацки — не останавливайся поболтать. Дети, твои? Не давай ничего трогать и строго накажи не брать ничего в руки — заставят купить. По крайней мере, попробуют. Не твои? Шли их куда-нибудь к Сатурну [19] до следующей субботы, он их сожрет за милую душу. Заинтересовали бусы? Пройдись, обязательно найдешь такие же, а затем торгуйся. До потери пульса и со всеми. Такой аттракцион. Я знаю несколько лавочников, включая моего приятеля Бенни, а они знают, где я работаю. Так что обычно я не топчусь со всеми, а сразу иду к знакомым, но сегодня можно и поглядеть на товары. Не так уж и жарко, да и настроение начало... накаркал.

Группка детей перехватила меня ещё до того, как я успел подойти к первым палаткам рынка. Самый смелый или наглый, хотя они все такие, сразу же пошёл в наступление:

— Кизунгу [20], подай! Мать умерла. Отец умер. Брат инвалид. Подай сироте. Ну подай, ты же великий белый. Благодетель. Кизунгу, ну подай. Деньги же есть.

Они явно были намерены обобрать меня до нитки. Я на них не в обиде. Как говорит Граф: «C'est la vie» или «такова жизнь». Я, по их мнению, был ещё один турист, хоть и успел загореть за шесть месяцев, и теперь моя кожа не напоминает мел.

— Sio leo [21], — ответил я спокойным и безэмоциональным голосом. Обещать ничего не стоит, говорить с ними тоже бесполезно. Игнорировать, не злиться или просто спокойно отшивать — вот лучшие стратегии как для местных попрошаек на улицах, так и для торгашей за прилавками.

— Все говорят sio leo, мизунгу! А ты подай. Дашь денег? Я тебя по рынку провожу? А? Никто не обманет! Меня все знают! Заплатишь? А? — не успокаивался маленький

обманщик.

Не срабатывает, даже его группа поддержки, кружащие вокруг меня веером голодных хищников, начали оглядываться по сторонам в поисках новой жертвы. Если не вызовут жалость сразу или не начнут беседу с наивным иностранцем, то их спектакль обернется провалом. Я же играть роль мецената не намерен.

— Sio leo, — флегматично повторил я, медленно пожимая плечами.

— Sio leo! Sio leo, Shetani! Shetani! Демон! — закричал малыш, раздувая ноздри от злости. — Чтоб ты издох!

Дьяволом меня ещё не называли. А что? Солидное звание. Вот только никак не могу выбрать: Мефистофель или Морнингстар?

— Sio leo, малыш, — ровным голосом ответил я на выпад и стал поглядывать по сторонам в поисках чего-нибудь интересного на прилавках.

Правда, я не допускал ошибки и не сбавлял шаг. Это не давало шансов торгашам начать навязывать безделушки и сувениры. Я люблю торговаться, но они мне ни к чему. Эти мелочи и рубля деревянного не стоят.

Я влился в небольшой, но плотный поток покупателей, бродивших по рынку. Вообще, хорошо, что я пришёл так поздно. Рынок открывается с утра, а значит, продавцы спорили и торговались весь день, с остервенением, подобным лишь купцам. Они ведь технически входят в это сословие, пусть и уступающие в напыщенности, но уж точно выигрывающие в назойливости.

То тут, то там мелькала полицейская форма, намекая на повышенное внимание к рынку сегодня. Я старался казаться незаметным, но что-то во мне явно выдавало не местного. Интересно, может прическа? Или одежда? Цвет кожи? Да не, бред какой-то. В общем, врата ада открылись, а на меня полыхнуло копченым человеческим мяском, фигурально говоря, и криком словно в пыточной:

— Господин, купи бусы! Жене подаришь, смотри какие красивые. Всего сто рублей!

Окстись! Ищи дурака! Жениться не собираюсь, мне всего тридцать. В смысле, двадцать шесть. Ну в этом мире двадцать, но это все ложь и грязные инсинуации! Возраст мужчине к лицу. Поэтому тридцать. Если сложить четыре года здесь и двадцать шесть там. М-да. И какие сто рублей? Она вон ветку срезала, кругляши вырезала, на нитку бельевую надела и вуаля.

— Покупайте лучшую одежду у дядюшки Ибрагима! Последние модели! Со всего света! Купите, не пожалеете! Дешево!

Нет, такого мне не надо. Думал, найду что-нибудь по душе, но, видимо, не судьба. Мой взгляд никак не мог зацепиться за что-нибудь интересное: ковры, бусы, одежда, ткани, опять бусы. До прилавка Бенни оставался один поворот, когда я заметил палатку с книгами. Можно взять что-нибудь почитать, но стоит ли останавливаться? Ладно, в крайнем случае, отбрешусь как всегда.

Палатка с книгами, как и прилавок Бенни, находились не со стороны входа на рынок, а скорее в глубине. Кажется, что это вредит бизнесу, ведь большинство иностранцев просто не доходят сюда и либо сдаются и уходят, либо уже успевают купить достаточно. Однако это правда только на первый взгляд.

Во-первых, у таких торговцев обычно не крутится толпа клиентов и сторонних зазывал, что в моих глазах дает большой плюс. Во-вторых, здесь обычно закупаются постоянные клиенты, которые уже знают об этих прилавках, а основная реклама — сарафанное радио. К

таким клиентам и подход особый. В-третьих, именно в таких закутках рынка масаи можно найти самые интересные вещи. Легальные. И полулегальные. А зачастую тут под прилавком продают оружие, магические безделицы и самый важный товар — информацию.

Когда я только приблизился к книжному прилавку, то услышал интересную мелодию, едва различимую за шумом и гомоном рынка. Но чем ближе я подходил, тем яснее играла музыка. И действительно, на прилавке рядом с книгами стояло небольшое допотопное радио, из которого доносилась инструментальная музыка. Слова я разобрать не могу. К сожалению, у меня лишь небольшие разговорные навыки суахили и текст песни распознать у меня не выйдет.

Продавцом оказался невысокий темноволосый старичок, в красной робе с геометрическим узором, достающей до земли, деревянных бусах на шее и круглых очках. Как ни странно, пока я застыл, прислушиваясь к песне, меня никто не схватил за руку или не начал впаривать мне что-нибудь с прилавка. Хотя книг было много и они лежали огромными стопками на широком столе из коричневого дерева. За спиной торгоша стояли несколько шкафов, так же забитых книгами. Стоила коллекция прилично. Да и сам старик был под стать его палатке и прилавку. Ждёт и смотрит своими маленькими блестящими глазками из-за стекла очков.

Я решил начать разговор как положено. А как положено в суахили — это значит издали и уважительно. Все-таки главными для многих кенийцев остаются гостеприимство и вежливость, даже несмотря на долгую колониальную историю, которая в этом мире так и не закончилась по сегодняшний день. А многовековые традиции уважения к своим старшим, вождям и монументальное, недвижимое временем представление о чести и достоинстве, лишь подчеркивают самобытность страны, находящейся на периферии империи.

Рынок Масаи — последнее место на Земле и за ее пределами, где я бы подумал такое, но не будем нарушать этикет. А вслух я произнес:

— Добрый вечер, как ваше самочувствие?

— Хорошее, спасибо.

Голос старика оказался на удивление звучным и музыкальным, будто он полжизни провел за микрофоном на сцене. Продавец чуть сильнее прищурился, но продолжать беседу отказывался. Ну и ладно, нам не привыкать.

— Есть какие-то новости? — спросил я, стараясь звучать искренним, но слегка отстраненным.

— Неплохие, — ответил старик и ещё больше сощурил глаза. Да куда уж больше, и так двумя бойницами изучает меня как турок при защите Плевны [22]. Хм.

— Славно, — продолжил я, — Как родные, здоровы, у них все хорошо?

— Очень хорошо, спасибо, — промолвил дед.

Пожилой старается вывести меня из себя. Жаль, что он не в курсе, что в этом мире о Женевской конвенции не знают.

— Уважаемый господин книжник, — произнес я, выкрутив официоз до высот Анд, — не посоветуете что-нибудь почитать?

— Нравится музыка? Называется Свободная Саванна, — ответил старик вопросом на вопрос.

— Никогда раньше не слышал этой песни, — честно признался я, — не могу ничего сказать, пока не пойму слова.

Продавец пожал плечами и продолжил:

— Турист?

— Да нет. Путешествую автостопом по Галактике, — ответил я и пожал плечами, стараясь точно спародировать движение старика. Вот и понимай великий и могучий, как хочешь. Но дед интересный, хоть пялиться перестал и после короткого раздумья махнул мне рукой, приглашая зайти за прилавок и взглянуть на ровные полки книг.

— Здесь зарубежные, — указал он на нижние полки в шкафу перед собой и замолчал.

— Спасибо, но зарубежное меня не интересует, — почтительно уведомил я старика. — Я некоторое время буду жить в вечнозеленом городе и хотел бы почитать что-нибудь из местного.

— Недавнее устроит? — спросил старик. — Есть занимательная книга. Полезная для иностранцев, вредная для местных.

— Позвольте взглянуть? — ответил я встречным вопросом.

Старик молча развернулся к шкафу в дальнем конце палатки, подошел и провел пальцами по ряду прямо перед глазами, читая корешки. Затем, найдя нужный томик, вытащил его, развернулся и протянул мне.

Я взял книгу в руки и прочитал название: «Narambee». Томик выглядит слегка поношенным, а обложка минималистичной. Название и все. На обратной стороне тоже пусто, будто ящик Пандоры, который не нуждается в представлении и все-равно будет открыт так или иначе. Странное сравнение пришло в голову.

— Что значит Харамбе? Я не знаю этого слова, — с любопытством поинтересовался я у продавца.

— Харамбе — значит единство, единение, — терпеливо объяснил старик. — Хотя, я думаю, что камешек не может стать горой.

— Сколько стоит книга? Я бы взял почитать, — продолжил я.

— А сколько стоит единство?

— Единство? Думаю, у него нет цены. Оно либо есть, либо нет, — пробормотал я себе под нос, но старик услышал.

— Значит, если ты заберешь Харамбе, то у меня не станет единства.

— Значит, я прочитаю и верну, — ответил я, заглядывая в темные глаза продавца. Он больше не казался навязчивым старикашкой, скорее человеком, который чаще общается с книгами чем с людьми.

— Не давай опрометчивых обещаний. Просто прочти, — закончил нашу беседу старик и подошел к прилавку, занимая прежнее место.

Я же остался стоять посреди палатки с книгой в руках. Ну и куда мне её убрать? В карман этот том не засунешь. Ладно, зайду к Бенни, а после решу.

— Спасибо, — попрощался я с продавцом. В ответ получил лишь едва заметный кивок.

Теперь осталось лишь наконец-то добраться до пункта назначения, а то успел собрать фулл хаус за сегодня. До Бенни дошел быстро, многие торговцы уже собирались домой, складывая вещи в тележки и сумки. Остальные все еще старались поймать одного-двух клиентов, но уже без прежнего энтузиазма. Бенни я застал на своей точке, он копался в штотках спиной ко мне и не сразу меня заметил.

— Вот так ты встречаешь покупателей?! — чуть громче, чем нужно, сказал я.

Метис не отреагировал на провокацию и спокойно развернулся, улыбаясь. Ростом он чуть ниже меня. Длинные дреды заплетены лентой черно-красного цвета, одежда как всегда проста — белая футболка без рукавов и мешковатые штаны, а на ногах новые стильные

кроссовки. Вроде не испугался, но глаза у него забегали, будто он удивлен увидеть меня.

— Покупателей я вообще не встречаю, они сами приходят. И гости, кстати, тоже. Как Фэйт? — поинтересовался кениец.

— Хорошо, — видимо, я заразился от старика книжника, отвечая точно также.

Метис, не переставая улыбаться, подошел ближе и протянул мне руку:

— Рад, что пришёл, Свят.

Мы за руки обычно не здороваемся, но почему бы и нет? Это ведь жест доброй воли, мол, нет у меня оружия в рукавах. Правда, у Бенни и рукавов нет, так что тут промах.

Я взял книгу левой рукой и ответил на рукопожатие.

— Купил что-то почитать? — спросил Бенни, заметив книгу в моей руке.

— Да, только ума не приложу, куда мне книгу положить, а то неудобно в руках с ней таскаться.

— Давай уберу в сумку, вон, на стене висит. Как пойдешь домой — забереешь книгу вместе с сумкой. Считай — подарок.

— Спасибо, — ответил я, убирая книгу в сумку, — но я не совсем за вещами пришел.

— Как не за вещами? А у меня новая поставка кроссовок. Смотри, какой огонь, а? — засыпал меня вопросами метис, указывая на свою обувь. — Давай пару тебе оформлю, будешь самым стильным в Найроби. За пол цены отдам.

— Хах, — усмехнулся я, — Бенни, я твои поставки знаю. Ты чьи кроссовки носишь? Американские? Так каким же способом тебе досталась целая «партия» такой красоты? Опять фабрику где-то в предместьях открыл?

— Хахах, обижаешь. Прямо в городе! — рассмеялся кениец. — Эту пару не отличить от настоящих, ты же знаешь мое качество. Сколько такая пара будет стоить в Европе, а?

— Хммм, — начал я думать вслух, — В штатах эти красотки стоят немерено. Но добавь сюда доставку, тарифы, пошлины и наценку за эксклюзив и получится рублей... восемьсот?

— Ну во-о-от, а я тебе пару отдам за четыреста, — расщедрился Бенни.

— Ну и на кой мне они? У тебя на фабрике рабочих рук не хватает? Так от одной пары не прибудет, — ответил я.

— Слушай, с руками все хорошо. Сейчас много молодых без работы, им податься некуда. Часть я к себе прибрал, сам знаешь, что всем по чести плачу и в грязь не лезу.

— Больше не лезешь, Бенни. — Он скривился от моих слов, но я продолжил: — Я почти всегда на службе, у меня есть обувь. Государственная.

— Ой, да хоть государева, — изобразил обиженность метис, но тут же продолжил обычным тоном: — Как со службой? Сильно не грузят?

— Все хорошо, — осторожно подметил я, — патрулей будет чуть больше в этом месяце, а в остальном все как обычно.

— Славно. Когда ты в порядке, сердце Фэйт спокойно. Когда она спокойна — я спокоен. Ну давай за триста пятьдесят.

— Да брось ты уже, — беззлобно усмехнулся я. — Ты лучше скажи, ты на фестиваль в следующем месяце поедешь? Может там чего интересное будет?

— О, Фэйт решил пригласить? Хорошее дело, но ты лучше не на фестиваль. Там привозят этих... заморских. Только театр, может, будет ничего, британцы приедут. Но ты со своей искренней и безвозмездной любовью к театру там точно уснешь.

— А что, местные на театр придут посмотреть или себя показать? — с каменной маской спокойствия на лице продолжил я.

— Ты лучше с ней на Ухуру езжай, — ответил Бенни, пожимая плечами. — Она любит природу, а ты хоть на озеро посмотришь. Полгода здесь, а красоту не видал.

— Как не видал? А кто из нас парой «американцев» красуется? — с иронией в голосе произнес я.

— Триста? — быстро переобулся кениец.

— Кхм... — сдержался от каламбура я и зевнул, — давай-ка я сегодня уйду в своей обуви. Ну не в руках же мне твои кроссовки нести.

— Не мои, а новенькие, с иголочки. Какой там у тебя размер ноги? Я тебе пару подберу, не хуже Фэйт, — усмехнулся метис.

— Бенни, мне вот сегодня сказали, что язык мой — враг мой, — сказал я, слегка нахмурившись.

— Ладно, ладно, — поднял кениец руки в знак примирения, — сейчас кроссовки принесу.

Казалось, что он собирался уйти на склад, найти нужный размер, а затем вернуться. Однако Бенни лишь покопался в куче коробок внутри палатки и достал одну черного цвета. Сбоку был стикер, размер должен совпадать.

— А стикеры вы зачем на них лепите, люди честной судьбы? — поинтересовался я.

— Для эсте-е-етики, — протянул Бенни, — мы, люди искусства, те еще ценители. Давай, бери коробку и езжай домой. Мне закрываться пора, а тебе спать. Вон, зеваешь уже. Завтра всю службу будешь носом клевать.

— А деньги? — удивился я.

— Какие с тебя деньги? Бедный, как церковная мышь, а? — парировал метис и буквально вытолкнул меня из лавки. — Все, не спорь. Я закрываюсь. Такси закажи! Или спроси Джека у таксистов. Скажи от Бенни — довезут со скидкой.

— Ага, — не стал спорить я и двинулся к выходу с рынка.

Забавно, что по пути обратно меня уже никто не донимал. День у торговцев выдался тяжелый, а других и не бывает. У выхода с рынка уже не было стаек детей, видимо, рабочая смена у детей все-же короче. Джека я нашел на удивление быстро, он согласился доехать в Вестланд, хотя ему самому не по пути. Начал спрашивать меня по поводу интересных идиом и оборотов.

Любят местные поговорки: и родные, и русские. И мне тоже нравится их фольклор, особенно сказки. А что-нибудь более серьезное читать на суахили я не смогу, нет пока чувства языка, зато есть чувство... дружбы что ли... единства. Вот мать, забыл у Бенни книжку! Ладно, в следующие выходные заберу. Не к спеху. К тому же, он с книжником практически сосед. Если что, вернет.

Мы с Бенни по-хорошему находимся на разных сторонах баррикад. Но это по меркам нового мира. Я же считаю, что он неплохой человек, хоть и вечно лезет в проблемы. И баррикады существуют лишь в голове. Он торгует информацией и знает, что я знаю. А я служу в иностранном корпусе, что ему известно.

Но мы лишь вскользь говорим о работе, чаще стараясь узнать что-нибудь полезное, играя в шарады друг с другом. Я узнал несколько интересных вещей. Например, производством нелегальных вещей начали заниматься за границей криминального квартала Кибера, то есть прямо в городе. Бенни я не сдам, да и место его новой фабрики для меня не представляется возможным. Еще и с фестивалем ситуация неоднозначная. Видимо, что-то намечается, раз Бенни пытается удержать меня от того, чтобы привести туда его сестру.

Нужно будет сообщить пану, офицеру из штаба, при следующей встрече. Однако, скорее всего, все, что рассказал Бенни уже известно в корпусе. Но лишним не будет. Я же лишь поделился с ним, что патрулей будет больше. Их количество в принципе не может уменьшиться. Опасность есть всегда, пусть для меня и поменялась лишь перспектива. Вместо тихой и спокойной смерти от отсутствия почек и иголок мне предстоит незабываемый вояж. Лампа сменилась на фитиль, и куда ведет последний неизвестно. Но повоевать точно придется, а бороться с жизнью мне не привыкать. Хотя с магией было бы легче.

[19] Бог земли и посева в Древнем Риме, аналог древнегреческого бога Кроноса.

[20] Белый (суахили).

[21] Не сегодня (суахили).

[22] Плевна — крепость в Болгарии, оборона которой являлась одним из эпизодов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

На улице было уже смеркалось. Выйдя из машины, я оказался окутан темными лепестками ночи. Безжизненными. Мертвыми. Одинокими. Хорошо, что не пошел пешком... водитель сильно не гнал, но до дома добрались за десять минут.

День изрядно затянулся, и словно портал в Зазеркалье, старался втянуть меня в непрекращающийся калейдоскоп событий. Единственным отличием было отсутствие проводника. Как и в первые дни в новом мире, многое мне приходилось додумывать и понимать самому. Не то чтобы новая семья была враждебна, или меня волновало практически полное отсутствие друзей. Нет.

Мне не было одиноко, и я не плакал в подушку по потерянному миру, старому телу и жизни. Жаль, что прошлую дорогу я не осилил лишь из-за того, что никогда не переставал идти. В остальном, смерть, а иллюзий насчёт прошлого себя я не питал, — это непосильная ноша для окружающих, но не для того, кто никогда больше не сможет стать попутчиком удивительно жестокого каравана жизни.

Спать было рано. Мне еще предстояло позвонить семье. Хотя бы Андрею Ростиславовичу, он мужик неплохой. Хитрый как матерый лис, хоть с семьей никогда не снимает овечью шкуру. Называть его отцом я не могу, даже в мыслях. Даже несмотря на то, что для младшего сына он не жалел ни денег, ни времени. Целители, после того как стабилизировали моё состояние, дежурили в поместье день и ночь. Не представляю, сколько деревянных он заплатил. Поначалу скорее было неуютно из-за неизвестности и неожиданности. И чуждости. Магия. Я не могу её увидеть. Не могу почувствовать. И, что страшнее, не могу ничего с этим поделать.

Моя память, словно губка, впитывала информацию об окружающем мире, и у меня был хороший источник. Болтливый, никогда не унывающий и не по годам мудрый, словно шут Трибуле в своей собственной драме. «Трубецкой забавляется». А что? Звучит. Михаил редко навещал меня, что было лишь плюсом, так как я точно не смог бы играть прошлого Святослава перед его лучшим другом. Зато он постоянно звонил и не переставал трепаться. О последних новостях в высшем свете. О родах. Ни о чём и обо всём. Он будто чувствовал, что что-то в Святославе неуловимо изменилось, образуя пустоту в голове после дуэли, которую нужно было заполнить. Однако, о магии молодой дворянин по какой-то причине молчал.

Со смятением разума, в отличии от заклинаний и техник, я умудрился справиться. К тому же, почти сразу после выздоровления, пусть и условного, Андрей Ростиславович сообщил, что я отправлюсь учиться. Было в каком-то смысле здорово вернуться не только в молодое и здоровое тело, но и начать развивать его.

Как я понял, прошлый владелец не особо любил хоть что-то кроме магии. Или кого-то. Его родная сестра шарахалась от него... в смысле уже меня в его теле каждый раз, как мы пересекались в саду. Я много гулял, подставляя лицо солнцу нового мира. Этику «аренды» тела мертвого юнца я отбросил сразу. Что мертво, умереть не может. Жизнь стоит на удивление дешево. Я понял это еще в прошлом мире.

Убил ли я молодого Святослава? Вряд ли, скорее всего он действительно умер из-за ран на дуэли, однако вины я не чувствую. Честно говоря, чувства вернулись в поместье лишь пару раз, ледяными волнами со шквальным ветром, что к моему счастью не могли размыть

лишь зарождающийся фундамент эмоциональной стабильности.

В академии стало лучше. Я начал тренироваться и зубрить. Это мир дворян, интриг и крови. В последнем я был уверен. Личная сила — это часть силы семьи. Пусть родной я считал лишь забитую маленькую девчушку с косичками, но и к седеющему интригану никаких негативных эмоций у меня не было. Забавно. Он думает на семь ходов вперёд, но коренные изменения в сыне остались незамеченными. А я лишь играю в шашки. Или, скорее, в Чапаева. Или, может быть, в Штирлица, который давно должен бы провалиться.

Нужно набрать Андрею Ростиславовичу, а то он мне потом все уши прожужжит, шутиливо отчитывая в неуважении к старшим рода и короткой памяти. Истина всегда рядом.

У меня в тумбочке лежал небольшой ноутбук, который достался мне от Маслова, нашего заведующего складом. Компьютеры не являются предметом роскоши в этом мире. Реальность здесь вообще очень похожа на начало двадцать первого века на моей Земле. Только без валорума. Но всё равно подарку я был рад. Хотя это скорее была оплата. Я иногда помогаю Маслову по мелочам: сопроводить в город, отнести посылку, поработать грузчиком для новых поставок внеурочно.

В общем, разнорабочий. У меня свой корыстный интерес, и Маслов об этом знает. И знает, что я знаю. А я знаю, что он знает, что... ладно. Я помогаю ему, а он может достать мне книги по магии, бытовые предметы, ну или ноутбук. Равноценный обмен. Ну и человек он забавный, с ним не соскучишься. Вечно вляпается в какую-нибудь историю.

Я помыл руки, умылся, переоделся в домашнюю одежду и достал ноутбук. Местные мессенджеры, конечно, тот ещё примитив, но со своими функциями справляются. Дворяне больше любят письма и личные визиты. Ха, голубая кровь. Но это ширма, ведь письмом не доставишь сообщение адресату на другом конце страны или мира за считанные секунды. Андрею Ростиславовичу я отправил короткое сообщение, что свободен, и мы можем поговорить. Время в Москве отстаёт от местного на два часа, так что он скорее всего ещё даже не готовится ко сну. Работать, работать и ещё раз работать — вот девиз главы Львовых.

Звонок не заставил себя долго ждать. Я тут же включил видео.

Андрей Ростиславович сидел на своем кожаном кресле в кабинете. Белая рубашка с закатанными рукавами расстегнута на пару пуговиц и явно указывают на то, что он заработался допоздна. А синяки под глазами на то, что ему жизненно необходим отдых. Мне даже на секунду стало неловко, что мы созвонились в такое время. Но лишь на секунду, все же глава рода, пусть и младшей ветви — это не только привилегии, но и труд, результатом которого может стать как возвышение, так и стремительное падение в бездну.

— Добрый вечер, Святослав, — поприветствовал меня старший Львов в официальном тоне. О-о, стоит ждать неприятностей или серьезный разговор. Я, конечно, понимаю, что долго не звонил, но холодом в его голосе веяло прямо через монитор. — Как поживаешь?

Прямо-таки всем хочется сегодня узнать, как я живу. Я знаю, что Андрей Ростиславович любит младшего сына, и, несмотря на все трюки в рукаве, которых у него может быть побольше, чем у Трубецкого, лишь из-за этого чувства не разглядел во мне совсем другого человека. Я не старался играть прошлого Святослава, так как просто не знал его. Было бы глупо спрашивать родственников и друзей... друга, он у Свята был один, о собственном прошлом. Но и карточку с амнезией разыгрывать не стал, просто сказал, что не хочу говорить о том, что случилось.

Лишь с Михаилом переговорил о том, как я выглядел со стороны, на что он ответил, что не очень уж сильно меня ударили, раз я наконец заинтересовался своим имиджем. Большую

часть информации удалось добыть из разговоров прислуги, водителей и Львова-старшего. Каюсь, подслушивал. Иногда еще и подглядывал, но без лишнего энтузиазма. Перерыл компьютер прошлого владельца, много читал в кровати. Ну и еще приступы паники добавили баллов в копилку своеобразного табу обсуждения той ночи. Хотя панические атаки я сымитировать не смог бы, они были настоящие. Тело было в адской боли, психика еле справлялась, но подростковый мозг впитывал всю информацию как губка, будто помолодел на десять лет. Ах, да.

— Вечер. Нормально, извини, что давно не звонил. Обустроивался на новом месте, затем служба. Сам понимаешь, — с кротостью в голосе пробормотал я, опуская глаза с экрана на клавиатуру.

Когда мой взгляд вернулся на экран, то Андрей Ростиславович улыбался уголками губ, а его седые брови были подняты в удивлении.

— Тебя, Свят, оказывается, нужно было в императорское театральное отправлять, а не в военную академию. Ай-яй-яй, какой актер умирает! — с ноткой иронии произнес Львов. Но тут же серьезно добавил: — Молодец. Актерская игра — важный навык. Пригодится в Москве, если решишь вернуться, конечно. Я звоню узнать твои планы на будущее. Ты закончил академию удовлетворительно и устроился тоже... удовлетворительно. Иностранский корпус — хороший шанс упрочить нашу репутацию и обзавестись знакомствами. А еще тебе нужно понимать...

Моя притворная скромность и чувство вины на старшего не подействовали. С другой стороны, я лишь старался слегка сбить его с толку. В месяцы, когда я пытался оправиться, он говорил со мной по-другому, будто с ребенком. И не в смысле, что я его сын, скорее, как с... не знаю, как с самодуром. Хотя из того, что я узнал, спеси у меня прошлого было на целую семью чистокровных дворян-архимагов. Архимагов поголовно. Как будто он был не Львов, а великий де Бальц.

Но им он не был, поэтому несмотря на природный талант к магии, проиграл магу старше. Еще хуже — Суворову. Вообще-то последний, насколько я понял из слухов, поначалу старался не сильно навредить моей тушке. Лишь поначалу. А конец этой истории мне и так известен.

В редкие каникулы дома, после академии, наш стиль общения поменялся, как, собственно, и владелец тела. Ну не собирался я играть малолетнего ублюдка, да упокоится его дух с миром. Я как-то резко набрал мышц в первый год обучения на почве счастья обретении здорового тела, свежего воздуха и не прекращающейся изнуряющей муштры. Вернувшись на следующее лето, домашние меня не узнали. Гувернантка, кажется, впала в ступор, причитая: «как похудели-то вашблагородие, ой, как похудели, вам бы мяска». Демид, водитель, что встречал меня на вокзале, не сдержался и показал большой палец. А что сказать? Сам был искренне поражен изменениям. Я кубики пресса только в кино видел, так как всегда был худым, а затем перешел в категорию болезненных.

Андрею Ростиславовичу перемена поведения и внешности, кажется, пришлась по душе, хоть его и выдавали только глаза. Возиться со мной, как с увечным, он перестал. Честно говоря, я и в этом мире технически остался в категории болезненных. Магию-то я после дуэли потерял.

Однако, я по-хорошему ею никогда и не владел. А потерять то, чего у тебя никогда не было, не так уж и страшно. Легко пришло, легко ушло. Мною в этом плане движет лишь праздный и научный интерес. И немного эгоизма. Чем больше инструментов в моем

шкафчике, тем больше решений проблем у меня будет. Я, можно сказать, закончил освоение в дворянской семье и новой стране. Однако в Кении многое можно решить оружием, а вот в Москве на дуэль пистолет не принесешь. Или принесешь? Надо будет почитать дуэльный кодекс, как-то пропустил я эту занятную книжечку.

— ... верно, сын? — закончил свой монолог старший Львов. И застал меня этим врасплох, так как мои мысли витали в облаках. Если я сейчас отвечу неправильно, то из облаков с белогривыми лошадками они превратятся в облака турбулентного напряжения. Он же маг ветра, с него станется.

— Будущее — это важно, — издали начал я. — и я понимаю, что многим обязан роду. Военная карьера стала новым билетом в жизнь. Понимаю, что рано или поздно я буду нужен в Москве, в рядах Львовых. Но на данный момент моим главным приоритетом является служба в Иностранном корпусе и возвращение магии. На эту тему я как раз хотел поговорить с сослуживцем. Он поляк, иногда помогает мне с тренировками. Еще он неплохой маг, насколько я могу судить.

— В Польше сейчас беспокойно, Свят. Насколько мне известно, несколько крупных родов вот-вот схлестнутся. Поэтому я не удивлен, что многие маги стараются улизнуть. Будь осторожнее. Но спрашивал я не об этом, мне интереснее, когда... — Андрей Ростиславович прервался и обернулся, услышав шорох за своей спиной.

— Мне интереснее, когда ты все-таки домой приедешь, ммм? — голос Львова обрел веселые нотки, но брови были нахмурены. — Тут Трубецкие недавно устраивали неплохой вечер в своем поместье. Уверен, Михаил был бы рад встрече. Он в последнее время все больше скучает, совсем на приемах и балах появляться перестал. Мы с Василием тебе и пару бы подобрали хорошую. Он и твоему деду помогал. Сам знаешь, у него глаз алмаз!

Ну началось. Резко сменил тему на свою любимую. Как-будто у него наследников больше нет! Справедливости ради, я ему пока про Фэйт не рассказывал, все же не знаю, как он отреагирует. Конечно, знакомить с семьей придется, но этот вопрос я отложу на... пожалуй, на никогдадцатое февраля. Пока что. Потом, может, на конец месяца перенесу. На тридцать первое, допустим. Ну и как мне на эти намеки отвечать?

— Да знаю я. Ты мне каждое лето грозился невесту подобрать, а Василий поддакивал.

Слуга был из редкой когорты людей, преданной роду до одури. Такая верность встречается нечасто. А предыдущий Святослав и был той самой одурью. Удивительно, но старый слуга, кажется, действительно переживал за всех Львовых, как за своих детей, хоть и носил непробиваемую маску почтительности.

— Он и мне, между прочим, невесту нашел, — ответил Львов с ностальгией в голосе. — Да какую! Молодость дается один раз, Свят. Жизнь по новой не переиграть. Так что не забывай, что тебе дома всегда рады. Я понимаю, что ты в звании аспирана, офицер Иностранного корпуса. Если решишь приехать домой, познакомлю кое с кем. Все-таки у нескольких неплохих семей дети подрастают, и внуки. А мне с кем нянчиться прикажешь, ммм? Я же не молодею! От Гоши не дождешься.

Георгий — это мой старший брат, которого я называю кот Шредингера. Он вроде есть, но его как бы нет. Мы не общаемся. Когда виделись в поместье, то просто не обращали друг на друга внимания. Я люблю людей, с которыми можно комфортно помолчать, а уж люди, которых можно комфортно не замечать — это вообще дар Богов. Поэтому к Георгию я отношусь без пренебрежения, но и без теплых чувств. Как говорится, могу помочь, а могу и послать. Странно, что он не навещал меня, когда я выздоравливал после дуэли, но может

прошлый Святослав с ним рассорился вдрызг или девушку увел. С него стало бы.

— Думаю, он и сам решит, что к чему, — пожал я плечами. — Он все же наследник. Нужно принимать самостоятельные решения.

Я благодарен Львовым, но это не значит, что я расцениваю их как единое целое. Георгий может справиться сам и без моей помощи. Так что пусть принимает ответственность на себя. Я уверен, что сидя в удобном поместье и козыряя по балам и приемам сильнее не станешь. Если бы были родовые техники, способные вернуть мне магию, то я бы уже знал о них. Все же всем Львовым выгодно, чтобы члены семьи умели колдовать. Может, только Георгий рад, что его положение как наследника упрочилось еще и титулом надежды младшей ветви, но я понятия не имею, что он там думает. В любом случае, удачи ему на непростом фронте формирования новой семейной ячейки.

— Не будь с ним так строг, — отрезал Андрей Ростиславович, — и подумай о том, что я сказал. Поговорим позже.

— Конечно, — ответил я и изобразил губами улыбку. — До следующего звонка.

Я нажал на красную трубку на экране и вызов завершился. Нужно не забывать о Москве. Все же, находясь на периферии, быстро забываешь про ядро империи. И пусть Москва была лишь спутником этого ядра, так как в Петербурге обитала императорская семья, и важные чиновники и все желающие подняться за счет связей и положения зачастую жили в столице, но рабочим интересом не обделяли и Москву. Она являлась неким бизнес центром, где было принято трудиться. Ну и ночная жизнь во втором городе империи по слухам ничем не отличалась от моего прошлого мира.

Многие семьи не жили в самом городе, особенно те, что постарше и влиятельнее, все-таки аура у города была купеческая, а не дворянская. Я в подобную чушь не верю, так что Москва оставила на меня приятное впечатление. Нет столичного лоска и утонченности, зато чувствуется свобода и стремления вырваться из тени Санкт-Петербурга. Вряд ли это осуществимо. Пока император живет в Питере, Москва останется его тенью. Интересно, но Львовы никогда не старались перебраться в столицу. У Андрея Ростиславовича, вероятнее всего, и в Москве хватает забот.

Но какой же лис. На старость надавил, про долг семье упомянул, еще и похвалить успел не просто между строк, а напрямую. Точно что-нибудь нужно от меня. Вообще-то я даже примерно представляю, чего ему хочется. Потеря магии одним из наследников — это сильный удар по репутации, ведь в дворянском обществе магический талант является движущей силой, способной как на разрушение, так и на созидание. А в младшей ветви Львовых двое неудачников в этом плане. Моя сестра, Мария, так и не смогла пробудить стихию до сих пор. То есть в семье остался один наследник и маг, хоть и не самый талантливый.

На мой взгляд, половина таланта — природный дар, а вторая — трудолюбие. Я никогда не пугался препятствий, но если я не почувствую магию, то начать трудиться будет сложно.

Каждое утро одно и то же. Я, стоя с вытянутыми руками, стараюсь сдвинуть небольшие объекты в комнате. Пока что безуспешно. К тому же мне просто сложно представить что-то, чего я никогда не чувствовал. Доктор на медицинском осмотре в иностранном корпусе сказал, что восстановить мои магические каналы будет проблематично, чем подтвердил мнение его коллег, обследовавших меня по настоянию отца еще в Москве.

Младшие Львовы, при всей деятельности Андрея Ростиславовича, сейчас находятся не в лучшем положении. Я не особо разбираюсь в тонкостях отношений младшей и старшей

ветви, но, насколько понимаю, у них между собой холодный нейтралитет.

В данной ситуации я лично после результатов дуэли являюсь уже не талантливым молодым магом, а, если без прикрас, товаром, который Андрей Ростиславович должен подороже загнать. Я, как мужчина, не перейду в род жены. Но, учитывая, что потенциал был неплохой, то и невесту можно подобрать. Вернее, можно подобрать, если учесть, что я выпускник военной академии и аспиран Иностранного корпуса. То есть мое имя имеет хоть какой-то вес, а я сам — посредственную, но ценность.

Уже не на дне. Впрочем, я, к счастью, никогда и не жил в ночлежках. Мне кажется, что у старшего Львова нет другого выхода, кроме как выдать меня за кого-нибудь, чтобы заключить политический союз. Да, сильная семья не будет заинтересована, но учитывая сложности, это не будет проблемой. И что-то мне подсказывает, что если бы я не «повзрослел», то моего мнения вовсе не спрашивали бы. Андрей Ростиславович любит своих детей, поэтому жалеть их не станет. А от Георгия действительно ждут внуков и чем скорее, тем лучше. Не знаю, помолвлен ли он или женат, не интересовался. Может, конечно, на него влияет стихия воздуха.

Говорят, что стихия соответствует внутреннему миру мага и зачастую отражает наиболее яркие черты характера. Конечно, столетия евгеники помогли родам создать династии магов одной стихии. Даже несмотря на это, в академии мы изучали роль волшебников в современном мире, сравнивая с регулярной армией и военными подразделениями.

Профессор Образцов вовсе утверждал, что маги действительно становятся и сильнее, и слабее одновременно. Парадокс? Он имел в виду, что медиана силы магов сегодня действительно будет чуть ниже, чем такая же медиана даже тридцать лет назад. Однако при этом отдельные маги, то есть самые верхние значения, так называемые нетипично большие, будут выше, чем в сравнении с показателями двадцатилетней давности. Есть подвох: нетипично низкие значения так же ниже, чем те же двадцать лет назад. Получается, что индивидуально сильные маги стали еще сильнее, а слабые еще слабее, но медиана все равно движется вниз.

Профессор не прав? Или все верно? Магию оценивают не только количественно. Один маг седьмого ранга способен погрузить относительно небольшое государство в хаос. Скажем, Швейцарию. Скорее всего это приведет к альянсу против архимага и его родной страны, но такие волшебники на практике могут приравняться к ядерному оружию, которое в этом мире не получило распространение. Благо, архимагов в мире немного, их можно пересчитать по пальцам одной руки.

Для того, чтобы перейти грань с шестого на седьмой ранг, должно произойти что-то экстраординарное. И никакие родовые артефакты и техники не помогут. А если учесть, что маги шестого ранга считаются элитой, то становится понятным, почему многие страны придерживают информацию о таких тузах в рукаве. Например, мировое сообщество считает, что в Японии сороковых годов прошлого века появился архимаг. На самом деле, страна восходящего солнца тогда нашла свой второй конструкт и, имея некоторый опыт работы с первым, решила провести какие-то испытания. Детали неизвестны, но предполагают, что японцы решили либо переместить конструкт, либо расколоть его.

Вообще, в теории, два конструкта — смертный приговор для страны. Подобная удача со стопроцентной вероятностью приведет к невиданному ранее усилению магического потенциала ее магов. Если последние смогут пережить, что бы там от них не требовалось. В

случае с Японией начала прошлого века именно выживание при работе с гигантским кристаллом стало проблемой, так как эксперименты привели к магическому выбросу огромной силы, уничтожившей как сам кристалл, так и все живое в радиусе двадцати пяти-тридцати километров.

Это заключение согласно официальной версии, а вот источники нескольких зарубежных газет на месте утверждали, что нескольким магам удалось выжить. Как? Неизвестно. Однако информацию подтвердила и неоднозначная ситуация с несколькими японскими изданиями, где тираж так и не вышел в печать, а журналисты пропали без вести.

А на берегу-ка я Трубецкому. Неожиданно, я услышал незатейливую мелодию звонка мессенджера и посмотрел на экран. На ловца и зверь бежит. Интересно, как он время умудрился подгадать?

— Центр связи Найроби-космос слушает. — серьезным тоном начал я разговор с Трубецким.

— Святушка, ты, никак, головой ударился на службе? — поинтересовался шутливо Михаил. — С тобой все в порядке? Ты когда это читать научился? Я думал, вас тренируют только стрелять да морды бить, а тебя, оказывается, еще и грамоте обучили.

Настроение резко поползло вверх. Все-таки Трубецкой обладает редкой аурой беззаботности и бесшабашного веселья, при этом оставаясь чутким к окружающему миру и людям, будто считывая их настроения.

— А кто будет морды бить на твоём очередном застолье, а? — ответил я вопросом на вопрос. — Нужно же будет кому-то отстаивать честь дворянской фамилии!

— Помнится мне, один специалист по выходкам, но с таким раскладом я согласен. Я буду головой, а ты мышцами. Как... хмм... — задумался на мгновение Михаил.

— Алмазный меч, деревянный меч? — подсказал я.

— Ба, ну не так же грубо. Я никогда не считал тебя настолько... эмм... не острым? Наоборот, Святослав свет Андреевич. — ответил дворянин.

— Миша, а ты чего это в темноте такой сидишь? Совсем лица твоего не вижу. Никогда не можешь нормально появиться. Хоть бы свет включил. Или ты открыл отделение гадальной? Будешь теперь мне читать Псалтырь. Лучше скажи, как ты время выбрал, я только-только прошлый звонок закончил.

— Проще простого, ваша светлость, — начал объяснять Трубецкой. — Лунный календарь указал на убывающую фазу, а нити судьбы мойр, переплетение которых, как известно любому уважающему себя магу, энергетически зависит от положения источника силы в пространственно-временном континууме Вселенной, указали на зависимость Марса и Юпитера в ведической астрологии.

— Ясно, — начал я, но тут же запнулся, — стоп. Ни разу не ясно.

— Я у вас в Солнечногорске гощу, — вздохнул дворянин, — Вот Андрей Ростиславович и оповестил меня сразу по окончании беседы.

— Аааа, — понимающе протянул я, — А почему ты сейчас не у себя? Что-то случилось?

— Что ты, что ты, — успокаивающе затараторил Трубецкой. — Всего лишь намеренно посетил одно благородное заведение в приятной компании. Из нее ты знаешь только Румянцева.

— Которого? — предприимчиво поинтересовался я.

— Вы с ним про осаду Кольберга говорили, помнишь?

— Конечно, — произнес я, не имея понятия о каком Румянцеве идет речь. Но Михаилу об этом знать не стоит. — А мне тут из секретных источников сообщили, что ты совсем веселиться перестал и в келье своей закрылся. Неужто соврали, или все же совсем балы и приемы оставил, и в Кении завтра снег пойдет?

— Кто ж тебе такую гадость сообщил? — удивился друг. — Приемы и балы можно оставить для Петербургского высшего общества, дипломатических переговоров, политических интриг и снобов. А вот в столице развлечений новая мода, которую ты рискуешь не застать. Какой-то иностранец из влиятельной семьи, то ли француз, то ли немец, ввел новое веяние: теперь молодежь кутит по ресторанам и организует клубы по

интересам. Я, как раз-таки, Святушка, не смог пройти мимо. Исключительно из праздного любопытства, конечно же.

— Несомненно, — поддакнул я.

— Так вот, — продолжил дворянин, — Олег и я в обществе благородных дам и господ как обычно ужинали в приятном заведении. Потом вместе сходим. Там было несколько компаний, даже простолюдинов пускали, но их было немного. Все же получить пропуск довольно сложно. Играла музыка, мы беседовали...

— Пропуск, музыка, — прервал я рассказ Михаила. — Трубецкой, а ты точно был в ресторане?

— Святушка, не придирайся к деталям, — махнул рукой друг, — может, была музыка, а может, и не было, это не главное. Была еще компания дворян из подрастающего поколения. Чуть моложе нас, но несколько имен известных фамилий, ты их не знаешь. Эх, всю жизнь молодую пропускаешь. Так вот, эти молодые люди по какой-то причине сцепились языками с простолюдином. Мгновение, и слова превращаются в вызов, который молодежь игнорирует. Ну, он же простолюдин, вот они и не приняли его всерьез. Мгновение, и шпиль превращается в бурю: ураган из столов и стульев, град ударов, завеса магии и вихрь под модную музыку. Господа славно потанцевали, правда простолюдин им... не проиграл. Удивительнейшим образом. В общем, весело было, тебе обязательно нужно как-нибудь присоединиться.

— Я не люблю шумные места, — пожал я плечами.

— Вот-вот. И мне в последнее время балы так наскучили. Ох, может я старею?

— Миша, — поспешил я переубедить своего друга, — ты только что рассказал, что развлекаешься в компании золотой московской молодежи, встречаешь в передряги, находишь новые связи и участвуешь в погромах ресторанов.

— Попрошу, граф Львов! Погромы незаконны! — театрально вскинул руки Михаил.

— Ага. Я, конечно же, имел в виду, что ты веселишься. Веселишься в ресторанах. И где же здесь старость, подскажи-ка? Ты уж явно не стал в одночасье седым отечества отцом.

— Ну до седины мне еще далеко, — согласился со мной аристократ, — Я лучше тебя своим знакомым в Москве представлю, как вернешься. Тут есть интересное местечко с особыми позициями в меню. Ты такого точно нигде не встречал!

— Михаил, — спросил я с усмешкой, — Вы что, зовете меня в проституточную? А что же станет с честью семьи Трубецких?

— Святушка, как Вы могли такое придумать? Право, мне даже неудобно. За кого вы меня принимаете? Ежели б я звал Вас в проституточную, я бы прямо так и сказал. Хмм, кстати, неплохое предложение, нужно будет... кхм, не важно. Так вот, о чем это я?

— О чем это ты? — передразнил я молодого дворянина.

— Рес-то-ран, — по слогам проговорил Михаил, — Есть ресторан в центре Москвы, французский, но ничуть не хуже наших. Почти двести лет там дворяне трапезничают, представь себе! И, говорят, цены умеренные.

— И почему завтрак в такой ресторации? — поинтересовался я.

— Да копейки, рублей четыреста. — просветил меня друг.

Цена была, мягко говоря, недешевой. Российская семья среднего класса вполне могла зарабатывать от пятисот рублей до двух-трех тысяч в месяц, в зависимости от профессии, конечно. Такой завтрак был и мне не по карману, хоть я и получал жалованье. Рестораны с такими ценниками чаще всего работали за счет банкетов, так как обычные московские

граждане редко туда заходили, разве что дворяне вроде Трубецкого. Либо там очень вкусное меню и действительно подают на завтрак деликатесы.

— Сколько? — переспросил я. — Миш, я в десять раз дешевле могу поесть здесь в кафе. И это за двоих.

— Но там же история! — начал распыляться Трубецкой. — И традиции! Туда сам Пушкин заходил, а еще Горький и Есенин, не говоря уже о других известных фамилиях.

— А как это место называется, хоть? — спросил я.

— Трактирь, — ответил мне дворянин.

— Трактирь? Как-то не звучит... — разочарованно проговорил я.

— Нет, не Трактирь, а Трактирь. Трактирь! Понимаешь? Трактирь! Традиции и история.

— И как же в такое замечательное заведение пускают золотую молодежь на, прошу прощения, вечеринки? — поинтересовался я. — Им же вроде по статусу положено устраивать банкеты да праздники для самых зажиточных.

— Ну... — слегка замялся Михаил. — Каюсь, Святушка, в последнее время ресторан сильно сдал. Им за последние двадцать лет пришлось два раза переехать. Один раз из-за неприятных слухов, что распустили конкуренты. Якобы там устроили притон и вообще продают алкоголь несовершеннолетним. Слухи, конечно, опровергли, но место сменить пришлось, арендатор настаивал. А второй раз в здании начался пожар и ресторан пострадал. Снова переезд и сейчас... скажем, Трактирь не так популярен, как раньше. Говорят, ресторан работает в убыток, и недавно появился заинтересованный покупатель. Мне птичка нашептала, что цена за ресторан может быть около ста пятидесяти миллионов. Представляешь?

— Не особо, — честно признался я.

— Нет в тебе чувства прекрасного, — пожаловался Михаил. — Давай перейдем от праздной беседы к делам насущным.

— Я так понимаю, что ты, как и Андрей Ростиславович, позвонил мне не ради беседы о ночной жизни столицы? — уточнил я.

— Свят, за четыре года многое изменилось, — сказал Трубецкой и откинулся на спинку кресла. — Я не смогу описать кратко, но тебе все-же нужно держать руку на пульсе. Я понимаю, что Россия кажется далекой, а уж тем более рода, чьи представители не станут считаться с не магом. Ты уж извини, но это факт, что ты не владеешь стихией — это удар. Та... тот случай... в общем, ладно, не стоит на нем заикливаться. Ты сделал все возможное в своей ситуации. Не забывай, что имя рода — твое имя, как бы далеко от дома ты ни был.

— Миша, ну ты то хоть меня не будешь сватать? — спросил я, сощурился. — Мне и одного дворянина с маниакальным желанием продать меня подороже хватает.

— Думаю, ты сегодняшней и сам прекрасно справишься, — похвалил меня Михаил. — Вкус у тебя всегда был... хмм... отменный. Проблемы были лишь с исполнением.

Трубецкой загадочно улыбнулся, а я постарался вспомнить, за кем это я ухаживал, чтобы заслужить такую похвалу. Ну точно не мои похождения в военной академии или отношения с Фэйт. Значит, кто-то из дворян. Российских, вероятнее всего, к другим меня вряд ли подпустили бы. Но вот беда, никаких дам, с которыми мог встречаться Святослав до моего появления, я не знаю. Писем не было, да и не навещал меня никто. На дуэли в тот вечер я дрался из-за оскорбления чести, как мне поведали позже. Так что тут тоже мимо. Кто же мог так понравиться Михаилу? Ладно, это сейчас не имеет значения.

— Ага, — ответил я и решил сменить тему. — Слушай, последний из могикан по

прозвищу Язык-без-Костей, а как там поживают настоящий высший свет? Ну тот, что трудится, а не кутит, и является частью той силы, что вечно хочет блага, но совершает зло?

— Хмм... — ненадолго задумался Михаил. — Олег Румянцев успел дослужиться до неплохого звания в армии. Он же, как ты помнишь, закончил военную академию в тот год, когда ты поступал.

— Я думал, что Россия не ведет войн. Сейчас же шаткое перемирие? — спросил я, перебирая в памяти события нового для себя мира.

— Россия, как пишут в газетах, спит. Империи не нужно воевать, она желает только мира, — с легкой иронией в голосе объяснил Трубецкой. — Однако, дворянские рода никогда не дремлют. Понимаешь?

— Да, — честно ответил я.

Я действительно понимаю, о чем он говорит. В мире, где сила страны определяется не столько ее ядерным запасом, силой армии или технологическим развитием, сколько ее магической силой, империям нет смысла открыто воевать друг с другом. Большинству монархий незачем объявлять войну соседу за кусок земли, ведь всегда есть подданный, готовый найти или подделать причины для войны, чтобы выслужиться и получить привилегии. Неудачи родов остаются на их совести, а успехи становятся достоянием всей империи. И источником завистников и прихлебателей.

Апогеем такой политики, мне кажется, служат конструкторы. За их использование императоры продадут своих младших детей, заставят рода схлестнуться друг с другом или будут заключать неслыханные сделки. Не знаю, что происходит за закрытыми дверями, но я удивлен, что России удастся удерживать Кению так долго, учитывая удаленность от центра империи.

Иностраный корпус, технически, является единственным серьезным сдерживающим фактором для заинтересованных иностранных родов. Им, конечно, еще нужен политический капитал, чтобы объявить войну Татищевым, но, учитывая, что молодой император всегда дистанцируется от клановых междоусобиц, можно лишь гадать, как он отреагирует.

— Ну вот и славно, — вальяжно ответил Михаил. — Катерина выходит замуж, представляешь? Не знаю, сколько приданного ей собрали, но убедить Голицыных стоит недешево. Хоть они и согласились женить только младшего сына. Тимофей... скажем, его род, скорее всего, надеется, что он с появлением собственной семьи возьмется за голову. Думаю, всех Львовых пригласят на свадьбу.

Брак между дворянскими семьями в большинстве случаев заключается вовсе не по большой любви. За каждым членом рода стоит вся династия и ее сила, а чем он сам больше стоит, тем проще заключать союзы. Многим аристократам пару подбирают еще в детстве, объявляя о помолвке. И если обстоятельства не изменятся коренным образом, то брак вступит в силу после совершеннолетия. Для того, чтобы разорвать помолвку, нужно быть либо очень смелым, либо очень сильным родом, так как подобный ход считается оскорблением чести другой стороны.

Дворяне объявляли клановые войны и за меньшее. В любых правилах есть исключения. Мать Святослава, насколько я смог узнать из рассказа Василия, была из польского рода Блиновских. Не знаю по какой причине, но ее хотели отослать подальше и выдали за Андрея Ростиславовича. Род никак не связывался и не поддерживал ее, хотя официального отречения не было. Про дочь просто забыли. Она умерла при родах третьего ребенка, Маши, моей младшей сестры. Старший Львов так и не женился после.

Хотя, не то чтобы повторный брак осуждался, скорее даже считался нормой. А вот многоженство не было в ходу, несмотря на то, что у некоторых соседей Российской империи такие традиции сложились за многовековую историю. Например, в Японии. Там наличие двух-трех жен являлось скорее нормой и символом статуса и влияния рода.

В России, насколько мне известно, тоже есть лоббисты многоженства. Несколько московских газет даже печатают статьи на эту тему, пытаясь найти то ли научную то ли политическую мотивацию, но без особого успеха. Наше общество к таким переменам пока не готово. Как говорится, верхи не хотят, низы не могут. Да и не вписывается такая идея в мировоззрение российского человека. Православие, самодержавие, многоженство — как-то неправильно звучит, не правда ли?

— И скажет лицо его больше, чем язык, без речей и голосом неслышным, — продолжил ироничным тоном Михаил.

— Это что еще такое? — спросил я искренне. — Миш, ты когда это уверовал?

— Святушка, вера есть часть русской доли. В себя ли, в Бога ли, иль в род свой. Лучше скажи мне, как у тебя с магией? Воздух все еще глух к твоим молитвам? — поинтересовался Трубецкой.

— Честно говоря, — начал я чуть скривив губы, — все безуспешно, сколько бы я ни пытался раскопать информации по случаям, похожим на мой. Почти. Конечно, я не первый, у нескольких дворян уже встречались похожие травмы, но в большинстве случаев они происходили при неправильном, а точнее, неаккуратном ритуале пробуждения магии. Стихия их просто не слушалась, и молодые волшебники получали увечья, схожие с моими. Однако, решения я так и не нашел. Да и не уверен, что книги в домашней библиотеке могут мне что-то подсказать.

— Не вешай нос, — подбодрил меня Трубецкой, а затем резко сменил тему. — Из твоей сестры, кстати, получился бы неплохой разведчик.

— С чего бы это? — вскинул брови я.

— Она знает территорию как свои пять пальцев, это раз, — отчеканил дворянин, отводя взгляд чуть в сторону. — Прячется так, что не найдешь, это два. Развела шпионскую деятельность, это три. В тихом омуте, знаешь ли... Но в твоём поместье, к слову, действительно нечем заняться. Тут удивительно деятельный дух, работой пахнет. А мне доктор рекомендовал морским воздухом дышать, но вот трудиться от чего-то не советовал.

— Ага, Миш, ты бы еще предложил ее тоже в военную академию отдать. — усмехнулся я, откинувшись назад. — Труд облагораживает человека. Но ты-то уже дворянин, куда ж еще благороднее, верно?

— Верно! — поддакнул Михаил.

— Мы, Львовы, люди простые, — проговорил я, зевая. — Нам нужно трудиться и отдыхать. Чаще первое.

— Понимаю, — бодро произнес Трубецкой и козырнул. — удачи на службе, аспиран [23].

— Услышимся, — попрощался я и закончил звонок.

Михаил, на мой взгляд, удивительный человек. Как можно подружиться с двумя Святославами? Иногда не понятно, то ли это дар, то ли он просто не воспринимает мир всерьёз. Но об этом можно поразмышлять как-нибудь в другой раз. День был долгий и время уже слишком позднее. План на следующую неделю, впрочем, как и все мои планы на ближайшее будущее, донельзя простой — не вляпаться в неприятности. Должна же такая

задача быть мне по силам?

[23] В данном контексте — первое офицерское звание в Иностранном корпусе (детали можно посмотреть ниже или в доп. материалах в газете «Голос Республики»).

ГОЛОС РЕСПУБЛИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СМОЛЕНСК»

Карл Осипович Кантемиров, зарисовка.

В результате многомесячного журналистского расследования нашего корреспондента, желающего остаться инкогнито, удалось выяснить, что в ближайшие несколько недель произойдет встреча между послами Российской и Британской империи в Кении. Представлять нашу сторону будет К.О. Кантемиров, таинственный аристократ с выдающимся резюме.

Это кажется закономерным этапом развития сотрудничества двух держав. Так, в прошлые выходные состоялись переговоры между Его Императорским Величеством Алексеем I и британской дипломатической миссией, которую возглавлял барон Кит Гилмор.

Беседу провели в Александровском дворце в Царском селе, где присутствовали представители таких громких фамилий как Суворовы, Румянцевы, Голицыны и проч.

Наша редакция задает логичный вопрос: могли ли стороны обсуждать тему возможного брака молодого Императора с одной из британских дворянских фамилий?

Татищева Т.С., заметка для газеты «Голос Республики», сентябрь.

• Волна насилия захлестнула Киберу. Оружие переходит из рук в руки. Участились похищения жителей из соседних районов. Иностраннный корпус бездействует. Читайте подробнее на стр. 7.

Зейтуни, 13 сентября

Обращение к жителям Кенийской Свободной Республики

Уважаемые сограждане, патриоты и друзья!

Мы, пресветлейший и державнейший великий государь Алексей Николаевич, выражаем искреннюю надежду на продолжение сближения двух народов, объединенных не кровью, но духом, историей и верой. Мы сердечно благодарим храбрых солдат Иностранного корпуса за верную службу отчизне.

Запротоколировано 10 сент.

Статс-секретарь Его Величества, Граббе А.Х.

Голос Республики указывает перечень званий Иностранного корпуса для повышения грамотности населения. Просим вас обратить внимание на данный список для предотвращения недопониманий с военным контингентом КСР.

Рядовой состав:

Рядовой 2 класса
Рядовой 1 класса
Капрал
Старший капрал

Унтер-офицерский состав:

Сержант
Старший сержант
Старшина
Адъютант
Старший адъютант

Офицерский состав:

Аспирант
Младший лейтенант
Лейтенант
Капитан
Майор
Подполковник
Полковник

Офицер Иностранного корпуса Граббе Х.А.
спец. для издательства «Смоленск».

Мои два относительно спокойных дня отгула подошли к концу. Я по старой привычке продолжал называть их выходными, словно служба офицера Иностранного корпуса была работой, но, конечно, таковой в полном смысле этого слова она не являлась. Вот и сейчас, хотя официально мне было положено два дня отгула, выпавших на субботу и воскресенье, я стоял перед воротами базы ИК еще днем в воскресенье.

Въезд на территорию находился на шоссе А104, которое тянулось через весь город и уходило на северо-запад, сквозь земли местных фермеров, в итоге соединяя Кению с Угандой. Если быть точным, я стоял перед пропускным пунктом, позволив себе пару минут подышать свежим воздухом. В конце концов, до начала дежурства еще оставалось немного времени.

В Найроби воздух был значительно чище, чем в той же Москве. Может быть дело в том, что местные города еще не успели разрастись до колоссальных размеров, а, может, здесь традиционно лучше сохраняли леса и парки. Иностраный корпус в какой-то степени нарушил эту традицию.

Когда корпус был создан и развернут в Кении в шестьдесят пятом году по приказу императора Константина Николаевича, чей юный сын недавно унаследовал престол, командование приняло решение расквартировать базу в самом центре города. Насколько мне помнится, в книгах по истории пишут, что род Татищевых, до этого не слишком примечательный, получил земли Кении в подарок от императора. После чего с ними стали считаться не только в колонии, но и во всей империи. И договариваться о месте расположения пришлось именно с ними.

Однако, возражений по поводу присутствия вновь созданного военного формирования и его запросов не последовало. Кажется мне, что Татищевы смогли оказаться в нужное время в нужном месте. Как раз, когда прошлый император хотел скинуть приобретенную недавно колонию на кого-нибудь, но решил не усиливать и без того мощные дворянские рода. А в обмен Татищевы остались должны императорской фамилии.

Поэтому участок у шоссе А104 вместе с небольшим парком и несколькими административными и жилыми зданиями был передан в пользование Иностранному корпусу на сто лет. И командиры решили перестроить не только здания, но и перекроить местный парк, заметно урезав его и без того малую территорию. Вот тебе и добрые традиции.

Сейчас же периметр базы длиной в пять километров защищен высокой стеной с проволокой под напряжением. Стены, конечно, неспособны защитить базу от нападений как двести-триста лет назад, а вот магические ловушки и дежурящие по периметру солдаты, как чародеи, так и простые бойцы, сделать это в состоянии.

Если подумать, в своем прошлом мире я никогда не интересовался войной. Конечно, она всегда была где-то рядом: мелькала в заголовках статей в Сети или телеэфирах. Но это не была моя война. Просто одни люди убивают других людей где-то далеко-далеко. Там, где нет меня или моих близких. Но за несколько лет в академии, как и за эти шесть месяцев, я понял, что война гораздо ближе, чем кажется. И если раньше я не знал ничего об оружии или тактике, то сейчас вполне четко представлял свою роль в корпусе и роль сослуживцев. Четыре с половиной года назад не смог бы даже разобраться в строении этой базы. А сейчас вполне себе четко представляю, для чего конкретно нужен штаб или пункт связи.

В целом, на территории базы находились казармы, в которых располагался рядовой состав и некоторые унтер-офицеры, упомянутые штаб и пункт связи, лазарет, тренировочный центр, лаборатории, лекционный зал. Кроме того, здесь же находился склад, которым заведовал знакомый мне унтер-офицер Маслов. Он мог достать все возможное и невозможное для нужд корпуса, иногда поражая впечатлительных рядовых своей находчивостью.

Я познакомился с ним, когда получал экипировку в первые дни службы, и на удивление сошелся характером со старшим адъютантом. Маслов провел большую часть жизни в армии в роли интенданта, занимаясь хозяйственной деятельностью и поставками продовольствия и снаряжения. А последние двадцать лет он является незаменимой частью Иностранного корпуса. Видится мне, что настолько же незаменимой, как и командир корпуса, генерал Разумовский. Забавно получается: я служу под руководством одного и иногда работаю на второго.

— Опять работа, — пробурчал я себе под нос, не намереваясь больше прохладиться перед КПП, понапрасну напрягая дежуривших ребят, и двинулся ко входу на территорию ИК.

Стоит отметить, что база в Найроби — не единственное место, где можно встретить солдат корпуса. По Кении разбросаны несколько лагерей, а на основных дорогах расположены пропускные пункты, обеспечивающие дополнительную безопасность. Мысли о войне возникают в моей голове неспроста — пусть нападения на солдат ИК случаются редко, но они все же случаются. Если замять произошедшее не получается, то в нападении чаще всего обвиняют сомалийских экстремистов. Сомали находится по соседству и подконтрольно итальянским дворянам. И даже если нападают не они, для имперских чиновников и российских дипломатов легче сбросить все на соседей. Пусть даже непомерно агрессивных соседей.

Попасть на базу довольно просто. Конечно, если ты имеешь какое-то отношение к Иностранному корпусу. На КПП проверяют карточку, документы и один из дежурных магов несколько секунд сканирует тебя на предмет использования магических сил. Одна из мер предосторожностей от попадания на закрытую территорию вражеских шпионов, ведь магию иллюзий или другие возможные трюки никто не отменял. Да и не обязаны дежурные знать всех солдат в лицо, даже если они офицеры. Честно говоря, меня немного беспокоит звание аспирана, полученное в двадцать с небольшим лет.

Тот же Маслов, прослуживший больше тридцати лет, на одно звание младше меня и пока унтер-офицер. А прошедшие обучение в Императорской военной академии молодые дворяне сразу становились офицерами. С одной стороны, несправедливо, даже несмотря на ежовые рукавицы инструкторов академии. С другой стороны, высокородные аристократы вряд ли потерпели бы меньшие звания для своих чад. Так что ситуация патовая.

Пройдя контроль и пожелав дежурным удачной службы, я двинулся прямо, оставляя ворота базы за спиной. По правую руку располагался парк Ухуру с небольшим прудом. Тот самый парк, пострадавший от перекройки ранее жилых территорий в военную базу. Здесь иногда гуляли раненные солдаты, проходившие лечение в лазарете, но сейчас в Ухуру было пусто. Я пошел по асфальтированной дороге в сторону штаба, чуть раньше которого по правую сторону располагался склад во главе с Масловым. По левую сторону тянулись казармы, в которых жили рядовые солдаты ИК.

Вот только мой пункт назначения находился в другой стороне, поэтому, не дойдя до склада, повернул налево и пошел по дороге вдоль расположившихся теперь по правую руку

казарм. Я прошел мимо нескольких хозяйственных зданий и снова повернул направо, после чего увидел знакомый мне корпус в нескольких десятках метров. Вообще, база представляла собой прямоугольник, в центре которого располагался штаб, а в дальней части от въезда с шоссе были еще и тренировочный центр, плац, лазарет и исследовательский центр с лабораториями. Расположение же здания, в которое я сейчас и направлялся, меня безусловно радовало, поскольку мне не нужно было долго шататься по базе.

Это здание — первый отдел, в котором находились аналитики и бойцы отрядов быстрого реагирования. Кроме первого отдела есть и другие, специализирующиеся на иных задачах. Что касается меня, я и являюсь одним из четырех бойцов отряда быстрого реагирования или «квада». В каждом кваде в обязательном порядке числится маг, обеспечивающий поддержку другим бойцам, и разведчик. Это не значит, что остальные солдаты не в состоянии выполнять функции друг друга (ну, за исключением магии, конечно), просто у каждого из нас слегка разные задачи на каждом из дежурств или боевых операций.

Что интересно, четверки бойцов, зачисленных в один отряд быстрого реагирования, формировались еще во время обучения в военной академии. Такой способ сбора отрядов позволяет учесть не только насколько эффективен каждый из бойцов по отдельности, но и насколько успешно они будут работать в команде, согласно психопортрету каждого из солдат. Кроме того, я заметил, с кем из курсантов военной академии меня чаще всего группировали, и уже на четвертом году обучения приблизительно понял, кто войдет в наш квад.

Я зашел в первый отдел и направился в раздевалку, расположенную в глубине здания. По пути мне попались несколько знакомых офицеров, судя по виду, только закончивших боевое дежурство. Я быстро окинул их взглядом: раненых не было, значит, сегодня обошлось без инцидентов. Вот и славненько. Краем уха уловил, что они обсуждали какой-то недавно вышедший фильм и, не желая отвлекать ребят от заслуженного отдыха, хотел двинуться дальше, но один из бойцов, высокий рыжий детина с веселым лицом, увидел меня и решил поздороваться:

— Святой! — окликнул он меня и протянул руку. — Рад тебя видеть в добром здравии. Как отдохнул?

Внешность гиганта по имени Иван полностью соответствовала его характеру: открытый, добрый и простой человек. Что удивительнее, он был именно командиром своего отряда. И хотя в Иностранном корпусе все решали не звания, а способности, а уж в наших отрядах на звания обращали внимание редко, но даже наш командир был более... суровым, что ли.

— Здорово, Вань, — я пожал руку здоровяка и невольно улыбнулся, после чего поздоровался и с другими бойцами его квада [24], — нормально вроде отдохнул. Вчера гулял по городу и заглянул на рынок, сегодня утром смотрели кино с подружкой. У вас как дежурство прошло, было что-нибудь интересное?

— А, да какое там интересное... — разочарованно махнул рукой Иван, — опять впустую жгли бензин, да и только. Лучше скажи мне, ты в курсе, что вас отправляют к геологическому обществу?

— Теперь в курсе, — ответил я, не скрывая удивления, — и чего им надо, интересно? Не за обезьянками же понаблюдать.

— Нет, конечно, — серьезно сказал Иван, — но на вашем месте я бы был предельно

аккуратен. Разрывы в тех местах начали случаться чуть чаще. Незначительно, конечно, но ничего хорошего это не предвещает. Чисто технически место нахождения конструкта засекречено, но все мы понимаем, где он скорее всего находится. И кто его изучает. Так что вряд ли вас берут на сафари.

— Принял, Вань. Спасибо за информацию. А что за кино вы тут до меня обсуждали? — я решил перевести разговор на более приятную для ребят после долгого дежурства тему.

— «Воронежская Резня Бензопилой», — ответил мне высокий худой брюнет из отряда рыжего. — Говорят, в газетах настоящий скандал разразился. Хотя до нашего села этот скандал и не докатился, но в Петербурге все этот фильм полощут знатно. Дескать, фильм искажает правдивую историческую реальность и компрометирует честь небольшого уездного городка.

— Ага, — отреагировал я, — а из-за чего вообще весь сыр бор, они там реально наврали или это так, волнения по мелочам?

— Ты что, Свят, — продолжил брюнет, — режиссер посмел очернить город, где родился один из предков императора Алексея тем, что снял настоящий слэшер в отечественных реалиях.

— Никакой кровавой резни в Воронеже быть не может! — шутливо бросил Иван, после чего его бойцы сдержанно засмеялись, бросая взгляды на меня.

— Полностью поддерживаю вашу точку зрения, коллега, — ответил я рыжему с улыбкой, — Это всего лишь кино, да и только.

— Угу... — отсмеявшись, продолжил брюнет, — забавнее всего, что сам император никак не отреагировал. Может, кто из дворян превентивно поднял бучу или чиновники какие постарались. Ничего нового, короче.

— Думаю, императору сейчас не до фильмов, учитывая копошения в нашей станице. Ладно, пойду, — начал прощаться с бойцами рыжего я, — дежурство не ждет.

— Удачной дороги, Свят, — сказал мне Иван, после чего начал собирать ребят на выход.

Я не стал задерживаться и вошел в одну из серых дверей по левую сторону коридора с номером одиннадцать: раздевалку нашего клада, где хранились оружие и снаряжение, необходимые для заданий.

Несмотря на то, что наше дежурство начиналось через полчаса, я оказался здесь не первым. Может я и зря тянул время, прохладжаясь на улице. Так или иначе, на скамейке у стены сидел юноша, мой ровесник и такой же недавний выпускник академии. Невысокий и худой, в одежде его можно было бы принять за не слишком спортивного студента.

Вот только сейчас он сидел на скамейке у стены в штанах-карго и ботинках, перебирая пистолет, и сразу становилось понятно, что он скорее сухой и жилистый, нежели худой. Его русые волосы подстрижены коротко и слегка уложены набок, а лицо выражает какую-то вселенскую усталость. Такому впечатлению способствуют и острые скулы с прикрытыми узкими темными глазами. Кроме того, на его правой руке набита татуировка: от плеча до кисти тянется черный змей, несколько раз обвивая руку, словно жердь или посох.

— Что-то интересное увидел? — обратился ко мне молодой человек, не поднимая взгляд.

— Эх, Матвей, Матвей, — ответил я ему с улыбкой. — Ни здравствуй, ни до свидания, лишь бы уколоть. Чего ты сегодня так рано вообще? Знаешь же, что эта ехидна ровно к началу дежурства появится.

— Как скажешь, — сказал Матвей, закончив чистить пистолет, после чего поднялся на ноги и стал одеваться в комбинезон.

— Ты же врач, мог бы и повежливее немного, — бросил ему я с усмешкой, — психологи, вон, тоже врачи, мало ли у кого-то из твоих коллег возникли проблемы, а ты их своей серьезной моськой встречаешь.

— Тебе нужна помощь? — поинтересовался у меня Матвей, не разворачиваясь от своего шкафчика.

— Не то чтобы... — слегка замялся я.

— Тогда о чем разговор, — отреагировал Матвей, продолжив одеваться.

На самом деле Матвей действительно врач. Не просто врач, но еще и маг-целитель. Хотя целители сами по себе — редкие птицы, многие из них не получают никакого врачебного образования. Может, надеются на свои магические силы, а может не хотят учиться с не-дворянами. Конечно, в магических университетах целителей учат каким-то основам врачевания, но по-настоящему они сосредоточены лишь на магии.

Насколько я понял из обрывков информации о Матвее, которые я узнал в академии и здесь, в Кении, он родился в семье небогатого дворянина на Камчатке. И это все, что известно о его прошлом до службы. Думаю, отец настоял на его поступлении в военную академию из-за того, что Камчатка находится близко к Японии, на территории которой расположен один из конструкторов Древних.

Как следствие, регион постоянно нестабилен и напряжение дотягивается и до имперских территорий. А возможно, он просто провалил вступительные экзамены в магический университет. Меня ни то, ни другое сильно не заботит. И, хотя Матвей может оставить мрачноватое впечатление при первой встрече и действительно немногословен, он по-своему заботится об отряде. В том числе и как целитель.

Я не стал отвлекать Матвея болтовней и решил последовать его примеру — переодеться в комбинезон и проверить снаряжение. И что касается этого самого снаряжения — дело просто швах. Мне трудно сказать, как функционально отличается броня из моего мира и из этого, ведь «Астрал» над разработкой брони никогда не работал. Хотя, конечно, шут его разберет, с валорумом можно работать со всем.

Но все-таки о функциональных различиях брони там и здесь я рассуждать не могу. Зато я могу смело заявить, что как минимум мой комплект брони — абсолютное функциональное недоразумение под названием «Ласточка». Сначала я пытался понять, какие у этого образца могут быть сходства со стремительной и ловкой птицей. А потом меня осенило. Ласточка маленькая, хрупкая и уничтожает насекомых в промышленных масштабах. Вот тебе и сходства.

Справедливости ради, я конечно утрирую. Но совсем чуть-чуть. «Ласточка» — это легкий комбинезон, предназначенный для начальной, как же мне нравится это определение, защиты разведчика от стрелкового оружия и магических сил. Произведен он в том самом городе, известном по бородатому анекдоту: Воронеже.

В целом, комбез действительно дает ту самую начальную защиту и весит сущие пустяки, не ограничивая подвижности. За что его частенько и выбирают подвижные боевые подразделения и единицы, к примеру — я. Стоит отметить что в Российской империи хорошо налажено производство оружия, которым в том числе занимаются несколько дворянских семей, включая тех же Румянцевых. Они снабжают и силы императора по особым контрактам. Кроме того, со средней и тяжелой броней таких проблем нет. Кроме их

колоссальной стоимости. А для установки системы жизнеобеспечения надо продать органы, которым система это жизнеобеспечение и обеспечивает. Поэтому комплект разведчика дополняли шлем и ПНВ.

Естественно, я просил Маслова пару раз поискать в закромах какую-нибудь броньку попримичней и попрочнее. По старой дружбе, так сказать. Но ничего стоящего на складах попросту нет. Так что бегаем в этом. С другой стороны, старший адъютант достал для меня хорошую винтовку. Или, как он любит выражаться: «не достал, а снабдил».

По итогу на дежурства и операции со мной отправляется «Волнорез» — бесшумная беспламенная снайперская винтовка, способная пробить легкий бронежилет на расстоянии до четырехсот пятидесяти метров. В теории, средние комбезы на таком расстоянии пулю остановить могут. А на меньшем расстоянии винтовка во время испытаний средние броники все же колола. И тут возникает вопрос: почему такая прекрасная винтовка-таки попала ко мне в руки. Не все так просто.

У винтовки есть ряд преимуществ: умеренная убойность, высокая точность, небольшой вес и надежность. Но есть и недостатки. В первую очередь это объем магазина: двадцать патронов. И эти самые патроны не универсальны, как для большей части оружия, предназначенного для армейского использования, а были изготовлены специально под этот тип винтовок и несколько смежных моделей. То есть патроны стоят немалых денег.

Двадцать — это, конечно, не десять. Но, учитывая еще и стоимость каждой пули, как-то невольно задумываешься и о цене человеческой жизни. Кроме этого, «Волнорез» разработали в 80-х годах прошлого века и ему на смену уже пришли несколько вариантов других винтовок. Но именно поэтому Маслов и смог достать мне такой образец, не понятно как и для чего валяющийся на складе ИК. Хотя Маслов вполне мог достать ее и по своим каналам. Дополнением к винтовке прилагался и оптический прицел ночного видения, который старший адъютант вручил мне со словами «точно когда-нибудь пригодится».

От крутого навороченного пистолета я отказался. Меня вполне устраивает «Свирель-Б». Когда я услышал название в академке, то уточнил, есть ли еще и «Свирель-А», что вызвало приступ смеха у нашего наставника. Оказывается, «Свирели-А» нет, а буква значит только то, что пистолет с глушителем, то есть бесшумный. Забавно получилось. Что касается самого оружия, тут все более однозначно. Пистолет со встроенным глушителем на двенадцать патронов. Надежный, простой в использовании и ремонте, унифицированный именно под дешевый патрон. С более-менее нормальной точностью стрельбы. Среди минусов: более-менее нормальная точность стрельбы и невысокая скорострельность.

Конечно, я мог бы с легкостью воспользоваться привилегиями дворянина. Политика генерала Разумовского в отношении снаряжения корпуса гласила, что эти самые дворяне могут самостоятельно себя обеспечивать. Так снижается нагрузка на бюджет ИК и ответственных за материально-хозяйственную часть офицеров, а дети как состоятельных, так и небогатых российских фамилий могут защитить себя чем-то покачественнее и покруче стандартного снаряжения. Но лично для меня в таком плане видится несколько проблем.

Во-первых, после той злополучной дуэли меня не сильно втягивали в управление родом Львовых, а точнее его младшей ветвью. Я не до конца выяснил, какие были отношения у Андрея Ростиславовича с прежним Святом, но Святослав нынешний не имеет ни малейшего понятия, вписывается ли навороченная польская броня и новенькая японская винтовка в рамки доступного бюджета. Про патроны, запчасти и детали для ремонта я вообще молчу. Поэтому, оценив все преимущества и риски, я остался на содержании корпуса и Андрея

Ростиславовича банкротить не стал. Но Маслова насчет хорошей винтовки пилить пришлось пару недель.

Во-вторых, даже если бы я захотел что-нибудь эдакое прикупить, те самые патроны и запчасти пришлось бы заказывать из империи, российской уж или японской не знаю, коробками. А поставки в Кению почтовыми службами, если не для прямых нужд армии, работают также, как и почта в моем прошлом мире: по принципу перекаати-поле: что-то, конечно, докатят, а что-то нет.

Так что мой «парадный костюм» на выход в свет меня пока устраивал. Кроме того, за проведенные в Кенийской Свободной Республике полгода наш квад миновали боевые столкновения. Хотелось бы, чтобы такая тенденция продолжилась и дальше. Но рассчитывать на подобное не стоит. Рано или поздно в нас полетят пули и нам придется отвечать. Будь то сомалийские наемники или искатели. Может быть именно поэтому Матвей предпочитал российское оружие, но японский комбез.

— Опять пялишься, — без вопросительных ноток констатировал Матвей.

— Не пялюсь, Матвей, а отдаю должное чуду японского производства, — иронично парировал я, — вроде бы мы птицы одного полета, а вот такой прекрасной брони мне Маслов не выдал. Вот я теперь и метаюсь в страданиях.

Мне кажется, или он ухмыляется? Да нет, быть такого не может.

— Слушай, спросить хотел, — обратился я к сослуживцу, — мне рыжий по секрету сказал, что нас к геологам кидают. Опять разрыв намечается или мы на львят поедом смотреть?

— Скорее всего, — ответил Матвей.

— В прошлый раз нескольких ребят ранили, — продолжил я, — там был мой знакомый. Я в лазарете его навещал. Сказал, что это снова были искатели. Правда, толком о том, что случилось, так и не рассказал.

— Боишься? — спокойно спросил Матвей, закончив собираться, после чего развернулся и сел на скамейку, посмотрев мне в глаза.

— Не особо, — сказал я, решив быть с Матвеем честным, — нас в академке так натаскали, что я больше экзаменов Синего боюсь, чем нескольких блаженных с автоматами. Вопрос в том, что нам в этих блаженных стрелять. И это вроде как люди.

— Это люди, Свят, — отреагировал на мои слова Матвей, не отводя взгляд. — Конечно, это люди. Но если они еще не стреляли в тебя или меня, это не значит, что они не выбьют мозги из твоей головы при удобном случае. Наемники хотят убить как можно больше солдат, а искатели прикончат тебя, если встанешь у них на пути. Поэтому стрелять нужно первым. Такой расклад.

— Знаю я твой расклад, — ответил я Матвеем с тяжелым вздохом, после чего тоже упал на скамейку, экипированный и готовый выдвигаться, — просто как-то непривычно пока. Я же в людей не стрелял.

— Пулями не стрелял, — поправил меня Матвей и хитро ухмыльнулся.

— В смысле? — не понял я, к чему он ведет.

— Молнию в одного Суворова ты отправил с легким сердцем, — сказал уже широко улыбающийся Матвей.

Улыбающийся Матвей — явление настолько редкое в природе, что я на пару секунд оторопел и не знал, что сказать.

— Ну, так-то да, — ответил я, — но это было больше четырех лет назад, знаешь ли. Еще

чего раньше бы вспомнил.

— Расслабься, Свят, — снова стал серьезным Матвей, — вокруг тебя всегда есть люди. Здесь, в Кении, или в соседнем Сомали. Дома, в империи, или в Японии. В Европе или Британии. Просто есть свои, а есть чужие. Ты — свой. Для меня. Вот и подумай, кто свой для тебя. И поменьше думай об остальных.

— Я тебя услышал. Мы, как говорится, за гуманизм. Но гуманизм с кулаками.

В этот момент нас прервали: в открывшуюся дверь заглянула взлохмаченная кудрявая голова, которая ехидным женским голосом произнесла:

— Ой, мальчики, я вам не помешала? Если вы тут друг другу в любви признаетесь, то я и попозже заглянуть могу.

После этого комментария третий боец нашего квада продолжила ухмыляться своей остроумной шутке и вошла в раздевалку. Василиса уже была, что называется, «при параде»: в средней броне и с автоматом наперевес.

— И стали бы мы это делать одетыми? — ответил я Васе, ухмыльнувшись в схожей с ней манере, — да и обстановка не располагает к близкому общению. Вот доберемся сегодня к геологам, там и разгуляться можно: вулкан, темный томный лес, пение птиц и крики обезьян...

— Фу-фу-фу, Святой, — трижды перекрестилась Василиса, — какой же ты пошляк. И что, у нас сегодня дежурство у очкариков? Откуда такие сведения, а? Колись давай!

Василиса плюхнулась на скамейку рядом со мной и картинно уставилась на меня. Матвей же как будто забыл наш разговор и закопался в под сумке, что-то проверяя и перекладывая. Вот же фрукт, опять оставил меня разбираться с этой бестией.

Я перевел взгляд на чудо слева от меня и коротко сказал:

— Информация засекречена, у вас нет нужного уровня доступа.

Василиса комично вскинула руки, изменившись в лице так, будто съела пачку кислых конфет, после чего загалдела:

— Ах, доступа у меня нет, хитрый жук! Так я сейчас получу этот доступ.

После этого мне в плечо прилетел немаленьких размеров кулак, от чего я ощутимо дрогнул. Василиса хоть и была шептунной и шутливой, но рука у нее твердая. Не знаю, в кого она пошла ростом и телосложением (наверное, в отца), но она выше Матвея и крупнее него. И удар у нее был поставлен.

Наше первое знакомство в военной академии нельзя было назвать дружелюбным. Я все еще приходил в себя после дуэли, о которой, естественно, ничего не помнил, и пытался понять, что делать в дивном новом мире. Но несмотря на строгую дисциплину в академии, которую поддерживали исключительно методом кнута, некоторые курсанты относились к Святославу пренебрежительно. То ли предыдущий Свят был совсем не душкой, то ли потеря возможности колдовать и сожженные магические каналы резко понизили статус и без того не слишком популярного меня.

Вот только добиваться уважения пришлось долгими часами тренировок, учебы и спаррингов. И одним из моих спарринг-партнеров оказалась Василиса. Тогда я и познакомился с ее крепкими кулаками довольно близко. Настолько, что с опухшим лицом и сломанными костями был регулярным гостем медицинской части.

А потом ко мне подошел хмурый русоволосый юноша и сказал, что я идиот, который из-за своей блажи пропустит половину занятий академки, отлеживаясь в лазарете. Это было предложение одного неразговорчивого целителя латать меня после спаррингов с Васей без

помощи местных врачей. И на его предложения я согласился.

После этого я почти не пропускал занятий из-за травм, а со временем стал получать меньше и меньше повреждений. Прошлый Святослав, пусть и неплохо сложенный, превратился в спортивного молодого парня. Которого, тем не менее, продолжала нещадно лупить Василиса. Мы вообще почти не разговаривали, не считая перепалок во время спарринга, где чаще всего победителем выходил я. Из перепалок, не спаррингов.

Но болтать — не на кулаках драться, с чем долгое время Вася справлялась гораздо лучше меня. А потом была одна памятная вылазка в город в нарушение правил военной академии, за что нас всех продержали в карцере неделю и добавили два месяца отработки. Но оно того стоило. Как минимум, с Васей общий язык мы кое-как нашли.

— Отставить рукоприкладство! — сказал я, потирая плечо и вырываясь из мыслей о прошлом, — доступ получен. Мне рыжий сказал.

— И все? — подняла брови Василиса в удивлении, — и зачем тогда мне этот твой доступ?

— Как зачем, — сказал я, после чего толкнул ее в плечо, возвращая услугу. — У вулкана места много, хватит и на троих...

— Ну уж нет, Святой! — воскликнула Василиса, резко вскакивая со скамейки, чем чуть ее не перевернула вместе со мной. — Я во всяких пошлостях участвовать отказываюсь. Командира, вон, с собой берите.

— Ага, обязательно, — съязвил я. — А еще возьмем сыр и вино. Ладно, пошутили и хватит. Что там командир, готов выдвигаться?

— А, точно! — стукнула себя по лбу Василиса. — Он же просил передать, что ждет на стоянке у машины, и чтобы вы через десять минут были там.

— И давно это было? — уточнил Матвей, подняв взгляд от подсумка и посмотрев на Василису.

— Ну... минут семь-восемь назад...

— Твою мать, ехидна! — одновременно вырвалось у меня и Матвея.

Мы схватили шлемы и бросили последний взгляд на свои вещи, чтобы убедиться, что мы не оставили что-то важное на полках. После этого оба пулей вылетели из первого отдела, чуть не столкнувшись по пути с парой солдат из другого клада. За нами на крейсерской скорости последовала и виновница торжества.

[24] Отряд быстрого реагирования, состоящий из четырех человек.

— Смирно! — прозвучал уверенный командный голос.

Мы все-таки успели. Автопарк у Иностранного корпуса солидный и состоял, в основном, из грузовиков и джипов. Первые были нужны для перевозки солдат и снаряжения, а вторые — так как по горам и пустыне на седанах не поездишь. А до той же геологической станции добираться часа три не только по любимому мною шоссе А104, но и по бездорожью. Так что сейчас наша изрядно запыхавшаяся троица выстроилась в линию перед командиром квада — Игнатом Колесниковым.

Я уже вспоминал, что квады сформировались еще в военной академии. И так получилось, что командиром был назначен Игнат. Насколько мне известно, он не был дворянином, не был магом и не был молод. А в академию он попал после того, как отслужил несколько лет в Иностранном корпусе. Так тоже бывает. Правда представить, почему тридцатилетнего унтер-офицера отправили в военную академию сложно.

Судя по тому, с какой прохладой к нему относились некоторые командиры отрядов быстрого реагирования и офицеры, он был настолько же хорош в своем деле, насколько и неуступчив. Может быть поэтому ему и дали шефство над нашей троицей. Управляться с нами — та еще задачка. Сейчас он оглядывал нас с головы до ног цепкими карими глазами, подмечая, все ли снаряжение на месте. Затем командир одобрительно хмыкнул, кивнул бритой головой в сторону машины и продолжил:

— Проверяем связь, грузимся в транспорт и выезжаем. Цель — база геологов на горе Сусва. Маршрут через А104, затем В3. За рулем Ехидна. Вопросы?

— Никак нет! — ответил командиру дружный хор голосов.

— Святой на линии, — сказал я в рацию, закрепленную на груди. Справедливости ради, в отличие от других бойцов, пожитков в под сумках у меня было мало. Для разведчика скорость — это жизнь, я не стану пихать по карманам шоколадки, в отличие от некоторых.

— Змей на линии, — отрапортовал Матвей.

— Ехидна на линии, — ответила Василиса.

— Леший на связи, — закончил переключку командир, убедившись, что рации работают, — а теперь в машину. Нечего время терять.

Василиса последовала приказу командира и первой прыгнула за руль. Игнат устроился на переднем сиденье справа от нее. Я сел на заднее сиденье джипа за водителем, Матвей тоже примостился по соседству со мной. В таком составе джип тронулся к выезду с базы ИК в центре Найроби, и в скором времени мы покинули стены, ограждающие то ли базу корпуса от мира, то ли мир от непредсказуемости нашего корпуса.

Такие мысли мне особенно сильно навевал наш отряд. В нем собрались своенравные люди, и все-таки командир держит все под контролем. Сколько еще таких отрядов могут натворить бед во славу или к стыду Российской империи, сказать сложно. Из стен военной академии выпускались абсолютно разные курсанты, но в Найроби отправили именно нас.

Может, Разумовскому нужна такая хаотичная энергия, а может, сам того не заметив, я действительно неплохо научился сражаться. Жаль, что магия воздуха ко мне так и не вернулась. Андрей Ростиславович упоминал несколько заклинаний, которые прошлый Свят мог использовать. То же ускорение мне как разведчику пригодилось бы сильно. Но пока не судьба. Придется рассчитывать только на собственные силы.

Мы проехали мимо Кенийского музея и по правую сторону от нас остался Вестланд, район, где я жил. Затем дорога сделала поворот налево, беря чуть западнее, через территорию нескольких пригородных районов, которые здесь называли модным словом «эстейт». По сути же это действительно просто жилые районы, но в пригороде. Вскоре последние дома скрылись из виду, и мы вырвались на оперативный простор.

Дорога была хорошей, поэтому Ехидна без зазрения совести втопила педаль газа в пол, несмотря на недовольные взгляды, бросаемые командиром. За эти полгода не только я, но и Игнат привык к тому, насколько безбашенно может водить транспорт Вася. С другой стороны, ни одной претензии от пассажиров, кроме превышения скорости, не было. Все живы-здоровы. Да и других автомобилей на шоссе в выходной было крайне мало. Так что до вулкана мы должны добраться быстрее намеченного времени.

Я посмотрел на Игната, после того как он бросил еще один недовольный взгляд на Василису. Тот уже напряженно вчитывался в экран небольшого планшета и хмурил густые брови. Либо он читал брифинг касательно сегодняшнего задания, либо сводку о происшествиях в окрестных районах за последние дни.

Но если нам по поводу предстоящей работенки пока ничего не сказали, значит узнаем обо всем на месте. К тому же, как верно подметил Матвей, едем мы не на сафари, а значит инструктаж на базе геологов мы получить должны. Не нравится мне вся эта секретность. Могли бы сказать: «Согласно нашим данным, ожидается очередной разрыв пространства у горы Сусва, нам требуется помощь отряда быстрого реагирования». И все. Нет, нужно держать солдат в неведении, словно они не в курсе, чем вы там занимаетесь. Я, конечно, не в курсе. Но то, что вы не камни изучаете, а конструктор Древних — факт. Конспирология явно не их сильная сторона.

Матвей молчал, Леший был увлечен чтением отчетов, а Вася была сосредоточена на дороге, периодически поддавая газу. Я же рассматривал окружающие нас пейзажи за окном. Шоссе вновь плавно поворачивало на север и теперь вместо обычных для пригородов домов, магазинов и школ нам попадались скопления ферм.

В основном здесь выращивали кофе и чай. Но можно было встретить и фермеров, выращивающих агаву, из которой затем получали сизаль и использовали его для изготовления канатов, матрасов, сетей и прочих полезных товаров. Кроме того, местные естественно выращивают и овощи, тот же родной русскому человеку картофель, привезенный когда-то Петром Первым из Европы, вполне успешно культивируется и в Кении.

Несмотря на то, что сельское хозяйство до сих пор является основным занятием местного населения, плодородных земель в Кении не так много. Вроде бы геологическое общество оценило размер земель, пригодных к обработке, в примерно пятнадцать процентов. Из них половина классифицирована как первоклассные земли. Многие культуры еще и экспортируются в крупных объемах.

Один раз во время ужина с Андреем Ростиславовичем я похвалил приготовленную нашим поваром капусту. Оказалось, что она привозная. Из Кении. Меня тогда это сильно удивило, но, как оказалось, из колонии возят не только чай. Вообще пятнадцать процентов от всей территории это не так уж и много. Особенно когда часть страны занимают пустынные и горные районы. И поскольку больше половины кенийцев сейчас зарабатывает на жизнь именно сельским хозяйством, вопрос сохранения территорий для них особенно важен.

Британцы уже пытались выселить коренное население с их земли и заменить на белых колонизаторов. Что привело к вполне понятной борьбе. Если бы к вам в дом пришел какой-то дядя и попросил через тридцать минут освободить помещение, оставив все вещи на месте, вас бы это тоже не устроило. И хотя реальность не так проста и прозаична, такая аналогия вполне достоверно описывает причины сложившегося до шестидесятых годов прошлого века напряжения. Напряжения, которое вылилось в восстание против британской короны. Хочется верить, что при российской власти дела у коренных народов идут лучше. Но вид большинства домов говорил об обратном.

Часть жилищ была построена из неумело уложенных кирпичей, хотя это в основном и не жилые дома вовсе, часть зданий представляет собой мешанину из досок разного цвета и размера. А длинный одноэтажный дом, носивший гордое название «отель», выглядел как несколько одноэтажных деревянных лачуг, наспех соединенных между собой перегородками. Еще и покрашенных в ядовито-зеленый цвет. И на контрасте с первоклассными видами на природу, смотреть на побитые хибары без грусти было сложно.

Не знаю, сколько времени в этом мире без валорума уйдет на то, чтобы уровень жизни таких людей хоть немного поднялся. Может, дело и не в валоруме вовсе. А в том, что аристократов подобное не интересует. Для них ферма — это цифра на бумаге. Как и человек. И дальше столицы ни один дворянин свой нос не высунет. Будь то столица империи или колонии. Ведь в столице все вполне чинно и красиво, как для колонии великой Российской империи.

— Ты в порядке? — тронул меня за плечо Матвей.

— Да, в норме, — ответил я на автомате, постаравшись переключиться на выполнение своих прямых обязанностей: оценку обстановки вокруг. И не на предмет бедности местных, а на предмет возможных угроз.

Матвей удовлетворился моим ответом и до конца поездки со мной больше не говорил. Нас несколько раз останавливали на пропускных пунктах, установленных в нескольких местах у шоссе А104, но каждый раз быстро пропускали. То ли из-за слаженной работы, то ли из-за хмурого лица командира.

Затем мы свернули на запад и еще пол часа тряслись по шоссе В3, земля вокруг которого разительно отличалась скудностью деревьев, напоминая ту самую знакомую многим по детским мультфильмам саванну. После джип повернул на юг к небольшой деревне, расположенной на северо-западе от самого вулкана и базы геологов, окруженной густым лесом. Асфальт сменился грунтовой дорогой. Еще через двадцать минут мы достигли первого пропускного пункта.

В этот раз нас задержали чуть дольше. Пока у командира проверяли бумаги, я успел разглядеть в лесу несколько фигур, одетых в камуфляж. Официально границы парка Сусва, внутри которого находился одноименный щитовидный вулкан, были установлены согласно геологическим и биологическим исследованиям. Неофициально границы парка были установлены колючей проволокой, тянущейся по всему периметру, и системой видеонаблюдения, позволяющей контролировать территорию.

В обязанности солдат Иностранного корпуса входят дежурства в парке Сусва, обычно небольшими отрядами в два человека. Однако за эти полгода наш квад вызывался сюда впервые.

Нас пропустили и еще через двадцать минут джип въехал в деревеньку, которая являлась единственным населенным пунктом на территории парка. Не считая базы российского

имперского геологического общества и разбросанных по лесам стоянок солдат, конечно. Но получив в свои руки колонию больше пятидесяти лет назад, император изменил подход к местным народам. Часть из них осталась на своих исконных территориях, как, например, жители этой деревни. А часть была переселена на другие территории в заповедниках. Сложно сказать, позволил ли подобный подход преобразовать колонию в полноценную часть империи, но от политических волнений предыдущий император себя оградил. По крайней мере на какое-то время.

Поэтому деревенька не просто как бы являлась продолжением лагеря Иностранного корпуса, развернутого по соседству. Точнее, наоборот. Это лагерь примыкал к деревне. Но в отличие от пусть и наспех возведенных, но все же добротных бараков и нескольких административных зданий, деревенские здания выглядели... как и другие дома кенийских фермеров. Мягко говоря, потрепано. Выделялось разве что кафе, организованное кем-то из местных после того, как к деревне постепенно прирастали новые здания, возведенные ново прибывшими бойцами ИК.

Вывеска гордо гласила «Паб», написанное на русском и продублированное ниже на английском языке. Ну да, в целом это больше похоже на британский паб в пригороде какого-нибудь промышленного городка, чем на кафе. Та же обшарпанная мебель и тот же антураж. Но солдатам выбирать не приходится. Да и для местных это несколько рабочих мест.

Информация по парку Сусва, вулкану, базе геологического общества, местной флоре и фауне была в разной степени доступной для всех солдат Иностранного корпуса. После своего зачисления в ИК, еще и в офицерском звании, я провел немало времени за чтением доступных мне материалов. Хотя лучше бы они сняли документальный фильм. Было бы легче все запомнить. Да и нескольких фотогеничных коз, вяло жующих траву за деревянной оградой рядом с пабом, могли бы добавить красок в шедевр кинематографа.

С этими мыслями я вылез из машины, остановившейся рядом с одним из двухэтажных каменных зданий, расположенных в меньшем аналоге военного городка. Нужно было доложить о прибытии и получить указания от местного руководства. Скорее всего нас направят прямо к пещерам, которыми пронизан вулкан. Именно их и использовало геологическое общество как свою базу. Не в прямом смысле, конечно.

Ученые — не солдаты и им незачем спать на камнях. Просто за полвека нахождения в Кении, геологи перестроили часть пещер под личные нужды. И их личные нужды — исследовательский центр, который мы, военные, чаще называем базой. Потому что окопались они на своих позициях ничуть не хуже военных. Ну, по крайней мере судя по доступным мне материалам. Сам я впервые оказался вблизи вулкана. Надеюсь, что шанс полюбоваться базой геологов у меня будет. Все же мне не чуждо умеренное любопытство.

Остальные бойцы также покинули автомобиль, и Игнат дал команду:

— Святой, Змей за мной. Ехидна у машины.

Мы молча двинулись за командиром ко входу в здание из серого кирпича, видимо служившим местным командирам штабом. В это время Игнат бросил несколько фраз в рацию, обозначая наше присутствие. И хотя у входа в здание дежурил один из солдат, командир просто двинулся внутрь, получив указания.

Сам штаб не сильно впечатлял. Конечно, это не база ИК в Найроби, с тренировочным центром и прудом для прогулок. Все просто и компактно: серый коридор от одной стены до другой, с входами в комнаты по правую и левую руку. А в конце коридора лестница. Мне показалось, что комнаты различаются по размеру, и когда мы дошли до лестницы, ведущей

на второй этаж, я заметил небольшой проход на кухню. Действительно, это здание вряд ли построили солдаты. Скорее всего они заняли пустующий дом и решили использовать его как штаб, поскольку это был единственный двухэтажный дом в деревне, не считая паба.

Игнат поднялся на второй этаж, с серыми стенами без обоев и разноцветными деревянными дверьми, после чего постучал в одну из дверей, дожидаясь ответа.

— Проходите! — послышался бархатистый мужской голос, и мы прошли внутрь.

Внутри кабинет выглядел... на удивление опрятно. Его большую часть занимал крепкий деревянный стол и шкаф с разными книгами, папками и файлами. В углу стояло коричневое кресло со слегка потертой обивкой, а за столом у окна сидел пожилой мужчина в форме Иностранного корпуса и читал один из листов, разложенных на столе аккуратными стопками. Видимо, отчеты. На краю стола также стоял стакан с водой.

— Капитан Колесников со своим квадом прибыл! — поприветствовал Игнат сидящего перед ним офицера.

— Вольно, капитан. Вольно, бойцы, — ответил полковник, обратив внимание и на нас с Матвеем, последовавшим примеру капитана. Судя по погонам, это именно полковник. И сдается мне, что в округе базы геологов водится лишь один полковник, за нее и отвечающий...

— Давайте обойдемся без формальностей, мне и без них уже тошно. С Колесниковым я знаком лично. Ваш квад мне знаком заочно, как и другие отряды быстрого реагирования, — продолжил полковник, убирая бумаги обратно в одну из стопок, — я полковник Мельников. Думаю, представляться не нужно. Командую этим балаганом.

На словах о балагане полковник поморщился и несколько секунд собирался с мыслями. Судя по осунувшемуся лицу и мешкам под глазами, спал Мельников в последнее время мало.

— Время на разговоры у нас ограничено, — сказал полковник и взглянул на часы, — Поэтому сразу к делу. Через десять минут вас отправят на базу геологов. Они затребовали у корпуса еще один отряд быстрого реагирования для конвоирования их исследовательской группы. Умник уверяет, что это не очередной разрыв пространства из-за конструкта, а некая «эманация неопределяемого характера».

Полковник потянулся к стакану и сделал несколько глотков воды, облегченно выдохнув.

— Мне их эманации по барабану. И секретность тоже. Слышали, наверное, как в последний раз наших ребят искатели покоробили?

Он посмотрел на наши лица и, убедившись, что мы знаем о нескольких раненых бойцах ИК в ходе последнего инцидента, продолжил:

— Двое отправились на тот свет. Это раз. Искатели обогнали нас. Это два.

От такой новости я невольно поежился. Все-таки солдат не просто ранили. Несколько искатели смогли убить.

Еще и разрывы эти. Сами разрывы пространства случались часто, но никогда не происходили за территорией, которую контролировал ИК. Куда конкретно вели разрывы и что в них находилось я не знал, но ходили слухи, что это порталы в другие миры. Может, так оно и есть.

Игнат еще сильнее посмурнел и одарил меня тяжелым взглядом, но промолчал. Видимо, для него подобное тоже было новостью. Формально, иностранный корпус, контролировал всю территорию Кенийской Свободной Республики. Но, естественно, основные силы были сосредоточены в крупных городах и здесь, в парке Сусва, у базы геологического общества. Если разрыв произошел за границами парка...

— Разрыв произошел в пяти километрах за границей парка, — словно прочитал мои мысли Мельников, — «Кажется, что это не так уж и страшно». Умник так и сказал. Вот только я определенно вижу проблему. И вовсе не научную. Мало того, что группа оказалась не первой у разрыва, так еще и бойцы смогли отогнать искателей с большим трудом и потерями. Одной из потерь был маг.

Полковник сделал небольшую паузу и тяжело вздохнул. Его можно понять. В Иностранном корпусе, конечно, хватало простолюдинов, но если речь шла именно о маге, то скорее всего это был именно дворянин. А значит пришлось объясняться с родственниками этого мага. И судя по всему, делал это полковник сам. По крайней мере рыжий как-то сказал, что Мельников лично оповещал семьи дворян, если их родственники, служившие в ИК, погибали. Непростое занятие. И очень неблагодарное.

— Поэтому план по конвою изменился, старые инструкции можно кидать в топку, — продолжил полковник, — Новый инструктаж вам проведут на базе. Но о разрыве за границей парка умник молчит. И у меня приказ сверху молчать. Поэтому я читаю отчет, пью воду и молчу. Все понятно?

— Так точно! — последовал стройный хор из трех голосов.

— Тогда свободны. Вас ждут на базе геологов, автомобиль через КПП пропустят, — сказал полковник и вернулся к отложенному листу бумаги.

Мы вышли из здания и вернулись к машине. Василиса о чем-то весело переговаривалась с одним из местных солдат, остановившимся рядом с джипом. Увидев наши кислые лица, солдат быстро ретировался. Правильное решение.

— Ну как, куда двигаем? — спросила все еще улыбающаяся Ехидна.

— В машину. Есть разговор, — ответил хмурый Игнат.

Вася смерила наши лица взглядом, последним остановившись на мне. Если Матвей всегда выглядел словно смерть, а Колесников то и дело хмурился, явно не от прилива хороших новостей, то вот мое уныние не вязалось с образом, а значит у квада проблемы. Мы снова залезли в автомобиль, заняв те же места, и командир сказал:

— Трогай. Сейчас на базу геологов.

Василиса молча завела машину и выехала на грунтовую дорогу, ведущую к пещерам. Колесников какое-то время молчал, пролистывая информацию в планшете, после чего сообщил Васе о неприятных новостях:

— Про последний разрыв и убитых ребят слышала?

— Да, — коротко ответила Василиса.

— Этот разрыв был за границей охраняемой зоны. Три километра. Искатели уже были на месте, когда подъехала группа. Один из убитых солдат — маг, — рваными фразами Игнат уложил всю важную информацию в десять секунд.

Вася не долго переваривала полученные сведения, после чего громко выругалась.

— Оно самое, — сказал я. — И мы в нем по уши.

Часть пути от деревни до геологической базы все еще пролегла по грунтовой дороге. Однако в скором времени она закончилась, сразу после того, как мы миновали заключительный КПП. Как и сказал полковник Мельников, нас пропустили без вопросов, а машину даже не остановили. Судя по всему, поездки до пещер были редки и проходили по четкому графику. Поэтому наш джип был единственным транспортным средством, следующим вглубь парка Сусва.

Все это время мы ехали в тишине, каждый погружен в собственные мысли. Не знаю, что крутилось в голове у других членов квада, но я пытался собрать свои немногочисленные знания об искателях воедино. Затем я наконец пришел к выводу, что почти ничего о них не знаю. Информация об их нападениях на конвои и группы ученых не выходит за пределы высоких кабинетов. А все слухи, что тот или иной отряд приносит с собой на центральную базу корпуса в Найроби, все еще остаются непроверенной информацией.

Хоть в наших рядах бахвалиться отбитыми нападениями и не принято, но подтвердить, сколько потерь понес корпус или в какой именно точке парка открылся разрыв невозможно. Одно сказать можно точно: Мельников однозначно предупреждает вовлеченных бойцов корпуса о сложившейся ситуации. Ситуации, которая постепенно выходит из-под контроля.

С одной стороны, основной угрозой кажутся искатели. По крайней мере настолько близко к Найроби не могут пробраться ни одни наемники, насколько бы умелыми они не были. Опираясь на слова полковника, можно утверждать, что искатели способны каким-то образом обнаружить место следующего разрыва. Они еще и умудрились обогнать группу под контролем корпуса во время последнего столкновения. Значит и сейчас стоит отталкиваться от тех же вводных: в районе разрыва нас уже будут ждать.

С другой стороны, было бы неплохо понять, как геологи обнаруживают, где точно откроется разрыв. Они же не на запах идут. Полагаю, о месте самого разрыва сообщат на брифинге, но информация о методах и средствах геологов нам по статусу вряд ли положена.

Ладно, что-то во мне самом неожиданно проснулся ученый. Ну, скорее младший научный сотрудник, но сути дела это не меняет. Сейчас лучше сосредоточиться на самой значимой угрозе — угрозе жизни. С остальным будет время разобраться позже. Вряд ли это первое и последнее задание нашего квада в парке Сусва. Так что младший научный сотрудник еще успеет повертеть головой по сторонам и нагло поглазеть в экраны каких-нибудь интернов. Но в следующий раз. Конечно, если у них есть интерны.

Я ухмыльнулся, вспоминая, как сам несмотря на грозно звучащую должность по сути выполнял функции интерна в «Астрале». Интересно, смог ли профессор Сахаров разобраться с тем, что со мной произошло. И насколько сильно местные геологи будут напоминать ученых из другого мира.

От этих мыслей меня оторвала дорога. Точнее, ее полное отсутствие. Джип ехал по холмам, с растущей на них низкой травой и кустарником, а вокруг нас раскинулся самый настоящий лес. Настоящий для африканских реалий, естественно. Здесь не будет родных березок и сосен. Скорее это саванна, только не пустынная с редкими колючими кустарниками, как на севере и востоке страны. А богатая растительностью территория, где на землях вулкана высятся гладкие деревья со светлой корой.

У земли большая часть деревьев покрыта мхом, а передвижение зачастую затрудняет

кустарник. Фэйт много мне рассказывала о местных растениях, даже не помню почему, но я никогда не перебивал. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Да и Фэйт — отличный рассказчик. Но названия этих деревьев я так и не запомнил.

Кончено, дорога как класс не отсутствовала. Часть земли была вмята из-за регулярных поездок внедорожников между деревней и базой геологического общества. Именно по этому своеобразному ориентиру Василиса и вела автомобиль. Вот только мы частенько подпрыгивали, а машину пару раз повело в сторону, после чего Васе пришлось резко выкручивать руль.

— Скорость снизь, гонщица. Мы движемся согласно графику, — проворчал Игнат, хмуро покосившись на Василису.

— Блин, так бы сразу и сказал, — выдохнула Ехидна и сбавила скорость, от чего пассажирам в салоне ехать стало чуть легче.

Самую малость. Но держаться за ручку слева над боковым стеклом я не перестал. Еще головой ударится не хватало. Я свои мозги по возможности берегу. А вот пару ругательств со стороны командира я уловил, хоть и ворчал он сквозь зубы. Оказывается, в противоречие всей военной теории, высота — не всегда преимущество. Мне и на 183 хорошо.

Через десять минут умеренной тряски и еще два тихих ругательства Лешего, мы добрались до пункта назначения: базы российского имперского геологического общества в кратере вулкана Сусва. База была ограждена колючей проволокой, однако никаких стен я не заметил. Наверное, здесь используют камеры и магические ловушки. А лишние постройке в центре леса могут этот центр рассекретить. Хотя, конечно, не только солдаты Иностранного корпуса, но и широкая общественность осведомлена о примерном местоположении ученых. В любом случае, безопасности много не бывает.

Кроме проволоки, ограничивающей базу, в глаза бросались и сами здания, возведенные для геологов. Если полковник Мельников был вынужден работать в одном из старых серых каменных домов, готовых не сегодня завтра развалиться, то база ученых оставляла впечатление современного научного центра. Центр занимало круглое здание, вероятно возведенное из металла, но сказать точно о материале я не берусь.

Крыша у него не пологая, а куполообразная, с лицевой стороны можно увидеть два окна. Вот только заглянуть внутрь не получится, они затемненные. Возможно, они еще и бронированные, но проверить свое предположение на практике я не берусь. Стальная входная дверь выглядит крепко, а сбоку от нее висит небольшая панель, вероятно ограничивающая доступ внутрь для посторонних.

Еще я заметил несколько черных стальных труб, выходящих из стен «храма науки» и утопающих где-то в земле. Они нефть там откачивают? Это здание также соединено с несколькими другими, примыкающими к нему по модульному принципу. Такое чувство, что этот кругляш построили первым, а остальные строения присоединили позже. Однако выглядят они похоже, отличаясь разве что пологой крышей без купола и формой: не круглой, а прямоугольной.

Цвет зданий варьировался между темно-зеленым, серым и черным. Но сверху на каждое из строений была наброшена маскировочная сетка, позволяющая скрыть объекты от посторонних глаз. По крайней мере в какой-то степени. Судя по размеру получившегося трансформера из стали и... стали, эта металлическая многоножка должна быть центром всей базы, где нам проведут инструктаж с новыми вводными.

Нас никто не встречал. Солдаты в будке на въезде были уведомлены о прибытии нашего

отряда. Несколько человек в гражданской одежде, курящих у стальной двери, наш джип просто проигнорировали. Командир отдал команду:

— Здание справа — гараж, — сказал он Василисе, указав на длинную невысокую металлическую коробку рядом с границей базы, — двигай туда. Дальше следуем за мной. Нас встретят.

Вася заехала на территорию гаража и припарковала джип рядом с точно такой же моделью, стоящей чуть дальше от въезда. В целом, автомобили, принадлежащие Иностранному корпусу и геологическому обществу, не отличались, что неудивительно. Добраться сюда на чем-то кроме военного внедорожника будет проблематично.

Мы повылазили из машины и двинулись вслед за командиром. Дежуривший у входа солдат в форме ИК быстро нас поприветствовал, а через несколько минут мы подошли к группе людей, куривших у стальной двери, и мне удалось их получше рассмотреть. Из-за спины командира, конечно. Ученые этого мира не сильно отличались от учёных моего мира. Конечно, в «Астрале» не все были как Сахаров, и многие ученые высшего эшелона носили не растянутые свитера и однотонные футболки, а костюмы итальянских брендов.

Но эта троица как раз относилась к знакомым мне по прошлой работе категории ученых. Двое мужчин средних лет курили и о чем-то оживленно спорили. Оба были одеты в черные футболки и джинсы. Небритость и осунувшийся вид соседствовали с огоньком первооткрывателя в глазах обоих. Но когда мы подошли, оба резко прекратили разговор и, бросив на нас быстрый взгляд, затушили сигареты и скрылись за стальной дверью, отделяющей человека разумного от человека прямоходящего. Кто по какую сторону находится мы спорили еще в «Астрале».

Третьей участницей быстро рассосавшейся группы была молодая девушка. Также, как и коллеги, она была одета в джинсы и в футболку, но цвета хаки. Милитари стиль, одобряю. Вот только непонятно зачем она носила еще и белый халат. Не пойму, это у ученых такой межпространственный фетиш? Функциональности же никакой, особенно не в лаборатории, а в вечернем африканском лесу.

— Понравилась? — едва слышно поинтересовался незаметно подкравшийся Матвей.

— Окстись, змей-искуситель, — также шепотом ответил я, — чисто научный интерес.

Краем глаза заметил, как Матвей ухмыляется. Совсем чуть-чуть, но за четыре с половиной года знакомства я научился подобное замечать. О чем он вообще, я же естественно о халате задумался, а не....

— Капитан Колесников, — представился капитан девушке, — вы Ева, я полагаю?

— Да... — слегка смущенно ответила девушка. — То есть так точно. То есть...

— Сопроводите нас к профессору Конюхову? Мне сообщили, что вторая группа уже на месте, — прервал командир запнувшуюся девушку, после чего бросил взгляд на свой браслет на запястье, — на инструктаж времени в обрез.

— Да, конечно, — сказала Ева и сделала несколько шагов к двери, достав из нагрудного кармана халата карточку.

Может быть поэтому все ученые носят халаты? Вопрос остался не высказан, а значит и ответа ждать не приходится. Электронная панель издала писк, лампочка поменяла цвет с красного на зеленый, и наш отряд двинулся вглубь здания, следуя за Евой.

Внутренности металлических коробок оказались обычными стерильными помещениями и коридорами, на которые я уже насмотрелся в «Астрале». Несколько раз по пути нам попадались люди в гражданской одежде или белых халатах, но на нас они внимания не

обращали. кроме того, перед очередным поворотом я заметил еще одни двери по правую руку.

Судя по нескольким кнопкам с иконками и надписи «ЛИФТ» заглавными буквами, я холистическим методом с дальнейшим развернутым анализом выявил, что... у геологов есть лифт. Поскольку второго этажа не наблюдалось, лифт должен вести под землю. Туда же, куда вели и трубы снаружи. Значит ученые обеспечили себе личный доступ к пещерам и простой способ не таскать оборудование на своем горбу. Занятно.

Ева вела нас всего несколько минут, после чего очередные двери и очередная электронная панель открыли нам вход в широкий кабинет. В дальнем конце располагался стол, за которым сидел пожилой мужчина в очках, детально рассматривающий экран компьютера перед собой. Что он там хотел найти — непонятно, монитор, как в той сказке, находился ко мне задом.

Но ученый грозился проткнуть его носом, если бы пододвинул свое лицо еще на пару сантиметров ближе. Кроме него в комнате находились четыре бойца в комбинезонах, схожих с нашими, расположившихся у стены. На стене напротив них висел белый экран. Слайды будут показывать? Солдаты занимали четыре стула в первом ряду своеобразного кинотеатра, второй же ряд, видимо, предлагалось занять нам.

В это время Ева покорно стояла и ожидала, пока профессор Конюхов оторвется от экрана. Но тот нашего присутствия как будто и не заметил.

— Ставлю двадцатку, что это тот самый «умник», — прошептал я стоявшему слева от меня Змею.

— Мы все здесь люди неглупые, — неожиданно звонко ответила Ева, услышавшая предназначавшуюся Матвею фразу. Последний меня ответом не удостоил.

Бойцы на первом ряду переглянулись и одобрительно заулыбались. Мне тоже не оставалось ничего, кроме как виновато развести руками и расплыться в улыбке. Ну и раз уж впечатление обо мне и так слегка подпорчено, я без зазрения совести протиснулся между командиром и Ехидной, после чего примостился на дальнем от входа стуле во втором ряду.

Игнат набрал воздух в легкие, то ли чтобы отчитать меня за неподобающее поведение, то ли чтобы наконец заставить профессора оторваться от монитора. Но громкий голос Евы вывел его из задумчивости, и он поднял на нас глаза и рассеянно затараторил:

— Ээээ... новый отряд прибыл, значит... кхм... так, это мне нужны будут слайды с четвертого по семнадцатый... и где они вообще хранятся... вы, это, присаживайтесь, господа, — наконец обратился к нашему кваду Конюхов, после чего продолжил тараторить и вновь влез с головой в экран.

Пока профессор буравил взглядом компьютер, а наши бойцы рассаживались, я старательно делал вид, что не замечаю недовольного взгляда командира. Может передо мной и профессор, гроза российской науки и просто хороший человек, но до следующего разрыва осталось мало времени, которое вместо инструктажа тратится на школьные презентации. Со сломанным проектором.

— Эй, — обратился я вполголоса к сидящему передо мной бойцу, тронув его за плечо, — я Свят. Долго инструктаж продолжается?

Тот повернулся ко мне со скучающим видом и ответил:

— Эрик. Профессор минут пятнадцать не может найти слайды. Но каждые пятнадцать минут проведенные в этой комнате ощущаются как семь лет, чтобы ты знал.

Эрик полу-валялся на стуле, но он чем-то напоминал мне тех ученых, которые курили у

входа на базу. Небритостью и усталым лицом, навверное.

— Слушай, Свят — сказал мне Эрик еще сильнее понизив голос, — вас Мельников в курс дела ввел?

— Да, — односложно отреагировал я.

— Хорошо. Тогда с основной проблемой вы поверхностно знакомы. Если через пятнадцать минут Конюхов не объяснит нам задачи, то придется выдвигаться без плана.

— Даже так, — удивился я, — а чего с ним все носятся, если не секрет?

— Гений же, — буднично ответил Эрик.

Странно, никогда не слышал о нем. С другой стороны, последние четыре года я вообще не интересовался наукой, сосредоточившись лишь на восстановлении магии. А еще меня много и сильно били по голове.

Я невольно перевел взгляд на Василису, которая поджала ноги и со смиренным видом ожидала инструктажа. От воспоминаний о зубодробительных временах академии заныли скулы.

— Сергей Михайлович, — обратилась Ева к профессору, — я могу идти?

— Кхм... конечно, конечно, — оторвался Конюхов от монитора и поднял глаза на девушку, — вы свободны. Прошу до завтрашнего утра заполнить те бланки, что я вам передал.

Ева кивнула и покинула комнату. Профессор на несколько секунд завис, смотря в одну точку перед собой, а затем поднялся со стула и вышел вперед, встав перед нами.

— Кхм... господа бойцы. Собственно, я не смог найти необходимые нам слайды. Но обойдемся без них, — начал говорить Конюхов, скрестив руки на груди, — нас ждет экспедиция... то есть наблюдение за редкими образцами на территории парка. Я, значит, отправил вашим командирам маршрут. Вы его получили?

Игнат и Эрик одновременно достали небольшие планшеты и после нескольких секунд подтвердили, что получили карту с маршрутом вылазки.

— Можете вывести маршрут на экран? — спросил Конюхова Эрик.

— Я, собственно, не очень уверен... — начал было профессор, но светловолосый парень из отряда Эрика не выдержал, молча встал и пошел копаться в компьютере Конюхова.

— Там секретная информация, молодой человек! — запротестовал было профессор, но через тридцать секунд на экране на стене появился тот самый маршрут, который Конюхов направил командирам, и боец вернулся на место. Вот и презентация.

— Благодарю сердечно, — сказал профессор, после чего сделал несколько шагов в сторону, чтобы экран было видно всем бойцам, и продолжил, — Так, значит... нас ждет экспедиция в один из районов парка Сусва. Учитывая сезонную миграцию антилоп, мы задержимся на одном из участков. Этот участок — место старого лагеря нашей исследовательской группы на опушке леса, ныне пустующего. Единственное строение в том лагере было демонтировано. Затем конвой последует до второго участка, обозначенного на карте, и исследовательская группа сможет настроить оборудование, чтобы обнаружить местоположение необходимых нам образцов. Кхм...

Профессор ушел в себя, и я решил лучше присмотреться к карте. Первая точка, обозначенная как «временный лагерь» находится на северо-западе парка Сусва, у самой границы охраняемой Иностраннным корпусом территории. Маршрут туда не сильно отличается от местности, по которой мы добирались от КПП после деревни до базы геологического общества. Проблемой будет полное отсутствие даже намека на дорогу или

тропу.

На карте обозначены маршруты патрулирующих двоек солдат Иностранного корпуса, но все же во время прошлого нападения искателей помочь они были не в состоянии. Если разрыв снова случится за границами контролируемой территории, можно смело прогнозировать повторение прошлого инцидента.

Тут и так солдаты ИК под каждым кустом, стягивать больше техники или бойцов командование не рискнет. Удар по репутации в виде группы наемников, которые периодически обскакивают целый корпус, развернутый в Кении, Российская империя может и не потянуть. Еще большой вопрос в том, знает ли император конкретно об искателях. В конце концов, ему всего восемнадцать. Это я официально старше него на два года, но неофициально прожил уже добрые тридцать лет. Долой кризис среднего возраста.

Второе обозначение на карте — овал, охватывающий примерно шесть километров. Территория немаленькая, особенно учитывая тот факт, что в этот раз выделена местность исключительно за границами парка Сусва. Значит патрули нам не помогут. Но добираться все равно придется через лес. Хорошая новость в том, что после первой остановки исследовательской группы и выхода за пределы охраняемой зоны лес заканчивается и довольно резко сменяется саванной. Значит, пойти туда, знаю куда, и найти то, не знаю, что, будет проще. Если, конечно, данные геологов верны.

— Профессор, давайте начистоту, — вырвал меня из размышлений Игнат, — я привез отряд на особо охраняемый объект, а вы мне говорите, что мы за птичками поедem наблюдать.

— Почему же за птичками? — ответил ему Конюхов, слегка поморщившись, — за теми же обезьянами, например. В пещерах есть место, где собираются обезьяны по ночам. Местные называют его обезьяньим парламентом. Очень любопытное явление, знае...

— Достаточно, — резко прервал Конюхова командир. — Здесь все давали присягу. Чем честнее вы будете, тем больше бойцов вернутся домой. Живыми. Если вы думаете, что сработают привычные недомолвки и полуправды, то вы ошибаетесь. В последний раз ваших же людей едва смогли отбить от искателей. Такими темпами в империи закончатся не только отряды быстрого реагирования, но и геологи.

— Я вас прекрасно понимаю, — тяжело вздохнул профессор.

Он опустил плечи и несколько секунд рассматривал свои ботинки. В этот момент его хаотичная энергия улетучилась, и перед нами стоял уставший седой старик.

— Вы тоже меня поймите. Я подписал бумажек больше, чем вы за свою жизнь прочли и читаете. Куда ни плюнь, все вокруг секретное. Или совершенно секретное. А я ведь говорил Костику, что мы все просрем такими темпами....

Профессор потер виски и вернулся на свое рабочее место.

— Что касается задания, — начал он говорить, когда устроился поудобнее, — то это, конечно, очередной разрыв. Вы не дети, все сами прекрасно понимаете. Мельников тоже лезет под руку, герой нашего времени. В прошлый раз наша группа с трудом справилась с искателями. Они поджидали на месте разрыва. Доступа к отчетам вашей конторы я не имею, но и дураку будет понятно, что часть искателей все-таки попала в разрыв. Поэтому тут еще как посмотреть, кто на кого напал, а кто оборонялся...

— Можете что-то сказать об опасности самих разрывов? — уточнил Игнат.

— То, что в них ни в коем случае нельзя входить, — ответил Конюхов. — Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах. Я понимаю, что это как будто дверь и вам очень

любопытно, что же за ней находится. Авторитетно заверяю, что другая сторона вам не понравится. Все сказки, что заходишь внутрь кощею, а выходишь богатырем — это сказки. А в них намек, что в жизни все наоборот — заходишь богатырем, а выходишь кощею.

— И зачем туда лезут искатели? — спросил Эрик, скучающий вид которого словно испарился.

— Этого вам, молодые люди, знать не положено, — сказал профессор и откинулся на спинку стула, — ровно как и скромным геологам не положено знать, как искатели устанавливают место очередного разрыва точнее нас. Мельников ко мне докладывать не ходит, как обстоят дела с их поимкой. Потому что результатов нет. А я ученый, а не солдат. Доктор наук, между прочим. И уж об искателях мне вам точно сказать нечего. Не потому, что не хочу или не могу. Потому, что просто не знаю.

— Тогда можете сказать, — решил попытать удачу уже я, — почему вообще возникают разрывы?

Профессор смерил меня долгим взглядом, но молчать не стал:

— Все прекрасно понимают, почему они возникают. Все из-за конструкторов Древних. Но даже само название — просто решение одного из ученых хоть как-то назвать найденный им кристалл неизвестного происхождения, формы и состава. Кристалла размером с многоэтажный дом, попрошу заметить. С огромной магической силой, заточенной внутри него.

Неудивительно, что профессор являлся доктором наук. Параграфы его текстов можно было уместить в два-три предложения по существу.

— Эта магическая сила и вызывает разрывы в пространстве в непосредственной близости от конструкта. Проблема заключается в аномальной прочности кристалла из-за чего крайне сложно получить образцы, которые позволят в точности указать на его природу, — продолжал тараторить без умолку мужчина, не обращая внимания на мой скучающий взгляд, — И вместо сотрудничества между странами, обнаружившими конструкт на своей территории, научное сообщество просто раскалывается на части. А империи просто все засекречивают. Мы можем быть как первый маг огня Прометей, подаривший людям силу одной из магических стихий! А мы до сих пор не можем понять, какая древняя цивилизация оставила нам конструкты. И существовала ли эта цивилизация вообще.

Конюхов вновь тяжело вздохнул и выпрямился в кресле.

— Кхм, господа солдаты, — продолжил он прежним сбивчивым тоном, — у вас будет время составить план конвоирования научной группы и оборудования. Я покину вас и подготовлю своих людей. Разрыв прогнозируется... эм... в указанном на карте районе с двадцати-двух вечера до полуночи по восточно-африканскому времени [25]. Значит у вас осталось время на обсуждение деталей с... кхм... коллегами. Я вынужден откланяться.

Профессор выключил компьютер, поднялся из-за стола и направился к выходу.

— Обсудим детали операции? — обратился Эрик к Игнату, после чего встал со стула и достал планшет.

[25] Восточноафриканское время совпадает с Московским (GMT+3).

Составить план с учетом всех вводных со стороны геологов оказалось несложно. Основная проблема, как я уже раньше заметил, состояла в том, что искатели точно будут ожидать нас за территорией парка Сусва. И ни один патруль не сможет поучаствовать в операции, если разрыв случится именно там.

Думаю, что так оно и будет. Поэтому две группы патрульных были привлечены к заданию: их целью было патрулирование территории вокруг первой остановки конвоя. После этого геологи планировали запустить оборудование и отследить точное местонахождение разрыва. Который еще и случиться мог в нескольких километрах от нас. Хотя Игната и Эрика уверили, что ученые точно засекут вспышку магической энергии, исходящую от разрыва, после чего отыскать его станет гораздо проще. Нашей же задачей была защита от искателей.

Честно говоря, я не до конца понимаю их мотивацию. Они вряд ли смогут потянуть полномасштабную войну с Иностранным корпусом, если продолжат нападать на наши отряды. Не уверен, что попадание в разрыв, куда профессор Конюхов наставлял не лезть, стоит того. Хотя, шут его знает, может быть и стоит.

Так или иначе, колонна состояла из четырех автомобилей. Поскольку Змей целитель, а у Эрика в отряде есть маг земли, было решено отправить их джип в авангард, а наш расположить последним. Две другие машины везли геологов и их оборудование. Кроме того, Игнат предложил совершать остановки с периодичностью раз в километр, чтобы разведчики двух квадов, то есть я и белобрысый знаток компьютеров с интересным позывным Отелло, могли заняться своими прямыми обязанностями — исследовать местность вокруг на предмет противника.

Именно Отелло был стихийным магом в отряде Эрика, поэтому я в который раз пожалел об отсутствии хоть каких-нибудь магических способностей. С другой стороны, я уже привык полагаться на оружие. И помощь Змея.

К своему удивлению, я разглядел в группе ученых два знакомых небритых усталых лица. Оба куривших у входа в центральное здание геолога были приписаны к исследовательской группе. Кроме того, заметил, что у каждого из них было оружие: пистолет в кобуре на поясе. Другой вопрос в том, как они этим оружием пользуются. И хотя я надеялся избежать перестрелки, в то, что искатели в этот раз отступят, я не верил. А верил в старый добрый «Волнорез» и «Свирель».

Четыре автомобиля следовали по маршруту согласно принятому ранее плану. Каждый километр колонна останавливалась, а я мог видеть недовольные лица геологов, которые следили за двумя исчезающими в кустарнике фигурами. Кроме этого, время близилось к полуночи, и как я так и Отелло использовали приборы ночного видения. Несколько раз с нами на связь выходили патрулировавшие лес двойки солдат, докладывая о спокойной обстановке и отсутствии угроз.

— Все чисто, — повторил я, забираясь на заднее сиденье джипа.

— Подтверждаю, угроз не обнаружено, — доложил Отелло, вернувшийся к своему отряду.

Это была последняя остановка перед лагерем, до которого оставалось доехать восемьсот метров. Мы с разведчиком Эриком прочесали лес вокруг, но ни одного признака противника

не обнаружили. Что логично — ждать искатели должны у разрыва пространства, до которого от первого лагеря, где мы сделаем остановку и геологи смогут настроить оборудование, еще нужно будет добраться.

Пока снаружи был лишь ночной африканский лес: я слышал пение птиц, отдаленный хохот гиен и приглушенные крики обезьян. Не знаю, началось ли в парламенте очередное заседание по вопросу правильного способа поиска блох, но звуки ночного леса никак не намекали на присутствие хищников. Или инородных элементов в виде вооруженных искателей.

Колонна из четырех машин продолжила путь. Василиса вела джип с небольшой скоростью не только из-за нашей позиции в арьергарде, но и из-за самого маршрута, пролегающего через раскинувшийся в кратере вулкана леса. Мы медленно, но верно приближались к лагерю, я же напряженно всматривался в округу, окрашенную для меня в зеленоватые цвета из-за прибора ночного видения.

Судя по тому, как лес постепенно начал редеть, до лагеря на опушке оставалось недолго. Деревья и кустарник все еще не позволяли двигаться быстро, но, думаю, днем отсюда открывается хороший вид на место нашей скорой остановки. Я проверил каждый куст с правой части автоколонны вплоть до опушки, пока колонна стояла, а Отелло взял на себя левую часть леса. Угроз мы не обнаружили. Может, пронесет?

— Всем машинам стоп! — хрипло сказал Змей в рацию, вцепившись левой рукой в сиденье перед ним, которое занимал командир.

Я перевел взгляд на Матвея, который обычно выглядел собранно и отстраненно. Но сейчас он заметно напрягся, закрыл глаза и шумно втягивал воздух носом. Колонна остановилась, последовав команде Змея. Я поудобнее перехватил «Волнорез», лежавший на коленях, и заметил, что Леший даже не смотрит на Матвея, а вглядывается в окружающие нас заросли.

— До цели триста метров, — сказал в рации Эрик, — что там у вас?

— Тише, тише... — негромко ответил Матвей, — пахнет... кровью?

— Всем покинуть машины, мать вашу! — закричал в рацию командир, но было уже поздно.

В лесу, с левой стороны от колонны, полыхнуло. А затем мерные звуки кенийской ночной живности нарушил взрыв первой машины. Ее объяло пламенем за секунду, и от резкой смены красок меня ненадолго ослепило. Я забыл снять чертов ПНВ! Но Змей не дал мне закончить мысль и буквально вытолкнул меня из транспорта, после чего я сделал несколько шагов в сторону и свалился в какую-то яму.

ПНВ был уже снят, но нормально подготовиться к стрельбе мне не дали: после взрыва со стороны опушки в нас полетели автоматные очереди. Мысли о том, что по ту сторону баррикад могут тоже находиться люди, из головы выбило ударившим по шлему выстрелом.

— Святой, Змей, снимите чертову муху! — крикнул Игнат, чей голос я с трудом разобрал через рацию.

Справа застучал автомат командира, а от машины ученых послышались pistolетные выстрелы. Какими бы умелыми стрелками не были геологи, попадание из гранатомета им не пережить.

Глаза оправились от ярких красок, и я встал на колени, прикинув к прицелу винтовки. Вот тебе и «ночной прицельчик» Маслова, который «обязательно пригодится». Я успел заметить человеческую фигуру, прячущуюся в низком кустарнике у широкого ствола дерева,

метрах в ста пятидесяти от колонны. Но то время, что потребовалось моим глазам, чтобы восстановиться после яркой вспышки, ублюдок в лесу потратил на то, чтобы зарядить гранатомет. Я почувствовал сильный удар в ребра и в шлем, но успел вдавить курок. В тихом африканском лесочке разверзся филиал ада на Земле.

Но еще до того, как мои выстрелы достигли цели и фигура завалилась в те кусты, где она до этого пряталась, в сторону колонны полетел еще один снаряд. Меня еще раз сильно ударило в бок, сбив дыхание и прострелив ребра резкой вспышкой боли, и я завалился обратно в канаву, переводя все внимание в сторону опушки леса. В это время снаряд попал во второй автомобиль и тот взлетел на воздух.

Однако я заметил, что ученые уже высыпали наружу и сейчас валялись по оврагам, определенно сожалея о назначении в эту группу. Тем не менее, один из них периодически поднимал пистолет над головой и выпускал несколько выстрелов в сторону противника. Вряд ли он сможет кого-то достать, так что за работу нужно приниматься мне.

Видимо, такие же мысли были и у Отелло, который вылетел из первой машины, объятый пламенем. То, что это он, нет никаких сомнений. Маг земли выжил, успев зачаровать свое тело укреплением, которое позволило пережить взрыв. В каком состоянии — вопрос другой.

— Двое противников на четырнадцать по направлению колонны, — услышал я голос Игната в рации.

Не став дожидаться, пока Отелло начнет активный заклинательный процесс, я поймал в прицел одного из противников на четырнадцать часов. Он яростно поливал автоматными очередями правую сторону автоколонны, где расположились остальные бойцы моего отряда. Плавное нажатие и его автомат больше не участвует в ночном светопредставлении. Товарищ убитого мною противника завалился на землю еще до того, как я успел нажать на курок. Либо Леший, либо Ехидна его достали.

Я успел убрать еще одного бойца, пока белобрысый маг не пришел в чувства и не начал колдовать. Отелло был легкой мишенью на фоне горящей машины, но, кажется, его это не заботило. Он сделал несколько резких движений руками, после чего слева от него буквально начал вырастать небольшой холм.

В этом лесу хватало возвышенностей и низин и сложно сказать, у кого из нас было преимущество, ведь и мы и противник могли укрыться в многочисленных ямах и оврагах. Но Отелло создал преграду для защиты геологов, которые все как один высыпали именно в левую от колонны сторону. правильное решение. Только теперь мне придется перебираться на другую сторону колонны, от которой осталось всего две целых машины, к своим бойцам. Что я и сделал, ползком добравшись до своего отряда.

— Снял одного на... — кого точно убил командир, я разобрать не смог.

Лешего не было видно, но короткие очереди его автомата из зарослей давали понять, что он жив. А затем через оптику я увидел Змея и Ехидну в нескольких десятках метрах от нашего джипа. Они укрылись за одним из деревьев, из-за которого Вася изредка делала несколько выстрелов. В это время Змей колдовал над ее правой ногой. Левая ладонь Змея была охвачена мягким светом. Видимо, они укрылись за деревом, чтобы не стать легкой мишенью.

Пока я ползком пробирался дальше, чтобы занять позицию у одного из деревьев, со стороны опушки послышался грохот и шипение. Я быстро поднял глаза и увидел, как в укрепленное тело Отелло попадает небольших размеров ледяной кристалл. Там водяной маг.

Быстрыми выверенными движениями я приготовился к стрельбе, но заниматься поиском приоритетных целей было некогда. Пусть магом занимается Отелло, в нас же до сих пор летят пули. Я нажал на курок еще три раза, выпуская короткие очереди, после чего сменил магазин. В это время Отелло успел бросить несколько заклинаний в сторону противников, в него самого магией больше не попадали.

Двое искателей, если это были они, еще продолжали стрелять. Но маг земли вновь поднял руки и в них на огромной скорости полетели несколько крупных камней размером с тележку. Когда грохот улегся, Отелло свалился на землю. Но и выстрелы прекратились. Кажется, это конец.

Я до боли в глазах всматривался в прицел, оценивая обстановку, но ни одной фигуры и ни одной вспышки разглядеть со стороны опушки не получилось. В этот момент справа из кустов вылетел Леший, который низко припадал к земле, но двигался стремительно.

— Святого вижу, Ехидна и Змей, доложите обстановку, — Игнат звучал и двигался уверенно.

— Змей на связи, — услышал я знакомый усталый голос в рации, — Ехидна ранена, я стабилизировал ее состояние.

— Принял, на вас геологи. Святой, там был стихийный маг, и он нужен нам живым, — первая фраза была адресована нашему целителю, а вот вторая уже мне.

В этот момент боль в ребрах вернулась резкой вспышкой, и я ощутимо скривился. Командир не заметил моей мимики в темноте. Или сделал вид, что не заметил.

— Принял. Выдвигаемся, — ответил я, начав движение за командиром, припустившим в сторону опушки леса, до которой мы до нападения так и не добрались.

Судя по тому, что их стихийный маг почти не участвовал в сражении, не считая пары брошенных ледяных осколков или кристаллов, сил у него не очень много. Надеюсь, это из-за низкого ранга. Иначе острая боль в районе ребер станет последним чувством, которое я испытаю при жизни. А я бы предпочел перед смертью хотя бы потискать Фэйт.

Мы выбрались на опушку и обнаружили несколько тел, разбросанных ближе к ее краю. Видимо некоторые бойцы противника были ранены и пытались отступить дальше в лес, но жизнь их покинула. Либо их просто добились, но разбираться детальнее времени не было. Маг мог уйти далеко, в теории даже добраться до границы парка, до которой от этого лагеря было меньше километра пути.

Я быстро проверил комбинезон с правой стороны, проведя рукой по ребрам. Ответом мне была вспышка боли и густые следы крови на ладони. Если Змей и успел повесить на меня какую-то защиту, она вряд ли могла продержаться долго или сдержать несколько прямых попаданий. А то, что какие-то из пуль пробивали броню, я даже не сомневался. «Ласточка» — ширпотреб, которое разве что пистолет не пробьет. Зато теперь я могу пожинать все плоды скоростного движения по пересеченной местности. Такого важного для разведчика.

Но рисковать лишний раз не стоило. Мы рванули по окраине опушки, огибая ее по дуге. Я изо всех сил старался не стонать, но пару раз мне не удалось сдержать себя. Когда мы добрались до противоположного края лагеря, командир замер, вскинув автомат. Я опустился на колени и начал вглядываться в редяющий лес, стараясь найти человеческую фигуру среди деревьев.

— Чисто, — пришлось признать мне.

— Чисто, — дублировал мой ответ командир, — думаешь, он двинул к шоссе?

Интересный вопрос. Есть два варианта развития событий. Если маг не был ранен и не потратил много сил, то он мог быстро добраться до границы охраняемой зоны и пересечь ее также, как до этого он пробрался сюда. И протащил целый отряд, несмотря на ловушки, камеры и патрули. В таком случае гоняться за ним не имеет смысла. Да и я скорее свалюсь от потери крови, чем пробегу этот полумарафон до шоссе ВЗ.

— Либо он сорвался и уже удрал, поджав хвост... — начал я свою мысль, продолжая вглядываться в окружающие нас деревья.

Второй вариант — маг ранен. Или потратил много сил в сражении с Отелло. Поскольку я видел лишь один обмен заклинаниями между белобрысым и беглецом, то рассчитать, сколько энергии оба потратили на обмен любезностями, не в состоянии.

Но в таком случае он не мог уйти далеко. И точно не стал бы выбираться на дорогу. Во-первых, до нее идти несколько километров. Может, восемь или девять. Во-вторых, вокруг дороги пустынная саванна, а не лес. Лес заканчивается примерно там же, где начинается огражденная Иностраннным корпусом территория парка. Значит, волшебник должен затаиться где-то в лесу. Причем недалеко.

— ... либо он сидит в этом чертовом лесу, — закончил я предложение.

— Понял, — безэмоционально ответил Леший, — тогда двигаем до границы. По прямой линии. Прочешем местность. После сдам тебя на руки Змею.

— И чего сразу Змею... — поморщился я. Все-таки заметил.

Мы медленно разошлись в сторону друг от друга, сохраняя дистанцию метров в десять между нами. Так легче заметить мага в какой-нибудь канаве и быстро прийти друг другу на помощь. Хотя лес уже заметно редел, ландшафт менялся незначительно: все те же невысокие холмы, кустарники и мох.

Мы двигались в таком темпе примерно десять минут, сохраняя тишину. Левая часть леса была условно на мне. Правая — за Лешим. Именно с правой стороны раздался звон, нарушивший утихнувший после выстрелов лес.

— Ложись! — я среагировал еще до того, как бросил взгляд на источник звука, падая на землю.

Я мельком заметил, как в сантиметрах над головой командира пролетает сосулька. Осколок, кристалл, шут его знает, что. Но рефлексы, вбитые в голову военной академией и долгими годами службы, только что спасли его жизнь. Вот надолго ли?

Сделав пережат в сторону, я застонал от боли в ребрах, но все же поднялся на одно колено и приложил винтовку к плечу. Краем глаза я заметил, как командир медленно, но уверенно ползет по дуге в сторону предполагаемого укрытия мага. Я принялся рассматривать одно из деревьев, из-за которого, как мне показалось, прилетело заклинание. Если маг решил выдать себя, значит сил на побег у него действительно не было.

— Эй, смертничек, — громко крикнул я, не сводя винтовки с широкого ствола дерева, — я пришел договориться!

Несколько секунд маг не реагировал. Я даже подумал, что он вовсе не обессилел, а уже успел добежать до имперской границы. Но затем услышал сиплый голос ровно из-за того дерева, метрах в пятидесяти от нас, за которым я наблюдал:

— Ближе подойди, — сделал паузу чародей, — и договоримся.

Спасибо, не надо. Ближе подходить не намерен. Я бросил взгляд в сторону командира, но его не было видно в кустах и траве. В этот момент у меня перед глазами поплыло, и я почувствовал, как начали дрожать руки: сетка прицела дергалась по сторонам.

— Выходи с поднятыми руками! — крикнул я чародею, сдерживая стоны боли.

— И никто не... — подал голос маг, но был прерван громким пистолетным выстрелом, который раздался в паре метров от него.

— А потом удивляются, почему именно «леший»? — пробормотал я, чувствуя, как слабеют руки и «Волнорез» падает на землю.

Следом и я свалился на жесткую траву. То ли Морфей, то ли Танатос наконец забрали меня в свои объятия.

Паршиво. Именно так чувствовал себя в следующие четыре дня после нападения на наш конвой. С одной стороны, я все время провел в лазарете, где маги-целители лечили меня. С другой стороны, целый квад просто сгорел заживо. Лишь у Отелло были какие-то шансы выжить. Небольшие, но были.

По крайней мере, мне так сказали. Я тоже мог бы отправиться в мир иной, если бы не Змей. Лишь очнувшись на кровати в палате на следующий день, понял, что Матвей накинул на меня то ли щит, то ли покров, который и не дал большинству попаданий покалечить мою тушку. Комбинезон же остался в неудовлетворительном состоянии, в отличии от его владельца.

Я восстанавливался довольно быстро, учитывая, что во мне не было ни капли маны. Целители в Иностранном корпусе знали свое дело. Правда я бы предпочел не узнавать этого на собственном опыте. Ранения и ожоги заживают, но шрамы останутся. Не только физически. Легко говорить, что на задании можно погибнуть и такова жизнь. Сложнее видеть смерть из первого ряда. Но за билет на тот свет искатели тоже отдали жизни. И тут у меня нет сомнений. И не будет. Если будет нужно, то я снова нажму на курок.

Есть свои, и есть чужие. И это не просто образ врага или пропаганда. Все намного прозаичнее. Выбор был сделан мной в тот момент, как я появился в этом мире, даже если этого не осознавал. Собственная смерть не пугает меня. Но одно дело лежать на больничной койке под иглами и ждать. И совсем другое — пули и заклинания. Смерть тех, кто находится рядом со мной — последнее, что я хочу видеть. Жать на курок удивительно просто, зная, что твой выстрел не только забирает жизнь, но и спасает. Получается, я в какой-то степени тоже целитель.

Дверь в палату неспешно отворилась и внутрь вошел мужчина средних лет в халате. Андрей Краснов, мой врач. Короткие волосы, средний рост, обычная комплекция. Такого человека можно было назвать серым, если бы не уродливый шрам, пересекающий его лицо от левого глаза до верхней губы. Не люблю их. Халаты в смысле, а не шрамы. Думаю, именно так выглядит повреждение от клинка. Скорее всего, по нему когда-то попали воздушным. Огонь оставил бы ожоги. И если бы не способности целителя, то такие повреждения для врача стали бы фатальными. Чудо, что удалось сохранить глаз.

— Так рады меня видеть, Святослав? — поинтересовался Краснов.

— Простите, док, — ответил я, — задумался.

— Ничего, это полезно, — с легкой улыбкой произнес целитель, проведя рукой по шраму. — Как себя чувствуете?

— Неплохо, — честно признался я. — Ничего толком не изменилось с утреннего осмотра. Бок почти не беспокоит. Скорее, надоело лежать в палате в бежевых тонах.

— Ну, это поправимо, — сказал доктор и поднял две руки ладонями ко мне.

Их тут же охватило легкое свечение. Видимо док начал колдовать что-то диагностическое.

— Бежевый успокаивает. Светло-зеленый тоже, — посоветовал врач, опуская руки. — Прогуляйтесь по парку. Завтра утром над вами поколкую.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Не за что, — проинформировал меня Краснов. — Вы просили проинформировать,

как Тельнов Олег придет в себя. Состояние критическое, и его все еще нельзя навещать, но он в сознании. Ваша коллега, Василиса Лавровна, интересовалась, когда вас можно навестить. Я благо разумно порекомендовал ей дождаться вашей выписки и не тревожить вас по пустякам. Кстати о них, удивительно удачно, что у вас в отряде есть целитель. Василиса Лавровна даже не нуждалась в стационарном лечении.

— Понял, — выдохнул я с облегчением.

Стоп. Как-как зовут отца Василисы? Лавр. Довольно редкое имя. Даже в конце прошлого века детей так уже не называли. Мне казалось, что она из простолюдинов. Из какого же она тогда рода?

— Ещё Ян Казимирович хотел зайти. Я скажу ему, что вы в парке. Мне пора поправляйтесь, — закончил разговор доктор.

Я лишь кивнул в ответ.

Краснов вышел из палаты, оставив меня киснуть в успокаивающих тонах. Хотя, утром настроение немного улучшилось. Во-первых, Отелло пришел в себя. Во-вторых, прогулки в парке были моей слабостью. Они вносили краски в монотонность рутины. Если бы не обещание пана зайти, то я мог назвать день неплохим. Ох, и достанется же мне от вояки. Я решил не тянуть и, воспользовавшись советом целителя, отправиться на прогулку.

Утро в иностранном корпусе встретило меня стеснительными лучиками солнца, нежным дуновением свежего летнего воздуха. Благо, погода позволяла обходиться без лишней верхней одежды, а дожди были довольно редким явлением. Вот и сегодня в такую погожую пору раненые выползали на медленную степенную прогулку по парку Ухуру.

Интересно, что название парка переводится как «свобода» и совпадает с именем озера на севере Кении на границе с Танганьикой. Военные трактовали формулировку вольно. Часть парка была освобождена и перестроена под нужды Иностранного корпуса. Оставшийся кусочек зеленого теперь представляет из себя несколько небольших прудов, соединенных дорожками и окруженных деревьями.

Я вдохнул свежий утренний воздух и двинулся к ближнему пруду, оставляя медицинский блок за спиной. То тут, то там на лавочках вдоль дорожки сидели солдаты корпуса, которые восстанавливались после ранений. Кажется, их больше чем обычно. Видимо, стычки с искателями не единственная причина боли, как головной, так и физической.

По сторонам слышались тихие голоса военных, так что обрывки разговоров доносились до меня:

— ... нет, ни за что бы столько за такую ерунду не заплатил...

— Да брось, по дешевке взял! Ты мне потом спасибо...

— ... шулер редкостный, постоянно подмешивает что-то в колоду....

— ... кости срослись, через пару недель на ноги встану. Моя мне уже все уши прожужжала. Вань, ну я же не маг, чтобы...

Проблемы, карты, семья. Обычная болтовня людей с большим количеством свободного времени. Пусть и вынужденного.

После попадания в госпиталь я и сам задался одним вопросом. Как же работает целительская магия? Если со стихийной более-менее разобрался и понял, то врачевание для меня оставалось загадкой. Обычный маг, скажем, базовых стихий, может пробудить магию несколькими способами. Во-первых, если у рода имеются техники и место силы, то это возможно сделать с помощью ритуала. Во-вторых, стихия может откликнуться вследствие

стрессовых обстоятельств, в которых окажется будущий волшебник. В-третьих, как исключение, у некоторых магов магия пробуждалась сама, словно по будильнику.

Если магия пробуждается с помощью ритуала, то дети чаще всего наследуют стихию родителей или семьи. Это понятно, так как происходит намеренный процесс. Второй вариант наиболее часто встречается у магов не стихийников. Целители, маги крови или иллюзий, как Трубецкой, зачастую пробуждают в себе силу, которая уже присутствует в них. То есть в их предков скорее всего были прецеденты со схожей магией. Выбирать в таком случае не приходится, так как разум и тело мага как бы тянутся, обращаются за помощью к крайнему средству внутри, и предугадать, какую силу они пробудят, трудно.

Мои мысли прервал разговор двух солдат на скамейке по правую руку от меня. Я услышал лишь отрывок, но и этого было достаточно, чтобы понять, что речь шла о моем приключении на горе Сува:

— ... слышал, да? — спросил первый. — Посольство заявление издало как раз, объявили, мол, было организованное проникновение на территорию парка... этими... как его... сомалийскими экстремистами... вот. Якобы несколько офицеров ранены. Погибших, мол, нет.

— Мне ж Муха говорил, — ответил второй солдат с хрипотцой, — что там ожоговых привозили на днях. Если с магом смахнулись, без жертв точно не обошлось. Все спрятать слона пытаются, от кого только?

— Мы ж и так все в корпусе знаем. Може не детально, конечно. Чать от люда прячут, а?

— Надолго не спрячешь. С прошлого месяца как пчелы слетелись, гады, — со злобой выплюнул хриплый голос. — Рыскают и все ищут где бы урвать наживу. Мочить их в сортире, никаких, б...

Я удалился от скамейки и больше не слышал продолжения разговора. Значит, бояться паники или не хотят выносить новости за территорию колонии. Что-то происходит на самом верху, а мы не жирафы — нам, солдатам, снизу не видно и волноваться не положено. Впрочем, я же только что о чем-то думал. А, точно!

Когда стихия пробуждается, то маг может почувствовать ядро и каналы внутри себя и течение магической силы вокруг. Ядро в большинстве случаев остается неизменным и может лишь незначительно увеличиться в размерах. Поэтому, когда говорят о талантливых магах, то имеют в виду размер ядра. Большинство магов всю жизнь развивают магические каналы и тренируются в ощущении и управлении стихией.

Я не знаю, как пробудилась магия у Святослава, но могу предположить, что раз он владел магией ветра, семейной стихией, то был проведен ритуал. Хотя я не уверен, было ли у Семьи Львовых достаточное количество ресурсов для всех трех детей. Ведь Маша все еще не может чувствовать ману, а о ритуале речи не идет. Вероятнее всего, Андрей Ростиславович знает больше, чем говорит.

Под мерное течение своих мыслей я обогнул ближайший пруд по дуге и, увидев скамейку под кронами деревьев, решил расположиться в тени.

Чем же тогда пользуются целители? Они могут провести диагностику, остановить кровь, закрыть раны или срастить кости. Это не первая помощь. Увольте. Целитель способен на многое, но, судя по Матвею, могу сказать, что использование магии буквально истощает их. Змей всегда бледный и сам не свой, будто не спал двое суток, после использования заклинаний. Или целители ими не пользуются?

Может, как-то визуализируют желаемый результат? Но на меня-то Матвей щит повесил.

Нужно будет спасибо сказать. И обязательно по возвращении в поместье уделить время не только книгам по стихийной магии, собранным Андреем Ростиславовичем, но и какими-нибудь томиками по целительной магии.

Справа из-за деревьев показался сухощавый силуэт, быстрым темпом направившийся в мою сторону. Жилистая фигура и прямая осанка так и разила дворянским воспитанием, резко контрастируя с выбритыми висками и офицерскими усами, будто создавая половинчатый образ одного и того же человека. Вот и Ян «Пан» Каземирович пожаловал.

Мы познакомились в первую неделю моей службы в Иностранном корпусе. Я только-только выпросил «Волнорез» у Маслова и часами пропадал на стрельбище, привыкая к оружию. Наверное, моя практика вышла Иностранному корпусу в копеечку, учитывая цену на патроны. Ну, или у Маслова есть скатерть-самобранка, что может быть не так уж далеко от истины. Во время перерывов я общался с другими офицерами корпуса и одним из завсегдатаев стрельбища был именно Ян.

В его жизни есть две страсти — магия и война. И в том, и в том он разбирался на славу. Пану очень приглянулась моя винтовка и он похвалил за выбор оружия. Чего нельзя сказать о моей броне. Иногда кажется, что у Яна глаза кровью наливаются при виде «Ласточки». И это не удивительно. Он родом из Гродно, но его семья большую часть времени живет в усадьбе рядом с городом. Селение, в котором находится поместье, по стечению неизвестных мне обстоятельств называется Святск. Поэтому к моему имени, да и прозвищу, вечно серьезный пан относится с легкой иронией.

В этом мире республика Беларусь не увидела свет, впрочем, как и просто Беларусь. Гродно находится в Польском княжестве, оттого Ян и получил свое прозвище. Ну еще, может быть, из-за густых усов, ставших его отличительной чертой. Говорить, а точнее спрашивать о семье в Иностранном корпусе не принято, но пан не скрывал дворянского происхождения. Хотя его фамилия мне неизвестна. Как-то не спрашивал. А еще, несмотря на то, что пан был явно не старше сорока, волосы на его голове были седыми, как свинец.

Мы с ним вообще чаще о магии и оружии говорим. Ну в моем случае об отсутствии первого, хотя пан утверждал, что либо я обновляю комбинезон, либо восстанавливаю магию, иначе каждую миссию как смертник. Третьего не дано. И в первой же серьезной перестрелке «Ласточка» подвела, а Ян оказался прав. Вот только одного он не предусмотрел. Я свою жизнь ценю. Иногда не очень берегу, но здоровое тело, пусть и со шрамами, меня полностью устраивает. Помереть всегда успею.

Правда более современные модели легкого комбинезона стоят приличных денег. Не у Маслова ж выпрашивать японца, как у Змея или американца нового. Да и нет у него, он же не Мидас, чтобы чудеса российской экипировки превратить в «Рису» [26] или «Комори» [27]. Эти комбинезоны, прозванные у нас «Белка» и «Мышь», последняя в оригинале летучая, — кстати, стоят как автомобиль премиум класса. Мне они не по карману, да и доставка в Кению предметов экипировки добавит расходов.

Пан служит в штабе, и в полевых операциях принимает участие редко. Должно быть тяжело находиться не на передовой, вот и пытается узнать все из первых уст.

— С боевым крещением! — поприветствовал меня Ян и протянул руку.

— Ага, — я ответил рукопожатием и кивком.

Пан полез за пазуху, явно пытаясь найти что-то. Через мгновение он достал плоскую серебряную фляжку с выгравированным орлом и короной на боку и протянул ее мне:

— Глоток, и даже не спорь!

Я принял в руки тару и отпил. Горло обжег крепкий алкоголь.

— Водка, — скорее утвердительно, а не вопросительно, произнес я.

— Она, — подтвердил Ян, убирая фляжку. — Не ваша Царская, а Выброва. Настоящее хмельное вино. Но я не об алкоголе поговорить пришел. Как себя чувствуешь?

Мне не понравился тон поляка, но я все-же ответил:

— Ничего, завтра выписываюсь.

— Хм, — хмыкнул пан и продолжил, — ну так объясни мне, будь добр, как вы умудрились просрать квад при встрече с сомалийцами? Один еле выкарабкался, двое ранены и это при встрече с пиратами. На суше, Свят. На суше! Они же ни черта воевать не умеют.

Тут я осознал, что пан просто не знает, что на самом деле мы попали под огонь искателей и столкнулись с их магом. И есть два варианта, почему ему это неизвестно. Первый — он истинно верует в официальные заявления от государственных служащих и игнорирует очевидные слухи, которые до него в штабе могут и не доходить. Второй — ему не положено. В обоих случаях я не уполномочен давать комментарии о настоящем ходе вещей. Приятельские отношения не повод разглашать секретную информацию. Точнее, полусекретную, но все же. Думаю, мне даже врать не придется.

Пан принял мое раздумье за чувство вины и неожиданно выдал:

Смерть наизноровь,

Ускоряет биение жизни.

Да прольется кровь.

Исполнится договор отчизне.

— Сильно, — отреагировал я с удивлением. — А когда это ты поэтом стал?

— А это и не мои стихи, — ухмыльнулся Ян и добавил тоном, не терпящим возражений, — не вешай нос. Моя кровь — мой договор, помнишь? Так что там произошло? Докладывай.

Я же выдал ему слегка отредактированную версию событий, подвергшуюся цензуре, так сказать:

— Конвой двигался от базы ученых по территории вулкана Сусва. В первой машине находился квад Эрика. Во второй — наш, — я слегка поморщился от воспоминаний о мертвом сослуживце. — Остановки производили каждый километр, для разведки окрестностей. Но до точки добраться не успели. У врага был гранатомет, первую машину взорвали за секунды. Короткий бой — все противники мертвы. У нас зацепили Ехидну, про Отелло сам знаешь.

— Все? — спросил Ян, изучая мое лицо пристальным взглядом серо-голубых глаз.

— Одного не догнал в лесу. Мага, — уточнил я.

— Бок где ободрал? — поинтересовался поляк.

— В песочнице играл, лопатку не отдавали, — отшутился я.

— Хм, — хмыкнул в ответ пан и добавил, — двигайся.

Я подвинулся, освобождая справа место для товарища. Я же воспитанный, меня учили уступать старшим. А тут и возраст выше, кто не знает, примет со спины за старика, и звание. Все же Ян хоть и штабной последние несколько лет, но до звания лейтенанта дослужился. Мы немного помолчали.

— Полетал? — спросил ехидно Ян.

Я же сразу понял, что он опять примется за старое.

— Ага, сбили на взлете, — съязвил я. — Ласточки вообще не отличаются умом и

сообразительностью.

— Точно, — поддержал мою иронию Ян. Ну или сделал вид, что не понял. — Ну не делают в России хороших легких комбинезонов. Не делают.

— Так и в Польше легкими вроде не занимаются, — парировал я.

— А ну не спорь, — шуточно показал мне кулак поляк. — Возьми японцев, например. Так у них даже средненькие модели, хоть те же «Така» [28] солидные: пули держат на уровень выше. Кевларовые пластины с синтетическими уплотнителями, а не бронежилет и каска. Добавь десятку, и ты вообще получишь модель с полимерными уплотнителями, так еще и кустарно можно улучшить хоть в той же Польше. Были бы компоненты и желание. По чертежам «Стрелец» сделает все как надо. И это я все еще говорю про легкие комбинезоны.

«Strzelec» — это один из заводов польского оборонного комплекса. Переводится как стрелок, но, как и в случае со многими созвучными словами, его название начали произносить на русский манер как стрелец. Он, если мне не изменяет память, находится под Белостоком, что расположен на северо-востоке от Варшавы.

Польская военная инфраструктура в основном располагается в центральном регионе, вокруг столицы, так что Стрелец слегка выделяется географически. К тому же, пан так часто упоминает именно этот завод, так как именно Стрелец занимается исследованиями и модификациями как брони, так и оружия. Своеобразный исследовательский центр под личиной военного производства.

— Легкие? С уплотнителями? — спросил я. — Пан, там вес-то какой со всеми модификациями? Ты же знаешь, что те самые чертежи, вокруг которых ты так ловко лавируешь, на эти комбезы не достанешь. И эта «средненькая» броня обойдется тысяч в двадцать пять. И это без улучшений.

— Весит он, базовый, килограмм десять. Да, на грани, так как вес с улучшениями может удвоится, но это не так критично. Вот цена, да, кусается. — признал поляк. — Зато тебя никто больше за бок кусать не будет.

— Пан, когда всем раздавали деньги, я стоял в очереди за храбростью, да и там опоили, — иронично ответил я Яну.

— Понимаю. Но ты мог бы связаться с родом, — предложил свое обычное решение поляк. — не должен дворянин носить ласты. Не должен. Ты будущий наследник.

— Ага, — флегматично заметил я и не стал поправлять собеседника. — Ты бы с таким энтузиазмом меня по теории магии погонял. Мне, может, только вводных не хватает, чтобы решить проблему. Спасение утопающего, так сказать.

— Давай так, — неожиданно предложил Ян, — Есть у меня один вариант. Сейчас в Польше специалистов одной конкретной профессии днем с огнем не сыщешь. Там больше предпочитают проверенные варианты, которые либо стремглав сметает с полок империя, либо скупают оптом частники.

— Воот, а то всё... — начал было я.

— Обожди, — взмахом руки прервал меня лейтенант. — Сначала идешь к Маслову и трясешь его. Просишь поскрести по сусекам. Он, конечно, давненько поставок не получал, по крайней мере по бумагам, но может хранить что-нибудь в закутках. Под заказ. Жлоб.

— Что насчет магии? — деловито напомнил я. — На войне все средства хороши.

— Будет, — сухо ответил пан. — И с комбинезоном можем решить. Но это в крайнем случае. Буду ждать завтра, в десять, в малом тренировочном зале номер четыре.

— Завтра? — уточнил я.

— Ускорь ты выписку, — поморщился пан и спросил, — Кто лечит?

— Краснов, — ответил я.

— Этот отпустит. Попроси осмотреть. Скажет не бегать и не воевать, но выпишет. Тебе и не на фронт завтра. Малый тренировочный номер четыре, — повторил лейтенант и с вызовом добавил. — Если, конечно, придешь.

— Посмотрим, — ухмыльнулся я.

Ой, не понравился мне блеск в его глазах. Ничего хорошего он мне не предвещал. С другой стороны, если с Масловым не выгорит, то мне действительно понадобится где-то достать обновку. Не в железную же деву он меня засунет?

— Нечего тебе в магическом запасе отдыхать, — встал поляк и махнул мне рукой на прощание. — На том свете отоспишься. Бывай!

— Увидимся, — попрощался я.

Знал бы он, что я и так на том свете.

[26] Белка (яп.).

[27] Летучая мышь (яп.).

[28] Ястреб (яп.).

После разговора с поляком почувствовал, что возможность вернуть себе способность колдовать может занять еще больше времени. Точнее, не совсем себе, а тому телу, в котором я нахожусь. Если правильно понял, сгорание каналов случается довольно редко. Не знаю, насколько сильно помогут стандартные методы, и сможет ли пан хотя бы подтолкнуть меня в правильном направлении. С другой стороны, даже за те четыре года, что я провел в военной академии, мы почти не изучали и не занимались магией.

Конечно, были общие лекции, но конкретно тренировками со стихийной силой или, например, целительством маги занимались в индивидуальном порядке. А я чародеем и вовсе не являлся. Да и свободного времени как такового не было, учитывая четкий распорядок дня согласно старой поговорке «тяжело в учении — легко в бою». То короткое время, что я проводил дома, тело и разум требовали отдыха, а не скрупулезного изучения потаенных глубин библиотеки Андрея Ростиславовича.

Было ли ошибкой с моей стороны не изучать магию? Вопрос хороший. И ответ на него неоднозначный. С одной стороны, в мире, где архимаги оказались сильнее любого вида оружия массового поражения, не использовать что-либо настолько смертоносное кажется не самой умной идеей. С другой стороны, за двадцать шесть лет до переноса в этот мир я не чувствовал магию, ведь в моем мире ее просто нет.

А за четыре с половиной года в теле Святослава ситуация не поменялась ни на йоту: я до сих пор банально не ощущал ману, силу или энергию, как ее не назови. И хотя кажется, что зачастую в сражении солдата без магической силы и хоть сколько-нибудь стоящего чародея, скажем, выше первого ранга, шансов у магически неодаренного нет, на самом деле все не так просто. Чем сильнее маг, тем он своевольнее.

Про своенравность архимагов ходят легенды, которые я не раз слышал от других дворян в академии, как и про их малое количество. Как бы мне ни хотелось когда-нибудь стать сильным магом, передо мной всегда были проблемы более серьезные, чем что-то, чего я не вижу и не чувствую. Поэтому даже сейчас любое заклинание мне заменяет верный «Волнорез». Пусть не такой мощный, но не менее смертоносный.

Что касается возвращения магии медицинскими методами, общение с врачами также принесло немного пользы. Насколько квалифицированных специалистов не привлекал Андрей Ростиславович, итог любых обследований и тестов сводился к тому, что мне «потребуется длительный промежуток времени для восстановления».

Благодарю сердечно за такое удивительное открытие. Если и врачи, в том числе магически одаренные, не в состоянии оценить, сколько конкретно времени мне понадобится, чтобы ощутить ману, то и лично я предпочел сосредоточиться на насущных проблемах. В этом плане вполне можно довериться Яну, если уж он решил помочь мне вновь, ну или впервые (если быть честным с собой и отставить умения Святослава прошлого) ощутить магию. С такими мыслями я подошел к тренировочному центру, где мы договорились встретиться с паном.

Центр представлял собой трехэтажное здание с залами, кабинетами и аудиториями для проведения как тренировок, направленных на физическое развитие бойцов, так и лекций, брифингов. Офицерский состав имеет свободный доступ на территорию центра, поэтому я быстро сориентировался и направился в малый зал номер четыре, где поляк уже должен был

ждать меня.

Когда вошел в зал, пан сидел на складном стуле у дальней стены и со скучающим видом листал книгу в зеленой обложке. Помещение предназначалось для тренировок и учебных спаррингов без использования магии, поэтому представляло собой обычный спортивный зал с отдельным помещением для хранения необходимого для тренировок инвентаря. Судя по выбранному паном месту, возвращение магии воздуха в это брненное тело сегодня не планировалось.

— Ага, Святослав! — с энтузиазмом воскликнул Ян, услышав мое появление, и захлопнул книгу, которую держал в руках, после чего пружинисто поднялся на ноги. — Проходи, присаживайся. Стул я для тебя принес, сам во время занятий сидеть не привык.

Я подошел к поляку и пожал протянутую мне руку, после чего уселся на стул, в котором до этого находился пан.

— Судя по выбранному тобой залу, сегодня великой и могучей магией воздуха попользоваться мне не доведется, — ехидно заметил я, поудобнее устраиваясь и морально готовя себя к долгой лекции.

— Ну-ну, не все сразу, мой юный друг, — слегка улыбнулся поляк, после чего его лицо вновь приняло серьезное выражение, — ты же не думал, что сможешь разбрасывать людей направо и налево стихией воздуха, словно голосом?

Пан и не ожидал от меня ответа, поэтому сразу же продолжил, начав медленно ходить передо мной из стороны в сторону, делая медленные уверенные шаги в ритм его речи.

— Поскольку я твердо убежден, что врачи уже не раз обсуждали с тобой возможные сроки восстановления и прочую несущественную информацию, к ней мы с тобой сегодня возвращаться не будем, — пан на секунду остановился и выразительно посмотрел на меня, — лишь отмечу, что поддаваться упадническим настроениям не стоит. Магия это не... как вы там русские говорите, «не пирожки с картошкой», а нечто гораздо более сложное и деликатное.

— Не уверен, что кто-нибудь так вообще говорит, — ответил я, усмехнувшись.

— Возможно, — поляк на секунду отвел взгляд, словно задумавшись, после чего спросил меня: — но для начала мне было бы интересно узнать, что лично ты думаешь о магии.

— Эм..., — немного замялся я, начав припоминать текст учебника по общей теории магии, который я мельком прочитал на первом курсе военной академии, — магия — это поток маны внутри человека, протекающий от ядра по каналам, прямо пропорционально размерам которых увеличивается...

— Нет-нет-нет, — прервал меня Ян, помахав перед собой зеленой книгой, — меня не интересует, как определил магию доктор Антипов, меня интересует твое собственное представление о магии. Ты ведь не страдаешь от амнезии, значит, можешь сопоставить свой собственный опыт использования магии и нынешние ощущения.

— Кхм, — я ненадолго задумался.

Нет, конечно, я наслышан в самых ярких красках о дуэли Святослава с Суворовым, кроме того не раз был свидетелем использования магии другими людьми, но сам на ней никогда сильно сконцентрирован не был, хотя изредка и подумывал о ее природе.

— Мне кажется, что магия... чем-то похожа на алгоритм. С одной стороны, его исполнителем является человек, ведь магия происходит из нашего ядра и течет по каналам внутри нас, как кровь по венам. Тогда актуальным является вопрос, действительно ли магия

происходит именно из ядра? Почему она находится в спящем состоянии и активируется не с самого рождения? Хотя при выгорании каналов все кажется логичным: оно не способно пропустить магию через тело носителя и выбросить ее во внешний мир, значит пользоваться этим потоком энергии попросту невозможно.

Поляк не перебивал меня и продолжал слушать с ничего не выражающим видом замершей статуи эпохи Возрождения.

— С другой стороны, магия как наука, как мне кажется, базируется на десятках, если не сотнях аксиом, которые принято считать за устоявшиеся тенденции человеческой деятельности или за заданные в единственно возможном варианте последовательности, которые обязательно приведут к решению поставленной задачи, если возвращаться к сравнению с алгоритмом. Начальные условия у магов одинаковы, пути решения задачи очерчены, цели, если брать в расчет лишь магическую силу, идентичны — стать умелым ровно настолько, чтобы превзойти своих соперников. Вот только все как-то... линейно, что ли.

— Это все? — уточнил у меня Ян после короткой паузы.

— Ну... меня не пугают аксиомы, если честно. На них наука держится всегда и везде, как на синей изоленте. Просто по тем же учебникам создается впечатление, словно все предопределено. Как минимум, в магии разрушения. Конечно, к тем же вопросам ежедневно приходят люди и поумнее меня. Но если магия для человека выглядит как алгоритм, то в целом она напоминает мне бетонную стену. В которую эти самые умные люди долбят головой, пытаясь пробить небольшую брешь и наконец сделать шаг вперед. Совсем небольшой для человека, но колоссальный для всего человечества.

Между нами повисла небольшая пауза, но затем Ян продолжил медленно вышагивать из стороны в сторону и обратился ко мне.

— Интересный подход. Как ты верно отметил, далеко не новый, но все же неортодоксальный. С твоего позволения мы не станем говорить о магии чересчур... математически, если позволишь. В твоём состоянии размышления о линейности, разветвленности или цикличности бесполезны. Бесполезны и преждевременны.

Ян вновь бросил на меня взгляд, однако я продолжал сидеть и внимательно его слушать, не выражая никаких эмоций от размышлений пана.

— Что точно не преждевременно, это духовная составляющая магии. Твои мысли ранее в определенной степени верны. Магия — это не просто набор инструкций, а ремесло. Искусство. Если можно было заставить кого-то медикаментозно вернуться к стихии после выгорания, к примеру, то подобное бы широко практиковалось, — здесь я не сдержал своего удивления, которое поляк уловил в моем взгляде. — Да, не удивляйся. Врачи и целители могут сделать достаточно, чтобы помочь человеку вернуть контроль над маной после серьезных травм. Но ключевое слово здесь — помощь. И при твоих серьезных травмах эта помощь может быть... скажем, ограничена.

В целом, я и сам постепенно понимал, что поставленный диагноз «выгорание магических каналов» по сути ни на йоту меня не приблизил к приобретению способности ощущать некогда знакомую Святославу стихию. Судя по словам Яна, дело не только в том, что я путешественник из Новой Москвы, который никогда не сталкивался ни с какими каналами, кроме грязных речушек нижней части города из прошлого мира. Сложности добавляла еще и степень повреждений. Поэтому диагноз банально не вел ни к каким утешительным прогнозам и срокам восстановления.

— Поэтому я бы предпочел оставить за бортом твоей лодки и медицину, и точные науки, и чужое понимание сущности такой колоссальной силы, как магия. Не считая собаки, конечно.

— Какой собаки? — недоуменно уточнил я.

— Это метафора, — ответил поляк и улыбнулся краями губ, — а теперь к делу. По твоему мнению, как вообще появляется магия?

— Ритуал на месте стихийной силы, стрессовые условия или пространная по своей сути отговорка про неожиданное самостоятельное проявление, — быстро ответил я.

— Хорошо, — утвердительно кивнул Ян. — И опять по учебнику. Но здесь я тебя не виню. Это действительно три способа, известных большинству дворян. Как ты считаешь....

— А меньшинству? — перебил я не успевшего задать свой вопрос Яна.

— М? — вопросительно уточнил поляк, переложив книгу из правой руки в левую.

— А меньшинству дворян известны другие способы появления магии? — повторил я свой вопрос, немного наигранно приподняв бровь.

— Я знаю, что ничего не знаю... — спокойно произнес пан и сделал небольшую паузу.

— Но другие не знают и этого, — не преминул я приглашением дополнить услышанные слова концовкой известной мне фразы.

— Замечательно, — продолжил говорить Ян, — наше с тобой занятие или, если мне будет позволено так выразиться, беседа, пройдет согласно духу этого оборота. Само понимание того, насколько много человеку неизвестно, делает тебя если не мудрее, то уж точно более... сведущим. Ну или, как минимум, открытым к новым идеям. Как ты считаешь, как появилась магия?

— Не уверен, — открыто ответил я, — мне не довелось добраться до многих книг из доступных мне библиотек, поэтому представление о моменте появления магии в этом мире у меня пространное. Полагаю, что причина перекликается с известными ныне способами пробуждения магии: либо она спонтанно проявилась у кого-то из древних людей, либо к ее появлению привел какой-то ритуал. Возможно, мана уже спала в ком-то из людей и пробудилась из-за стресса или из-за влияния извне. После этого ее распространение стало вопросом времени.

— Действительно, — одобрительно отреагировал поляк, — вопрос изучения истории магии и того пути, который проделывает каждая из ее стихий или ветвей, если позволишь, чрезвычайно интересен. В данном контексте стихийная магия стоит особняком как самая изученная. Однако это не значит, что нам удалось отследить момент появления какой-то из стихий на поверхности планеты.

В контексте отдельно взятых регионов особняком стоит дилемма интерпретации. Можно ли считать, что древние люди оставили записи в виде легенд, баллад и саг именно о магии, или это лишь воображение историков? Могла ли, примера ради, Атлантида существовать на самом деле, исчезнув с лица Земли под напором магов воздуха? Мог ли Прометей принести людям стихию огня? Стал ли ящик Пандоры началом темной магии? Для кого-то это утверждения. Для меня это открытые вопросы.

— Потому что ты не веришь, что есть возможность найти момент и причину появления магии на Земле? — спросил я, положив ногу на ногу и поудобнее устраиваясь на стуле.

— Скорее всего, — ответил Ян, остановившись передо мной, — ведь этот момент не настолько важен. Важна интерпретация. Ты знаешь миф о Прометее?

Я слегка задумался, ведь в этом мире у меня не было времени окунуться в легенды и

мифы существовавших до нас народов. С другой стороны, совпадение многих реалий мира настоящего и прошлого прямо или косвенно подтверждались. Тот же Сократ, к примеру. Правда кто сказал, что здесь он не мог вести записи сам, наперекор тому, что в моем мире все учения Сократа дошли до нас через его ученика Платона, скорее всего уже через линзу философий последнего. Ладно, часть реальной истории этого мира будет совпадать с мифом из мира моего.

— Кхм, насколько я помню, — начал я, слегка прокашлявшись, — история довольно прозаична и печальна. Прометей украл огонь у Зевса, старшего из богов-олимпийцев, и передал его человеку. В наказание за подобную дерзость Зевс навечно приковал Прометея к скале, и каждый день орел прилетает к той скале и съедает печень провинившегося человека. И каждый день она отрастает вновь.

— Верно, — сказал поляк. — И как ты понимаешь эту историю?

Я вновь ненадолго ушел в себя. С подобными мифами я познакомился в первую очередь потому, что часто в детстве читал их сестре. Не сказать, чтобы усиленно занимался интерпретацией, но, как подобает ребенку, сестра задавала по два десятка вопросов на каждую сказку или легенду. Ответы на многие из них я не знал, как тогда, так и сейчас.

— Полагаю, что для людей поступок Прометея — акт добра. С точки зрения богов — это преступление. Измена. Проступок, который мог бы вознести людей до одного уровня с богами, чего последние не могли допустить ни в коем случае. Что же касается самого Прометея, то постигшее его вечное заключение оказалось для него предательством богов.

— Если Прометей своими действиями заставил верховного бога снизить до людских дел и наказать одного из смертных, что есть огонь, который он украл? — поинтересовался Ян.

— Интересный вопрос, — отметил я, обдумывая возможные варианты ответа. — Очевидным будет ответ: огонь, живущий маной людей. Та самая стихия разрушения, которой по сей день пользуются по всему миру, как и тремя другими стихиями. Тогда окажется, что столь сильное оружие, которое похитил Прометей, могло заставить Олимп содрогнуться. Люди же могли стать настолько сильны, что низвергли бы богов с их места и сами заняли бы их место, став вершителями собственных судеб....

— Лишь могучая стихия заставила бы их уподобиться богам, или дело в чем-то еще? — уточнил поляк.

— Не только огонь как стихия, — продолжил я после небольшой паузы, — но и искра как идея. Возможно, дело совсем не в том, что магия сделала бы людей сильнее богов. Она дала бы им возможность выбора. То, чем никто из них до этого не обладал. Дар Прометея мог заключаться в возможности чувствовать, думать и создавать.

— Значит, даром Прометея была сила? — спросил Ян, скрестив руки за спиной.

— Сама сила заключалась отнюдь не в магии, — ответил я. — А в свободе человека в противоположность этой самой силе. Свобода выбора оказалась камнем преткновения для богов, которые видели в людях не личностей, а болванки, наполненные смыслом по разумению и воле богов. Наказание за вопиющее преступление против привычного порядка мироздания не заставило себя ждать.

— Наказание богов мы обсудим чуть позже, — сказал поляк. — Что же касается свободы выбора, не является ли она наказанием для людей, созданным руками не божьими, но человеческими?

— В каком-то смысле, да, — я потер подбородок, формулируя свой ответ, — можно

сказать, что появившаяся свобода это вызов для человека. Вызов, который по своей сути нейтрален. Словно кроличья нора, упав в которую человек попадает в сказочный мир, где в ярких пряничных домиках ведьмы-людоеды варят в котлах детей, а в темных трущобах загнивающих заживо городов незнакомец неожиданно протянет тебе руку помощи. Ведь свобода, данная принесшим свою судьбу в жертву Прометею, — это великое добро для человечества. Но не каждый человек сделает морально правильный выбор.

— Довольно мрачная и сюрреалистичная картина. Может быть, эта свобода не стоила принесенных жертв, которые породили еще больше потерь для человека в будущем?

— Быть может, и не стоила. Но мне хочется верить, что не пустота внутри, заполненная навязанными всемогущими сущностями, толкает человека вперед. Не она заставляет нас действовать смело и мудро, совершать ошибки или первым делать шаг в неизвестность. Возможно, своя судьба, созданная чужими руками, принесла бы нам чувство удобства в предопределенности. Но свобода жить и умирать, любить и ненавидеть, ошибаться и прощать стоит всех принесенных жертв. Принесены ли они нами? Нет. Положим ли мы нескончаемое количество жизней на созданный для нас алтарь свободы? Несомненно.

— Что касается наказания, предопределенного богами, — заговорил Ян, вновь начав медленно ходить передо мной из стороны в сторону, — то для Прометея собственный путь не закончился смертью. Его обрекли на вечную жизнь. И на вечное страдание. Возможно, Прометей действительно принес на Землю силу магии огня. Возможно, вместо этого он дал людям искру. Свободу выбора. А возможно он сделал и то, и другое. В любом случае, ни один дошедший до нас рассказ о тех временах не подтверждает того, что магия не существовала до этого. Или что она начала существовать именно в тот период времени.

Пан продолжал неторопливо мерить шагами зал, периодически переключая книгу из одной руки в другую. Но пока мы с ним беседовали, выглядел поляк серьезно и на чтение не отвлекался.

— Поэтому нарисованная тобой картина выбора для меня риск, — продолжил Ян. — Риск в том, чтобы стать сильнее, умнее и проворнее других. Или оказаться за бортом движущегося вперед корабля жизни, где судьба больше не определяется богами. Она определяется людьми. Но если раньше, как ты выразился, «всемогущие сущности» определяли, что есть добро и зло или награда и наказание, то теперь, благодаря принесенной тысячами Прометеев жертвам и с помощью той самой искры, данной обретшим силу людям, подобная честь, если быть реалистом, или участь, если быть пессимистом, также перекочевала в руки людей.

Пока достаточно. Возможно, к теме выбора мы еще вернемся в дальнейшем. Теперь же время поговорить о божественном наказании. И здесь как никогда кстати продолжение известной тебе истории. Полагаю, что ты с ней знаком, не так ли?

— Да, знаком, — сказал я пану, который задал очередной вопрос, — продолжение истории — это легенда о ящике Пандоры. Не один Прометей заслужил наказание. Своими действиями он навлек гнев Зевса на все человечество. Поскольку тогда люди были сотворены богами, то верховный олимпиец создал девушку, Пандору, но не один, а при помощи других богов. Если честно, то я уже запомнил, чему ее учили другие боги, однако так или иначе не только главный из богов, но и другие олимпийцы поучаствовали в наказании людской дерзости.

— Действительно, — вмешался пан, слегка поправив волосы, — только создал ее не Зевс, а Гефест, смешав воду и землю. По странной не случайности эта история вовлекает уже три стихии. Кроме того, многие боги действительно преподнесли ей подарки: Гермес научил ее обманам и интригам, Афродита дала ей красоту, а Афина научила шить, словно в насмешку над людьми, что всегда шли за знанием о судьбе к сестрам Мойрам, одна из которых пряла судьбу, другая ее видела, а третья обрывала. Пандора же должна была исполнить роль одной из них, принесла великие несчастья на род человеческий. Зевс же и подарил ей сундук с всевозможными бедами, предупредив о том, чтобы та никогда не открывала его.

— Затем Гермес доставил ее на землю, предложив ее в жены брату Прометея Эпиметею, — продолжил я историю пана, — и тот, несмотря на все предупреждения брата, не смог отказаться. В первую очередь, из-за того, что побоялся отвергнуть дары Зевса и других богов, ведь за подобный отказ все человечество могла настичь страшная кара.

— Что случилось дальше? — спросил Ян.

— Пандоре стало интересно, и она открыла ящик, подаренный Зевсом, — продолжил я свой рассказ. — Все несчастья, заточенные в ящике, вырвались на свободу. Не было лишь надежды. Ведь Пандора успела закрыть ящик, не дав надежде вырваться и попасть к человечеству.

— Верно, это одна из версий этой истории, — неторопливо сказал поляк. — Согласно другой версии, Зевс спрятал в ящике не беды, а наоборот — все лучшее, что могло случиться с человечеством. Но вот беда — все хорошее вырвалось и покинуло Землю, ни капли не облегчив жизни людей.

— Надежда также осталась в ящике? — поинтересовался я.

— Именно, — ответил пан.

— Логично, — я быстро продумал такой вариант истории, — тогда получается, что все хорошее покинуло Землю, оставив людям лишь надежду на то, что благословение богов когда-нибудь вернется в наши судьбы. Но и в первом варианте все не настолько пессимистично: несмотря на все страдания, что приходится пережить человечеству, одну вещь боги никогда не смогут забрать. Надежду.

Ян остановился и отрывисто рассмеялся. Несколько секунд комната содрогалась от его смеха, а я недоуменно на него поглядывал.

— Вы, однако, оптимист, Святослав, — справившись со смехом,отреагировал поляк. — Прошу прощения, я смеюсь не над тобой. Просто интерпретация действительно слегка... жизнеутверждающая. Почему тогда вообще в ящике с проклятиями хранилась надежда?

— Сложно сказать, — честно признался я. — Возможно, Зевс решил так подшутить над

людьми. Или надежда предназначалась как одна из бед. Может быть, поэтому сейчас у нас вовсе не осталось надежды. Или написавший эту историю автор просто так решил. Мог же он просто так решить, верно?

— Верно, Святослав, мог. — ответил пан на мой вопрос. — Но вопрос в достоверности истории и роли магии в ней остается открытым. Пандора была не просто женщиной, а первой женщиной на Земле, созданной богами. И ее сотворили из земли и воды. Прометей же украл огонь. А беды по всему миру, ну или за его пределы, если верить другой версии событий, разнес ветер. Разве не удивительное совпадение с известными нам стихиями?

— Удивительное, — охотно согласился я. — Но на совпадение действительно не похоже.

— Не похоже, — сказал поляк, вновь перестав вышагивать по залу и остановившись передо мной. — Но я не просто так говорил с тобой об этих двух связанных историях. Твоя версия о том, что магия в какой-то мере похожа на алгоритм и имеет право на существование. И на адаптацию. Я бы адаптировал ее или перефразировал, если позволишь, следующим образом: для каждого человека магия — это свой личный алгоритм. Для тебя начальными условиями являются сгоревшие каналы и невозможность чувствовать ману. Целью должно стать возвращение магических способностей. А с путями решения задачи могу помочь как я, так и те же целители, о которых мы договорились разговор не вести. Пока что.

Я опустил обе ноги на пол и стал внимательнее слушать поляка.

— Фундаментальным же являются понимание и практика, — продолжил убедительно говорить Ян. — Не заучивание написанных три века назад основ, в которых несколько столетий меняются формулировки, но не суть. А интерпретация. Собственное видение того, что есть магия, и какие ее свойства тебе под силу использовать.

Я с грустью подумал, что пока мне недоступны вообще никакие аспекты магической силы. Видимо, нечто подобное Ян прочитал на моем лице, так как он покачал головой и тяжело вздохнул.

— О чем мы с тобой только что говорили, Свят, — чуть мягче продолжил говорить пан, — Ведь я не просто так с тобой разбираю эти истории из прошлого, которые ты оскорбительно называешь легендами. Ни одному человеку на земле неизвестно, когда зародилась магия. Я более чем уверен, что многие ее формы были безвозвратно утеряны за годы войн, голода и разрухи, которые появились совсем не из ящика, а стали делом рук человеческих. Поэтому духовная сторона вопроса имеет значение, хотя редкий доктор со мной согласится.

Не то чтобы его слова не имели смысла. За все четыре с половиной года, что я пробыл в теле Святослава, я даже не пытался приблизиться к использованию маны. Ее не было раньше, ее нет и теперь. Значит, так и должно быть.

— Даже говорящие о многом имена героев приведенной мной истории, — сказал Ян, — будь-то «всем одаренная» женщина, «предвидящий» титан, принесший человеку огонь, или его брат, «думающий после». Ведь про последнего можно сказать, что он не просто крепок задним умом, а учится на своих ошибках. Это и есть требующаяся от тебя интерпретация. Трактовка тех событий, происходящих вокруг тебя, вместе с толкованием твоих собственных эмоций и ощущений. На этом и будет строиться та часть твоего обучения, с которым могу помочь я. Слезай уже со стула и садись на пол.

Я наконец поднялся на ноги и понял, что за все это время изрядно засиделся: поясница

и ноги немного ныли, требуя разминки. Я быстро потянулся и сел на пол.

— Не так! — воскликнул Ян, подойдя немного ближе, — скрести ноги и положи руки на колени.

Я последовал инструкциям поляка.

— Отлично! — отреагировал пан с энтузиазмом, — одним из самых важных аспектов в ощущении маны и стихийной силы является духовное равновесие. Или как минимум спокойствие. Учитывая тревоги службы в Иностранном корпусе, рассчитывать на равновесие не приходится. Поэтому я предлагаю тебе медитировать хотя бы несколько раз в неделю.

Легко сказать. Учитывая круговорот событий, настигнувший корпус в целом и наш отряд в частности в последние недели и месяцы, о спокойствии речи не идет. Лишь изредка мне удается по-настоящему расслабиться. Хотя, не то чтобы мои мысли были забиты политическими разборками колониальных империй или внутривнутриполитическими дрызгами российских родов.

— Сейчас закрой глаза, постарайся откинуть в сторону любые негативные мысли и подумать о чем-то успокаивающем, — продолжил говорить поляк, тон голоса которого стал спокойным и умиротворяющим. — Это может быть природа. В Кении зеленые луга и поля чая, табака и зерна сменяются бурными буйными пустынными саваннами. Птицы поют о том, как долог путь из заснеженных лесов континентальной Европы в жаркое африканское лето, и как здесь разнообразна сама жизнь.

Тяжелые мысли после беседы с паном не слишком быстро покидали голову. Но, если подумать, за что можно любить эту страну — так это за ее несметную природную красоту. Мне вспомнились участки местных фермеров, занимающие пригород Найроби и тянущиеся вдоль многочисленных дорог и троп на юге страны.

Тут же мысли вернулись к последнему столкновению с искателями. Я уже успел обдумать те события, но все же мысли вновь и вновь возвращались к такой банальной и пространной вещи как судьба. Предопределена ли она богами? Или мы сделали выбор находиться в конце колонны и тем самым спасли себя от гибели. В отличие от бойцов Эрика. Знал ли полковник Мельников о готовящемся нападении или оно стало очередной неожиданностью для корпуса?

— Это необязательно должна быть природа, — сказал Ян, словно почувствовав, куда меня завели его предыдущие слова. — Это могут быть близкие тебе люди. Представь себе лицо того, кого ты ценишь и хочешь защитить. Или образ тех, кто помогает тебе чувствовать себя безопасней и спокойнее. Пусть твои мысли идут от самого сердца, от центра твоего тела. От ядра, на котором держится твой мир и твое мировоззрение. Позволь успокоению объять тебя.

Размышления о людях... очень похоже на высказанное недавно Змеем и отнюдь не новое представление о своих и чужих. Я не чувствую сомнений в том, что ни один искатель не отпустит живыми и невредимыми солдат Иностранного корпуса, если они встанут на его пути к разрывам или как-то еще помешают его целям. Пусть до столкновения я сомневался в ценности человеческой жизни, сейчас мне понятно лишь одно. Цена жизни искателя — одна пуля из «Волнореза». Если успеть нажать на курок вовремя, не придется смотреть на тлеющие угли от машины Эрика. И на горящие плоть и кровь его ребят.

Такое открытие не предусматривает успокоения. Оно предполагает равновесие. На одной чаше весов — те люди, которые искренне помогли мне закончить путь из одного мира

в другой. Возможно, они никогда не узнают об этом и так и останутся при мнении, что помогали мне оправиться после проигранной дуэли. Возможно, я в этом мире не навсегда и смогу найти путь назад, к далеким-далеким звездам. Только сейчас в этом нет никакого смысла.

Матвей прав. Есть люди, которые были и останутся близкими мне навсегда, даже если нас разделяет бесконечные перипетии Вселенной. Когда-нибудь я вернусь в Новую Москву, в свой старый мир, и обниму сестру. Однако сейчас это невозможно. У Святослава тоже есть сестра и, как мне кажется, он бы хотел ей только добра. А у меня есть квад. Каждый солдат, убитый и умирающий не ради страны или далекой родины. А ради друг друга. Пока не прольются реки крови под светом незнакомых и чужих мне звезд.

— Хорошо, — услышал я далекий голос Яна, настолько же далекий, как созвездие Кассиопеи. — Теперь постарайся пропустить поток эмоций через себя. Так, словно умиротворенность движется от твоей души и пытается найти выход. Плавно, медленно, размеренно. Не позволяй эмоциям вести тебя. Сам веди свои эмоции в нужное тебе русло. Помни: ты здесь физически, но можешь спокойно ощущать свое внутреннее пространство.

Мне вспомнились строки забытого мною поэта, нарисовавшего один из пейзажей задолго до моего рождения:

Мерцали звезды. Ночь курилась
Весной, цветами и травой.
Река бесшумная катилась,
Осеребренная луной [29].

Не помню, есть ли у этих строк продолжение. Не знаю, получится ли у меня найти то самое спокойствие. Зато я отлично помню лицо одной веселой кенийской девушки, чей путь свел ее и меня под небом синим, где есть город золотой. Имя тому городу — Найроби. Имя той девушки — судьба.

— Прекрасно! — раздался громкий голос пана где-то поблизости, выводя меня из транса. — Пока достаточно. Открой глаза и не торопись подниматься с пола. Ты хорошо потрудился.

Я открыл глаза и окинул комнату затуманенным взором. Готов поклясться, что несколько мгновений назад видел Фэйт. На самом же деле, комната оказалась вовсе не комнатой, а малым тренировочным залом номер четыре. Чуть поодаль от меня стоял стул, который принес сюда Ян. Сам поляк все так же стоял передо мной, скрестив руки за спиной.

— А ты этот стул сюда откуда вообще притащил? — мне почему-то вдруг стало жутко любопытно узнать ответ на этот вопрос, словно от него зависела крепость колонн, поддерживающих основы мироздания.

— Хм... — пан с посмотрел на меня с удивлением и широко улыбнулся. — Я видел разные реакции на медитацию, но подобного просветления категорически не ожидал. Свят, стул стоял в подсобке. Ты же не думал, что я его из своей квартиры тащил до базы Иностранного корпуса через половину Найроби.

— Не думаю, — ответил я, все еще находясь в легкой прострации.

О том, что я так думал несколько секунд назад, говорить пану конечно же не стал.

— Пока можешь еще немного посидеть на полу, — взял нить разговора в свои руки Ян. — Когда соберешься с мыслями, перемещайся на прекрасный образец инвентаря данного зала.

— То есть назад на складной стул, — утвердительно добавил я, — который ты

определенно не тащил из дома.

— Именно, — вновь позволил себе улыбнуться поляк. — Что касается медитации как таковой, я все же попрошу тебя следовать ей также, как ты следовал моим словам сегодня. Место может быть любым: твоя квартира, казарма или избушка в лесу. Важна именно духовная составляющая. Старайся задавать себе вопросы о том, какие события произошли с тобой в последнее время и какой эмоциональный отклик они у тебя вызвали. Думай о разном. Думай открыто. Помни, что ты не говоришь с чужим человеком. Ты говоришь с самим собой. контролируй свои эмоции и позволь им выйти наружу.

Сложно сказать, в состоянии ли я полностью контролировать собственные чувства. С одной стороны, сейчас я в полном порядке. Голова не гудит, а меня не покидает ощущение легкости. С другой стороны, в последнее время вокруг все чаще начали звенеть тревожные звоночки.

Тем не менее, я не эгоцентрист. Столкновения с искателями, грабежи сомалийских наемников и пиратов, да хоть бандитизм местных преступных групп: все это происходит не из-за меня и не для меня, а именно что вокруг. Я лишь вовлечен во все эти события как офицер Иностранного корпуса и как дворянин. По крайней мере, хоть на бумаге я действительно дворянин.

— Что касается эмоций, — продолжил уверенно говорить пан, — то я рекомендую тебе выбрать определенное время для медитации. Это может быть сложно, учитывая службу, но это определенно пойдет тебе на пользу и, вероятно, еще немного приблизит тебя к возвращению на путь контроля маны. Я бы предложил утренние часы, во время или незадолго после рассвета. Не забывай, что центром во время медитации должно служить твое сердце, оно же будет для тебя символизировать ядро. Твоя цель — не идти по проторенным другими дорожкам, а найти свой путь в единстве мириады охватывающих тебя эмоций.

— Ты раньше уже помогал кому-то с восстановлением? — поинтересовался я.

— Кому-то помогал, кому-то нет, — расплывчато отреагировал Ян. — С нервами у тебя как? Есть проблемы?

— Что-то вроде того, — неохотно признался я, вспоминая приступ, случившийся со мной совсем недавно.

— Медитация поможет с успокоением, но я бы посоветовал тебе добавить что-нибудь, приносящее... — поляк на секунду задумался, — порядок, что ли. Подумай над каким-то занятием, которое отличается методичностью и неделимым единообразным ритмом. И добавь это занятие в свой распорядок дня наравне с медитацией. Режим, дисциплина и занятость — те три камня, на которых держится твое душевное и духовное здоровье.

— А как же медитация? — не преминул я воспользоваться возможностью подколоть пана.

— Это часть твоей занятости, — серьезно ответил Ян, — наравне со службой в Иностранном корпусе. Свобода — обоюдоострый меч. Слишком много свобод ведут к разрушению порядка. Поэтому радоваться свободному времени для офицеров ИК, как мне кажется, преждевременно. Заполни их делом.

Легко сказать. Если по нам так и продолжают стрелять из-под каждого куста, то очередным занятием, которое заполнит мой ежедневник, станет госпитализация.

— Что там по поводу комбеза? — решил сменить тему я.

— Полагаю, у Маслова не нашлось подходящих обновок для разведчика? — уточнил

поляк.

— Ага, — ответил я, вставая с пола и перемещаясь на складной стул, — У него там средняя бронька припрятана на черный день или, как он выразился, «не припрятана, а придержана до запроса». Из легких вариантов только «Ласточки», на которых, совершенно очевидно, далеко не улетишь.

— Хм... — ненадолго ушел в себя пан. — Ладно. Хорошо. Я постараюсь достать тебе тот комбинезон, который я упоминал в прошлый наш разговор. Если все сложится удачно, то внесу тебя как тестировщика для проверки защитных свойств в боевых условиях. Но заранее предупреждаю, что это возможность, а не обещание.

— Да, да, понимаю, — с радостью в голосе сказал я пану. — Родина вас не забудет!

— Родина... — задумался Ян. — Да, пожалуй. Ах, да, чуть не забыл. Книгу, в отличие от стула, я принес с собой из квартиры. Держи. В ней довольно неортодоксальный подход к вопросу истории магии, к тому же много интересных мыслей со стороны автора. Можно сказать, что главы чередуются — дается теория и эссе. Думаю, что это неплохо дополнит твое понимание магических процессов и подкрепит твою креативность.

— Спасибо, — я взял протянутую мне поляком книгу в зеленой обложке. — Обязательно прочту.

Обложка была пуста, однако несмотря на то, что прямо сейчас читать ее не собирался, а думал о том, как поскорее вернуться домой к Фэйт, я решил пролистать пару страниц интереса ради.

Название гласит «Концепция магии. Размышления о светлой и темной материи». Автором значится Авеллино. Действительно, согласно оглавлению, разделы по своим названиям напоминающие теоретические перемежались с многостраничными эссе. Любопытно.

— У меня на сегодня все, — заявил Ян, посмотрев на часы на левой руке, — время уже вечернее, мы с тобой немного засиделись. Меня еще ждут дела, поэтому на сегодня я прощаюсь.

— До встречи, — ответил я поляку, протянув тому руку для рукопожатия. — И спасибо.

Ян молча пожал мою руку и двинулся к выходу из зала. Я бросил взгляд на окна, расположенные под потолком тренировочного зала и защищенные изнутри металлическими решетками, и понял, что уже действительно вечереет. Поэтому вернул стул в помещение для инвентаря, прикрыл дверь и покинул зал.

Однако немного пройдя по коридору в сторону выхода из тренировочного центра, меня привлекли глухие звуки повторяющихся ударов. Подумав, что небольшую задержку в пару минут можно спокойно потерпеть, я свернул направо и пошел в сторону зала, откуда доносились звуки.

Я остановился перед залом с надписью «малый тренировочный зал номер 2». Да, звуки доносятся именно отсюда. Дверь была неплотно закрыта. Я постарался максимально тихо приоткрыть дверь пошире и заглянуть внутрь. Однако мой гениальный план потерпел неудачу, когда старая деревянная дверь издала противный скрипящий звук, заставив меня поморщиться. Умение разведчика передвигаться быстро и скрытно разбилась о качество дверных петель.

Однако девушка, находившаяся в помещении, не обратила на меня никакого внимания. Она стояла в начале помещения и рядом с ней располагался деревянный стол с разложенными на нем ножами разной формы, один из которых она уже держала в руках.

Метрах в пятнадцати от нее стояла деревянная мишень, в которой уже торчали два ножа, которые она, видимо, и бросила. Крепко сложенная девушка невысокого роста с короткими черными волосами, едва ли длиннее моих, одетая в военную форму рядового состава Иностранного корпуса, сделала резкое движение рукой и очередной снаряд отправился в полет.

Раздался глухой звук удара стали о дерево, который и привлек меня сюда. Надо отметить, что попала она очень близко к центру мишени. Не уверен, считается ли подобное расстояние максимальным или близким к максимальному для метания ножей, но выглядит впечатляюще. Еще какое-то время я стоял в дверях, наблюдая за тем, как девушка всаживала ножи в мишень один за другим. Честно говоря, само занятие выглядело... методично. Есть в нем что-то пугающее и завораживающее одновременно.

— Прощу прощения, если помешал вам, — обратился я к девушке, делая несколько шагов вперед. — Можете потренировать меня метать ножи?

Девушка обернулась ко мне. Ее впалые пронзительные черные глаза бегло осмотрели меня с головы до ног, и на бледном лице появилась ехидная самодовольная ухмылка.

— Я уж думала, что ты только посмотреть любитель, — хрипловатый грубый голос вполне подходил к ее внешности. — Подходи, не бойсь, салага. Сейчас всему тебя научим. Будешь только так людей колоть.

[29] Начало стихотворения Александра Блока, «Мерцали звезды...».

КОНЦЕПЦИЯ МАГИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О СВЕТОЙ И ТЕМНОЙ МАТЕРИИ. ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Стихийная магия огня

Часть распространенного учения о четырех элементах магии разрушения. Направлена на уничтожение с помощью пламени, имеет низкий созидательный потенциал.

Магия призывания

Призыв может принимать форму прямого или косвенного контроля над существами, изменения материи и духовных практик.

Стихийная магия воды

Часть распространенного учения о четырех элементах магии разрушения. Позволяет волшебнику управлять массивами воды различного объема.

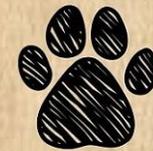
Магия иллюзий

Редкое направление, создающее ложное представление о реальности. Состоит из ряда заклинаний, влияющих на окружающий мир и сознание живых существ.

Стихийная магия воздуха

Часть распространенного учения о четырех элементах магии разрушения. Наиболее подвижная форма, допускающая создание и управление потоками воздуха.

Друидизм

Широкое понятие, объединяющее в себе местные виды и подвиды магии. Может включать в себя аспекты иных течений с неустановленными региональными особенностями.

Стихийная магия земли

Часть распространенного учения о четырех элементах магии разрушения. Отличается высоким созидательным потенциалом и утврненной связью с природной материей.

Магия крови

Нормально запрещенное к применению учение магии. Использует формы пыток, в том числе самобичевания, для преобразования крови в источник силы.

Магия исцеления

Пользователи данного вида магии могут лечить раны и болезни, однако степень лечения ограничена способностями чародея и серьезностью ранений.

Домой я возвращался без сил, которые меня постепенно покинули после выхода из тренировочного зала. Видимо, учитывая разбор истории магии с паном, и практику предложенных им нестандартных методов восстановления, в моем случае — метания ножей, мой организм решил порадовать меня не только уставшими ногами, руками и спиной, но и зверским аппетитом.

Старший капрал Казакова, милостиво позволившая мне называть ее просто Алина, в ультимативной форме поставила меня в известность, что тренировки под ее руководством обязательно должны быть постоянными, а не разовыми, иначе «бросать я буду только женщин, а резать только пирожные».

Не уверен, настолько ли ей нравится учить других людей любимому делу или просто панибратски грубить старшему офицерскому составу, к которому я отношусь, но отказываться я не стал. Ножи я всегда метал посредственно, поэтому можно убить сразу двух зайцев: потренироваться в полезном в боевых условиях навыке и выполнить один из советов Яна.

Честно говоря, сложно представить, что медитация поможет восстановить каналы и вернуть магическую энергию. С другой стороны, это может быть одним из путей решения сложной задачи в виде получения магических способностей. Хоть этот путь начался на больничной койке сразу после окончания дуэли, мне легче воспринимать каждый источник знаний о магии и каждый вариант восстановления именно так.

Это могут быть книги, доступные при библиотеке Московского государственного университета магических искусств, до которых мои руки так и не добрались. Или свитки из частных библиотек, как в случае с родом Львовых. Или с помощью, предложенной извне, например, Яном. В таком случае это узкая, едва протоптанная тропа. Но и по ней можно двигаться, было бы желание.

И с желанием у меня проблем нет. Прямо сейчас, после беседы с поляком, я страстно желал вернуться домой, хорошенько поесть и снова увидеть Фэйт. Когда она узнала, что меня выпустят из госпиталя сегодня, то пообещала приготовить что-нибудь вкусненькое к моему возвращению. Ключ от моей квартиры у нее давно имеется.

В конце концов, даже офицер Иностранного корпуса редко бывает дома, особенно в последнее время, но оставлять квартиру совсем без присмотра на несколько недель или месяц мне не хотелось. Поэтому ключ был дублирован у местного мастера неподалеку и торжественно передан Фэйт. Ну, может, и не очень торжественно, но передан он был точно. Так что сейчас, шагая по широкой улице в нескольких минутах от дома, мне было приятно осознавать, что я возвращаюсь не в пустую квартиру. Дом перестает быть просто зданием или комнатой и становится настоящим убежищем для души, теплым и родным, если тебя там кто-то ждет.

Вот наконец показался знакомый магазинчик с велосипедами, а старик, продающий фрукты, все так же развалился на стуле перед своим прилавком и изо всех сил старался не уснуть, пригретый жарким африканским солнцем. В такие моменты кажется, что никого в городе не касаются ни Иностранная полиция, ни столкновения с наемниками или искателями. Даже смерть в такой миг кажется чем-то далеким. Чем-то таким, что не случится с тобой или с отдыхающим на солнце стариком. А события прошедшей недели

выглядят, как дурной сон.

Вот только обгоревшее тело и безжизненный взгляд Отелло напоминают о войне не хуже не до конца зажившей раны в боку. Эрик мог бы также сидеть в парке на территории Иностранного корпуса и нежиться на солнце. А его ребята могли бы патрулировать город или возвращаться домой к тем, кто их ждет. Но не судьба. *C'est La Vie*, такова жизнь.

Нашему же отряду повезло гораздо больше. Вася уже оправилась от раны благодаря стараниям Змея. Да и меня Матвей подлечил слегка по пути в госпиталь. И тело, не знающее магии, будет напоминать о сражении на опушке леса лишь шрамом со стороны ребер.

Интересно, кстати, смогли ли наши оперативники расколоть захваченного Игнатом чародея. Что-то мне подсказывает, что нападением на нас занимались бойцы статусом ниже, чем те, что обычно лезут в разрывы. Значит и полезной информации от таких получишь немного. Мне же и вовсе остается лишь гадать.

Я подошел к двери и полез в карман за магнитным ключом. Такие были у каждого жильца, и я уже давно повесил такой на брелок в дополнение к ключу от квартиры. Точнее, на два брелка, включая комплект Фэйт. Местный консьерж, называемый гордым словом охранник, кивнул мне из будки на входе в наш маленький комплекс, а я махнул ему рукой. Хоть я и редко бывал дома, он помнил не только меня, но и большинство жителей в лицо.

Закрыв дверь, я заметил, как из здания слева выходит супружеская пара с детьми лет десяти-одиннадцати на вид, которых отец вел за руку к машине на парковке. Его жена опаздывала и скорым шагом нагоняла мужа. Худая фигура, традиционная юбка красного цвета, белая блузка.

Мне вдруг стало интересно, знают ли эти дети об искателях. Или о том, что Кения — это пороховая бочка, а спящий гигант в лице России и Иностранного корпуса день за днем работают, чтобы она не взлетела на воздух. Или поедут ли они на фестиваль культуры в Момбаса, где культура их собственной страны делит российскую сцену с британским театром.

Под такие мысли я добрался до лестницы и начал подниматься. Небольшая разминка не повредит, особенно перед ужином. Все философские вопросы подождут, пока голодный офицер вновь не покинет дом завтра утром. А пока лучше настроиться на приятный вечер, чтобы не испортить его ни себе, ни другим. Кажется, я чувствую через дверь запах готовящейся еды.

Я открыл дверь и попал в знакомую прихожую. Она же гостиная. Рядом со входом стояла пара женских кроссовок, которую я, кажется, видел на рынке у Бенни. Видимо, откаты он делает не только приятелям, служащим в корпусе, но и сестре. Наверное, за то, что она его терпит.

Я улыбнулся этой мысли и громко сказал:

— Я дома!

С кухни, откуда доносился не только манящий запах специй, но и звон посуды, прозвучал мелодичный женский голос:

— Раздевайся, мой руки и проходи за стол, — сказала Фэйт, — скоро будем ужинать.

В нашей квартире не нужно кричать, чтобы благородный дворянин соблаговолил спуститься к обеду, поэтому радостный голос Фэйт я спокойно услышал и из гостиной. Она же прихожая. Привыкшему сначала к маленькой комнате в Нижней Москве, а потом к койке в казармах военной академии человеку не требуется много пространства. Ему требуются уют и забота. В сторону всего вышперечисленного я и направился, предварительно заглянув в

ванную и помыв руки.

Когда я вошел на кухню, Фэйт стояла у плиты и наблюдала за тем, как в глубокой сковороде тушатся овощи. Она выглядела настолько по-домашнему мило в спортивных штанах, растянутой белой футболке и фартуке с усатыми мордами котиков, что я не выдержал и обнял ее, максимально незаметно подкравшись сзади. Фэйт, может, и ожидала подобное от лучшего (ну или почти лучшего) разведчика Иностранного корпуса, но все равно вздрогнула, а затем улыбнулась, шутливо погрозив мне пальцем:

— Если ты будешь мешать мне готовить, то получится не приворотное зелье, а суп из лягушек.

— Во-первых, я и так приворожен без всяких там зелий, — сказал я, выпуская ее из своих рук и устраиваясь за столом у окна. — А во-вторых, в супе из лягушек не бывает кукурузы и бобов.

Фэйт сняла крышку со сковороды и помешала овощи, после чего развернулась ко мне лицом и хитро прищурилась:

— Раз ты так хорошо разбираешься в ингредиентах, то быть может следующий ужин с тебя?

— Конечно, следующий совместный ужин будет с меня, — быстро ответил я, из-за чего Фэйт подняла в удивлении брови, — но в какой ресторан мы пойдем, можешь выбрать и ты.

Фэйт рассмеялась, потянулась к крышке и вновь накрыла ей сковороду, возвращаясь к высокой кулинарии. Если подумать, я очень давно не готовил себе ничего сложнее завтрака. До того, как согласился протестировать капсулы для Сахарова, мои будни были забиты работой, поэтому предпочитал заказывать готовую еду.

В остальном же еду для меня постоянно кто-то готовил: в поместье у Львовых был повар, в лазарете и военной академии кормило государство. И хотя теперь я должен соответствовать высокому статусу дворянина, вкусы у меня остались вполне пролетарскими. Рабочий класс ест все, что движется, и пьет все, что горит.

Такая позиция не мешает с интересом наблюдать за тем, как Фэйт управлялась с плитой. Вообще кухня соответствует остальной квартире в размере, но вмещает в себя все необходимое. У стены стоит длинный овальный стол, который можно в теории подвинуть ближе к плите и нескольким тумбочкам, чтобы за ним поместилось не два-три человека, но и еще столько же с обратной стороны. Над тумбочками есть столешница, на которой находится подставка с четырьмя ножами разных размеров.

В самих же тумбочках внизу расположена посуда для готовки: кастрюли, сковородки, половники и прочие несомненно важные предметы уютно устроились в нескольких ящиках. А над плитой висят несколько шкафчиков с тарелками, стаканами и столовыми приборами. Ну, и конечно со специями, которые в основном сюда натаскала Фэйт.

Готовит она чаще и лучше меня, да я и не против. Так что и наполненность холодильника я отслеживаю согласно графику дежурств. Дежурств не по кухне, разумеется, а в Иностранном корпусе, ведь в случае дежурства или задания я могу не бывать дома подолгу.

— Что у нас на ужин, кроме супа из лягушек? — поинтересовался я, наблюдая за тем, как Фэйт достает вторую сковородку и ставит ее на плиту по-соседству с первой.

— Не суп из лягушек, а гитери, — ответила Фэйт и плеснула немного масла во вторую сковородку, — и подай мне, пожалуйста, тесто из холодильника. Еще будет чапати.

Я попытался дотянуться до холодильника, не вставая со стула, но потерпел тотальное

поражение. Фэйт на мои потуги лишь фыркнула и картинно закатила глаза, так что мне пришлось-таки подняться и открыть холодильник, как подобает джентльмену.

— Чапати — это же жареный на сковороде плоский хлеб? — уточнил я, передавая девушке глубокую тарелку, в которой лежало накрытое полотенцем тесто.

Быстрый осмотр холодильника также выявил наличие в нем бутылки рома, которая спряталась на нижней полке за несколькими лимонами.

— Ага, — кивнула Фэйт.

— Отлично. Я тогда за все жареное и против всего вареного! — пошутил я и передал тарелку с тестом девушке. — У этих изысканных блюд есть история?

— Ох, милостивый государь, неужели вместо скромной кенийской кухни вы изволите отведывать еще и какие-то изысканные блюда? — шутливо сказала Фэйт.

— Ром вполне сойдет за изысканный напиток для русского офицера, — ответил я. — Неужто прекрасная леди решила напоить простого имперского солдата?

— Разведчик никогда не был так близко к провалу, — взглянула на меня Фэйт и улыбнулась, — но из тебя простой солдат получится только в том случае, если все солдаты в России предпочитают пить сладкие коктейли, а не сорокаградусные напитки.

— Каюсь, грешен, сердце тянется к чему-то сладкому и неординарному, — поднял я руки над головой в знак принятия поражения. — Но выпивать в одиночестве категорически отказываюсь. Как говорит один мой знакомый старший адъютант: «Пить в одиночестве и в приятной компании — это две абсолютно разные вещи».

— Посмотрим на твое поведение, — ответила Фэйт. — Ну, а если серьезно, то чапати — это просто индийский хлеб, который путешественники затем привезли с собой в северную Африку, Азию и на Карибы. А гитери я тебе, между прочим, уже готовила.

— Эм... — я порылся в памяти, выискивая знакомые образы, — кажется, ты тогда говорила, что это кукуруза с бобами и другими овощами?

— Кукурузу и бобы ты в сковороде подсмотрел! — воскликнула Фэйт, видимо ожидавшая моего провала. — Но все равно верно. Я еще добавляю лук, помидоры и чеснок. Из специй — порошок карри, паприка, кориандр и молотый перец чили. В разных вариациях ингредиентов гитери готовят во всей Африке.

Фэйт закончила жарить хлеб и сняла обе сковороды с плиты, после чего начала накрывать на стол.

— Прошу вас, ваше сиятельство, — Фэйт поставила передо мной тарелку с гитери, после чего положила рядом свежий хлеб. Вторую тарелку она поставила для себя и присела рядом со мной. — Приятного аппетита.

— Приятного, — ответил я и приступил к трапезе.

Какое-то время мы оба молчали: я вовсю уплетал еду, а Фэйт медленно ела и часто поглядывала на меня. За ширмой веселья и шуток скрывалось беспокойство, которое я ощущал с ее стороны. Все же за последние полгода это было первое боевое столкновение для моего квада, и лично для меня оно окончилось почти неделей в госпитале.

В какой-то степени я даже благодарен той секретности, которой окутаны искатели и благодаря которой информация о потерях корпуса редко просачивается в СМИ. Вряд ли Фэйт было бы спокойнее, знай она, что второй отряд, охранявший ученых по пути к разрыву, сгорел в машине заживо. И мы не оказались под огнем гранатомета лишь по воле случая: Эрик и Игнат решили отправить целителя в арьергарде, а стихийного мага в начале колонны.

Конечно, я поговорил с Яном по поводу новой брони, чтобы в следующий раз на мне не

наделали пулевых отверстий. Возможно, у пана получится достать мне какой-нибудь легкий, но крепкий образец польского производства. Он не бросал слов на ветер и не обещал чего-то, если не мог выполнить данное слово. Но и рассчитывать на него больше, чем на того же Маслова, не стоит. Да и секретность касательно операции в этот раз не спасла от утечки информации: одно из зарубежных изданий написало о потерях во время боевой операции Иностранного корпуса.

В ответ посольство Российской империи в Кенийской Свободной Республике выпустило заявление об успешной защите объекта на севере страны от сомалийских экстремистов, в ходе которой были ранены несколько офицеров ИК. Согласно официальной версии потерь не было. Фэйт легко могла сопоставить дату моего ранения и опубликованного послом заявления. Поэтому сейчас и переживает, что я могу попасть в передрагу посерьезнее.

— Ну что, ваша светлость, — словно решив вывести меня из череды неприятных мыслей, Фэйт поднялась и достала из холодильника ром. — Сделать вам какой-нибудь коктейль?

В принципе, я не против выпить. Да и о способностях Фэйт, чьей профессиональной деятельностью была работа в баре, я знал не понаслышке.

— А давай, — ответил я и отложил ложку, закончив с едой. — Что меня ждет этим прекрасным вечером?

— Секрет, — лукаво улыбнулась Фэйт и достала бокал и шейкер из навесного ящика над столешницей.

Я себе коктейли не готовил, но инвентарь Фэйт на кухне хранился. Как и лед в морозилке и несколько разных ликеров в одной из тумбочек. До настоящего домашнего бара тут было далеко, хотя мы чаще предпочитали выпивать дома, а не в местных барах или ресторанах. Может быть, через годик-другой коллекция алкоголя и сравняется с запасами бара, где работает Фэйт.

— Даже не скажешь название? — потянулся я на стуле, рассматривая, как девушка уверенными движениями смешивает ром, вермут и какой-то ликер.

— Если тебе понравится, — ответила Фэйт, — этим прекрасным вечером тебя будет ждать добавка.

Через минуту передо мной стоял бокал с бордовой жидкостью. Я сделал небольшой глоток. Приятный сладковатый вкус с отчетливой кислинкой и умеренной крепостью. Пожалуй, мне нравится, о чем я и не преминул сообщить девушке, которая с интересом смотрела за моей реакцией.

— Вкусно, мне нравится, — сказал я и сделал большой глоток, позволяя расслабляющему эффекту алкоголя постепенно взять верх над моим усталым телом и разумом.

Я никогда не отличался стойкостью к алкоголю, особенно при отсутствии двух важных органов, предположительно отвечающих за очистку организма от токсинов. Но и организм Святослава в этом мире с алкоголем справлялся не сильно лучше. Поэтому, когда Фэйт сделала мне второй бокал и я осушил его, то почувствовал, что на душе потеплело. То ли от алкоголя, то ли от заботы, которой меня постоянно окружала Фэйт.

Нет, точно нужно сводить ее в какой-нибудь хороший ресторан. А память еще и услужливо подкинула идею Бенни о том, чтобы съездить с Фэйт на озеро Ухуру. В конце концов, почему бы и не насладиться природой в приятной компании, особенно если до

Уганды и Танганьики, с которой Кения делит территорию озера, я ни разу не добирался.

— Слушай, — начал говорить я. — Может, если мне удастся выбить день-другой отгула, мы съездим на озеро Ухуру? Я там не был, так что с радостью....

Фэйт не дала мне договорить: девушка сделала несколько шагов и, наклонившись ко мне, поцеловала. Затем она слегка отстранилась и сказала, лукаво улыбаясь:

— Я согласна, но это может подождать и до завтра. Коктейль, кстати, называется «Обнаженная леди». Если тебе так понравилось, то почему бы нам не...

Я не дал Фэйт договорить и нежно потянул ее за руку в сторону гостиной. Она же прихожая. Я не выпил слишком много алкоголя, но в этот вечер обнаженная леди крепко меня одурманила.

Квад находится в патруле севернее Найроби. Нашим участком сегодня можно назвать территорию вокруг горы Кения, что находится севернее Найроби. Мы четыре часа двигаемся по шоссе А2, вьющимся артерией на север страны, ожидая поворот на восток, огибая гору и национальный парк. Единственной опасностью кажется невыносимая жара, которую переносить сложно как на открытой местности, так и внутри автомобиля.

Вообще, Иностраный корпус всегда заботится о безопасности своих солдат и офицеров, даже несмотря на то, что всем военным известны проблемы, связанные с транспортировкой оборудования, оружия и экипировки из России в Африку. Временным решением несколько лет назад стало сотрудничество с эфиопской военной компанией AA Systems, которая получила известность именно во время конфликтов вокруг конструкта Древних в обретенной Россией республике.

Постоянные стычки и конфликты вокруг Эфиопии, а также необходимость поддержания независимости от крупных игроков в регионе подтолкнули некогда небольшую частную компанию, а ныне крупный концерн, к совершенствованию транспортных средств.

Именно на RCG-02L, одном из детищ AA Systems, мы и двигались по маршруту. Это легкий бронированный автомобиль с противоминной защитой с укороченным кузовом. «Рычаг», как была прозвана эта машина, обладал поистине впечатляющими характеристиками: полноприводный шестицилиндровый двигатель, улучшенная система подвески, вспомогательная система задней двери, усовершенствованные тепловизоры для водителя, модернизируемый пакет брони, возможность установки общей дистанционно управляемой боевой станции с пулеметами разного калибра, а также дымовыми гранатометами.

Благодаря широкой возможности модернизировать автомобиль он и стал востребован в иностранном корпусе. На нашем транспортном средстве не установлено вооружение, но есть дымовой гранатомет, а безопасность нахождения внутри любой модели RCG была уже неоднократно доказана в полевых условиях.

Змей сидит напротив, рассматривая местность в окнах за моей спиной. Он как обычно экипирован в легкий комбинезон "Рису" и в руках держал пистолет пулемет российского производства «Ферзь». Надежный, легкий ПП под пистолетный патрон. Обладает хорошей точностью и небольшой отдачей. Я сегодня тоже вооружен «Ферзем», но со встроенным глушителем. И если оружие вселяет надежду, то комбинезон «Ласточка», выданный мне Масловым после ранения со словами: «я же говорил, что спасет и сохранит!» доверия не вызывал. Потому как я точно помню, что интендант скорее молился Богу, чем заверял меня в надежности отечественного комбинезона.

Вася за рулём, а Игнат находится рядом с ней на переднем сиденье. Оба в средних армейских комбинезонах ЛКТР-5, или по-простому — «Лектор». Тяжеловаты, как по мне, но остановят автоматную пулю со средней дистанции, так как армейский бронезилет разрабатывался как раз для военных действий. У Ехидны стандартная винтовка АС-08, оснащенная штатным четырехкратным прицелом, а Леший использует старый добрый калаш.

— Матагино через пять минут. Ехидна, скорость! — рывкнул Игнат, и Вася тут же перестала вжимать педаль газа в пол. — Тимау двадцать пять минут. Пока без проблем.

Матрос ночью по А2 ехал и видел вспышки у подножия горы. Смотреть в оба.

— Так точно! — ответили мы со Змеем, переглянувшись.

Матрос — это один из командиров квада, что чаще всего работает в Момбасе, но ночью их перебросили в Найроби. Он раньше служил в акватории Черного моря, вот прозвище и прицепилось. Территорию национального парка вокруг горы от пары вспышек не прочтешь, но стоит быть настороже.

Змей слегка побледнел, хотя раньше я за ним слабости вестибулярного аппарата не замечал. Я подмигнул ему, на что получил легкий кивок.

Через несколько минут мы действительно подъехали к небольшому городку. Хотя, честно говоря, это поселение тянуло разве что на звание села. Справа и слева от шоссе стояли ветхие деревянные дома, однако то тут, то там красовались выцветшие вывески то ли платежных систем, то ли магазинчиков. Прилавки палаток с продуктами, разбросанные по дороге, оказались практически пустыми, несмотря на то, что до конца рабочего дня оставалось еще часов семь-восемь. Машина проехала чуть дальше, и Змей заметил что-то за моей спиной, по левую сторону от автомобиля.

— Командир, брезент на десять часов. — коротко уведомил он Лешего.

Я повернул голову и посмотрел по указанному направлению. Остановка, собранная из листов железа и деревянных балок. Трое мотоциклистов на мопедах. Похоже, курят. А вот брезентик на импровизированной остановке действительно расцветки милитари. Похож на военный, тот что привозят из России. Совпадение? Не думаю. Проверить стоит.

— Вижу, — ответил Игнат и коротко отдал приказ. — Тормози. Святой, болтаешь. Змей прикрой. Ехидна, колеса.

Машина плавно остановилась в нескольких метрах от цели. Мы с Матвеем выбрались из машины и неторопливо двинулись к байкерам. Я успел заметить, что командир занял позицию за машиной, словно он просто поглядывает на дорогу. Змей же держался чуть позади меня. Байкеры слегка напряглись и начали переглядываться. Видимо нечасто к ним подходили военные посреди бела дня.

— Мамбо [30]. Закурить не найдется? — спросил я, приблизившись к троице. Они явно не ожидали такого вопроса и неуверенно переглянулись. Ну да, будто вооруженные солдаты иностранного корпуса могут выбраться из транспортного средства в нигде, чтобы попросить сигарету. Зато стресс и напряженность сменились неуверенностью.

— Ладненько, на нет и суда нет, — произнес разочарованно я и прислонился спиной к деревянной балке, что служила одной из опор для остановки.

Неловкое молчание продлилось лишь пару мгновений, а затем бандана, которого я прозвал так в голове из-за серой перевязи для волос, достал из нагрудного кармана клетчатой рубашки самокрутку и протянул мне со словами:

— Не вопрос, ёп. Огоньку?

Двое других лишь смотрели на меня и Змея. Точнее, с опаской поглядывали на наше оружие и автомобиль за спиной. Второго любителя двухколесной техники я прозвал бородой по понятной причине, ну а самого старшего на вид кенийца, который сидел на сидушке своего не нового мопеда, смурной.

— Не нужно, — чуть приподнял я уголки губ, изображая улыбку, и положил сигарету за ухо. — На улице и так жарко.

— Хм... — выдавил из себя недовольный смурной.

— Святой, аспиран иностранного корпуса, — представился я и козырнул двумя

пальцами.

— Да ну? Собственной персоной? — ехидно ухмыльнулся бородач и добавил с явной неохотой, — Я Барка, в рубашке Оби, а за моей спиной Кобэ.

— А, любите горы? — поддел я собеседника в ответ, вспоминая известного карфагенского полководца. — Похвально.

— Хм... — опять хмыкнул Кобэ. Или он так смеется?

— Мотики он любит, — вставил бандана, но от серьезного взгляда бородача тут же осекся.

Я же лишь терпеливо ждал ответа.

— Горы люблю. Саванны люблю. Города люблю, — спокойным тоном перечислил Барка. — Сигареты тоже.

— Так... — слегка задумался я. — В книгах пишут Харамбе. Единство, так сказать. Что ж со мной ближний сигаретой не поделится и дверь ночью гостю не отворит?

— Кхм... — на этот раз одобрительно прокашлял старый.

Да и лицо Барки слегка разгладилось, так что я продолжил:

— Кров с пищей дать — это неплохое дело. Я вот в патрулях, случается, неделями дома не бываю. Солнце, поле, служба. Так гостяпустишь, а он стащит чего. Ничего же не пропало в округе, верно? Городок-то небольшой, все обо всем знают.

— Не пропало. Все свое у нас. — прохрипел Кобэ, явно поняв, что я намекаю на что-то нелегальное. — Приехали недавно. С другой стороны от сырного завода.

— Сколько? — без прежней шутливости или дружелюбия в голосе ответил я, медленно передвинув ладонь ближе к спусковому крючку пистолета-пулемета.

— Караван. Человек десять. Пятнадцать, может, — добавил мотоциклист, опасливо озираясь по сторонам. — Мы поехали?

Я выдержал небольшую паузу, а мои собеседники снова заметно напряглись.

— Свободны, — холодно сказал я.

Байкеры быстренько собрали свои скудные пожитки, попрыгали на железных коней и тронули на юг по шоссе, откуда приехали мы. Я и Змей подождали, пока троица мотоциклистов начнет движение, и вернулись к машине.

— Доклад, — встретил нас Игнат. Хотя я уверен, что он и так все слышал. Ну, или почти все.

— Караван на востоке от сырного комбината, — отрапортовал я. — Примерно дюжина. Экипировку иностранного корпуса по барахолкам не продают. Нужно проверить.

Змей лишь кивнул в подтверждение моих слов. Его лицо уже не выглядело так бледно, как в автомобиле.

— Нужно, — согласился командир. — В машину, я доложу и двинем.

Через пятнадцать минут мы добрались до поворота перед сырным заводом. Вася сбавила скорость, явно ожидая указаний Лешего, который с интересом разглядывал карту на приборной панели.

— Значит так. Сейчас поворачивай направо, — начал давать приказы Игнат. — Есть несколько вариантов, где можно остановиться каравану. Во-первых, три местные школы: начальная, средняя и старшая. М-да, все отдельно, в собственном здании. Рядом жилые хибары, их могли там приютить. Или прямо в школе место выделить. Деньги у каравана должны быть, ну, или бартер.

Командир четко расчерчивал границы нашего фронта работы.

— Второй пункт — это местная церковь. Здание чуть лучше, чем в школах, и находится дальше от шоссе, — продолжил говорить Леший, периодически указывая куда-то за окно, — Стоит поговорить со здешним пастором. Ну и наконец, небольшой лагерь для кемпинга восточнее. От него по прямой можно доехать до национального парка и горы Кения. Три школы ближе всего, там и начнем. Вася, близко не подъезжай. Учебный день еще не закончен, военная машина детей испугает. Или привлечет лишнее внимание, кто этих современных шкетов знает. Еще на машину залезут.

Вася лишь кивнула командиру, который продолжил инструктаж:

— Затем поговорим с попом. Он точно должен знать прихожан, может кто новый засветился. Ну, и исповедь, сами понимаете. Что-нибудь точно узнаем. И последнее — лагерь у горы. Он дальше всего от нас. Если ничего не найдем, то заглянем еще на фабрику.

Он кликнул несколько раз по экрану и перед Васей отобразился измененный маршрут с остановками. Патрулирование слегка затянется и на базу мы вернемся затемно. Зато пробок на въезде в город не будет.

Под мерный гул двигателя мы подъехали к небольшой площади, въезд на которую перекрывал шлагбаум. В будке рядом охранника не было, что означает, что машины здесь бывают нечасто, или сторож просто взял перерыв. Заезжать или сигналить не стали.

Три школы расположились полукругом, но каждый дом разительно отличался от предыдущего, будто показывая различия в степени заинтересованности администрации, ну или в заботе самих жителей. Ближнее к нам здание было двухэтажным и кирпичным, с деревянными окнами и крашеными рамами. Выглядело не так уж и плохо, скорее всего начальная школа.

Напротив въезда располагалось одноэтажное кирпичное здание со странной пристройкой из железных листов, функция этой конструкции скорее всего загадка даже для самих учителей. Скорее всего склад, но слишком уж небольшой, туда разве что спортивный инвентарь поместится. Ну и слева от въезда находилось старое одноэтажное деревянное здание со слегка накренившейся крышей из досок. Перед ним располагалось несколько стендов.

Леший после недолгой паузы спросил Васю, мерно постукивающую пальцами по рулю:

— Ехидна, мысли?

Она высказала свои мысли:

— Время учебное. Дети в зданиях, на занятиях. Вон, в ближнем через окно видны головы ребятни. Машин нет, сторожа нет. Караван без транспорта явно не передвигается. Либо спрятали в лесу, а сюда пешком и в хибарах живут по-тихому, либо они не здесь.

— Верно, — согласился командир. — Двигай к поселку, внутрь не заезжай, там всего с десяток домов. Если транспорта нет, то поедem сразу к церкви.

В итоге Ехидна оказалась права, и через час мы были на подъезде к местной церкви. Дорога, кстати, несмотря на некую удаленность от шоссе, была асфальтовая, пусть и побитая то тут, то там. Именно на ней мы заметили легковые машины, неаккуратно брошенные на обочине и несколько мопедов.

Церковь не отличалась чем-то необычным. Темное деревянное здание, просторное крыльцо с двумя скамейками по бокам от двери, на которых расположилась пара пожилых женщин, копошащихся в каком-то ведре.

— Выгружаемся, — приказал Леший и квад выбрался наружу.

Бросилось в глаза, а точнее на слух, то, что несмотря на раннее для вечерней службы

время, со стороны церкви раздавались громкие голоса и выкрики. Вот только не изнутри, а скорее откуда-то с заднего двора. Да старушки что-то недовольно бормотали себе под нос. Впрочем, брюзжание для многих людей с возрастом становилось привычкой.

— Змей, Свят, проверьте, что там на заднем дворе, — негромко сказал командир. — Нежно. Без шума. Ехидна, со мной. Потрясем пастора.

— Есть, — ответило наше трио и принялось исполнять приказы.

Змей занял позицию чуть слева и позади от меня, и мы двинулись мимо двух пожилых женщин, бормочущих что-то вроде «Мою, мою, вкусно будет». Совсем старушки из ума выжили от веры. Я бросил вопросительный взгляд на Матвея, он все же медик. Однако ответом мне было лишь покачивание головой и чуть расширенные от удивления глаза.

Мы тихо пошли вдоль стены. Оружие вскидывать не стали, так как приказа о боевой готовности не было, да и незачем попусту эскалировать потенциально конфликтную ситуацию огнестрелом. Медленно двигаясь вокруг церкви, нам стали слышаться отрывки фраз с заднего двора:

— ... бей его сильнее, пернатый ты мешок!

— Эээ, в глаз коли, двигайся! Двигайся! Кому говорю, а?!

Под увеличивающийся шум мы незамеченными вышли на небольшую грунтовую площадку с сараем. Люди столпились, образуя круг, выкрикивая различные подбадривающие или разочарованные слова. Они явно наблюдали за интересным зрелищем, делая ставки на петушиный бой.

Змей сделал шаг в сторону столпотворения, но я остановил его взмахом руки и жестом показал движение назад. Через мгновение мы оказались за стеной церкви и скрылись в тени от возможных случайных взглядов.

Я достал рацию и под безразличным взглядом Змея связался с командиром:

— Леший, Святой на связи. На заднем дворе петушине бои. В контакт не вступали. Прием.

Из рации послышался голос Игната:

— Леший принял. Мы почти закончили. Ждите у машины. Прием.

Я ответил:

— Принял. Конец связи.

Да, теоретически я мог бы просто зайти в церковь и сказать Лешему то, что мы узнали, но дисциплина — это неотъемлемая часть любых военных подразделений. Пусть Иностранный корпус я бы скорее отнес к формированию наемников или к частной, тут точнее будет сказать государственной или дворянской, военной кампании, но это по стандартам моего прошлого мира.

Сказали доложить — связался сразу, как выяснил что к чему. А Матвея я остановил, так как светиться нам в военной форме лишний раз не за чем. Петушине бои — вид спорта, популярный в Африке, а главное, очень прибыльный. Если сюда приехали местные из разных окрестных сел и деревень, то могли и наши потенциальные контрабандисты заглянуть. Срисуют солдат корпуса и потом мы их не найдем.

Если же мы ошиблись, то просто напишем рапорт о задержке и ее причинах. Искренне надеюсь на последнее, так как если кто-то приторговывает «мелочами» с нашего склада, то тогда ясно почему у Маслова такой дефицит на некоторые позиции. Возможно не только из-за задержек с поставками.

Под такие мысли я и Змей спокойно дождались возвращения командира с Василисой.

— В машину, — бросил Леший.

Мы расположились внутри, и Игнат продолжил:

— Пастора немного потрясли. Действительно есть караван. Приехали недавно, дня три-четыре. Расположились в лагере для кемпинга, с его слов ничего необычного. Приходили на поклон. Поболтали, обещали как-нибудь на петушиные бои заскочить. Вы засветились?

— Не думаю, — ответил я. — Было без шума. Нежно.

— Хорошо, — кивнул Леший. — Может, они сами где по дороге товар прикупили, но в дар как раз притащили в поселок военный брезент. Ничего другого поп не заметил: ни оружия, ни броников, ни спецтранспорта. Нужно проверить. Двинули.

Гелиос уже уверенно пересек зенит и направился к золотому челну у солнечных врат, но ранний вечер обещал быть не менее жарким, чем полдень.

[30] Привет (суахили).

Автомобиль, рассекая легкую завесу дождя, уверенно двигается по грунтовке к небольшому участку, огороженному зеленым забором с прорехами. По пути квад получил план деревеньки для кемпинга, а также добро на опрос караванщиков и действия «по обстоятельствам», что весьма порадовало Васю.

Леший же придумал простенький план, чтобы не возникло непредвиденных трудностей. Разбиваемся на двойки, одни дежурят у машины в боевой готовности, а вторые общаются с местными и выясняют, какие обстоятельства и как по ним действовать. Надежно, как швейцарские часы.

Поселок представлял из себя набор зданий на огороженной территории, включающих одну каменную двухэтажку рядом с воротами, поляну по центру территории напротив въезда, усеянную газоном, на которой расположились две палатки. Ее же окружают четыре одноэтажных здания, похожих то ли на деревенские домики, то ли на бунгало. Также на участке слева от ворот есть гараж.

В целом, неплохое место для каравана, аренда которого по-хорошему стоит немалых денег. Что должно значить, что путешественники не бедствуют. Но вот занимаются ли они контрабандой или вообще чем-то незаконным — это другой вопрос, ответ на который мы вот-вот получим.

Машина остановилась перед раздвижными воротами, и Вася посигналила, привлекая внимание обитателей. Мы прождали некоторое время в молчании, а затем девушка еще раз нажала на клаксон. После этого к нам вышли два человека и начали вручную раздвигать ворота.

— Ехидна, боком поставь и держите позицию за машиной. Сама знаешь. Святой, как припаркуемся, сразу на выход.

— Есть, — ответила водитель.

— Так точно, — вторил мой голос Василисе.

Машина проехала на территорию и остановилась чуть по диагонали перед открытым гаражом. Внутри было пусто, видимо именно из мастерской и выбрались двое наших сопровождающих, так что позиция неплохая. Однако в такт этим мыслям я уже выбирался под теплый дождь.

Леший дождался меня и мерно зашагал к двум кенийцам. Я держал небольшую дистанцию по его правое плечо. Оба местных были среднего роста и носили традиционные, яркие, расшитые узорами рубахи, пончо желто-зеленого цвета и плотные штаны, заправленные в высокие берцы. Один был еще совсем юным, не старше двадцати.

— Добрый вечер, хозяева. Как поживаете? — доброжелательно спросил командир.

— Добрый! — ответил тот, что казался мне старше, поглаживая короткую бороду с небольшой сединой, и бросил взгляд на своего товарища. — Жизнь — это путь, а мы лишь шелковая перевязь.

— Караванщики что ли? — поинтересовался Леший.

— Караванщики, — нагло выпалил молодой кениец. — Кто ж еще.

Седой едва заметно поморщился и добавил, сложив руки на груди:

— Занимаемся, чем мать-природа пошлет. Вещи чиним, торгуем... эээм... ну и караван водим. Сами понимаете. А чем, собственно, обязаны?

— Ничего серьезного, — успокоил Игнат собеседника. — Мы машину везли с севера в Найроби, попали под дождь и заехали в церковь, ту что в предместьях Матагиرو. И пастор пожаловался, что беспокоят соседи...

Юноша на словах командира чуть дернул левым уголком губ в раздражении и свел брови вместе. Леший же продолжал спокойно и с явным знанием дела говорить:

— ... простите, не представился. Сержант Колесников, а это капрал Львов.

Леший не является магом, он не самый сильный боец или меткий стрелок. Но если бы мне пришлось доверить жизнь одному человеку, то им стал бы Игнат. Солдат, способный на многое, не будучи гением ни в одной области. Его набор навыков позволяет не только убивать по приказу, но и самому командовать железной рукой, при этом не забывая о сильных сторонах напарников. Вот и сейчас я лишь наслаждался тем, как командир заливает, пытаясь смягчить присутствие нашего квада на этой территории.

Несмотря на его старания, пацан явно нервничал. Хотя я, наверное, ненамного старше его. Технически. Быть может, он нечасто видел военных до сегодняшнего дня, что крайне маловероятно. В Кении можно встретить Иностранный корпус повсеместно, так как специфика работы подразумевает сотрудничество с местными силовыми структурами, которые не стесняются постоянно просить о помощи.

С другой стороны, такое межведомственное сотрудничество позволяет получать «полевую» информацию из первых рук. Паренек же явно недоволен нашим присутствием, и речь командира на него почти не действует. Может, он с девушкой недавно расстался, а я его подозреваю. Нужно будет при случае ткнуть его и посмотреть на реакцию. Думаю, Леший и сам справится, но помощь лишней не будет. Сыграю молодого и неопытного капрала.

— Эм... ничего страшного, офицер. Я Гвала, — представился старший кениец в ответ. — А рядом То. Мы просто копались в гараже. Сами понимаете. Не ожидали увидеть машину военных. И наш караван сильно не шумит. Наговор это. И не так уж...

— Красивый у тебя кафтан под пончо, — нагло вклинился в диалог я, смотря на То с легкой ухмылкой.

— Пф, — фыркнул пацан и раздраженно бросил нам в лицо, — это не кафтан, мзунги, а дашки. Кафтан у бабы.

— Да? Не знал, — с почти искренним сожалением произнес я, пожав плечами, — извини.

— Не берите в голову, — тут же вмешался Гвала, — эээ... может, это, в дом пойдём? А то дождь-то усиливается. Я вас братьям-караванщикам представлю. Переждете непогоду, поедите, у нас хорошее кофе есть, а?

— Хороший кофе? — переспросил с интересом Игнат. — Можно. Сейчас своих только предупрежу.

Леший вытянул вверх согнутую в локте руку со сжатым кулаком, а затем добавил:

— Ведите.

Кенийцы не торопясь двинулись к двухэтажному кирпичному дому, который казался самым удобным пристанищем. Приближаясь к двери, Гвала спросил:

— А как же товарищи? Холодно ведь. Ветер еще. Сами понимаете. Стоит тоже внутрь позвать.

— Так не положено, — спокойно парировал Игнат, — да и мы ненадолго. И так видно, что все в порядке, так что угостите кофе и тронем. Нечего задерживаться по пустякам.

— Это правильно, — довольно поддакнул кениец. — Служба — дело важное. И нужное.

А кофе у нас на всех хватит, мы еще вам в дорогу завернем. Да, То?

— Угу, — неопределенно буркнул парень.

Мы подошли к деревянной двери дома, в которую Гвала постучал кулаком, после чего поправил одежду и несмело вошел внутрь, пропуская нас за собой.

Первый этаж оказался просторным холлом, встретившим нас приятным теплом и запахом благовоний. Слева у стены находился небольшой диван, накрытый какой-то тканью с изображением... улиток? Ладно, чем бы дитя не тешилось. Но вот вместо ребятишек там восседали два крепких парня, одетых в похожем на То и Гвала стиле и расцветке. У стены напротив находился бильярдный стол, а на стене выше него висел широкоформатный экран, на данный момент выключенный.

Под ним расположен узкий столик с электроникой, часть которой была включена, судя по горячей подсветке. На стол с двух противоположных сторон облокотились еще двое местных. Они вместо пончо носили разгрузки и широкие, тканые узорчатые пояса, за которыми вполне можно было спрятать что-то не очень габаритное. У дальней же стены справа начиналась лестница, скрытая той самой стеной словно перегородкой, которая уходила на второй этаж.

Справа располагалась барная стойка бежевого цвета, за которой стоял пятый кениец, если не считать наших проводников. Его одежда отличалась от остальных и скорее напоминала европейскую: хлопковая футболка, штаны-карго и темная бейсболка. К тому же он носил солнцезащитные очки в помещении. Как по мне — это моветон, но я в чужой монастырь со своим углем не лезу.

В центре холла лежало несколько ковров бордового цвета с леопардовой окантовкой и геометрическими узорами. На коврах располагались миниатюрные деревянные столы, вокруг которых сидело еще два караванщика.

Первый одет в длинную струящуюся одежду песчаного цвета: рубаха с широкими рукавами, плотные штаны, сужающиеся к щиколоткам, и своеобразный свободный жилет сверху. Короткие жесткие волосы были не покрыты, а спокойный взгляд и кривой шрам, пересекающий его лицо от подбородка до правой скулы, выдавали в нем лидера караванщиков если не де факто, то уж по статусу точно.

Второй же носил просторную белую рубаху до колен без узоров, подпоясанную тонким шелковым поясом бирюзового цвета, ботинки-полуберцы оливкового цвета. Голова караванщика была завернута в синий тюрбан, часть ткани которого также окутывала его подбородок, покрытый густой седой бородой. Старик цепким взглядом рассматривал нас, не отводя глаз.

В общем-то все рассматривали нас с разной степенью заинтересованности, но озадачило не это, а тишина, вакуумом заключившая всех присутствующих в свои нежные объятия. Казалось, что искра Прометея сейчас смогла бы не только развеять сумерки богов, но и открыть загробные врата, и пробудить безобразного владыку царства мертвых. Но вначале было слово, и слово было...

— Да вы продолжайте, мы ненадолго, — мирно произнес Леший, указывая на Гвала, — нас ваш товарищ на кофе пригласил, а на улице так холодно, что мы не смогли отказать.

Взгляды всех, кроме старика, переместились с нас на человека со шрамом, который, улыбнувшись, сказал:

— Конечно, будьте гостями в нашем доме. Мы сами преодолели долгую дорогу и чтим путников, пусть даже нежданных и непредсказанных.

Одна фраза молниеносно разрядила атмосферу, и караванщики начали заниматься своими делами. Двое ребят у бильярдного стола взяли кии со стойки, достали треугольник и начали расставлять в него разноцветные шары. Бармен потянулся к полкам за собой, взял оттуда бокал и принялся протирать его тряпкой, возникшей в его руках из ниоткуда.

Дуо на диване достало карты с матовой обложкой из тумбочки за диваном, которую я изначально не заметил, и начали что-то негромко обсуждать. Лишь Гвала и То не могли найти себе место, застыв перед нами словно истуканы и, видимо, ожидая команды. Леший же вошел первым и стоял чуть впереди меня, но за спинами кенийцев. Он рубящим движением ладони отмахнулся от мошки у своей шеи и терпеливо произнес:

— Нам еще в столицу возвращаться, хорошо бы не в сумерках.

— Сейчас-сейчас, вы проходите, не стойте на пороге, — любезно пригласил нас внутрь караванщик в песочной одежде, — Гвала, То, можете идти. Поройтесь там в шкафу, я подарок оставил, тот, что из города привез. Можете чуть позже и гостей наших угостить. Ясно?

Ответом ему стало два голоса:

— Да, шеф, — ответил Гвала и взяв узорчатую шапку со стола, развернулся.

— Окей, шеф, — поддакнул То.

Наши провожатые молча протиснулись между нами и покинули холл. Я повернулся спиной к центру зала, пропуская их, и через мгновение после того, как двое покинули здание, бесшумно защелкнул замок на двери.

Леший же в этот момент снова начал представляться:

— Старшина Лесников и старший капрал Святков.

— Тайво, лидер этого каравана, — ответил ему мужчина со шрамом и обратился к одному из своих людей на диване. — Абрафо, сходи наверх за кофе, а то у нас в баре только растворимый.

Африканец отдал карты своему компаньону и по указанию начальника неспешно пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Так как меня с Лешим садиться не пригласили, мы остались стоять перед двумя джентльменами, сидящими на ковре за столом.

— Откуда, говорите, направляетесь? — поинтересовался Тайво.

— Мы и не говорили, — сдержанно поправил его Игнат. — Забуксовали на грунтовке, грузовик никак сдвинуть не можем. Вот и направились в ближайший населенный пункт, хотели попросить буксир.

— Беда, но случается, — с горящими глазами произнес караванщик. — Не все пути были предначертаны в видимом мире. Нужно лишь совершать дела во благо, и тогда можно достичь единения. Наши мысли и воля взаимодействуют друг с другом, формируя судьбу. Понимаете?

— Не особо, — задумчиво ответил Леший, — Я осторожно отношусь к вере.

— Ничего страшного, — подметил с ухмылкой африканец. И обратился к своему подчиненному на диване: — Тафари, что-то Абра долго нет, глянь что к чему. Пусть под кроватью посмотрит, может банка туда закатилась.

Мужчина в ответ кивнул и быстрым шагом направился наверх. Бармен все также протирал стакан, даже не смотря в нашу сторону, а двое игроков в бильярд пытались попасть в лунку, что у них получалось с трудом. Кроме того, на столе по неясной для меня причине были только полосатые шары.

— Так вот, — продолжил главный караванщик, — мы все ходим по Земле словно по

рынку, и если один не видит незримого, то не значит, что его нет. Вам сегодня было уготовано прийти сюда, даже если вы в это не верите. Жизнь не является неповторимой, нужно лишь осознать энергию и накопленную мудрость, и начать работать с ней, словно с пластилином, формирующем реальность. Каждая новая прогулка по рынку не столько приносит свежий опыт, сколько накапливает и дополняет старый. Интересно?

— А в зримом мире вы откуда едете? — поинтересовался я.

— Важно не то, откуда мы едем, а то, что встречается нам на пути, — поправил меня мужчина. — Иногда достойным можно обратиться к духу, получить ответы или попросить. Но те, кто не слышат — не обречены. Всегда можно прокладывать свой путь словно верблюды по пескам, достигнуть невозможного и возродить заветы предков.

Старик в белом, приютившийся рядом с Тайво, едва слышно произнес что-то губами, и я смог разобрать лишь "...ал. деть, клоун".

— На фестиваль что ли направляетесь, в Момбаса? — беззаботно уточнил я. — Так бы сразу и сказали.

— Ха, ну тогда и на фестиваль заедем, — улыбнулся лицо со шрамом. — Такое событие, его никак нельзя пропускать.

— Вот, то-то вижу, у вас всех такие необычные одеяния, — с интересом в голосе ответил я, — будете номер какой показывать? Там, говорят, много артистов и людей культуры будет со всех концов Африки.

— Да, можем и номер показать, — согласился Тайво.

— Фейерверки какие-нибудь? — начал выznавать Леший — Они редко бывают.

— Нет, что вы, — разуверил нас караванщик. — Мы таким не занимаемся. Много шума и слишком ярко. Можем показать... ну, скажем, номер с исчезновением, или распилить кого-нибудь в ящике. В караване таких трюкачей много.

— Хе-хе, — раздались слегка приглушенные смешки со стороны бильярдного стола.

Тем временем Тайво продолжил:

— Вот вернутся Тафари и Абрафо, и можем продемонстрировать. Интересно?

— Не особо, — равнодушно ответил Игнат.

— Ага, я как-то больше кино люблю, чем театральщину или трюки всякие, — с энтузиазмом поддакнул я. — Может, у вас фильмы есть в продажу? Я бы пару дисков купил.

— Ну и ладно, — сдался Тайво. — А фильмов у нас нет. Не занимаемся таким, но могу подсказать специалиста в Найроби.

— Не нужно, — парировал Леший. — Ладно, хрен с ним с кофе. Не дожدهшься. Мы тогда в деревеньку неподалеку заглянем, там машину поищем. Может, повезет. Спасибо за беседу. Я только своих бойцов предупрежу, что все в порядке.

Я бросил короткий взгляд на помещение. Позиции караванщиков не изменились. Тайво сидит за столом и расслабленно смотрит на Лешего, ожидая нашего ухода. Бармен на своем месте копошится с посудой под барной стойкой, точнее не разглядеть.

Двое из ларца посматривают на расположение шаров на бильярдном столе, которых к слову стало ненамного меньше. Лишь старик в синем тюрбане сверлит нас едким взглядом. Да откуда ж тогда запах благовоний? Может, за барной стойкой жгут? Нет, вряд ли. Я не успел додумать, когда Игнат поднес рацию ко рту и произнес:

— Прием, Леший на связи. Код четыреста четыре. Конечные...

Мое тело среагировало еще до того, как Леший закончил фразу. Я поднял дуло пистолета-пулемета и нажал на курок. И озарилась вязкая тьма вспышкой. И грянул гром.

Короткая очередь, и тело Тайво безжизненной куклой откидывается назад на ковер, а мое оружие уже направлено на приоритетную цель — бармена, который пытается достать что-то из-под стойки. Но опаздывает на два удара сердца, и его собственный ритм жизни прерывается вместе с пробитым пулей глазом.

Рог смерти ищет новую жертву, но несколько щелчков «Свирели-Б» уже успели собрать жатву. Четыре трупа, и Леший на колене целится в невозмутимого старца в синем тюрбане. Тишина после бойни подобна уединению в последнем пристанище скандинавского бога Видара, что править будет землей после гибели мира. Но одним из судей в день последний Святой был... тьфу, какая чушь в голову лезет.

Я прижал палец к губам, показывая старику не шуметь, но тот никак не отреагировал, не обращая на нас внимание. Игнат лишь повернулся ко мне и жестом показал двигаться дальше к лестнице. Сам же командир быстренько спеленал не сопротивляющегося старичка в ковер и перевязал его какой-то веревкой. У нас есть маленькое окно времени, так что не стоит тормозить.

Я подошел к лестничному проему и быстро отклонил корпус вправо, оценивая обстановку. Чисто, что я и показал командиру. Мы оставили старика позади, что на самом деле являлось ошибкой, но с приказами не спорят.

Двойкой мы двинулись вверх по лестнице, благо она была отгорожена от этажей стенкой, которая скрывала тех, кто поднимался или спускался до тех пор, пока они фактически не появлялись на этаже. Когда до второго оставалась пара шагов, то послышался грубоватый выкрик:

— Тайво, кофе тащить или вы все?!

Я не был ниндзя или синоби, поэтому не сомневался, что услышать двух военных в выкладке, поднимающихся по лестнице, не составляет труда. Тем более учитывая тишину в холле внизу. Однако большинство здесь носило берцы, так что наши тихие шаги не восприняли как опасность или штурм.

Да и шум внизу не мог не привлечь внимания ушедших караванщиков: бесшумное оружие является таким только *de jure*, глуша звук, но не устраняя его полностью. Но при этом качественный глушитель убирает искры и пламя при выстреле, так что в ночных условиях он незаменим.

Я сделал жест «Прикрывай» и, дождавшись ответа от Лешего, показал "Вперед", чтобы предупредить его, коротким рывком преодолевая две ступеньки. Аккуратно срезал угол на второй этаж, где меня не ожидал увидеть тот самый Абрафо, ушедший за кофе, но вместо крепкого напитка вооружившись пистолетом. Даже не будучи готовым к фигуре военного, вылетающей на него с "Ферзем" на изготовке, он успел потянуться к оружию, однако короткая очередь прервала биение жизни караванщика.

Второй этаж оказался больше похожим на коридор общежития или дешевой гостиницы с дверьми по правую руку. Из ближней и вышел покойный африканец, но вот в какой затаился второй осталось для нас секретом. Он явно слышал звук упавшего тела и теперь играл в прятки. Ну, хорошо хоть, что не в жмурки.

Игнат занял позицию за моим плечом. На этаже пять комнат, а у нас четыре светозвуковых гранаты и один противник. Простая математика. Нас в военке многому учили,

пора применить знания на практике. Сейчас бы, конечно, пригодился щит. И меч. Ладно, только щит. Я показал Лешему на первую дверь и тот понял, что от него требуется, приготовившись бросать гранату. Я же замер, ожидая напарника.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Пульс участился. Адреналин в крови забурлил. Руки чуть крепче сжали надежный «Ферзь». Граната, брошенная Лешим, проделала свой путь и отскочила от стенки, приземлившись где-то в комнате.

Я пулей влетел в комнату, преодолевая дверной проем сразу же после хлопка, но в жилом помещении было пусто. Нам бы сейчас очень пригодился еще один человек, так как Леший не может покинуть коридор в связи с потенциальной опасностью впереди.

Вторая комната также оказалась пустой. Третья тоже. Перед четвертой я решил пойти на хитрость. Шанс был пятьдесят на пятьдесят, но могло сработать.

Я показал Игнату на пятую дверь, а затем «противник», после чего указал на гранату, четвертую дверь и жест «Стоп». Командир ответил, что понял меня, и достал последнюю гранату, которая отправилась посылкой адресату, но как и имперская почта не дошла.

Тафари выскочил из пятой двери наперевес с полуавтоматическим дробовиком имперского производства, но тут же оказался прощит моим ПП и пушечными выстрелами Игната. Оружие кенийца дернулось вверх и единственный выстрел ушел в молоко. Вот только он разбудил спящего снаружи гиганта. Ему вторили звук «Ферзя» и одиночные выстрелы из АС-08, ответом которым стали плевки из короткоствольных автоматов неизвестного мне производства.

Мы аккуратно по старой схеме зачистили пятую комнату, но не обнаружили ничего, кроме двух ящиков, один из которых был открыт и забит такими же красавцами, как и тот, что использовал покойный Тафари.

— Твою ж мать, — выругался командир, — Святой, проверь второй ящик.

Из рации раздался на удивление спокойный голос Матвея:

— Змей на связи. Мы под огнем. За машиной у гаража. Противник в бунгало. Пятеро. Стреляют из винтовок. Прием.

Колесников ответил:

— Леший принял. Не высовывайтесь, сейчас прикроем из дома. Конец связи.

Я же откинул крышку второго ящика и был удивлен увиденным. В ящике лежала британская снайперская винтовка HL85, она же «Нало» или «Нимб». Калибр 7,62×51 стандартный шестикратный прицел с возможностью заменить его на телескопический, магазин на десять патронов и прочие ништяки.

Размышлять о том, откуда у контрабандистов оружие глупо, но вот снайперские винтовки со склада, пусть даже британского, вряд ли списывают и перепродают. Может быть это трофейная, но где же тогда этот караван столкнулся с англичанами? Вопросов много, а нам еще нужно проверить старика внизу.

— Леший, тут нимб лежит, — доложил я, — Возьму игрушку?

— Да, только не сломай, — легко согласился Игнат и рявкнул. — с тебя позиция в доме с видом на бунгало! Хоть на чердак ломись, хоть с первого этажа стреляй, но чтоб сделал и сразу доложил. Противников сразу в расход. Исполнять!

— Есть! — ответил я и начал в темпе собирать подарок свыше.

— Леший на связи. Святой прикроет огнем со второго этажа, — сказал в рацию Игнат, разворачиваясь и выходя из комнаты. — Я с первого. Прием.

— Ехидна на проводе, — раздался разгоряченный голос с той стороны. — Приняла. Нас

подавляют огнем, но стрелки они так себе. Ждем. Конец связи.

Леший двинулся на первый этаж. Надеюсь, он там не убьет деда, нам бы очень пригодился «язык». Я же, закончив со сборкой HL85, в темпе двинулся в первую комнату. Оттуда будет открываться неплохой обзор на бунгало, где засели местные. «Ферзь» пришлось оставить в ящике, но это временные трудности. Выстрелы на улице не утихали, что указывало на ожесточенное сопротивление контрабандистов, однако рация молчала, значит пока Змей с Ехидной справлялись.

Зайдя в комнату, я убедился, что не ошибся. Скинул с односпальной кровати матрас и перетащил ее к правой стене, чтобы можно было стрелять, стоя на одном колене. Небольшой деревянный стол был также передвинут и занял место по диагонали перед кроватью. Я распахнул окна, благо они открывались во внутрь, а затем задернул шторы, оставляя лишь небольшой зазор для стрельбы. Сам же вернулся к кровати и занял позицию, уперев винтовку на сошках на стол перед собой.

В оптический прицел я видел заднюю часть двора в центре деревни, сейчас являющегося некоторой буферной зоной между моими сослуживцами у машины и контрабандистами, расположившимися в постройках чуть севернее. Палатки не выдержали шквального перекрестного огня и то тут, то там рваными ошметками валялись на земле. Я также видел три бунгало из четырех, в которых расположился противник.

Из ближнего ко мне я слышал лишь хлопки, но противника не видел. Вероятно, они работают из-за здания, либо из дверей, выходящих на центральную площадку. А вот два других бунгало были как на ладони. Я предупредил по нашей частоте:

— Святой на связи. Позицию на втором этаже занял, вижу противника. Открываю огонь. Прием.

Эхом мне отозвались голоса товарищей по кваду:

— Ехидна приняла.

— Змей принял.

— Леший принял. Ехидна, Змей. Залить их огнем, как только Святой начнет работать. Как будет окно смените позицию с гаража и машины на наш дом. Один стреляет, второй двигается. Исполнять.

— Есть.

— Принято. Конец связи.

Я привычным движением сместил прицел на крайнее бунгало слева, где укрылась группа противников. Не знаю благодаря каким чудесам или оберегам они умудряются не получить шальную пулю сквозь деревянные стены хлипких домов, но факт налицо: все до сих пор живы. Однако, оставлять эту патовую ситуацию без изменений в мои планы не входило.

Выдох. Вдох. В окно слева от входа выглянула цель с короткоствольным автоматом. Я быстрым движением нажал на курок, а затем, поразив первую цель, сместил перекрестие прицела влево.

Вспышка в глубине дома. Там укрепился враг. Движение за углом бунгало. Попытка к бегству. Легкое движение руки заставило еще одно тело свалиться замертво между домами.

Звук внизу. Голос в рации. Еще не конец.

Здание на двенадцать. Караванщик с пистолетом в руках попытался укрыться за клумбами с цветами. Плохой выбор. Отдача винтовки ударила в плечо после очередного выстрела.

Прицел уходит ниже. Хлопки с первого этажа. Бунгало превращается в решето. Двое противников бегут, стараясь сменить позицию. Один по прямой, другой зигзагом. Навожу перекрестие прицела. Выстрел и враг падает на землю. Вторая фигура скрылась за бунгало.

Выстрелы прекратились. Пот заливает глаза. Мышцы потяжелели. Пальцы немного свело. Сердце бешено колотится.

— Охренеть... — вывел меня из боевого режима удивленный голос Васи в рации.

— Ехидна, разговорчики, — резко оборвал ее Леший. — Змей, Ехидна, проверите бунгало. Двигаетесь против часовой стрелки. Прием.

— Есть, — раздался почти синхронный ответ двух голосов.

— Святой, бери ПП и прикрой меня, — продолжил Леший. — Мы двинемся по часовой. Прием.

— Свя... кхм... — поперхнулся я из-за пересохшего горла. — Святой принял.

Первым делом я осмотрел место попадания на комбинеzone. Пуля прошла по касательной, так что «Ласточка» на этот раз справилась. Прямо реабилитируется в моих глазах. Поднимается из разряда «хочу сменить» в «могу и потерпеть». Я поднялся на ноги и слегка размял мышцы.

Показалось, что бой длился целый час, но в реальности все закончилось намного быстрее. Я решил вернуть снайперскую винтовку в ящик, разрядив ее, и сменив на привычный «Ферзь». Надеюсь, на дальние дистанции стрелять сегодня не придется. Жаль оставлять игрушку.

Через двадцать минут весь квад расположился в доме. Результатом обыска базы контрабандистов стали несколько ящиков с оружием, мешки со снаряжением и спецсредствами, карты местности с отмеченными значками и, главное, несколько раций и спутниковый телефон с тела Тайво. Трубка, к сожалению, была слегка задета шальным выстрелом, но на удивление все-еще работала, хоть и потеряла часть деталей.

Набрать номер с нее сейчас не представлялось возможным. Еще удалось понять по картам, а затем прочитать в документах, что поселок для кемпинга это лишь переговорная, а настоящий перевалочный пункт и склад находятся на сырной фабрике.

— Фу, — скривилась Ехидна, — не хочу пропахнуть сыром.

В некоторые моменты, она казалась мне обычной девушкой, но когда я вспоминал, что она вытворяла в военке, то весь этот образ рушился словно песочный замок.

— Не волнуйся, — ответил спокойно командир, — не нам этим заниматься. Нам приказано держать позицию здесь и не допустить захвата этой точки врагом. Фабрикой займутся два других патруля. Один выдернули из окрестностей Сусвы, другой от дороги с Момбаса. Ориентировочное время прибытия полтора часа.

— Быстро, — чуть удивленно подметил я. — Значит, будем ждать в доме?

— Да, здесь удобная позиция. К тому же, единственный каменный дом, — ответил Леший. — будем держать оборону. Выстрелы не должны были услышать на сырном заводе, но вот прерванная связь — явный признак проблем. К тому же, они могли успеть связаться со своими. Тогда будет еще одна перестрелка.

Я перевел взгляд и заметил, что Змей буравит меня глазами из-под чуть расслабленных век. Брррр, жутковато, надо будет ему мышшь какую-нибудь дохлую в шкафчик подкинуть. Как Ехидна мне на втором году обучения. Впрочем, меня Матвей предупредил заранее, и я был к сюрпризу готов.

Ход моих мыслей прервал звонок спутникового телефона, лежащего на столе, слегка

искаженный помехами. Колесников накаркал. Будет второе блюдо. Впрочем, я всегда предпочитал русскую сервировку шведскому столу.

— Святой, отвечай, — серьезным тоном пробасил Леший. — Говоришь по обстоятельствам. Коротко и четко, вряд ли они смогут понять, что это чужой из-за помех. Потяни инфу, что сможешь. Выполнять.

И с каких пор я стал переговорищиком? Все чаще начал замечать, что меня командир видит в такой роли. Я же еще молодой и нетертый парень. С виду... Жизненный опыт-то у меня, конечно, тридцатилетнего, но они же об этом не знают. Может, кто выведал о прошлом, когда я был резким балаболом с раздутым эго и трепался обо всем, не зная ничего. Факты маслом не изменишь.

— Не накосячь, — подбодрила меня Василиса.

Я лишь чуть закатил глаза и потянулся к трубке.

— Шччч... кшшш... машины или... кччч... rrrrrxxx, — раздалось с той стороны. Ну и как мне это понимать?

— Помехи, — уверенно ответил я, — повторите.

— Кшшш... справились? Можем...чшшш... еще две, — ответил мне грубый голос. — Где ш...

Конец фразы оборвался и мне пришлось импровизировать:

— Была проблема, но решили, — начал говорить я. — Шеф ранен. Телефон спас.

— Прин...кххлл...ите, конец связи, — завершился звонок.

Я же перевел взгляд на товарищей и произнес:

— К нам едет ревизор.

— Отставить вольности, — приказал Леший, хотя моя шутка явно разрядила атмосферу. — Будем встречать гостей, придется повозиться в грязи.

— Нам, лесным тварям, не привыкать, — произнесла с искоркой Василиса.

— Кому сказал! — рявкнул слегка улыбающийся командир. — Им ехать от фабрики сорок минут максимум. То есть у нас в запасе не больше двадцати. Встречать будем на дороге перед жилым комплексом, чтобы не было заметно следов перестрелки. Сюда со стороны шоссе лишь один путь. Двинули.

Место для засады было найдено быстро. Грунтовку по пути к месту для кемпинга то тут, то там окружали тернии плотного кустарника, а позицию квад занял на участке, где дорогу и нас разделял небольшой овраг после поворота на лагерь. Мы были скрыты кустами и деревьями и нас было невозможно заметить с дороги до поворота.

Матвей был назначен наблюдателем и расположился на другой стороне дороги за поворотом, чтобы видеть приближение машин. Если бы не рация и не знание того, что где-то там в грязи лежит одинокий уж, то я бы никогда его не заметил.

Метрах в тридцати от Змея были я и Ехидна, а Леший с калашом занял позицию левее нас, исполнял роль главной огневой мощи. Он всю дорогу был сам не свой и ворчал про мины, гранатомет и пулемет, а точнее про их отсутствие. У каждого из нас был назначен свой сектор огня.

Сигналом к действию служило начало стрельбы Лешим, задачей которого являлось длинной очередью расстрелять колонну противника. Ждать долго не пришлось и о приближении врага нас оповестил сигнал в рации:

— Два гражданских автомобиля. Легковушка и джип. Готовность полторы минуты.

— Принял, — ответил Леший.

Это была очень хорошая новость. Во-первых, автомобиля было всего два. А во-вторых, они были гражданские. тут нужно понимать, что подобные машины — это не RCG, способная выдержать прямые попадания из автомата и даже не спецсредство. Если вы попали в засаду — вас ждет смерть. И будь то джип, хаммер или отечественный таз, все они шьются pistolетным калибром, а люди внутри превращаются в консервы. Ну или фарш.

Две машины вынырнули из-за поворота. Им пришлось сбавить скорость, чтобы вписаться, и Леший, дав им поравняться с моей с Васей позицией, решил не экспериментирова нашить обе машины очередью из автомата.

В мой сектор стрельбы попала первая машина, которой являлся джип. Мой pistolет-пулемет с глушителем застрекотал словно кузнечик, выплевывая лекарство от жизни. Вася стреляла короткими очередью по второму автомобилю. Водитель и пассажир на переднем сиденье умерли мгновенно, даже не поняв, что произошло.

Та же участь ждала и солдата на заднем сиденье с нашей стороны. А вот его товариш попытался выскочить из резко затормозившей машины и спрятаться за колесом, которое действительно давало ему чуть больший шанс пожить еще несколько секунд.

Правда была одна проблемка. Он был в полном снаряжении, так что скорости ему не хватило. Его спину нашипговало, фактически приговорив его. Вторую машину ожидало то же самое. Пусть водитель и попытался выжать газ и уехать, но позиция Лешего позволила ему стрелять по машине, пока та не съехала в кювет. После небольшой паузы мы проверили два транспортных средства, и живых обнаружено не было. Все, как заказывали: восемь тел, получите и распишитесь.

— Хорошая работа, — похвалил нас Колесников. — так держать.

День выдался тяжелый, так что предстояло отчитаться командующим, узнать, как прошел штурм сырной фабрики, написать кучу рапортов. Колесников явно был рад, что квад прошел сквозь сегодняшние передряги без потерь и тяжелых ранений. Змея поцарапало, но его комбез и не такое остановит. Стоп.

— Командир, — обратился я к Лешему, стоя на обочине.

— Чего? — спросил уставшим голосом Игнат.

— А деда-то мы забыли, — нараспев произнес я.

— Кого? — недоуменно посмотрел на меня Леший, а затем нахмурился и выругался. — Твою ж мать!

После случившейся котовасии всему кваду неожиданно выдали по несколько дней отпускных и попросили на время покинуть Найроби. Хотя, для меня это особой неожиданностью не стало. Да, мы действовали согласно инструкциям и в интересах безопасности Кенийской Свободной Республики, о чем нам поспешили напомнить с самого высокого уровня. Примерно о том же нам напомнили и представители посольства Российской Империи в Кении. Только в совершенно другом контексте и иным тоном.

Полагаю, что именно они решили на время отстранить наш отряд от выполнения заданий, однако никаких легальных причин на подобное нет. Поэтому мы и получили несколько свободных дней.

Честно говоря, сложно переоценить вооруженное столкновение с местными жителями, пусть и контрабандистами, и зачистку завода в дальнейшем. Если информация о подобном просочится в прессу, особенно зарубежную, на российских дипломатов начнут сыпаться обвинения во всех смертных грехах, а позиция Иностранного корпуса пошатнется.

Возможно, информация о нашем столкновении дошла и до Разумовского, хотя сомневаюсь, что решение о внеочередных отгулах выписывал лично он. Как говорится, секретарь всему голова. Так или иначе, несколько дней отсутствия на передовой пойдут на пользу не только репутации корпуса, но и даст время высокопоставленным чиновникам постараться навести порядок и максимально скрыть случившийся конфликт.

В каком-то смысле я их понимаю. Даже гораздо больше, чем мне хотелось бы себе признаться. Ситуация даже в столице КСР напряженная. Что уж говорить о провинциях. Фермеры недовольны переселением и продолжающейся эксплуатацией их земель, рабочие заводов и фабрик устраивают стачки из-за зарплат и условий труда. Пока эти волнения недостаточно заметны, но в скором времени они могут стать еще одной проблемой, в довесок к геополитическому конфликту внутри всего африканского региона.

— Ты там уснул, Свят? — мысли о произошедшей накануне перестрелке с контрабандистами и штурме сырного, чтобы его поглотила открывшаяся бездна Тартара, завода прервал знакомый мелодичный женский голос. — Идем скорее, или на поезд опоздаем.

Ладно, нужно перестать думать о последних новостях и постараться немного оградиться от этого хотя бы на время поездки. Видимо, я слишком буквально воспринял совет Яна об интерпретации. Хотя я все так же продолжаю медитировать, стараясь контролировать свои эмоции и визуализировать ману, но результат пока определенно отсутствует. По крайней мере я его точно не ощущаю.

А вот занятия со старшим капралом приносят плоды. Если привыкнуть к ее откровенно неучливой манере общения, чего я еще в полной мере не сделал, то окажется, что она хороший учитель. Своеобразный, конечно, но тем не менее. Поэтому хоть результат и не заметен, но движение в сторону возвращения магии определенно есть, что не может не радовать.

— Прости, немного задумался, — ответил я Фэйт, которая нетерпеливо переминалась с ноги на ногу рядом со мной. — Но до поезда еще куча времени, поэтому торопиться смысла не вижу. Давай все-таки возьму твой рюкзак?

— Ни в коем случае, — девушка улыбнулась и покачала головой. — Во-первых, мне не

тяжело...

— А во-вторых? — спросил я, когда пауза уже довольно неприлично затянулась, и перекинул спортивную сумку с левого на правое плечо.

Девушка не стала отвечать, а сделала шаг мне навстречу, встала на цыпочки и впиалась своими алыми губами в мои. Всего на несколько секунд, но из моей головы мгновенно исчезли мысли о последних перестрелках и их последствиях.

— А это во-вторых, — ласково прошептала мне девушка, после чего отступила на шаг. — Пойдем. На нас уже люди смотрят.

Справедливости ради, на входе на центральную железнодорожную станцию Найроби было немногочисленно. Одноэтажное здание станции чем-то напоминает каменную пристройку к средневековому замку или скорее одно из хозяйственных зданий губернатора Карибских колоний: серый кирпич и черепица песочного цвета определенно сохранились с тех времен, в то время как о технологиях напоминали громкоговоритель почти у самой крыши треугольной формы и новые железные решетки на окнах.

Я заметил несколько стендов с буклетами для туристов на английском и русском языке. Вероятно, суахили не был предусмотрен, поскольку предполагалось, что местные и так знают или помнят историю станции. Учитывая тот факт, что я уже позаботился о билетах заранее и единственным занятием до прибытия поезда было ожидание на платформе, я решил взять одну из разноцветных бумажек и почитать об истории пункта, с которого начинался наш путь до озера Ухуру на западе от Найроби.

Бенни не раз говорил мне, насколько много я теряю от того, что не видел природу вокруг озера. Поэтому при выборе места для отдыха на ближайшие дни, с легкой руки заместителя посла Российской империи в Кенийской Свободной Республике, который между строк намекнул о необходимости побыть подальше от столицы, и вспомнив наставления Бенни, я выбрал озеро, расположенное вблизи города Кисуму, одного из крупнейших городов Кении, который, однако, значительно уступает по населению и инфраструктуре столице Найроби и главному портовому городу на побережье Индийского океана Момбаса.

— И зачем тебе собирать макулатуру? — игриво спросила Фэйт, увидев, как я беру со стенда один из буклетов. — Неужели одна из жительниц этого скромного города не в состоянии поведать тебе о его истории?

— В состоянии, — улыбнулся я в ответ. — Просто интересно, чем увлекают иностранных туристов, вот и все.

— Угу, — девушка наигранно насупилась и отвернулась от меня.

Я же бегло пробежал взглядом по бумажке, краем глаза отмечая детали станции, на которой я был впервые. Все же до этого нас доставили в расположение Иностранного корпуса самолетом, с пересадкой на автомобили в аэропорту Найроби. Сейчас же, согласно информации из великой и могучей Сети, было удобнее ехать по железной дороге. Я решил согласиться с бездушной машиной и забронировал все места в купе для себя и Фэйт в преддверии шестичасовой поездки.

Благо, такая возможность была, поэтому можно было надеяться понаблюдать за проносящимися за окнами пейзажами в тишине и покое. И не только.

Оказывается, за более чем столетнюю историю станции, она являлась одним из центральных пунктов в железнодорожной сети Кении. Отделка внутри показалась мне вполне современной, однако некоторые детали, такие как старомодные часы,

расположенные на одном из столбов прямо перед входом на станцию, или внешний вид самой станции, выдавали ее богатую историю. Раньше поезда ходили исключительно два раза в день — утром и вечером. Однако после передачи Кении в руки Российской империи, всей железнодорожной сети коснулись большие изменения.

Кроме реорганизации, в результате которой станции и пути перестали являться частью железных дорог Уганды, контролируемых британцами, а стали частью КЖД, которая и по сей день занимается организацией грузовых и пассажирских перевозок внутри страны, в том числе между Кисуму, Найроби и Момбаса. Поэтому сейчас британская Уганда на западе имела возможность выхода к побережью Индийского океана не только через ими же контролируемую Танзанию, но и через связанные между собой железные дороги Уганды и Кении, ведущие напрямик к Момбаса.

Мы прошли через турникеты и, ориентируясь по надписям на нескольких экранах, расположенных напротив турникетов и входа на станцию, повернули направо, направляясь к выходу на платформу один. Система движения поездов здесь напоминала мне вокзалы Новой Москвы из моего прошлого мира.

Ориентироваться на вокзалы в этом мире я не мог, поскольку российские дворяне чаще путешествовали или на автомобилях, или на самолетах, оставляя поезда как средство передвижения менее состоятельным родам. Поэтому я был приятно удивлен, что оба мира одинаково логистически приспособлены: поезда также делились на пригородные и дальнего следования.

Буклет подсказал, что поезда дальнего следования появились в Кении после передачи Кении британцами, и проезд на них был не только значительно более комфортным, соответствуя российским реалиям, но и стоил несколько дороже. Не уверен, есть ли смысл в поездах дальнего следования для страны, чья площадь значительно уступает площади Российской империи, протянувшейся от германской границы с княжеством Польским на западе до Берингова пролива на востоке, но подобные вопросы и решать не мне. Что к лучшему.

Однако эти мысли занимали меня недолго. После выхода на платформу я убрал буклет в карман и обратил внимание на количество пассажиров. Характеризуя все одним емким словом — немногочленно. Недалеко от нас стояла группа мужчин с несколькими чемоданами и, судя по доносившимся до меня отголоскам слов, были они британцами. Нет, на английском говорит весь Иностраный корпус, почти все дворяне и высокопоставленные чиновники в Кении и половина Найроби.

Но вот акцент, выдающий в них гостей с туманного альбиона, эти товарищи спрятать не смогли. Хотя возможно, что это какие-то предприниматели или работники британского посольства в одноименной башне, расположенной в центре Найроби. Кроме группы британцев в повседневной одежде, на перроне растянулось еще с десятков групп разного вида людей, от местных жителей до франтов в костюмах-тройках. Быть может, это именно те чиновники, что тоже свободно говорят на английском.

— Посмотри в ту сторону, — дотронулась до моего плеча Фэйт, отвлекая меня от мыслей об окружающих людях, и указала на небольшой деревянный мост в отдалении, — туристам на станции расскажут о ее истории и о том, как прекрасно все устроила одна империя, сменив другую. Но такие мелочи, как с виду обычный мост, соединяющий станцию с производственным районом, тоже может быть по-своему интересным. Хочешь посмотреть на вид, который открывается оттуда?

— Конечно, — без раздумий ответил я и взял под руку Фэйт, — ведите прямо на мост, миледи!

— Пф... — фыркнула девушка, и мы неторопливо пошли в сторону пешеходного мостика.

— Знаешь, ведь этот мост был построен очень давно, — нарушила молчание Фэйт, когда мы поднимались по ступенькам, — металлические поручни и опоры успели поменять несколько раз только за время моей жизни. Что говорить о временах до моего рождения.

Мы преодолели ступеньки и подошли к перилам с правой стороны, пропуская нескольких проходящих мимо нас людей. Справедливости ради, ширина моста позволяла разминуться на нем двум людям. Разве что слегка потревожив друг друга.

— Но вот то дерево, из которого сложены ступеньки и сам мост, — продолжила говорить девушка, опершись на серый металл, — служит пешеходам уже не одно десятилетие. Их не меняли с того момента, когда мост построили больше ста лет назад, и до сих пор эти доски верой и правдой служат людям, желающим перейти с одной стороны на другую.

Девушка подняла ореховые глаза, и я невольно проследил за ее задумчивым взглядом. Действительно, с небольшой возвышенности моста открывался живописный вид на утренний Найроби: по левую руку вокруг станции находились неплотные заросли деревьев и кустарника, близко подходящих к железнодорожным путям; вдалеке виднелись несколько башен, но ни одно из высоких жилых зданий и близко не дотягивалось до вершины Британской башни, окутанной легкой дымкой; по правую руку я обратил внимание на несколько старых заброшенных вагонов, стоящих на рельсах в стороне от основных путей.

Удивительно, насколько близко природа подобралась к станции, буквально захватив окружающую ее территорию. Хотя, я не совсем прав. Это человек вклинился в это место, захватив часть земли для организации собственной комфортной жизни. Природа же потихоньку забирает все обратно, возвращая порядок жизни на круги своя. Минута за минутой, день за днем, год за годом.

— Эти поезда уже давно не используют для перевозок, — заметила мой интерес к посеревшим и где-то прогнившим остовам поездов Фэйт, — и столь же давно они просто стоят здесь. Когда-то они были нужны, а сейчас просто брошены. Для них не нашлось места даже в музее. Поэтому год за годом металл медленно гниет и превращается в труху. Это довольно... грустно.

Я не удержался и приобнял девушку за талию. Она права: когда-то эти вагоны помогали Российской империи обосноваться на новой для себя земле. Возможно, они везли кого-то из первых солдат Иностранного корпуса, приплывших на кораблях вместе с техникой и продовольствием через Индийский океан. А сейчас сама земля постепенно забирает их себе. Таков путь всего нового.

Мы постояли на мосту еще несколько минут, всматриваясь вдаль и думая о своем, пока один из проходящих людей не задел мою сумку и не вырвал меня из размышлений.

— Пойдем обратно? — нежно спросил я у Фэйт. — Поезд подадут скоро.

— Конечно, — девушка грустно улыбнулась и поцеловала меня в щеку. — Пойдем. Не стоит опаздывать.

Спустившись обратно на перрон, я заметил задержавшийся на мне взгляд одного из британцев. Высокий худой парень лет двадцати — двадцати пяти, по виду самый молодой из компании мужчин. Светлые коротко стриженные волосы взлохмачены, а пронзительные

серо-голубые глаза смотрят на меня изучающе... Я постарался улыбнуться максимально дружелюбно и слегка кивнул ему, на что парень хмыкнул и отвернулся. Видимо, улыбка у меня вышла не очень располагающей.

Через несколько минут мы уже заходили в вагон новенького белого поезда. Нижняя часть высоких вагонов была окрашена в зеленый цвет, и то там то здесь встречались надписи КЖД, которая и отвечала за обслуживание поездов. Я чуть не споткнулся, поднимаясь по неудобным металлическим ступенькам, но вовремя успел схватиться за поручень. Да здравствует великая и могучая КЖД! Мне бы очень не хотелось ходить по берегу прекрасного озера Ухуру с синяком на пол лица.

Наши места были в одном из последних вагонов, но я успел заметить, что бриты расположились в вагоне по соседству ближе к началу поезда. Это даже к лучшему, не придется слушать гомон из-за стены. Учитывая, что кроме нас пассажиров едва ли набралось на половину доступных мест, поездка должна была получиться спокойной. Последние события не располагали меня к очередным приключениям.

Мы зашли в вагон, и я убрал сумку на верхнюю полку, после чего устроился у окна. Ну да, поезда крайне похожи на своих собратьев из моего прошлого мира. Разве что у нас они были слегка комфортнее, да и верхняя часть окон открывалась не настолько широко. Хотя, наслаждаться жужжанием комаров все шесть часов пути в мои планы все равно не входило. С другой стороны, я меньше всего надеялся наслаждаться комфортностью вагона. Меня гораздо больше интересовала компания Фэйт.

После того, как поезд тронулся, часть пути мы проделали в тишине. Девушка сидела с другой стороны небольшого столика и смотрела в окно. Кажется, наш разговор нагнал на нее тоску. Нет, так определенно не пойдет. Впереди три дня на озере Ухуру и я меньше всего хотел бы, чтобы она не смогла воспользоваться так редко представившейся возможностью отдохнуть. Если я хоть что-то знал о профессии бармена, так это то, что как бы ты ни любил эту работу, долгие смены тебя все равно изрядно выматывают. Так что я решил перевести тему и задать вопрос, который неожиданно пришел мне в голову.

— Слушай, — обратился я с энтузиазмом в голосе к девушке, — Давно хотел спросить, как вообще получилось, что на берегу озера можно спокойно отдыхать, а в самом озере — плавать? Мне казалось, что, учитывая местное природное разнообразие, людьми захотят закусить как минимум аллигаторы?

— Да, в Ухуру раньше водились крокодилы, — неожиданно улыбнулась мне Фэйт, то ли из-за очевидности ответа на мой вопрос, то ли отвечая на мою попытку ее подбодрить. — До тех пор, пока покойный дедушка вашего нынешнего императора не решил, что после его свадьбы с принцессой Маргарет им просто жизненно необходимо провести часть медового месяца в новой имперской колонии. Я не знаю, как эту историю рассказывают у вас, но многие кенийцы говорят, будто он просто ткнул пальцем в самое большое озеро, которое увидел поблизости, и сказал, что хочет остановиться на его берегу.

— Да, кажется, я где-то слышал что-то такое, — ответил я Фэйт, покопавшись в памяти Святослава.

— Конечно, почти любой император — неглупый человек, — продолжила увлеченно рассказывать девушка, — и он попросил помощи у одного из знакомых архимагов. Не уверена, был ли он родом из Российской империи, но доступ к озеру закрыли на несколько дней. В том числе и для местных жителей. Никто не знает, чем он там занимался, но как результат — кристально чистое озеро, из которого словно ветром вынесло не только

крокодилов, но и всех паразитов. Кроме этого, на Ухуру с того времени не произошло ни одной сильной бури.

— Как мне кажется, Николай Александрович просто воспользовался предложением, чтобы попросить помощи у архимага, — проанализировал я рассказанную Фэйт историю, — вряд ли бы в другой ситуации хоть кто-то бы просто так очистил огромное по размерам озеро. Раз этот вопрос мы прояснили...

Я поднялся со своего места и закрыл дверь в купе на замок, после чего подсел к Фэйт.

— ... то я бы хотел воспользоваться предложением... — продолжил я и одной рукой обнял Фэйт, во взгляд которой вернулся свойственный ей задор и огонек, — ... и попросить помощи в одном важном вопросе.

Я закрыл проносящиеся за окном красоты кенийской природы рулонными шторами, после чего в купе установилась приятная глазу полутьма. Девушка повернулась ко мне всем телом и провела рукой по моим волосам.

— Помощи в чем, интересно узнать? — игриво уточнила Фэйт, приблизившись ко мне, и я почувствовал ее горячее дыхание на своей щеке.

В этот момент тишину разорвало шипение из динамика, расположенного у потолка каждого из купе, после чего из него донесся низкий грубый голос:

— Господа и дамы! Сейчас поезд совершит экстренную остановку. Прошу держаться за поручни, оставаться на своих местах и выложить все ценные вещи из багажа на стол!

Я едва успел отстраниться от Фэйт и схватиться за поручень у двери, после чего поезд остановился, стремительно и с жутким скрипом.

— Твою мать, — выругался я, вскочил с места и быстро отыскал перевязь с метательными ножами, лежащую в боковом кармане своей спортивной сумки. — Только этого не хватало!

Вагон огласили звуки выстрелов, доносящихся со стороны конца поезда. Либо часть нападавших попала в вагон с хвоста поезда, либо они уже были внутри, расположившись в одном из купе. Даже десяти минут на составление детального плана не было.

Поэтому я жестами показал напуганной Фэйт спрятаться в углу купе и ни в коем случае его не покидать. Кажется, она хотела возразить, но сидеть сложа руки я не собирался. В этот момент выстрелы также раздались в соседнем вагоне. Время, мать его, поджидает.

Я, насколько возможно, тихо открыл замок, приоткрыл раздвижную дверь купе и выглянул наружу, покрепче перехватив в руке один из снарядов, которые купил у Алины. Хотя бы перевязь подарила, иначе таскать бы мне ножи по карманам.

Метрах в десяти-двенадцати от меня стоял одетый в зеленую камуфляжную форму мужчина, на голове у него был синий тюрбан, а короткоствольный автомат смотрел в открытую им дверь, где находились пассажиры. Из купе доносился шум и приглушенные голоса. Учтывая, что слишком уж немногие решили путешествовать сегодня на поезде, нападавшие успели пройти уже почти половину вагона.

За ним я заметил двух налетчиков в похожей экипировке, которые тащили бездыханное тело предпринимателя в дорогом костюме, которого я заприметил еще до посадки на поезд. Либо мертв, либо вырублен.

Я бросил взгляд налево, откуда несколько секунд назад донеслись выстрелы, но с той стороны нападавших я не заметил, а двери остальных купе были закрыты. Закончив разведку, я убрал голову из коридора, прикрыл дверь, не защелкнув ее до конца, и перевел дыхание. Через минуту чиновника выволокут наружу, и тогда нападавших станет как минимум трое. Скорее всего, один держит пассажиров на мушке, другой грабит купе, а еще двое забирают заложников. Зачем им заложники пока вопрос десятый. Хотя это могут быть и трупы.

— На другую сторону, под сиденье, — тихо сказал я Фэйт, указав на место, где ранее напротив нее сидел я.

Девушка не стала задавать вопросов и быстро юркнула под сиденье, куда не проблема поместиться с ее хрупкой фигуркой. Я не собирался давать кому-то возможность добраться до нашего купе и навредить Фэйт, но в случае чего отодвинувший в сторону дверь человек первым делом увидит место, где до этого сидела девушка. Это даст мне время нанести удар ножом.

Все-таки их слишком много. Если четверо контролируют купе, из меня просто сделают решето. Значит нужно дожидаться, когда следующую жертву потащат на улицу и постараться заполучить автомат. Если бы только я метал ножи вполсилы так хорошо, как Алина. Или если бы со мной была хотя бы Свирель.

Ладно. Я сделал очередной вдох и приблизился к двери с намерением еще раз проверить обстановку. Однако в этот раз из соседнего вагона раздался крик, и я услышал громкие шаги, движущиеся в нашу сторону. Десять метров. Пять. Почти... сейчас!

Я молниеносно открыл дверь и резким движением вогнал нож в горло головореза, левой рукой схватив автомат и втягивая его за собой в купе. Синий тюрбан окрасился алым, а захрипевший бандит завалился за мной, успев нажать на курок. Выстрелы оглушили меня и пробили несколько дыр в двери, которую я открыл секундами ранее, но я успел вырвать автомат до того, как пули полетели бы в стенку соседнего купе.

Плюс автомат. Минус слух. И мертвое тело. Продолжаем расчет. Я пригнулся низко к полу и выглянул в коридор, держа оружие наготове. Со стороны унесших доходягу в костюме головорезов в мою сторону уже двигался еще один синий тюрбан. И он успел нажать на курок на долю секунды быстрее меня. Но опустить автомат ниже уровня груди бандит не успел. Это была последняя ошибка в его жизни, после которой зелень камуфляжа окрасилась алыми островками, а хозяин островов смерти свалился на пол и отправился напрямик в преисподнюю.

Я сорвал с головы мертвого врага синий тюрбан и несколькими движениями надел его на себя. Держится так себе, но для волка в овечьей шкуре сгодится. Учитывая одинаковый камуфляж у напавших на поезд людей, такая маскировка может дать мне необходимые для выстрела секунды времени.

Я вскочил на ноги и еще раз выглянул в коридор, держа автомат наготове и не особо скрываясь: нападавшие уже не раз стреляли не только в этом вагоне, но и в соседнем, значит какое-то время до прибытия кавалерии этих головорезов у меня есть.

В этот момент из купе, у которого незадолго до моей атаки находился убитый ножом террорист, выскочил его товарищ по несчастью. Им обоим прямая дорога в бездну была заказана еще одной короткой очередью. Судя по тому, как резко головорез завалился от нескольких пулевых ранений в живот, ни один из них бронежилет не носил. Но и бронежилет не спас бы от автоматной очереди в узком пространстве коридора поезда.

— Фэйт, запри дверь! — крикнул я, выскакивая из купе и задвигая его дверь за собой, после чего сделал рывок до отделения, перед которым лежал труп убитого мною человека в синем тюрбане.

Донесясь до этого купе на крейсерской скорости, я успел заметить, что внутри лежало тело одного из приятелей чиновника или предпринимателя, которого до этого выволокли отсюда. Половина его черепа представляла собой кровавую кашу. То ли ее снесли несколькими выстрелами, то ли его методично вбивали в пол вагона.

И это случилось еще до моего маленького восстания и выстрелов из соседнего вагона. Вот тебе и «оставайтесь на своих местах». Я выхватил автомат из обмякших пальцев синего тюрбана и забрал магазин, в котором по виду еще оставались патроны, переложив его в один из своих карманов. Спасибо бренду известной спортивной одежды, с которого сделали копию моих спортивных штанов с большими карманами на местном рынке.

Я двинулся дальше, делая мягкие пружинистые шаги, и остановился, не доходя несколько метров до выхода из вагона. В окна со стороны коридора не было видно ни автомобилей, ни противников. Значит, они должны быть с правой стороны, там, где внутренняя часть поезда просматривается через окна купе.

Сейчас меня видно быть не должно. Лестница! По идее, зайти или выйти из вагона без платформы или возвышенности не так-то просто, придется потратить несколько секунд на подъем по узким металлическим ступеням, на которых я чуть шею на свернул.

Мои мысли прервали лязг и сдавленная ругань на суахили совсем рядом. Время!

Я буквально прыгнул к выходу из вагона и выставил короткий ствол автомата из-за угла, целясь ближе к полу. Короткая очередь, приглушенный крик и выстрелы с улицы стали ответом на мои действия. Звуки выстрелов подстегнули лучше кнута, и через мгновение я уже открывал окно ближайшего к выходу купе, в котором также не было пассажиров.

Снаружи стоял потрепанный четырехместный внедорожник, напомнивший мне американские пикапы моего мира. Огнем вход в вагон поливал тюрбан, стоящий прямо

перед автомобилем. Его я срезал двумя точными выстрелами. Затем наступила гнетущая тишина, в которой мои органы чувств все еще пытались безуспешно различить противника. Кажется, я сумел отправить всех из них в мир иной.

Через несколько долгих секунд я аккуратными тихими шагами направился к выходу. На ступенях были следы крови, но головорезов не наблюдалось. Я выглянул наружу: под ступенями лежало тело одного из нападавших. Больше врагов не наблюдалось.

Спрыгнув на нагретую дневными лучами солнца землю, я перезарядил автомат, не тратя времени на подсчет патронов, и позаимствовал еще один магазин у свалившегося под лестницу бандита. При этом только сейчас я заметил небольшие следы синей краски на своих пальцах, словно я провел ими по еще не до конца высохшей акварели. Оттереться от нее придется позже, сейчас не до этого.

Быстро проверив машину, я увидел нескольких человек, лежавших в кузове без сознания. Еще пятеро пассажиров лежали за машиной и также не подавали признаков жизни. Времени на оказание помощи у меня не было, поэтому я просто вытащил ключ из замка зажигания машины, около которой в кровавой луже отдышал последний застреленный мною нападавший.

Я бросил быстрый взгляд в сторону головного вагона, но не разглядел других машин или людей с этой стороны поезда, даже дверь в соседний вагон уже была закрыта. Затем обогнул поезд сзади, но с правой стороны увидел лишь силуэт грузового автомобиля вдалеке, где-то в районе локомотива.

Нет времени, нужно двигаться дальше. Сигнал через динамик можно подать только из кабины машиниста. Поэтому я перехватил автомат покрепче, залез обратно в вагон не без помощи великих и могучих русских ругательств, после чего пулей рванул к купе, где пряталась Фэйт.

— Я в порядке, — громко сказал я, подойдя к двери и проверив, что она все еще была закрыта. — Никому не открывай дверь и оставайся на месте!

После этого я тихо подошел к переходу в предпоследний вагон и вслушался в гнетущую тишину. Несколько минут назад оттуда доносились выстрелы. Проверять прочность собственной шкуры на предмет сопротивления патронам крупного калибра категорически не хотелось. Поэтому я постоял еще несколько долгих секунд для верности. Тихо. Действительно тихо. Не дождавшись божественных знамений, запрещающих мне входить внутрь, я, как истинный агностик, перекрестился, и резко рванул за ручку, открыв дверь в следующий вагон настежь и приготовившись к неизбежному.

Оценить обстановку я не успел. Мне просто-напросто крепко прилетел неизбежный удар в голову. Нет, меня не просто ударили в лицо. По мне словно проехался сельскохозяйственный комбайн. От такого удара из меня выбило не только дух, но и автомат, который отлетел от меня и куда-то с лязгом завалился. Как и тюрбан, который и до этого едва держался на моей голове, а сейчас от резкой смены положения с вертикального на горизонтальное перестал быть частью моего гардероба. Кажется, я добегался.

— Это свои, — раздался надо мной подбадривающий шепот.

Странно, но видимо меня ударили настолько сильно, что мне показалось, будто шепот говорил на чистокровном английском с британским акцентом.

— Твою мать, — только и смог сказать я до того, как чьи-то крепкие руки рывком подняли меня на ноги.

— Тише, — продолжил тихо говорить со мной голос, пока я кое-как протираю глаза и

морщился от вспышек боли в левой скуле, — на английском говоришь?

— Да, — едва слышно ответил я, наконец сумев разглядеть того, кто так здорово меня приложил.

Коротко стриженный молодой парень с ухмылкой до ушей и пронизательными сероголубыми глазами. Чтоб ему в Тартар провалиться.

— Хорошо, — перестал ухмыляться британец, — я Итан. Будем знакомы. Доложи позывной и обстановку по своему вагону.

— Святой. Четверо нападавших внутри вагона мертвы, — мгновенно отреагировал я, — снаружи несколько гражданских без сознания в кузове внедорожника. Справа от головного вагона стоит еще один автомобиль, количество противников неизвестно.

Только сейчас я смог до конца прийти в себя, если не считать не проходящего гула в голове, и разглядеть, что произошло в вагоне, где ехали британцы. На стенах вагона в нескольких местах красовались пулевые отверстия, двери ближайших купе, насколько я смог заметить, были закрыты, а в конце коридора дежурил еще один из попутчиков Итана. Тел в синих тюрбанах в коридоре не было, скорее всего их спрятали в одном из отделений.

— Принял, — ответил Итан, достав из нагрудного кармана рацию. — Отбой. Последний вагон чист. У нас еще один боец. Готовность три минуты.

Ответ я не разобрал, но Итан уже двинулся вглубь вагона, жестом пригласив меня следовать за ним. Отойдя на несколько метров, он поднял с пола автомат и протянул его мне. Я молча забрал оружие и двинулся следом.

Итан остановился перед одной из дверей, несколько раз постучал и затем отодвинул ее в сторону. Внутри двое коллег Итана заканчивали связывать руки и ноги одного из нападавших.

До этого я не обращал внимания на внешность под тюрбанами, но сейчас успел бросить взгляд на лицо одного из головорезов. Смуглая кожа, короткие черные волосы. Остальные черты едва ли просматривались под кровавой кашей, в которую его превратил сельскохозяйственный комбайн под именем Итан. В том, что бил его именно он, я не сомневался.

— Со мной еще один боец. Зовут Святой, — отметил наше присутствие Итан, товарищи которого заканчивали с веревками. — Святой, это Эд и Чарли. В начале вагона дежурит Джон. Он останется с пленником. Нам как раз не хватало одного человека для зачистки, так что слушай внимательно.

Называя имена попутчиков, Итан коротким кивком обозначил каждого из них. Всех британцев отличала короткая стрижка. Эд был невысоким крепким парнем с черными как смоль волосами и густой темной щетиной.

В противоположность ему волосы Чарли были светлыми, почти белыми, словно выгоревшими на солнце, а его лицо было гладко выбрито. Времени размениваться на детали у меня не оставалось, но что-то мне подсказывает, что имена у этих товарищей такие же настоящие, как и мой позывной, который по-английски звучит «Сэйнт» и не имеет общего с именем Святослав корня. Впрочем, так даже лучше. Хотя что-то мне подсказывает, что на русском некоторые из этих ребят могут говорить даже лучше меня.

— Судя по твоему докладу, поезд штурмуют с двух сторон — по четыре-пять человек, — продолжил спокойным тихим голосом давать установку Итан. — В некоторых вагонах могут оказаться один-два случайных противника, которые контролируют обстановку. Остальные же в это время грабят пассажиров со стороны начала и хвоста поезда, и выводят заложников.

Он был удивительно спокоен, учитывая текущие обстоятельства.

— На шум отсюда и отсутствие связи однозначно сбегутся новые противники, — командовал уверенным голосом мужчина, — поэтому действуем следующим образом: Джон остается здесь, прикрывает нас от атаки со стороны хвоста поезда; ты и я выходим наружу, Эд и Чарли зачищают поезд изнутри; движемся с одинаковой скоростью, я с правой стороны поезда, ты с левой, парни внутри. Вопросы, предложения?

— Никак нет, — ответил я после секундной задержки, — нам с тобой лучше держаться вплотную к вагону. В случае опасности можно укрыться под поездом, за колесами.

План логичный. Набросать что-то изящное и абсолютно безопасное для всех сейчас просто невозможно. Если у локомотива также остановился джип или грузовик, то лучше контролировать входы в вагоны и снаружи, и внутри. А там как пойдет.

— Принял, — сказал Итан, выходя из купе и направляясь в сторону Джона. — Давай за мной. И да, одну рацию отдам тебе. Частоту не меняй. Связь только в случае экстренной угрозы, иначе — тишина в эфире. Ждешь команды от Эда о пройденном вагоне и движешься по их команде.

Итан передал мне небольшую рацию, по размеру меньше армейских аналогов. Я убрал ее в карман штанов, таскать ее и автомат в руках неудобно. Пока мы шли в начало вагона, я вытащил магазин и проверил, остались ли там патроны. Да, на пару очередей хватит. Или на дюжину выстрелов, если точно стрелять одиночными.

Плюс один полный магазин, который я вытащил из машины. Хотелось бы сказать, что мне приходилось воевать и с меньшим. Но кроме ситуации ранее с тремя метательными ножами иных патовых столкновений мне на ум не приходило. Хотя быть может, в жизни предыдущего Святослава происходило что-то эдакое.

Когда мы подошли к Джону, Итан в двух словах обрисовал ему изменившийся план. Лицо Джона я смог разглядеть довольно подробно. По виду он был самым старшим из команды Итана: паутина глубоких морщин изрезали его лоб и подбородок, а суровую внешность дополняли длинный застарелый шрам на правой щеке и заметная седина в темных волосах и щетине.

Его небольшие глаза немигающим взглядом уставились на Итана, пока тот докладывал обстановку, а затем оценили меня настороженным взглядом. То, что я не простой пассажир, понятно любому. Простые пассажиры не зачищают вагон с террористами. Видимо, старый лис пытался прикинуть, кем я могу являться. Хотя вариантов тут немного и все они сводятся к выбору звания в Иностранном корпусе или подразделения в агентуре разведки Российской империи.

Джон лишь коротко кивнул и двинулся в сторону купе, где находился пойманный пленник. В это время с той стороны уже подошли два других британца.

— В локомотив без команды не лезьте, — сказал Итан мне и подошедшим товарищам, — И да поможет нам Бог.

Я не стал спорить с британцами или пытаться взять руководство на себя. Мы смогли захватить два вагона и предположительно уничтожить половину противников. С этой стороны уезжать просто некому, да и ключи от их транспортного средства были у меня. Проблема была в том, что в следующих вагонах точно оставались пассажиры, которых вывести из поезда еще не успели. И это добавит проблем Эду и Чарли. Мне же могут добавить проблем пара автоматных очередей из какого-нибудь окна, поэтому я двигался вплотную к вагону, пригибаясь почти к самой земле.

— Заходим в вагон, — отрапортовал Эд, после чего я начал медленно продвигаться мимо вагона с надписью «17» на борту.

Зачищать целый поезд придется долго. Нападавшие могут прятаться в купе вместе с гражданскими, тогда британцам внутри не позавидуешь. С другой стороны, у нас может получиться отпугнуть группу в начале поезда, если учесть, что их коллеги пали смертью не слишком храбрых и уже несколько минут не выходили на связь.

В этот момент я услышал шаркающий звук над собой и не до конца сообразив, откуда он исходит, поднял оружие над головой и отпрыгнул в сторону от вагона, вдоль которого двигался.

Из открытого окна на меня смотрел... ребенок. Кудрявый мальчик, лет десяти на вид. Одет в футболку и джинсы. Видимо, он испугался громких звуков и решил выбраться наружу.

— Обратно в вагон, — сказал я вполголоса пацану на русском, опустив оружие и сделав лицо помягче, скрывая тревогу, — опусти штору, спрячься под сидением и не вылезай. Я и ребята в вагоне — хорошие парни. Скоро все закончится.

Паренек, до этого смотревший на меня большими полными ужаса глазами, медленно кивнул и убрал голову обратно в вагон. После этого он задернул штору, я же обратился к британцам по рации:

— В одном из купе ребенок, аккуратнее.

— Принял, — услышал я подтверждение от Эда.

Принял так принял. Мальчик мог и не говорить на английском, так что будет лучше, если он последует примеру Фэйт и полежит под сидением. Если он, конечно, не внебрачный сын какого-нибудь архимага, тогда он бы нам очень помог своей магией. Но рассчитывать на подобные совпадения не приходится.

Я мучительно долго двигался вдоль семнадцатого вагона, ориентируясь на команды «чисто», которые отдавал Эд, проходя каждое купе. Я остановился в конце вагона и стал ждать новых указаний от британца. Однако в этот момент нас прервал Итан.

— Вижу автомобиль у электровоза, — послышался спокойный безэмоциональный голос в рации, — фиксирую движение. Несколько противников. Дистанция четыреста пятьдесят — пятьсот метров. В перестрелку не вступаем, бережем заложников. Пока ждем.

— Принял, — почти одновременно отреагировали я и Эд.

Я опустил на одно колено и продолжил неподвижно ожидать распоряжений Итана. Мы едва ли успели пройти три вагона, но любым террористам или наемникам и так должно быть понятно, что их люди мертвы. Значит, варианта два: напасть или отступить. Судя по всему, они выберут последний.

— Грузовик отъезжает и движется в противоположную от нас сторону, — прервал гнетущую тягостную тишину Итан. — Предположительно, противник отступает. Продолжаем зачищать вагоны. Будьте начеку.

— Так точно, — сказал Эд, — заходим в следующий вагон.

— Принял, — произнес я, начиная движение.

На то, чтобы прочесать весь поезд, ушло еще порядка двадцати-тридцати минут. Но по мере приближения к локомотиву, пассажиров становилось все меньше, а в первых не было вовсе. Как и тел. Значит, Иностранному корпусу или кому-то поважнее в скором времени придется заняться поиском тех, кто напал на поезд.

Нам же, не совершившим больше ни единого выстрела, оставалось только успокоить

целых пассажиров, оказать помощь пострадавшим и ожидать прибытия кавалерии.

Если подводить итог: отдохнуть в полной мере не получилось. Через какое-то время к остановившемуся и распотрошенному поезду прибыли первые патрули Иностранного корпуса, включая отряды быстрого реагирования.

До этого момента я не горел особым желанием делиться какой-либо информацией о себе с незнакомыми мне британцами. Они тоже, в свою очередь, не откровенничали, и получилось, что время до прибытия первых имперских солдат мы забили короткими переговорами по рации об обстановке, погоде и скором продолжении пути.

Два внедорожника с военными приехали со стороны Найроби, поэтому первым встречал их я, вернувшийся в последний вагон к Фэйт. Девушка явно находилась в некотором шоке, но потихоньку отходила, увидев, что я не сильно пострадал. Только боль в скуле напоминала о ретивом командире британского отряда, в чьей принадлежности к разведке или военным структурам я не сомневался ни капли.

Но свои размышления я заранее решил оставить при себе и доложить о них только Лешему по прибытии в расположение корпуса. Учитывая сложные отношения между ИК и имперскими дипломатами, лишний раз накалять ситуацию внутри структур мне показалось излишним. Игнат же разберется, кому положено знать о четырех британских диверсантах, а кому нет.

Разговор с командиром отряда быстрого реагирования, прибывшего первым на место нападения, вышел коротким. Я предоставил ему свои документы, но мы были знакомы и без них, хотя почти не общались. Поэтому доклад по нападению он принимал от меня в отдельном купе, пока его бойцы осматривали поезд.

После того, как я передал офицеру информацию о заложниках, он направил указания о предполагаемом маршруте грузовика другим патрульным машинам, но и без слов было понятно, что местные гораздо лучше пришлых солдат смогут затеряться на просторах саванн и лесов. Допрос же компании британцев офицер предложил провести в моем присутствии, чтобы он мог опросить всех участников перестрелки.

Решение похвальное. Подвело исполнение. Хотя я изо всех сил изображал из себя обычного туриста, что подтвердил и прибывший отряд Иностранного корпуса, турист из меня такой же, как и из этих ребят предприниматели. Только актерская игра у них на несколько уровней выше моей.

Именно так они и представились: группа частных лиц, которая прибыла в Кенийскую Свободную Республику с соблюдением всех формальностей, включая право на работу, по приглашению Британского посольства. Как сельскохозяйственные эксперты. Итан — глава компании, а его подопечные заместители разной степени важности.

Офицер корпуса мельком бросал на меня взгляды, как бы задавая немой вопрос: «а каким, собственно, образом, группа фермеров может быть настолько тактически подготовлена, чтобы разобраться с вооруженными головорезами?»

Я лишь тактично улыбался и кивал головой, пока вошедший в раж Итан отчитывался о случившемся нападении, периодически вставляя замечания о влиянии засухи на плодородную кенийскую землю и климатически оптимизированном сельском хозяйстве. Былая скупость и военная краткость команд сменилась на слегка занудный тон.

А очки, которые парень успел откуда-то достать и надеть на нос, дополняли образ главы

молодой и перспективной сельскохозяйственной компании, которая упорным трудом выбила себе гранты от британского правительства в Уганде, куда и направлялась из Кении с остановками в Момбаса, Найроби и на озере Ухуру.

Эд и Чарли, которые по легенде Итана отвечали за охрану в его компании, расположились на сиденьях, а Джон часто прикрывал лицо платком, будто ему тяжело давалось дышать воздухом, пропахшим кровью и порохом. Хитрый лис также иногда поглядывал на меня и в уголках его глаз мелкие морщинки становились чуть заметнее, словно он пытался скрыть ухмылку. Или быть может, мне просто показалось.

Помучив офицера Иностранного корпуса данными о среднем использовании воды в сравнении с выпавшими осадками и имеющимися запасами, Итан завершил свой рассказ, но представление на этом не закончилось. На сцену прибыли другие артисты.

В этот раз — дипломатический корпус. Знакомый мне секретарь был несказанно удивлен увидеть человека, которого днем ранее отправили в неофициальную ссылку на несколько дней подальше от неприятностей, в центре этих самых неприятностей. Лицо сотрудника посольства выражало крайнюю степень негодования, а мои попытки успокоить его и напомнить, что проблема исследования «водного следа» для экономики Кении гораздо важнее, чем передвижения отдельно взятого аспирана, не увенчались успехом.

От дальнейшего расследования меня отстранили. Но от вопросов, в этот раз заданных приехавшими с секретарем людьми, меня это не избавило.

Поэтому в отличие от других пассажиров, которых несколько автомобилей забрали и доставили до ближайшего населенного пункта, я, Фэйт и британцы задержались на месте нападения еще на несколько часов. Лишь после этого меня доставили до ближайшей станции. Говорить о том, что два оставшихся дня, проведенных на озере Ухуру оказались изрядно подпорчены случившимся на железной дороге разгромом, полагаю, не стоит.

С другой стороны, природа и моя компания помогли Фэйт прийти в себя. Я старался не напоминать ей лишний раз об инциденте в поезде, как и о моей госпитализации после сопровождения конвоя геологического общества. О перестрелке с контрабандистами я вообще умолчал.

Поэтому сейчас, плаваясь под безжалостным ослепительным солнцем на площади в центре города, я вспомнил события прошлой недели с чувством горькой радости: мне не хотелось, чтобы жизнь Фэйт превратилась в череду ожидания моего возвращения с очередного дежурства, наполненного тревогой и волнением.

Справедливости ради, причиной, по которой отряды быстрого реагирования стянули на площадь перед Собором Святого Семейства, кроется не только в ее близости к кварталу Иностранного корпуса. Дело тоже в волнении. Но другом по своей природе: на пространстве рядом с церковью, способной вместить немало людей, собрались местные жители. Они заполнили не только пространство перед старейшей каменной католической церковью в Найроби, но и соседние улицы.

Сейчас занятый митингующими, изначально выступающими в защиту прав рабочих железных дорог, центр города представлял собой самое настоящее осиное гнездо. Окруженное полицией и в срочном порядке стянутыми силами Иностранного корпуса. Уверен, что руководство Свободной Республики, включающее в себя клан Татищевых, которым на бумаге принадлежит единственная российская колония в Африке, спешно работают над планом по деэскалации.

Хотя пока протест остается мирным: лозунги и плакаты не призывают к свержению

императора или клановой власти, а значит разгонять жителей кнутом никто не будет. Репутация дороже.

Для многих собрание жителей в нескольких минутах ходьбы от базы Иностранного корпуса выглядело стихийным. Несмотря на офицерское звание, информации о зачинщиках, спланировавших забастовку, было катастрофически мало. Точнее, ее не было вовсе. Поэтому разбитые на двойки отряды быстрого реагирования медленно кружили вблизи нескольких тысяч протестующих, совместно с полицией, но оставались в неведении, как за несколько часов два десятка человек превратились в тысячи.

У меня есть свои мысли по этому поводу, но от размышлений, сопутствующих ходьбе и наблюдению за толпой в паре с Ехидной, меня прервали двое человек в полицейской форме.

— Святослав Андреевич, — обратился ко мне высокий смуглый мужчина тридцати-тридцати пяти лет на вид, козырнув двумя пальцами, — разрешите обратиться?

Это сержант Ливай, который вместе со своим младшим товарищем пришли мне на выручку несколько недель назад в парке по пути из Вестланда на рынок Масаи. С тех пор в обязанности полиции, кроме задержания грабителей по скверам и паркам, стало входить тесное сотрудничество с Иностраным корпусом.

Пусть доступ к общим каналам был только у сержантов, я сомневаюсь, что кто-нибудь из них знал детали о случившихся нападениях искателей или неизвестных наёмников, поэтому информации у них было еще меньше, чем у нас. Но в любом случае правду никогда не удастся скрывать долго.

— Разрешаю, — ответил я спокойным голосом, еще раз осматривая столпившихся в десятке метров от нас людей, вокруг которых кружили другие полицейские.

— Эм... — слегка замялся Ливай, потеряв подбородок, рукой заросший неопрятной щетиной, — я хотел уточнить, нет ли дополнительных распоряжений для полицейских.

Переводя завуалированный вопрос сержанта, который услышит новые распоряжения для служб местной полиции через средства связи без помощи аспирана Иностранного корпуса, Ливай хотел бы знать, что, черт побери, здесь происходит. И какие шаги предпримет корпус.

Хотел бы и я получить ответы на эти вопросы. Только в сложившейся ситуации все дворянские привилегии в виде возможной связи с родом Татищевых или кем-то из дипломатического корпуса сходят на нет. Солдат есть солдат. Даже если он офицер.

— Распоряжений не поступало, — буднично произнес я сержанту, младший товарищ которого на этих словах насупил свои густые брови, однако я тут же добавил более мягким голосом: — Но на несколько ваших вопросов могу ответить, чтобы полиции и корпусу не пришлось потом сталкиваться лбами. Какой брифинг у вас был до выезда?

Мне действительно не хотелось подставлять полицейских, которых скорее всего просто направили сюда без внятных объяснений. За последние несколько недель содействие ИК полиции усилилось, и наш квад несколько раз работал с полицейскими, включая Ливая, который не забыл нашу первую встречу.

При личном общении отчества, уже прижившиеся в Кении за десятки лет под флагом российской империи, опускались. Но во время службы соблюдалась субординация. С которой в корпусе, на самом деле, все было довольно снисходительно при личном общении. Но допускать подобного при колоссальной разнице в званиях все равно непозволительно.

— Любые детали отсутствуют, — ответил сержант, скрестив руки на груди, — нам дали команду оцепить район и постараться избежать конфликтных ситуаций.

— Принял, — произнес я, вспоминая события сегодняшнего дня и информацию от аналитиков корпуса. — Тогда без вопросов, я просто быстро обрисую ситуацию. Сегодня в десять утра перед собором начались одиночные пикеты. Несколько человек молча держали над головой плакаты с лозунгами в защиту прав рабочих КЖД. Информация о протестах поступила в корпус только к полудню, когда образовались несколько крупных групп митингующих, все еще исчисляющихся в сотнях.

— Хорошо, — утвердительно кивнул мужчина, — Как отреагировало командование?

— Приказа о разгоне не поступило. Силы корпуса собрали для наблюдения, контроля и деэскалации, — продолжил говорить я, более не прерываемый собеседником, — С тех пор на волне мертвая тишина: верхи не хотят, низы не могут. Приказов о вмешательстве нет, количество протестующих растет. Теперь лозунги звучат не только о КЖД, но и о местных фермерских хозяйствах, прекращении переселения народов масаи и кикуйю в заповедные земли, налогах и дальше по списку. Пока инцидентов между протестующими и силами правопорядка не было.

— Вас понял, Святослав Андреевич, — посмурнел Ливай, который все больше хмурился во время моего краткого пересказа событий. — Спасибо.

— Место они выбрали плохое, — вмешался в разговор коллега сержанта.

— Почему? — задал я логичный вопрос.

— Кхм... — съежился под взглядом долговязого Ливая офицер Раймонд, коренастый напарник сержанта, — в собор первыми стали ходить строители центральной станции, здесь неподалеку. Из которой еще ходят поезда до реки Ату и города Кисуму...

— Знаю такую, — процедил я сквозь зубы, вновь вспомнив о недавнем нападении на поезд, где Фэйт могли запросто убить. С этими пустынными разбойниками точно нужно будет что-то делать. Знать бы еще только, что именно.

— ...так вот, — слегка замялся Раймонд, подбирая слова, — место, получается, совсем нехорошее. Те же тоже были железнодорожники, получается...

После этого офицер замолчал и бросил быстрый взгляд на коллегу, видимо посчитав сдержанное мной раздражение адресованным ему. Неловкое промедление нарушил Ливай.

— Мы вернемся к машине, Святослав Андреевич, — сказал сержант и козырнул мне правой рукой, — Благодарю за информацию.

— Без проблем, — ответил я ему тем же жестом, — берегите себя.

Полицейские быстрым шагом направились в сторону одного из переулков, ведущих с площади на юго-восток, по направлению к железнодорожной станции и национальному музею Найроби. Со своей позиции я не мог разглядеть полицейский транспорт, но уверен, что за время нашего пребывания на площади вокруг нее собрались и автомобили местных сил правопорядка, и машины Иностранного корпуса.

О чем я не предупредил своих коллег, так это о том, что у отрядов быстрого реагирования были свои радиочастоты, чтобы лишний раз не занимать общий канал, настроенный для экстренной связи. Надеюсь, что нас и дальше будет успокаивать его блаженная тишина.

— Продолжаем движение? — оторвала меня от наблюдения за двумя удаляющимися фигурами Василиса, которая была сегодня на удивление спокойна и собрана.

— Так точно, — произнес я, слегка улыбнувшись девушке, — нечего на одном месте топтаться.

Мы медленно двинулись севернее, проходя между рядов расступающихся перед нами

людей. Справедливости ради, весь наш хвалёный контроль ситуации представлял собой топтание на одном месте в течении нескольких минут и наблюдении за поведением людей, собравшихся у собора. Затем мы двигались на несколько десятков метров против часовой стрелки и вновь останавливались.

Такой своеобразный цикл, который будет продолжаться до поступления иных распоряжений по рации. Именно поэтому Ливай, знакомый с общими для имперских служб протоколами, ловко подловил нас, пока мы ожидали положенное время без движения. Впрочем, понять сержанта можно. Если для Святослава Львова эта земля и эти люди должны были являться чужими, то Ливай вполне мог видеть знакомые лица среди толпы.

Я всматривался в движения и лица людей, но пока не видел в них агрессии. По краям площади было не так тесно, как, например, ближе к ее центру, поэтому здесь кенийцы курили, сдержанно улыбались и переговаривались между собой. Люди постарше не обращали на кружащих вокруг них офицеров никакого внимания и щурились глазами под лучами солнца, спешащего спрятаться за горизонтом.

Некоторые из них держали за руки детей. У них, как и у многочисленных подростков, на нас была немного другая реакция. И если детвора в основном разглядывала нашу полевую форму с откровенным любопытством, то молодые люди косились на офицеров корпуса и полицейских с опаской.

Несмотря на экстраординарную ситуацию в виде происходящей на площади демонстрации, наш квад, как и многие другие отряды, вырвали со службы и бросили сюда днем, когда начал стремительно вырисовываться масштаб происходящих событий.

Одним из указаний была экипировка: солдатам корпуса, находящимся в непосредственной близости к эпицентру протеста, было приказано явиться не в защитных комбинезонах и с винтовками наперевес, а облачиться в полевую форму и ограничиться малым по размеру оружием, в основном пистолетами.

К тому же, пистолет и без того являлся частью подобного облачения: солдат никогда не должен находиться без оружия, даже в городе. Что примечательно, частью формы являлся легкий бронежилет. Поэтому совсем без защиты мы не оставались никогда. Зато никого не провоцировали видом боевой выкладки.

— Стоп, — скомандовал я, когда мы дошли до края площади на северо-востоке.

Мы остановились, и я начал мысленный отсчет до начала следующего монотонного цикла. Однако всю монотонность прервали несколько знакомых фигур, которые я заметил на небольшом отдалении от себя. Трое мужчин, как на подбор одетых в рваные потертые джинсы и поношенные кожаные куртки. Учитывая вполне теплую погоду, подобная приверженность определенному стилю всех трех человек могла бы вызвать вопросы, но несколько особенностей их внешнего вида все вопросы снимали: бандана, борода и по-прежнему смурное лицо. Байкеры.

Старый Кобэ, (глубокие морщины на его лице, казалось, никогда не разглаживаются), держал в руках бумажный пакет, из которого торчало только горлышко бутылки. Не стоило труда догадаться, что байкер прикладывался к бутылке отнюдь не лимонада, но, учитывая сложившееся столпотворение, вряд ли кто-то из полицейских станет придирается к старику из-за подобной мелочи. Да и формальности опытный мотоциклист соблюдает, арестовывать его не за что.

Оби, в своей бессменной черной бандане с черепами, о чем-то увлеченно переговаривался с Кобэ, активно жестикулируя, но тот лишь изредка пожимал плечами и

делал небольшие глотки горячительного. Во время очередного жеста самокрутка в руке байкера в бандане описала замысловатый пируэт перед хмурым лицом товарища, однако тот лишь слегка поморщился, не обращая внимания на дым.

Оба мотоциклиста стояли лицом ко мне, но не обращали на нас с Васей никакого внимания. На площади было слишком многолюдно, чтобы двое солдат Иностранного корпуса выделялись. А вот Барка, третий байкер, стоял ко мне спиной, и я не мог видеть выражение его лица. Зато даже отсюда можно заметить края его окладистой черной бороды. Интересные персонажи, ничего не скажешь. У каждого из этой троицы прямо-таки свой товарный знак.

— Время, — закончился отсчет в моей голове, который никак не мешал рассматривать людей вокруг на предмет возможной угрозы, — Начинаем движение.

Ехидна слегка кивнула, и мы вновь тронулись с места. Протокол есть протокол. Чтобы создать хотя бы видимость контроля за демонстрацией, без движения мы были всего три-четыре минуты. По-настоящему надзирать за каждым из тысячи протестующих попросту невозможно.

Я продолжал рассматривать людей, отмеряя полтора-два десятка шагов до следующей остановки. Но в этот момент, словно в подтверждение моих предыдущих мыслей, я заметил короткое синее свечение боковым зрением. Повернув голову, мой взгляд упал на худую фигуру невысокого парня, одетого в синие джинсы и черную толстовку.

Его лицо скрывал капюшон, но подозрительным было не это. Он просто стоял без движения, опустив руки по швам. Люди вокруг говорили и слушали, сердились и улыбались, останавливались и двигались. Какой бы однородной не была толпа, она не оставляла никого расслабленным, безэмоциональным. Равнодушным.

Еще и странное свечение то ли синего, то ли голубого цвета. Я переводил взгляд на людей вокруг парня, стараясь не выпускать того из поля зрения... мне же не могла просто померещиться магия в лучах заходящего африканского солнца?

— Командир, у меня подозреваемый, — сказал я в рацию, предварительно переключившись на другую частоту, чтобы полиция галопом не понеслась ловить юркого паренька, который легко скроется в толпе или прилегающих переулках, — Разрешаешь преследовать?

Повисла тишина. Не дожидаясь ответа от медлившего Лешего, я повернул налево, направляясь вглубь площади по дуге. В это время краем глаза заметил, что Василиса остановилась и ожидала ответа Игната.

— Разрешаю, — сдержанно ответил командир, когда я успел отойти от Ехидны на добрые пять-шесть метров. — Какие приметы?

— Темно-синие джинсы, черная кофта с капюшоном, — начал перечислять я, значительно понизив голос, — рост в районе ста семидесяти сантиметров, телосложение худое. Возможно, маг.

— Твою мать... — донеслась до меня тихая ругань Василисы по рации, — подожди пять-десять секунд, я тебя догоню.

— Ответ отрицательный, — отреагировал я, вновь попытавшись найти глазами фигуру парня в толпе.

Но его там уже не было. Черт! Я же на секунду отвлекся... вот девушка в светлой блузке и юбке ниже колен, рядом с ней мужчина в серой футболке, беседующий с двумя подростками... он же был прямо тут!

Я продолжил двигаться на то место, где последний раз видел потенциального мага. В основном на меня не обращали внимание, но проходя совсем рядом с кем-то из протестующих помоложе, я отчетливо слышал ругань сквозь зубы и холодные взгляды на своей спине. Хорошо, что пока никто из них не лез ко мне с разговорами или кулаками. Надеюсь, так будет и впредь.

— Разрешите, пожалуйста, — обратился я к мужчине в сером, протискиваясь сквозь густую людскую массу и пытаюсь разглядеть черную кошку в черной комнате. Он что, испарился, что ли?

Когда я был готов начать нервничать и слепо шарить в толпе в поисках беглеца, мягкий синий свет вновь указал мне путь: самый центр площади, откуда разные люди по очереди говорили о своих проблемах, а протестующие вторили им громкими лозунгами. Сейчас на сооруженном наспех из нескольких коробок пьедестале стояла высокая женщина средних лет, слова которой я не мог расслышать за шумом толпы. Придется лезть в самое сердце протеста.

— Свят, остановись, — оповестила меня Ехидна, когда я начал протискиваться в сторону неподвижного паренька в темной толстовке, — нам не положено лезть в центр демонстрации.

— Акул бояться — в море не ходить, — пробормотал я сквозь зубы, продолжая движение. В этот прекрасный день именно Вася решила напомнить мне о правилах. Чудеса, да и только.

В центре площади было не протолкнуться. Паренек стоял почти у самой импровизированной сцены, все так же расслабленно и без движения. Я же начал получать легкие тычки в ребра и плечи, и не отпускал правую руку с застегнутой кобуры со служебным пистолетом. Расстояние между мной и беглецом сокращалось, но оно сокращалось еще и с говорившей с толпой женщиной, чьи слова я наконец смог разобрать.

— ... Они забрали наши земли, — уверенный голос женщины заполнял все пространство вокруг нее, медленно и тягуче оседая на камнях площади перед собором

Святого семейства, — земли наших предков. И отправили их умирать в пустыне. Но они не погибли. Они помогли друг другу. Они умирали от голода, жажды и болезней, но дали жизнь своим детям. Даже тем, кто не был им родным. Потому что в них текла родная кровь, которую...

Странно, но чем ближе к центру я подходил, проталкиваясь через окружавших меня плотным кольцом людей, тем тише вокруг становилось. Кажется, что гомон и гогот доносился откуда-то из-за спины. А здесь, в сердце протеста, люди слушали друг друга. Не просто в тишине. В напряжении.

— ... Затем наступило новое время, — ее негромкий глубокий голос пробирал до костей, словно приглушенный гром, — но ни одна церемония не изменила порядка вещей. Нас выгнали с земли, которая усилиями наших предков стала благостной и гостеприимной. И поселили там, где сотни лет не ступала нога человека. Там, где...

Единственной выбивающейся из обстановки фигурой являлся маг в синих джинсах и темной толстовке. Он продолжал стоять неподвижно, словно собравшиеся вокруг люди не заботили его вовсе. Мне оставалось пройти каких-то десять-пятнадцать метров до края пьедестала, на котором стояла вещающая женщина. Ну же, совсем чуть-чуть!

... И кто поможет вам? Кто служит вашим интересам? — Те, кто не слышат ваших просьб? Подними свой взор и узри истину!

Я невольно оторвал взгляд и увидел, как женщина указывает пальцем на меня.

А вот лица окружавших меня людей изменились. Еще секунду назад они были напряженными, но не враждебными. Сейчас же многие из слушающих проповедь, а по-иному назвать такое выступление было сложно, заметили солдата Иностранного корпуса в своих рядах, и обратили на него негодующие взоры. Мне стало тяжелее продвигаться вперед, а чьи-то крепкие руки ощутимо толкнули меня в спину, отчего я чуть не свалился на землю, с трудом сохраняя равновесие.

— Но сегодня не день для гнева, — ее голос стал мягче, заметно разряжая загустевший от возмущения воздух вокруг меня. — Сегодня день памяти. Помните, что ваше сердце будет лгать вам. Но ваша голова скажет правду, если вы будете внимательно слушать. Сегодня — день знаний. Ибо глупо быть мудрым там, где невежество — блаженство. Знайте, кто вы и откуда пришли. И позвольте другим идти с миром.

Почувствовав, как давление толпы постепенно ослабло, я перевел взгляд на беглеца, но... его уже и след простыл. В этот раз я не испытал удивления или раздражения. Парень, должно быть, хороший маг воздуха, если мог передвигаться среди тысяч живых людей с такой скоростью и аккуратностью. Поймать его в толпе будет непосильной задачей. Значит, нужно выбирать и придумывать новый план.

Я начал двигаться на запад, пытаюсь поскорее покинуть центр протеста, даже если мне пока ничего не угрожало. Кто знает, станут ли те, кто не слышит обращенных к ним слов, действовать также благоразумно. Постепенно людская масса редела и мне становилось легче идти. Когда я уже почти достиг края площади, меня вновь вызвали по рации.

— Святой, чтоб тебя, — раздраженно обратилась ко мне Василиса, — доложи обстановку.

— Потерял подозреваемого. Покинул центр протеста и выбрался на юго-запад площади, — немедленно отрапортовал я, оглядываясь по сторонам в поисках беглеца. — Нахожусь у пустой автомобильной парковки. Ну, как пустой, машину тут, конеч....

Мой отчет прервала очередная вспышка мягкого света из проулка невдалеке. Я резко

рванул с места, стараясь не задеть никого из протестующих, которые, по всей видимости, то ли не видели, то ли не обращали внимания на молодого мага.

— Беглец обнаружен, — бросил я несколько слов в рацию, оповещая товарищей о своем местоположении, — движется в переулок, параллельно улице Сити Холл Уэй. Преследую пешком.

— Ехидна приняла, выбираюсь из демонстрации. Две минуты, — сказала Вася, которая, вероятно, все еще была зажата где-то в толпе.

— Леший принял, — безэмоционально отреагировал командир, — я и Змей сейчас у мечети. Восемь минут.

— Ехидна, забери машину, — скомандовал я, несясь на крейсерской скорости.

— Так точно! — по-деловому ответила Вася.

Я никак не мог понять одного: этот переулок вел почти прямо ко входу на территорию базы Иностранного корпуса. Какого черта парня понесло туда, где даже в такое напряженное время дежурили если не сотни, то десятки рядовых и офицеров?

Ответа на мой вопрос не последовало. Забежав в переулок, я увидел спину молодого кенийского мага, который уже скрывался за следующим поворотом. Как мне вообще догонять мага воздуха, а?

Пытаясь ответить на свои внутренние противоречия, я не заметил стоявшего передо мной прохожего и совершил резкую остановку, путем впечатывания в спину ни в чем не повинного гражданина, после чего свалился на землю.

— Прощу про..., — начал было говорить я, вновь подскакивая на ноги, но затем увидел, в кого именно я ненароком врезался.

Передо мной стоял Кобэ, который со свойственным ему недовольным видом потирал правое плечо. Байкер находился рядом со своим мотоциклом, с которого, казалось, просто срезали все лишнее: заднее крыло было заметно укорочено, переднее вообще отсутствовало, как и багажник и кузов. Но любоваться транспортом Кобэ у меня не было времени.

— Именем Иностранного корпуса, — выпалил я, прыгая на узкое кожаное сиденье байка, — я реквизирую этот транспорт. Можете получить его назад на базе в течение недели. Ключи!

К моему удивлению, Кобэ молча полез во внутренний карман своей черной куртки и протянул мне небольшой металлический предмет с надписью «Кудара», видимо, бренда мотоцикла. Вот только лицо пожилого байкера изменилось до неузнаваемости.

Вместо привычных неприветливости и раздражения на нем проступает грусть и удивление: губы сжаты в тонкую линию, брови подняты вверх, заполонив широкий лоб новой волной тонких морщин, а на глазах проступили слезы. Мне стало совестно забирать у мотоциклиста его детище, но другого выбора сейчас просто не было.

— Прости, Кобэ, но он мне правда очень нужен, — быстро проговорил я, переводя взгляд с раздосадованного байкера на дорогу в конце переулка и заводя мотоцикл, — Верну в целости. Обещаю.

Вместо привычного хмыканья до меня донесся глубокий вздох. Но дальнейшей реакции со стороны Кобэ я дожидаться не стал и рванул в сторону родного шоссе, с которого начиналось почти каждое патрулирование или задание солдат Иностранного корпуса. Преступник должен сидеть в тюрьме. И я твердо намеревался поймать мага, явно неслучайно зашедшего на огонек в центре Найроби.

— Это Святой, преследуя подозреваемого по шоссе 104 на север, — доложил я о своем

местоположении отряду. Все же в одиночку мне мага не одолеть, даже молодого.

— Принято, — ответила Ехидна.

— Принял, — отреагировал командир.

Вырвавшись на оперативный простор, я повернул направо, сбавляя ход и пропуская мимо себя ржавый серый пикап. Вход на территорию корпуса выглядел нетронутым, часовые все так же дежурили и ожидали приказов. Значит, либо поворачивать нужно было налево, либо кениец уже успел оторваться, пока я разбирался с арендой транспортного средства. Третьего не дано.

Я перестроился в правый крайний ряд и направился к перекрестку, в центре которого располагался крошечный круглый скверик, а дорога вилась вокруг него кольцом. Пробок на дорогах не было, но других участников движения хватало, чтобы я не пялился по сторонам постоянно в поисках беглеца, а еще смотрел, куда вообще еду.

В один из таких моментов, когда выехал на кольцо и собирался разворачиваться, от дороги меня отвлекло синее сияние чистого разума с левой стороны, поэтому я резко сбросил скорость, перестроился в соседний ряд под гудки недовольных водителей и повернул налево, проехав вокруг скверика против часовой стрелки.

— Поворачиваю на запад, Кеньятта авеню, — вновь доложил я в рацию.

— Принято, — одновременно ответили Вася и Игнат.

Я наконец смог разглядеть беглеца метрах в ста от себя. Нет, дело вовсе не в идеальном зрении Святослава, а в том, что теперь неприметную худую фигуру в черном худи охватил едва заметный синий свет. Замечать его среди прохожих стало гораздо легче, но я не сомневался, что через несколько секунд он рванет вперед и вновь скроется из виду. Полезный навык.

Паренек расслабленно оперся на одно из деревьев перед небольшой каменной церковью, в тени которого стоял. Я все еще не мог разобрать его лица, но после того, как я начал шуриться от беспощадно бьющего в лицо ветра, посмотреть было уже не на что. Молодой чародей исчез, продолжив эту странную игру в кошки-мышки.

— Доиграешься ведь, парень, — процедил я, обгоняя темный седан и рассматривая окружающие меня дома и переулки. Но разглядеть фигуру человека сквозь поток движущихся автомобилей где-то в глубине многоэтажных больниц и офисных зданий или приземистых домов и магазинчиков мне никак не удавалось.

Пару минут я продолжал маневрировать, молясь всем известным мне богам, коих, к удивлению, накопилось немало. Однако через секунду, проносясь мимо второго госпиталя, мне в глаза резко ударила красно-синяя вспышка...

И я с трудом смог избежать столкновения с машиной скорой помощи, которая выскочила наперерез мотоциклу откуда-то из-за кустов с правой стороны дороги. Мне чудом удалось вывернуть руль влево и выскочить на встречную полосу. Где вместо скрывшейся из виду скорой меня чуть не отправил на больничную койку минивэн местной телекоммуникационной службы, окрашенный в яркий оранжевый цвет.

То ли моя реакция в очередной раз спасла мне жизнь, то ли большая серая тарелка, нелепо закрепленная на крыше фургона, смогла уловить сигнал таинственной третьей планеты, но железный конь разминулся с бампером оранжевого недоразумения в считанных миллиметрах. А затем я вылетел на тротуар.

— С дороги! — «Вашу бога душу мать», так и хотелось добавить мне к своему предупреждению.

Но я сдержал не только матерные крики, но и руль мотоцикла в руках, делая резкий поворот на вовремя подвернувшуюся по левую руку заправку, чтобы не врезаться в барьерное ограждение. Если не сбить кого-то из местных жителей мне, по странному стечению обстоятельств, помогла демонстрация, поскольку многие либо находились на центральной площади, либо предпочитали не покидать дома и автомобили без лишней необходимости, то с остановкой вышло некоторое затруднение.

У байка не было переднего тормоза, а значит быстро остановиться я попросту не смог. Это теоретически. А практически я успел изрядно замедлиться перед тем, как влетел в припаркованный у заправки седан, бестолково завершая экстренное торможение коротким полетом.

— При... — во время крайне короткой демонстрации действия гравитации по рации поступил сигнал, однако последующее падение на асфальт на добрую минуту выбило из меня и воздух, и возможность внятно воспринимать информацию на слух.

— Эй, друг, ты в порядке? — обратился ко мне пожилой джентльмен в кремовом костюме, вероятно, сидевший в том самом седане в момент столкновения.

— Да, все в норме! — Я вскочил на ноги, на ходу отряхивая пыль и бегом направляясь к лежащему невдалеке мотоциклу, — За возмещением убытков обратитесь в канцелярию Иностранного корпуса!

Погоня еще не окончена.

Когда я поднял с земли гордость Кобэ, до меня и старичка донеслись приглушенные хлопки со стороны площади. Сначала несколько одиночных, однако затем они все смелее перерастали в очереди.

— Святой, живо на площадь! — донесся дрогнувший голос Игната. — Переключаюсь на основной канал связи.

После этого я услышал три приглушенных щелчка и остался на частоте абсолютно один.

— Очереди... — тихо пробормотал я, все еще приходя в себя после падения, после чего заметил побледневшее лицо пожилого водителя. — Твою-то мать! Старый, живо в машину, и двигай в противоположном направлении. Понял?

Старик мне не ответил, лишь быстро кивнул и бросился в машину. Я же откатил мотоцикл на шаг назад, освобождая дорогу для седана. Нужно было срочно возвращаться. Леший и Змей подъедут с севера, Вася должна быть совсем недалеко, значит я могу догна...

Размышления прервал силуэт в черной одежде, появившийся в моем поле зрения: в нескольких десятках метров от меня вспышка знакомого света озарила тротуар и дорожное ограждение на долю секунды, после чего силуэт вновь исчез. Учитывая направление, в котором он появился, это явно было приглашение продолжить погоню. Черт.

Если на площади начался хаос, то я не вижу иного выхода, кроме как попытаться поймать хотя бы одного человека, который имеет больше информации о происходящих событиях, чем я. Иностраннный корпус должен справиться без лишнего аспирана.

— Преследую беглеца по Вэлли роуд, — переключился я на общий канал связи, на котором теперь царил гробовая тишина.

Я выехал с парковки у заправки и направил мотоцикл по дороге на юго-запад, все дальше отдаваясь от площади, с которой продолжали доноситься одинокие приглушенные хлопки. Но чем южнее забирала полоска асфальта, тем тише становились выстрелы, и тем чаще билось сердце.

Единственной мыслью, отвлекающей меня от происходящей невдалеке катастрофы, был

поиск чародея среди резко опустевших улиц Найроби, среди которых продолжали курсировать автомобили, спешащие доставить своих водителей подальше от опасности.

Перед поворотом я сбросил скорость, продолжая рассматривать окрестности, и в очередной раз заметил молодого чародея. На этот раз он скрылся среди нескольких одноэтажных жилых домов и даже не использовал магию. Просто-напросто сделал несколько шагов, спрятавшись в переулках. Меняем маршрут.

Пока мотоцикл ворочался в узких проулках, я пытался понять, куда вообще ведет эта погоня. Южнее находились аэропорт и районы Санвью и Найроби вест эстейт. Западнее также тянулась однотипная пригородная зона... что там вообще между ними находится?

Закончить мысль не успел, поскольку вдалеке вновь на секунду возник беглец, который затем побежал в сторону поля для гольфа, расположенного за узкими улочками и домами с красной черепицей. Он привычно растворился в воздухе на въезде на зеленый газон, рваным полотном раскинувшийся среди холмов и деревьев, приглашая меня последовать за собой. Приглашение принято.

Поле представляло собой скорее большой парк, в котором среди ям, рытвин и десятков деревьев местные любители аристократичного спорта практиковали свои навыки игры в гольф. Охраны не наблюдалось, что неудивительно. Вряд ли у благородной игры много почитателей. Или, возможно, у местного караула перерыв.

Не задавая лишних вопросов, я направил мотоцикл на юг, по тропинке, которая виляла среди деревьев. Несколько минут напряженно вглядывался в окружение, пока вновь не заметил паренька в стороне, у съезда в очередную яму. Он стоял ко мне спиной и даже не думал шевелиться. Замечательно. Стрелять будет проще.

Я повернул руль и быстрым движением расстегнул кобуру на поясе. Даже если этот шельмец пользуется магией воздуха, самодовольство еще никого до добра не доводило. В этот раз я остановился метрах в пятидесяти от беглеца и просто-напросто выхватил пистолет в надежде зацепить молодого паренька и сделать игру в догонялки хотя бы чуть-чуть более честной.

Но пули прошили пустоту, а остатки синего света в воздухе вели меня дальше на юг, в яму, у которой находился чародей. Я убрал пистолет и продолжил преследование. Мы не можем бегать вечно. Значит, конец есть и у этого дерь...

— Мда! — выпалил я, стараясь удержать контроль над байком.

Я с трудом успел нажать на тормоза перед ямой, в которой скрылся кенийский маг. Потому что это была не яма. А пруд. Который я не смог разглядеть в пылу погони. Поэтому в тщетной попытке остановить движущиеся килограммы железа, я повернул руль в сторону и каким-то чудом умудрился затормозить. Но второй раз за десять минут свалился с железного коня. Только на этот раз в воду.

Пруд оказался неглубоким. Мне по щиколотку у самого берега. Поэтому я быстро вскочил на ноги, не успев даже толком измочиться. Маг в темном худи, стоявший на другом берегу водоема, впервые за все время наших кошек-мышек показал хоть какие-то эмоции.

Он повернулся ко мне лицом и издевательски помахал рукой, вновь приглашая проследовать за собой, на юг. Его лицо скрывала балаклава. Даже здесь никаких зацепок. Мне не оставалось ничего, кроме как поднять мотоцикл с земли, объехать злосчастный пруд и двинуться вслед за беглецом.

Это уже начинает действовать мне на нервы. Меня словно успели представить всем возможным стихиям: сначала я немного полетал, затем силы гравитации вернули меня на

землю, а в конечном итоге вода забрала свое. Что, дальше нужно будет одеться в белую рубаху и прыгать через костер?

Почти покинув пределы поля для гольфа, меня вдруг осенила очевидная мысль. Кибера. Мы направлялись в сторону Киберы. Сами трущобы представляли собой не только криминогенную зону, но и более-менее безопасный район, который в меру сил контролировала полиция. Покинув поле для благородного спорта, я оказался именно среди улиц умеренно безопасной Киберы.

— Въезжаю в Киберу с северо-востока, продолжаю преследование, — отчитался я в тишину общего канала.

Скорее всего, все приказы уже успели поступить, и отряды занимались их выполнением. По узким улочкам среди потрепанных халуп из листового железа и палок ходили люди, двигаясь между самодельными палатками с тряпьем или бутылками грязной воды. Суматоха на площади не могла достигнуть этого района. Но от этого он не становился ни на йоту спокойнее.

Я проехал по главной дороге, протянувшейся вдоль оврага, наполненного мусором и отходами жизнедеятельности, разгоняя местную детвору громким рычанием двигателя. Нет, нужно будет определенно проставиться Кобэ. Даже если клоун в капюшоне будет бегать до скончания веков.

Словно почувствовав мои мысли, чародей несколько раз показывался на узкой главной улице или среди грязных переулков, но держался на расстоянии. До тех пор, пока людей не стало становиться все меньше и меньше, а несмелые детские улыбки от вида черного байка не сменились озлобленными или испуганными лицами.

— Приехали, — выдохнул я, когда беглец скрылся в трехэтажном каменном здании.

В центре Найроби подобный дом приняли бы за недостроенный, но здесь это местное архитектурное решение, легко вписывающееся в окружающую обстановку. Даже школа напротив выглядит вполне органично. Вот только смущает, что учеников вокруг я не наблюдаю. Да и напряженная тишина не дает расслабиться. Радует только то, что маг заскочил в здание через пустой провал окна на первом этаже, а не через дверь. Значит, тут он такой же гость, как и я.

— Вхожу в трехэтажное каменное здание на севере Киберы, — отрапортовал я в канал связи, не сильно рассчитывая на подкрепление, и стараясь рассмотреть детали вокруг серого трехэтажного недоразумения, — напротив школы святого Николая.

Я достал пистолет из кобуры и аккуратно влез в потрескавшееся разваливающееся достижение эпохи постмодернизма. Где-то наверху раздались шаги, и я медленно направился к лестнице, не забывая постоянно находиться спиной к укрытиям и держать под контролем голые комнаты, заваленные строительным мусором и отходами.

Лучше не играть в героя и двигаться максимально аккуратно. Магия не шутки, и если бы молодой чародей хотел меня прикончить, то уже успел бы с десятков раз порезать каким-нибудь заклинанием. Но это не значит, что мой триумфальный заезд по Кибере в форме Иностранного корпуса остался незамеченным.

В чем я и убедился, едва поднялся по лестнице на второй этаж. Поскольку встретили меня отнюдь не хлебом-солью, а порохом-пулями. Я не успел разглядеть стрелявшего и рефлекторно нажал на курок, делая несколько выстрелов в ответ. Что-то больно ударило меня в живот и плечо, но через несколько секунд я остался единственным живым существом на этом лестничном пролете. Пока живым.

— Чтоб тебя, — тихо процедил я сквозь зубы, ощупывая бронежилет.

Не хватало ещё не заметить ранения под адреналином и свалиться замертво от потери крови где-нибудь на третьем этаже. Но, кажется, мне повезло, и бронежилет выдержал попадания.

Нападавшим оказался пожилой кениец, одетый в цвета одной из местных банд. Рядом с ним лежало нечто, напоминавшее то ли пистолет, то ли рогалик из булочной. Не хочется думать, в могиле какой глубины я бы лежал, окажись у него в руках не это недоразумение, а револьвер или обрез.

Кроме того, в комнате на этаже выше стояли небольшой складной стул и потрепанный деревянный ящик, за которым бывший часовой банды нещадно хлестал некую субстанцию коричневого цвета из грязной пластиковой бутылки.

Алкоголь и дрянное оружие. Два всадника смерти. Но мне некогда о ней размышлять. Выстрелы однозначно привлекут сюда тех, на кого работает старик, а значит двигаться нужно быстро.

Я ускорился и проверял комнаты на этажах одну за другой, но продолжал быть настороже, напряженно вслушиваясь в окружающую меня тишину. Чисто. Чисто. Снова чисто. Я поднялся на последний этаж и быстрыми плавными шагами вышел в коридор...

И увидел знакомого паренька. В темном худи, джинсах и балаклаве. Я вскинул пистолет, но противник никак не отреагировал на угрозу. Ну да, ну да, мы же не маги.

— Стой смирно и не дергайся! — скомандовал я, не спуская глаз с опущенных рук чародея.

Как говорил один великий боксер, его лицо не может меня ударить. Поэтому всегда важно следить за тем, откуда исходит опасность. В случае с магами, чаще всего они используют для заклинаний именно руки.

Готов поклясться, что чертов пацан улыбался под балаклавой, и начал медленно поднимать вверх правую руку.

— Кому сказал, не дергайся, усатый! — громко рявкнул я, прекрасно понимая, какая роль отведена в этой игре мне.

Но парень молча продолжил движение. Стрелять? Не стрелять? Его вообще убьют пистолетные пули или он опять растворится в воздухе?

Не обращая внимания на мои терзания, беглец нарочито медленно помахал мне ладонью. А затем здание содрогнулось, и я в третий раз за сегодняшний день отправился в свободное падение.

Больше книг на сайте - Knigoed.net